

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования

«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н.Ельцина»

Уральский гуманитарный институт

Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

На правах рукописи

Малькова Яна Владимировна

**Русская диалектная лексика со значением неприятия, отторжения:
семантико-мотивационная реконструкция**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор, член-корреспондент РАН
Березович Елена Львовна

Екатеринбург
2022

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Семантико-мотивационное своеобразие русской диалектной лексики со значением отвращения	24
& 1. Прототипическая ситуация отвращения и ее языковое воплощение	24
& 2. Мотивационный анализ лексики со значением отвращения	31
2. 1. ТМГ «Соматика и перцепция»	31
2. 2. ТМГ «Эмоциональный, психический мир человека; поведение»	44
2. 3. ТМГ «Общая оценка».....	62
2. 4. ТМГ «Физические положения и перемещения».....	67
2. 5. ТМГ «Материальная и духовная культура».....	71
2. 6. ТМГ «Общие свойства тел и веществ».....	80
2. 7. ТМГ «Животный мир»	82
2. 8. ТМГ «Природные явления и объекты».....	85
2. 9. К вопросу о темной и заимствованной лексике со значением отвращения.....	89
& 3. Выводы	105
Глава 2. Семантико-мотивационное своеобразие русской диалектной лексики со значением неприязни	113
& 1. Прототипическая ситуация неприязни и ее языковое воплощение	113
& 2. Мотивационный анализ лексики со значением неприязни	119
2. 1. ТМГ «Соматика и перцепция»	119
2. 2. ТМГ «Эмоциональный, психический мир человека; поведение»	126
2. 3. ТМГ «Социальная жизнь».....	135
2. 4. ТМГ «Общая оценка».....	138
2. 5. ТМГ «Физические положения и перемещения».....	139
2. 6. ТМГ «Материальная и духовная культура».....	141

2. 7. ТМГ «Общие свойства тел и веществ».....	143
2. 8. ТМГ «Животный мир»	143
2. 9. ТМГ «Природные явления и объекты».....	146
2. 10. К вопросу о темной и заимствованной лексике со значением неприязни	147
& 3. Выводы	147
Глава 3. Семантико-мотивационное своеобразие русской диалектной лексики со значением вражды.....	154
& 1. Прототипическая ситуация вражды и ее языковое воплощение	154
& 2. Мотивационный анализ лексики со значением вражды.....	161
2. 1. ТМГ «Соматика и перцепция»	161
2. 2. ТМГ «Эмоциональный, психический мир человека; поведение»	162
2. 3. ТМГ «Социальная жизнь».....	165
2. 4. ТМГ «Общая оценка».....	169
2. 5. ТМГ «Физические положения и перемещения».....	170
2. 6. ТМГ «Материальная и духовная культура».....	173
2. 7. ТМГ «Общие свойства тел и веществ».....	175
2. 8. ТМГ «Животный мир»	176
2. 9. ТМГ «Природные явления и объекты».....	177
2. 10. К вопросу о темной и заимствованной лексике со значением вражды	177
& 3. Выводы	179
Заключение	184
Список литературы	191

Введение

Диссертация посвящена исследованию русской диалектной лексики, которая описывает ситуацию возникновения неприятия, отторжения. Исследуемый фрагмент языковой системы интересен тем, что работа с ним позволяет реконструировать народные представления о личных свойствах человека – члена традиционного крестьянского социума, его эмоциональном мире, особенностях взаимодействия с другими людьми, о социокультурных правилах и нормах сообщества, которые могут определять возникновение тех или иных негативных реакций, с одной стороны, и регулировать их – с другой.

В данной работе рассматривается довольно широкая группа диалектной лексики, служащей для отражения представлений о ситуации возникновения и проявления негативного отношения к кому-чему-л. Выбор в качестве метаобозначения изучаемой лексики слова *неприятие* обусловлено его широкой семантикой, включающей в себя целый комплекс отрицательных оценок. Так *неприятие* определяется в ССРЛЯ как ‘нежелание принять, признать что-нибудь (мнение, воззрение, принципы и т. д.)’ [ССРЛЯ 7: 1108]. Несмотря на то что словарь дает скорее «ментальное» (нежели эмоциональное) понимание *неприятия*, обращает внимание на себя все же присутствие в семном составе этого слова эмоционально-чувственного компонента, маркирующего негативные эмоции разного рода, ср. *Если мать при всём неприятии Лены всё же с нею смирилась, научилась чего-то не замечать, что-то прощать, то Лора с годами твердеет в неприязни – из-за матери* <Юрий Трифонов. Обмен (1969)>; *Дикой и Кабаниха, Хрептюгин и Коробочка, Лопахин и Гордеев – даже фамилии, выбираемые Островским, Салтыковым-Щедриным, Гоголем, Чеховым и Горьким для своих героев, показывают уже степень неприятия этих людей авторами* <Марина Улыбышева, Сергей Шарапов. Православие и предпринимательство // «Эксперт», 2013>; *Но неприятие «висело в воздухе» и угадывалось в нравоучительных поговорках старого Филимона: «Дом вести, не крылом мести», «Как заживёшь, так и заслывёшь...»* <А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012)> [НКРЯ]. «Неприятие» является метатермином для большого числа лексических единиц со значением негативного отношения (агрессия, враждебность, высокомерие, зависть, злость, недовольство, ненависть, неприязнь, отвращение, презрение, разочарование и т. д.). Значит ли это, что мы будем изучать столь широкую лексическую область?

Второе слово, выбранное в качестве метатермина, а именно *отторжение* (ср. *отторгнуть* ‘не принять, отвергнуть’ [ТСлРЯ 2007: 600]), подчеркивает нежелание контактировать с объектом отвращения, неприязни или враждебного отношения, и это сужает уже приведенный список типов негативного отношения. В то же время *отторжение*, равно как и *неприятие*, со-

четает в себе «ментальный» и эмоциональный компоненты, ср. некоторые контексты: *Складывается впечатление, что неверующий для верующего – классическая фигура Другого, вызывающая одновременно отторжение и жгучий интерес* <Н. Л. Холмогорова. «Че там у атеистов?» (28.09.2015) // Православие и мир (pravmir.ru), 2015>; *В России успех вызывает зависть, а порой даже агрессию и отторжение* <Мечта позволяет людям верить в свою страну (2004) // «Управление персоналом», 15.11.2004> [НКРЯ]. Кроме того, отметим, что лексема *отторжение* совмещает семантику отношения и семантику определенного действия, вызванного негативным отношением к тому или иному объекту.

Список более узких понятий, конкретизирующих «неприятие», «отторжение», велик – и его невозможно охватить в одной работе. Для анализа нами были **выбраны лексические множества «Отвращение», «Неприязнь» и «Вражда»**. Коротко охарактеризуем во введении их состав (более подробно см. в § 1 каждой главы диссертации).

Для русского литературного языка релевантно следующее определение заглавного слова первого из избранных для анализа лексических множеств – *отвращение* ‘сильное чувство неприязни, соединенной с брезгливостью; гадливость, омерзение’ [ССРЛЯ 8: 1300]. Анализ дефиниций в словарях литературного языка, а также обращение к словарям синонимов позволяет выделить ряд металексем, входящих (предположительно) в дефиниции слов, которые в пространстве русского языка маркируют ситуацию, когда человек испытывает отвращение к чему-л. и проявляет свою эмоцию. Перечень металексем помогает осуществить поиск диалектных наименований названных смыслов: *брезговать, омерзение, гадливость, отвратительно, противно, мерзко, неприятно, брезгливый, гадливый, мерзость, гадость, отвратительный, противный, гадкий, мерзкий, неприятный*.

Неприязнь в словарях литературного языка определяют как ‘нерасположение, недружелюбное, враждебное отношение к кому-, чему-л.’ [ССРЛЯ 7: 1106]. Ситуацию, в которой человек испытывает неприязнь к кому-л. и проявляет свое отношение, воплощают такие лексемы, как *неприязненность, недружелюбие, недоброжелательство, недоброжелательность, нерасположение, антипатия, неблагожелательность, нелюбовь, невзлюбить, недолюбливать, недоброжелатель, недоброжелательница, недоброжелательный, недружелюбный, неблагожелательный, недружный, постылый, нелюбимый, неприязненно, недоброжелательно, недружелюбно, неблагожелательно, недружно*.

Вражда определяется как ‘отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью; недоброжелательство’ [ССРЛЯ 2: 786]. С языковым воплощением ситуации вражды связаны следующие слова: *враждовать, соперничество, соперничать, враг, противник, недруг, неприятель, соперник, соперница, враждебный, враждебно*.

Охарактеризуем причины, по которым среди всей лексики неприятия, отторжения мы обращаемся именно к идеям отвращения, неприязни и вражды. Как кажется, названные лексические множества объединяют слова, которые отражают понятия, особо значимые для народного сознания. Так, все выбранные группы лексики имеют большую наполненность (в отличие, скажем, от поля «Негодование»). Оценка при этом имеет четкую направленность на объект (если сравнить, например, со *злостью* или с *высокомерием*, которые в большей степени конденсируются внутри носителя эмоции).

Выбирая эти смысловые области, мы заранее могли прогнозировать, что каждая из них обладает определенной спецификой, отличающей ее от других. Так, *отвращение* можно противопоставить *неприязни*, *вражде*, поскольку оно теснее сопряжено с физиологическим состоянием человека, имеет не меньшую ориентацию на тело, нежели на психику. При этом отвращение обычно является непосредственно (и даже мгновенно) возникающей реакцией на тот или иной раздражитель. *Неприязнь* также может быть инстинктивной, мгновенной эмоцией (хотя может и формироваться со временем), однако здесь в большей степени – по сравнению с *отвращением* – ощущается «ментальный» компонент. *Вражда* же принципиально отличается тем, что представляет собой тип отношений между людьми и сопровождающий его набор действий. *Вражда* наиболее рациональна, она развивается в течение какого-то временного промежутка, а также отличается параметром интерактивности, обоюдностью существующего негативного отношения.

Лексические множества будут подаваться в главах диссертации в соответствии с логикой градации. Сначала будут рассмотрены слова, называющие наименее интенсивное, возникающее зачастую лишь ситуативно чувство отвращения. Далее мы обратимся к номинациям неприязни как эмоции, преимущественно обуславливающей возникновение определенного типа негативных отношений между людьми. Последним же будет представлено лексическое множество «Вражда», поскольку именно враждебные отношения наиболее заострены, напряжены.

Несмотря на то что в центре наших размышлений находится языковое воплощение эмоционального мира человека, избранная для анализа лексика по-разному соотносится с собственно семантической областью эмоций в языке. Если речь идет, к примеру, об обозначениях неприязненного отношения к кому-либо, то изучаемые слова и фразеологизмы относятся непосредственно к ядру лексического фонда эмоций, ср. арх. *не зажалётъ* ‘начать испытывать к кому-н. неприязнь’: *Вáся жб́нку б́йб́т, в́нб́ п́йб́т, онá гб́ворíbт: я́ пб́тб́м йб́гб́ не заб́жэлéла* [АОС 16: 374]. Когда обозначаются те или иные действия, сопровождающие определенный тип эмоционального отношения, то в таком случае лексика неприятия смыкается с лексикой, обозначающей поведение, ср. твер. *колб́т́тьсá* ‘ссориться с кем-н., враждовать’: *Сéйчáс лб́дб́и пб́шлб́ тáкб́е – колб́тýтсá кáк чéртб́и, грýзб́т дрб́г дрб́гá* [Селигер 3: 82–83]. Когда же те или

иные действия и (вместе с ними) эмоциональные реакции становятся постоянными, то речь уже начинает идти о характере человека, а это значит, что в нашем исследовании появляется соответствующая лексика, ср. смол. *брезготун* 'брезгливый человек': *Плимянник мой брезгатун: ни сядить пайись с нами и ни спау в адной избе* [ССГ 1: 248].

Существует несколько подходов к рассмотрению эмоционального мира человека. Некоторые ученые придерживаются универалистского подхода, согласно которому эмоции представляются вневременными, не способными к изменениям, обусловленными физиологией человека. Однако есть исследователи, которые придерживаются иной точки зрения. Особенности возникновения и выражения тех или иных эмоций в известной мере объясняются историческими, социальными факторами, особенностями культуры, к которой принадлежит чувствующий субъект (см. об этом противопоставлении подходов, например, в [Плампер 2018: 5–17; Крейдлин 2002: 165–173]). Кроме того, исследователи часто указывали на культурную специфику отношения членов того или иного общества к различным эмоциям [см.: Апресян В. Ю. 2010; Красавский 2008; Вежбицкая 1996; и др.]. Как отмечает В. Ю. Апресян, «даже сторонники универалистского подхода к эмоциям признают тот факт, что разным культурам свойственно разное отношение к эмоциям» [Апресян В. Ю. 2010: 26].

Отсюда следует, что наше внимание будет сосредоточено на выявлении специфичного в осмыслении отвращения, неприязни, вражды в лексической системе русских говоров (а значит, в применении к традиционной крестьянской культуре). Такой подход обусловлен тем, что в настоящем труде исследуется не только лексика, называющая собственно эмоции, но вся совокупность слов, которая описывает ситуацию возникновения и проявления негативного отношения. В той или иной традиции может существовать определенная специфика в отношении к эмоциям и их выражению: какие эмоции считаются приемлемыми, а какие – нет; как допустимо выразить свое эмоциональное отношение, а какое поведение будет осуждаться, etc; в разных культурах одну и ту же эмоцию могут вызывать (или не вызывать) разные объекты действительности.

Следует специально сказать об ограничениях при сборе материала, обозначив те группы лексики, которые также связаны с языковым воплощением ситуации неприятия, отторжения, но при этом не попадают в область исследования.

В данной работе не рассматриваются классы слов, исключительно выражающие неприятие, отторжение, но не называющие их. Такой подход объясняется исследовательским вниманием к взгляду человека, народа на эмоцию «извне», не с позиции чувствующего субъекта, а с позиции человека, наблюдающего возникновение эмоции у другого. Данный принцип требует обращения к номинациям, которые логически выделяют какое-либо понятие, связанное с эмоцией, но не непосредственно выражают саму эмоцию (или лишь опосредованно выражают).

Какие же группы слов не рассматриваются в работе?

Мы сознаем большую роль при манифестации семантики неприятия такого класса слов, как междометия, с помощью которых человек выражает свое состояние. При сборе материала обнаружены диалектные языковые единицы с соответствующим значением: смол. *ев* ‘употребляется при выражении отвращения: фу!’ [СРНГ 8: 311], пск., юго-вост. *тю* ‘употребляется для выражения досады, отвращения, фу, тьфу’ [СРНГ 46: 14] и т. п. Однако междометия в системе эмотивной лексики занимают особое место, а именно между денотативно-эмотивной и коннотативно-эмотивной лексикой [Бабенко 1989: 70]. Ввиду специфической природы этого класса слов, требующей особого рассмотрения, мы включим их анализ в перспективы исследования.

Еще одна особенная группа лексики – это эмоциональные адресативы, такие как перм. *гадьюга* бран. ‘скверный, мерзкий человек’ [СРНГ 6: 92], сев.-двин. *околелый* бран. ‘отвратительный’ [СРНГ 23: 136–137], ряз. *скверный черт* ‘бранное выражение, выражающее неприязненное отношение’: *Скверный черт, что глядишь? Иди отседа, скверный черт!* [СРНГ 37: 404] и т. п. Поскольку данные языковые факты выступают в качестве коммуникативных единиц, а главной их функцией является выражение чувств говорящего и воздействие на собеседника, то можно также констатировать их специфическую природу, требующую отдельного рассмотрения.

Необходимо отметить, что существует и объективная сложность выделения лексики с определенными коннотативно-эмотивными смыслами и особенностями их представления в диалектной лексикографической литературе. На настоящем этапе развития лексикографии эмоционально-оценочные пометы в словарях приводятся нерегулярно, зачастую неточно (см. об этом, например, [Леонтьева 2011а: 61–62]), существуют также сложности представления культурных коннотаций (см., например, [Журавлев 1995]).

Кроме того, в лексике неприятия отдельно можно выделить формулы проклятий, ср. смол. *пранец (пранцы) тебя заточи (ешь)* бранно ‘выражение неприязни по отношению к кому-л.’: *А пранец те ешь, мне с тобой неколи зюкать* [СРНГ 31: 67], арх. *прострелило бы тебя* ‘выражение неприязни по отношению к кому-л.’: *Прострелило бы тебя леший ты экой* [СРНГ 32: 253], омск. *халипа тебя (его и т. п.) задави!* бранно ‘выражение негодования или неприязни по отношению к кому-л.’: *Халипа наподобие болезни. Скот ране вымирал. Так и чичас ругаются: Халипа тебя! Халипа тебя задави, окаянный бес!* [СРНГ 49: 259]. Как отмечают Е. Л. Березович и О. Д. Сурикова, «если изначально проклятия несли магическую функцию, то затем стали употребляться, кроме магической, и в функции “эмоциональной разрядки”. Однако в народном восприятии эти речевые акты могут иметь одинаковые последствия» [Березович, Сурикова 2018: 90]. Проклятия характеризуются прагматической спецификой, которая диктует их отличие от основного массива лексико-фразеологического материала, рассматриваемого в работе

(см. об этом: [Березович, Сурикова 2017а, 2017б, 2017в, 2017г, 2018; Виноградова 2008: 397–411 и др.]).

Наконец, следует сказать еще об одной особенности исследуемых смыслов. Думается, что все реконструируемые группы лексики тесно связаны с законами *н е г а ц и и*. Такое положение дел диктует определенные особенности. Данная тема требует отдельного рассмотрения, однако, не претендуя на исчерпывающую полноту освещения вопроса, выскажем несколько предварительных замечаний.

Обратим внимание на то, что в языке вообще существует асимметрия в выражении хорошего – плохого, при этом негативный полюс отличается значительной проработкой и употребительностью понятий, ср. выводы исследователей, работавших, как и мы, на материале русской диалектной лексики, характеризующей человека [Едалина 2016; Еремина 2003; Кучко 2017 и др.]. Точно так же происходит и в нашем случае: например, в паре *неприятие* – *приятие* гораздо «сильнее» в плане лексической репрезентации оказывается именно первый компонент. При рассмотрении такого рода смыслов происходит движение от антиценности к ценности, от антинормы к норме.

Важным представляется вывод исследователей о том, что группы лексики, выстроенные по законам негации, могут обладать большой этнолингвистической и лингвоаксиологической значимостью. Так, О. Д. Сурикова, изучая слова с приставкой *без-*, отмечает, что «последовательное присоединение префикса *без-* к словам, содержащим определенные корни, указывает на ценностную значимость явлений и объектов, которые этими словами названы, – и/или на аксиологическую выделенность сфер действительности, к которым они относятся» [Сурикова 2016: 28]¹. Так, в «поле зрения» *без-*префиксации оказываются некоторые этические и религиозные категории: «корни с соответствующими значениями способны сочетаться с префиксом *без-* и называть отклонения от общепринятой нормы поведения» [Там же: 37]; рассматриваются слова с корнями *студ-/стуж-/стыд-/стыж-* ‘стыд’, *закон-* и др. [Там же]. Подобные размышления можно применить и к нашей группе слов: изучение «отрицательного» полюса позволяет выйти к реконструкции ценности в традиционном понимании, социальной нормы.

Отметим также, что лексемы, представляющие положительный и отрицательный полюсы, могут иметь значительные семантические расхождения, свидетельствующие об асимметрии полярных смыслов: например, *приятель* ‘человек, с которым кто-либо состоит в дружеских, коротких отношениях; близкий знакомый’ [ССРЛЯ 11: 900] и *неприятель* ‘войска воюющей противной стороны; противник’, ‘человек, неприязненно, враждебно относящийся к кому-, чему-

¹ Как указывает О. Д. Сурикова, эта проблематика во многом подсказана важной работой А. Ф. Журавлева, которая посвящена ценностной значимости *без-*префиксации на примере исследования праславянских образований [Журавлев 1999].

нибудь' [ССРЛЯ 7: 1107]. Этот аспект также обращает на себя внимание и требует отдельного изучения.

Объектом исследования, таким образом, в настоящем диссертационном сочинении послужат русские диалектные лексемы и фразеологизмы со значением отвращения, неприязни, вражды.

Предметом анализа станут реконструируемые семантико-мотивационные связи рассматриваемых единиц и заключенная в них информация этнолингвистического характера.

Цель исследования – осуществить семантико-мотивационную и этимологическую реконструкцию лексических единиц со значением отвращения, неприязни, вражды в русской диалектной лексике, на основании чего охарактеризовать соответствующий фрагмент традиционной языковой картины мира.

Для достижения цели поставим следующие **задачи**:

1) сформулировав критерии, определяющие принадлежность лексических единиц к выбранным для анализа лексическим множествам, осуществить сбор русской диалектной лексики и фразеологии со значением отвращения, неприязни, вражды (по опубликованным диалектным словарям русского языка и неопубликованным полевым картотекам);

2) на основании семантического анализа собранного материала определить компоненты прототипической ситуации отвращения, неприязни, вражды и охарактеризовать особенности воплощения их в лексическом материале;

3) классифицировать собранные лексические единицы по тематико-мотивационным группам в рамках каждого лексического множества;

4) дать семантико-мотивационный комментарий к анализируемым словам и фразеологизмам, при необходимости привлекая этимологические справки;

5) осуществить семантико-мотивационную и этимологическую реконструкцию «темных» языковых фактов;

6) произвести этнолингвистическую интерпретацию изучаемого материала, направленную на реконструкцию соответствующего фрагмента языковой картины мира.

Материалом для настоящего исследования послужила русская диалектная лексика и фразеология. В некоторых случаях привлекались факты литературного языка, а также единицы просторечия, когда это требовалось для прояснения мотивационных отношений или проведения параллелей между лексикой разных форм существования языка.

Источниками лексического материала выступили десятки диалектных словарей русского языка. Базовый источник при этом – «Словарь русских народных говоров» [СРНГ], где был произведен фронтальный поиск материала. При выборе других словарей, которые могли бы послужить источниками материала, мы решили уделить особое внимание сбору севернорус-

ской лексики и фразеологии, которая стала в нашей работе наиболее масштабным массивом материала. Значимость исследования лексики Русского Севера обосновывалась разными исследователями; из последних работ на эту тему следует назвать обзор Е. Л. Березович и С. М. Толстой [Березович, Толстая 2021]. Во-первых, данная территория сохраняет общеславянскую и восточнославянскую архаику. Во-вторых, именно севернорусская лексика (по сравнению с южнорусской) наиболее объемно представлена в лексикографической литературе. Такое положение дел обусловлено, с одной стороны, вниманием исследователей к этой зоне, с другой стороны, сохранностью и разнообразием диалекта на данной территории ввиду ее маргинального положения, слабости миграций населения, значительной удаленности населенных пунктов друг от друга [Там же: 21–23]. На основании данных положений для нашего исследования были системно привлечены, помимо сводного «Словаря русских народных говоров», словари, фиксирующие говоры Русского Севера («Словарь вологодских говоров» [СВГ], «Архангельский областной словарь» [АОС], «Словарь говоров Русского Севера» [СГРС] и др.); использовалась также лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ, в работе которой принимал участие автор диссертации. Надо отметить, что особое внимание к севернорусским говорам в диссертации объясняется и тем, что именно на этой территории (Архангельская, Мурманская, Вологодская, Костромская области) разворачивались полевые исследования ТЭ последних лет, а значит, у нас была возможность направленного сбора материала и его проверки.

Кроме того, использовались такие значимые диалектные словари, как «Новгородский областной словарь» [НОС], «Областной словарь вятских говоров» [ОСВГ], «Псковский областной словарь» [ПОС], «Словарь брянских говоров» [СБГ], «Словарь орловских говоров» [СОГ], «Словарь пермских говоров» [СПГ], «Словарь русских говоров Алтая» [СРГА], «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия» [СРГМ], «Словарь русских говоров Сибири» [СРГС], «Словарь русских говоров Среднего Урала» [СРГСУ], «Словарь смоленских говоров» [ССГ], «Ярославский областному словарю» [ЯОС], «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [Даль] и т. д.

Сведения этимологического характера извлекались преимущественно из «Этимологического словаря славянских языков» под ред. О. Н. Трубачева (позднее А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот) [ЭССЯ], «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера [Фасмер], «Русского этимологического словаря» А. Е. Аникина [Аникин РЭС], а также из написанных Л. В. Куркиной и Л. П. Крысиным этимологических статей в «Толковом словаре русского языка с включением сведений происхождения слов» под ред. Н. Ю. Шведовой [ТСлРЯ 2007]. Использовались и другие этимологические словари русского и славянских языков.

Источником информации этнолингвистического характера, необходимой для интерпретации некоторых языковых фактов, являлся в первую очередь словарь «Славянские древности» под ред. Н. И. Толстого и С. М. Толстой; привлекались и другие труды по этнографии и фольклору.

Настоящая работа выполнена на пересечении таких областей языкознания, как **этимология (семантическая реконструкция) и этнолингвистика**. В современной этимологии для нас наиболее значимы труды тех исследователей, которые особо выделяют роль семантического анализа при этимологизации слов и работают, в числе прочего, на диалектном материале, – А. Е. Аникина, Н. П. Антропова, М. Белетич, Е. Л. Березович, Ж. Ж. Варбот, Н. В. Галиновой, Л. П. Дроновой, А. В. Дыбо, А. Ф. Журавлева, А. Ломы, Л. Кралика, Л. В. Куркиной, А. К. Матвеева, В. А. Меркуловой, О. В. Мищенко, И. И. Муллонен, С. А. Мызникова, В. В. Напольских, И. П. Петлевой, С. М. Толстой, В. Н. Топорова, Л. А. Феокистовой, Л. И. Шелеповой, М. Якубович, И. Янышковой и др.

Среди представителей этнолингвистики, занимающейся изучением связи языка и духовной культуры народа, языка и народной картины мира, можно назвать таких ученых, как Т. А. Агапкина, Е. Бартминьский, О. В. Белова, Е. Л. Березович, Т. Н. Бунчук, Т. И. Вендина, А. В. Гура, Г. И. Кабакова, Н. И. Коновалова, Т. В. Леонтьева, А. Б. Мороз, И. А. Морозов, С. Небжеговска-Бартминьска, И. А. Подюков, А. А. Плотникова, И. И. Русинова, И. А. Седакова, М. Э. Рут, С. М. Толстая, Н. И. Толстой, В. Хлебда, А. В. Юдин и др. В современной отечественной этнолингвистике весьма заметную роль играют исследования представителей Уральской школы этимологии, ономастики и этнолингвистики – а именно, О. В. Атрошенко, Е. Л. Березович, Е. Д. Бондаренко, Е. О. Борисовой, Ю. Б. Воронцовой, А. А. Едалиной, М. А. Ереминой, Ю. А. Кривошаповой, В. С. Кучко, А. А. Макаровой, Т. В. Леонтьевой, К. В. Осиповой (Пьянковой), М. Э. Рут, Н. А. Синицы, О. Д. Суриковой, А. В. Тихомировой, Л. А. Феокистовой, Е. В. Шабалиной и др. В трудах названных исследователей анализируются обширные массивы диалектного ономастического и апеллятивного материала, значительная часть которого собрана в полевых условиях, в ходе работы Топонимической экспедиции УрФУ. В рамках этой школы написано и настоящее диссертационное исследование. Автор работы участвовал в 5 полевых выездах.

В последние годы этимология и этнолингвистика все чаще «работают» совместно, ср. рассуждения С. М. Толстой: «Мотивация в <...> в прямом значении, т. е. причина выбора того или иного основания (признака) номинации и, соответственно, выбора лексического единицы как деривационной базы номинации (или мотивирующей основы в словообразовательном смысле), лежит уже <...> в сфере ментальных представлений и, следовательно, имеет <...> прямое отношение к тому, что называется картиной мира» [Толстая 2008: 197–198].

Труды перечисленных исследователей помогли сформировать **теоретико-методологическую основу** диссертации.

Основной вектор работы сосредоточен на выявлении мотивационного своеобразия лексики со значением неприятия, отторжения. Среди **процедур и методов исследования** главное место занимают семантико-мотивационная реконструкция лексики и этимологический анализ. Под семантико-мотивационной реконструкцией при этом понимается комплекс аналитических процедур, применяемых для выяснения мотивации лексических единиц и выявления «отраженных в этих словах представлений людей об определенных фрагментах окружающей действительности» [Березович 2014: 7]. Принципиальным для этой методики является совмещение в процессе анализа семасиологической и ономасиологической составляющих, а также «восстановление всего комплекса факторов (собственно-языковых, ментальных, культурно-прагматических), способствовавших формированию и развитию значения слова» [Там же: 11–12]. В ходе мотивационного анализа мы остановимся на рассмотрении, по терминологии С. М. Толстой, «левой» мотивации, т. е. воплощенных в лексике мотивационных моделей [Толстая 2008а: 192–193], поскольку объектом исследования являются слова с абстрактной семантикой.

В работах Уральской школы этимологии, ономастики и этнолингвистики широко используется в категориальном аппарате понятие предметно-тематического кода, ср., например, [Кривошапова 2008; Кучко 2017; Леонтьева 2003; Леонтьева 2015; и др.]. Мы предпочитаем термин тематико-мотивационная группа. В соответствии с методикой классифицирования языковых единиц по тематико-мотивационным группам лексика должна быть сформирована по предметно-тематическим кодам, т. е. в соответствии со сферами функционирования семантики мотивирующих лексем. Внутри предметно-тематических кодов выделяются более узкие группы и мотивы, соответствующие семантическим признакам, на базе которых формировалось новое значение [Борисова 2016: 48–49; 52–56]. При этом такое «деление, с одной стороны, соответствует тематической категоризации представлений о действительности <...>, выбор же оснований тематической классификации ориентирован на поиск признаков, мотивирующих значение» [Там же: 54].

Порядок подачи тематико-мотивационных групп (далее – ТМГ) в каждой из глав исходит из положения об антропоцентрическом характере мышления человека. Начиная с зоны, связанной с человеком, мы будем постепенно удаляться от нее. Таким образом, ТМГ будут представлены в работе в следующем порядке: 1) «Соматика и перцепция», 2) «Эмоциональный, психический мир; поведение»; 3) «Социальная жизнь»; 4) «Общая оценка»; 5) «Физические положения и перемещения»; 6) «Материальная и духовная культура»; 7) «Общие свойства тел и веществ»; 8) «Животный мир»; 9) «Природные явления и объекты».

Каждая глава начинается с краткого представления материала, который далее будет рассматриваться в мотивационном ключе. Для подачи материала в соответствующих параграфах выбрана группировка, соответствующая структуре прототипической ситуации, связанной с отвращением, неприязнью, враждой.

В литературе можно встретить различные подходы к выделению сценариев возникновения и протекания тех или иных эмоций, а также других ситуаций. Например, можно вспомнить о когнитивной модели ситуации, то есть смыслового коррелята в языке той или иной реальной ситуации, отражения знаний человека о ней в языке [Кустова 2004: 38; Иоанесян 2020: 6], см. также близкое понятие когнитивного сценария, выделяющегося на основе пропозиций [Плотникова 2008: 92, 96]. Вводится понятие денотативной ситуации, «которая выделяется на основе анализа обобщения контекстов» (включает состав участников ситуации, типичное проявление, мотивацию поведения и его оценку) [Там же: 104–105]. Исследования на тему определения эмоциональной лексики предлагают форму толкования, опирающуюся на ситуации. Так, в работах А. Вежбицкой встречаем понятие прототипической ситуации. Рекомендуется толковать эмоции через ситуации, типичные «для известных переживаний, и эти ситуации могут быть описаны при помощи <...> сценариев» [Вежбицкая 1996: 336–337]. Ситуативная форма толкования с опорой на синтаксические роли предикатов предлагается в рамках работ Московской семантической школы, в том числе в работах, посвященных описанию эмоциональной лексики [Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. 1993; Апресян В. Ю. 2015: 346].

Автору настоящего исследования ближе подход к выделению прототипической ситуации логическим путем с верификацией полученного сценария на основе языковых данных, а именно на базе дефиниций рассматриваемых лексем в диалектной лексикографической литературе. Таким образом, имеется в виду некий фрагмент действительности, который стоит за изучаемой лексикой и отражается в языке. Каждая глава содержит описание своеобразного сценария протекания эмоции, который включает в себя субъекта, испытывающего эмоцию, чувства этого субъекта, особенности его поведения, а также объект негативного отношения и др. Такой подход позволяет, с одной стороны, наглядно представить языковой материал; с другой стороны, смоделировать некий обобщенный образ эмоции.

Отметим при этом, что, поскольку исследуемые языковые факты несут в себе довольно разнородную картину, обусловленную как полидиалектным характером исследования, так и особенностями лексикографического представления материала, прототипическая ситуация формируется на материале литературного языка. Представленные в данных описаниях литературные лексемы являются и определяющими понятиями для диалектных языковых фактов в лексикографической литературе (например, перм. *насёрдие* ‘вражда, неприязнь’ [СПГ 1: 568],

смол. *гiдкий* 'брезгливый' [ССГ 3: 22], нижегор., новг., пск. *москорóдный* 'гадкий, противный' [СРНГ 18: 285] и др.).

Такой общий обзор видится необходимым, поскольку в основной части работы, посвященной семантико-мотивационному анализу лексики, материал подается в виде тематико-мотивационных групп. Лексемы, сходные с точки зрения семантики, приходится относить в разные группы. Такой подход не дает представить хотя бы в обобщенном виде, как существует взятый для анализа фрагмент лексической системы в языке на синхронном этапе, в то время как форма прототипической ситуации позволяет чуть более репрезентативно показать материал.

Степень разработанности темы исследования. В первую очередь необходимо назвать труды, посвященные лингвистической теории эмоции. Среди исследователей, занимающихся этой проблемой, перечислим таких, как Л. Г. Бабенко [Бабенко 1989], М. А. Буряков [Буряков 1979], А. Вежицкая [Вежицкая 1996], Н. А. Красавский [Красавский 2008], Н. А. Лукьянова [Лукьянова 1986], Т. В. Матвеева [Матвеева 1986], Е. Ю. Мягкова [Мягкова 1990], З. Е. Фомина [Фомина 2006], В. И. Шаховский [Шаховский 1987; 2008] и др.

Имеются значительные расхождения между учеными в их подходах к построению лингвистической теории эмоций. Так, например, спорен вопрос о составе эмотивной лексики. Приведём некоторые принципиально отличающиеся друг от друга точки зрения.

В. И. Шаховский понимает под эмотивной лексикой слова, содержащие в своем составе эмотивный компонент, т. е. «структурное подразделение, которое специально предназначено для... выражения эмоциональных отношений» [Шаховский 2008: 69]. Согласно его точке зрения, эмотивная семантика может иметь в слове разный статус: 1) статус обязательной (денотативной) эмотивности, который реализуется в междометиях, бранных словах, эмоционально-оценочных наречиях и прилагательных, адресативах (*матушка, ласточка, золотце*); 2) статус факультативной эмотивности, который составляет коннотацию слова (*лик, пресмыкаться*); 3) статус потенциальной эмотивности, который реализуется, например, в ассоциативно связанных словах типа *гроб, смерть, мать* [Там же: 74–76]. При этом В. И. Шаховский отказывает в статусе эмотивных слов лексемам, номинирующим эмоции или описывающим различные эмоциональные реакции [Шаховский 2008: 74–76].

Противоположный подход мы видим в исследовании Н. А. Красавского, который признает предложенное Шаховским деление лексики на слова, называющие эмоции, описывающие и выражающие их [Шаховский 1987: 91], однако полагает, что именно слово-номинант является важнейшим средством формирования и развития эмоциональных концептов, поскольку лексические средства являются свидетельством существования понятия [Красавский 2008: 87]. Соответственно, при анализе эмоциональных концептов ученый обращается к базовым абстрактным номинациям эмоций, таким как *страх, радость, печаль, гнев* и т. д. [Красавский 2008: 3].

Л. Г. Бабенко полагает, что для исследования природы обозначений в языке эмоций необходимо изучать весь массив лексики, так или иначе репрезентирующей эмотивные смыслы. Они «могут быть полностью равны лексическому значению слова (как у междометий), могут быть коннотативными (как у экспрессивов) или могут входить в логико-предметную часть значения (эмотивы-номинативы)» [Бабенко 1989: 16]. Специфичным является и то, каким образом Л. Г. Бабенко оценивает эти единицы в зависимости от степени репрезентативности эмотивной семантики. Так, по ее мнению, наиболее показательна лексика, называющая эмоции, поскольку в ней эмотивные смыслы прямо и устойчиво выражены, в то время как в экспрессивной лексике они подвижны и расплывчаты [Там же: 12–13].

Помимо работ, связанных с общей теорией лексики эмоций, существует множество исследований, освещающих языковое воплощение представлений об отдельных чувствах. Назовем некоторые из них, которые непосредственно посвящены лексике со значением отвращения, неприязни.

Так, исследовались пословицы с целью выявления представлений об отвращении ([Жукова 2013]); изучались закономерности и способы перевода на другие языки лексем, называющих это чувство ([Владимирова, Байдина 2021]); проводился кластерный анализ концепта отвращения ([Апресян В. Ю. 2011а, 2011б]); освещалась проблема лексикографического описания данной эмоции [Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. 1993], см. также [АС 1: 350–351]. Отдельную область изучения составляет рассмотрение концепта «Отвращение» в художественной литературе ([Красавский 2015]).

Отметим работы, касающиеся семантики неприязни: исследовались фразеологизмы с соответствующим значением с точки зрения семантики и образности ([Гатауллина, Чумарова, Ярахмова 2018; Чумарова, Гатауллина, Исламова 2018]). Концепту «Ненависть» на синхронном материале посвящены, например, работы Я. А. Волковой [2011], Е. Ю. Балашовой [2004], Ю. В. Демичевой [2021].

Ряд исследователей уже обращались к исследованию языкового воплощения представлений о в р а ж д е. Осуществлялось изучение концепта «Враг» на материале дефиниций словарей литературного языка и текстовых данных ([Балакин 2020]), в том же ключе исследовались паремии ([Коляда 2021]). Обсуждалась ассоциативно-вербальная сеть на слово-стимул «враг», по результатам был представлен образ врага, складывающийся в сознании носителей языка ([Бакуменко, Филиппова 2016; Вакалова, Новицкая 2018]). Изучались фразеологизмы с целью воссоздания картины враждебности, а именно представлений о том, что характерно для агрессивного поведения человека ([Чумарова, Гатауллина, Исламова 2018]). Сопоставлялись концепты, воплощающие представления о дружбе и вражде [Лукашкова 2002; Лунцова 2008]. Не-

сколько отстоят от перечисленных работ исследования концептов «Враг», «Вражда» в художественных произведениях (например, на английском материале [Томберг 2018]).

Если говорить об исследованиях, которые затрагивают лексику со значением неприятия, отторжения и при этом стоят наиболее близко к настоящей диссертации с точки зрения методологии и целей, то следует упомянуть работу М. В. Ясинской, которая изучает мотивационные отношения лексики со значением любви и ненависти, а именно зрительный код в представлении данных эмоциональных состояний [Ясинская 2015б]. Исследовательница отмечает параллелизм в наименовании любви и ненависти: для ненависти характерны те же модели, что и для любви, только со знаком минус [Там же: 383].

Ввиду указанного предположения М. В. Ясинской о параллелизме моделей, а также большого числа слов в лексических множествах «Неприязнь», «Вражда», созданных путем «негативизации» лексики положительного полюса (например, *нежалі́мый*, *незапомы́сленный*, *недолюба́ть*, *недоброхо́чий*, *невзго́да*, *непадко́й*, *нескла́дный*, *немі́л*, *немі́рный* и т. д.), внимание привлекает литература о *любви* и *приязни* в их языковой репрезентации. С. М. Толстая рассматривает такие значимые для данного исследования гнезда, как **l'ub-*, **mil-*, **drug-*, **norv-*, **prijat-* в аспекте развития в них семантики любви [Толстая 2012в], а также ключевые для данного понятия мотивы желания, сочувствия, включения в свою личную область и т. д. [Толстая 2012б; Толстая 2012в].

Разумеется, в отечественной лингвистике есть целый ряд работ, сосредоточивающихся на способах представления иных эмоциональных состояний в языке. Так, например, исследователи рассматривают метафорическое представление эмоций в языке, заостряя свое внимание на пространственной метафоре [Булыгина, Шмелев 2000; Гусейн-Заде 2011]. Эмоции, выражаемые посредством соматической лексики и фразеологии славянских языков, освещаются Г. И. Кабаковой и Е. Л. Березович [Kabakova 2013; Березович, Кабакова 2017]; о том же мотиве на материале русского, сербохорватского, немецкого, английского и ирландского языков см. [Дронов 2020]. Фразеологизмы со значением эмоций, в основе которых лежит метафора израсходования и избытка, исследовались П. С. Дроновым [Дронов 2019].

Эмоции являют собой сложный феномен, который связан с разными аспектами жизни человека – биологическим, психическим, поведенческим, социальным. Именно поэтому необходимо также упомянуть работы, которые посвящены изучению отдельных аспектов отражения эмоций в языке.

Актуальна для нас проблема выражения эмоций. Как отмечает Г. Е. Крейдлин, «правила невербального выражения эмоций ... являются в своей основе культурно- и социально-специфичными: они меняются от культуры к культуре, от одного социального диалекта к

другому» [Крейдлин 2002: 170]. О такой специфике, вероятно, следует говорить и в применении к традиционному крестьянскому социуму.

Обозначим некоторые работы, в которых исследуется, как в языке осмысляется и оценивается выражение эмоций. Так, ученые обращаются к проблеме языковой концептуализации жестов [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001; Ильина 2020; Козеренко, Крейдлин, 1999; Мечковская 1999; Рачковская 2015; и др.].

Исследователями отмечается, что обороты, описывающие те или иные поведенческие характеристики, со временем могут фразеологизироваться. Получившиеся выражения обозначают то или иное эмоциональное отношение и особенности его выражения, что выдвигает на первый план коммуникативный смысл жеста (см. об этом, например, [Козеренко, Крейдлин 1999: 270; Рачковская 2015: 399]). Таким образом, можно говорить о том, что выражение эмоции приобретает социальный смысл и начинает влиять на взаимоотношения между людьми.

В. Ю. Апресян указывает на специфику речевых выражений эмоций в русском языке, а также на их приемлемость с точки зрения культуры народа и его этикета [Апресян В. Ю. 2010]. Для выявления степени возможности проявления чувств исследовательница смотрит на употребление различных показательных конструкций. В целом коэффициент приемлемости эмоции 'отвращение' в русском языке В. Ю. Апресян определяет как 25 %, что является самым низким показателем из 14 базовых эмоций русского языка [Там же: 50]. Г. Е. Крейдлин и С. И. Переверзева рассматривают наречия *брезгливо* и *неприятно*, исследуемые нами в работе, как средства описания конфликтных коммуникативных ситуаций. Авторы делают наблюдение о том, что такие наречия описывают не только актуальное эмоциональное состояние человека, но и характеризуют определенным образом речевое и неречевое поведение [Крейдлин, Переверзева 2011: 81]. С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин в «Словаре языка русских жестов» фиксируют роль движений, отражаемых в языке как *отвернуться* [2001: 77–78], *отвести глаза* [Там же: 81–82], *отпрянуть* [Там же: 83–84], *отшатнуться* [Там же: 85–87], в манифестации негативного отношения к кому-чему-л.

Явление, которое близко к изучаемому нами материалу, – это так называемый «я з ы к в р а ж д ы ». Несмотря на различные подходы, в общем виде язык вражды определяют как языковые средства «выражения резко негативного отношения граждан по отношению к представителям носителей иной системы религиозных, национальных, политических, социальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей» [Хроменков 2014: 60–61]. Язык вражды изучается с середины XX века в разных областях науки (не только в филологии, но и в политологии, социологии, юриспруденции и др.). Обзор истории исследований, применяемых методик, ключевых результатов, главных работ см., например, в [Василенко 2019; Хроменков 2014]; изучению данного феномена посвящены коллективные монографии, диссертации

онные исследования, ср. [Язык вражды и язык согласия 2006; Костылев 2012 и мн. др.]. Однако непосредственно в настоящей работе этот феномен рассматриваться не будет. Напомним, что в данном диссертационном исследовании изучается лексика, называющая вражду и враждебность, но преимущественно не выражающая её.

Поскольку одним из основных поведенческих проявлений негативного отношения являются брань и ссора, то небезынтересно обращение к работам, освещающим в научном ключе данные смысловые области. Н. А. Красовская, описывая тульские глаголы говорения, отмечает, что среди них больше всего таких, которые обозначают эмоциональное отношение и оценку в речи [Красовская 2013: 320–321]. Таким образом, можно говорить о распространенности этой части лексической системы в диалектах. Изучением лексики ругани в историко-генетическом аспекте занималась А. В. Хелемендик [Хелемендик 2007]. Исследование ссоры в деревенском социуме, выполненное в этнологическом ключе, представлено А. Н. Кушковой. В работе изучаются особенности возникновения ссоры, причины, типичные участники, способы примирения и т. д. [Кушкова 2016].

Говоря о языковом воплощении ситуации, в которой человек испытывает и проявляет неприятие, негативное отношение к кому-, чему-л., естественно обратиться к проблеме допустимости / недопустимости разных типов поведения в социуме. В связи с этим приобретает значение вопрос о народной этике и этикете, которому посвящена известная монография А. К. Байбурина, А. Л. Топоркова [Байбурин, Топорков 1990]. Эти же вопросы освещаются в исследованиях, например, Н. И. Формановской [Формановская 1982], Т. В. Крыловой [Крылова 2006], Е. Б. Морозовой [Морозова 2005] и др. Поскольку неприятие, отторжение во многом связано с определенными коммуникативными ситуациями, с четкими сценариями, следует обратить внимание на некоторые отдельные аспекты изучения традиционного этикета. Так, наиболее нагруженными представляются ситуации гостения и совместной трапезы (о чем будет сказано далее в работе). Их лингвистическое воплощение изучала в сопоставительном аспекте на материале русского и английского языков Г. Р. Гарипова [Гарипова 2010]. Русским традициям застолья и правилам поведения за столом в этнолингвистическом аспекте посвящено исследование Г. И. Кабаковой [Кабакова 2015]. Ритуальные и коммуникативные функции пищи в традиционной культуре изучает К. В. Пьянкова (Осипова) [Пьянкова 2008, 2013].

Чувство неприятия неизбежно воздействует на сферу межличностного общения. Социальное взаимодействие в традиционном обществе носит особый характер, своеобразие которого в лингвистическом аспекте изучает Т. В. Леонтьева [Леонтьева 2013, 2014б, 2015, 2016а, 2016б, 2018 и др.]. Обращает на себя внимание специфическое понимание общительности и социальности в деревенском социуме, см. об этом [Березович 2007: 25–27; Леонть-

ева 2012, 2014a]. Таким социальным типажам, как изгой, надежный и ненадежный человек и др., посвящена коллективная монография Т. В. Леонтьевой, А. В. Щетиной, М. А. Ереминой [Еремина, Леонтьева, Щетина 2018].

Наконец, укажем некоторые исследования, которые были значимы для нас методически при осуществлении этимологической и мотивологической задач исследования. Это работы уже упоминавшихся представителей Уральской школы этимологии, ономастики и этнолингвистики: кандидатские диссертации Н. В. Галиновой («Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского Севера» [Галинова 2000]), А. А. Едалиной («Семантико-мотивационная организация лексического множества «Качественная характеристика человека по отношению к собственности» (на материале русских народных говоров)» [Едалина 2015]), М. А. Ереминой («Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект» [Еремина 2003]), Ю. А. Кривошаповой («Русская этимологическая лексика в этнолингвистическом освещении» [Кривошапова 2008]), В. С. Кучко («Семантико-мотивационное поле «Ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров» [Кучко 2017]), К. В. Пьянковой (Осиповой) («Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект» [Пьянкова 2008]), Н. А. Синицы («Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских языках» [Синица 2018]), монографии Е. Л. Березович «Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования» [Березович 2007] и «Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция» [Березович 2014], а также труды Т. В. Леонтьевой (кандидатская диссертация «Интеллект человека в зеркале русского языка» [Леонтьева 2003], монографии «Интеллект человека в русской языковой картине мира» [Леонтьева 2008], «Лексика социальной регуляции в русских народных говорах» [Леонтьева 2013], докторская диссертация Т. В. Леонтьевой «Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции» [Леонтьева 2015]).

Актуальность темы исследования, таким образом, связана с недостаточной изученностью русской диалектной лексики, обозначающей неприятие, отторжение, в то время как этимологический и этнолингвистический анализ этого лексического массива позволит увидеть, как народный язык подходит к концептуализации социально значимых ценностей (через антиценности).

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые комплексно проанализирована русская диалектная лексика с семантикой отвращения, неприязни и вражды с точки зрения семантико-мотивационных отношений и этнолингвистического своеобразия. Выявлены основные мотивационные модели рассматриваемой лексики, предложена этнолингви-

стическая интерпретация полученных результатов. Осуществлена семантико-мотивационная и этимологическая интерпретация ряда «темных» языковых фактов. В научный оборот введен новый диалектный материал, в том числе собранный в полевых условиях при участии автора.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные в ней выводы вносят вклад в такие области науки, как этнолингвистика, лингвистическая аксиология, семантическая реконструкция и этимология, русская диалектная лексикология. В исследовании апробирована методика семантико-мотивационной реконструкции лексики с абстрактной характеризующей семантикой, которая может быть применена к другим лексическим множествам с аналогичными характеристиками.

Практическая значимость работы определяется возможностью использовать представленный материал и полученные выводы в вузовских курсах этнолингвистики, диалектологии, этимологии, а также при лексикографической интерпретации диалектной лексики в толковых, идеографических, этнолингвистических словарях.

Степень достоверности результатов определяется достаточным объемом рассмотренного лексического и фразеологического материала (более 1500 единиц); использованием адекватных поставленным целям и задачам методик анализа, которые позволяют охарактеризовать избранные для изучения языковые данные в семантико-мотивационном и этнолингвистическом ключе; привлечением связанных с проблематикой диссертационного исследования трудов по этнолингвистике, семантике, диалектной лексикологии, этимологии, семантико-мотивационной реконструкции, этнографии.

Апробация результатов исследования. Основные положения настоящего диссертационного сочинения были изложены в докладах автора на международных научных конференциях «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2019, 2022), «Славянский мир: общность и многообразие» (Москва, 2020), «Актуальные проблемы русской диалектологии» (Москва, 2021), «И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (Казань, 2021), на всероссийской научной практической конференции «Свое – чужое: опыт культурного взаимодействия» (Усолье, Пермь, 2020), на международном научном семинаре «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (Екатеринбург, 2020). По теме исследования опубликовано 16 работ, из которых 8 – в журналах, рекомендованных ВАК.

Личный вклад автора в настоящее диссертационное сочинение заключается в формулировке целей и задач исследования, определении методик анализа, сборе необходимого материала, проведении исследования, формулировке выводов.

Структура работы. Работа состоит из введения, заключения и основной части, включающей три главы. Каждая из них посвящена описанию одного из лексических множеств: в первой главе рассматриваются слова со значением неприязни, во второй главе – слова со зна-

чением вражды, в третьей главе – слова со значением отвращения. Во всех главах выдержана одна и та же структура. В первом параграфе описывается, какие слова отобраны для дальнейшего анализа; выделяются основные компоненты прототипической ситуации. Во втором параграфе каждой главы рассматриваются тематико-мотивационные группы, которые организуют рассматриваемую в работе лексику. Кроме того, здесь же приводятся «тёмные» слова, не имеющие на данный момент этимологического решения или же обладающие спорной версией происхождения. При этом если та или иная лексема уже рассматривалась в этимологической литературе, то приводятся сведения из соответствующего исследования. В заключительном, третьем, параграфе каждой главы даются выводы по изученному материалу, выводятся закономерности лингвопрагматического характера, освещаются сквозные модели мотивации, комментируется наполненность различных тематико-мотивационных групп.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русская диалектная лексика со значением неприятия, отторжения включает в себя большое число слов и устойчивых сочетаний, при этом значимую роль в ее составе играют лексические множества «Отвращение», «Неприязнь», «Вражда». Они объединяют лексические единицы, в основе которых понятия, являющиеся релевантными для народного языкового сознания и позволяющие восстановить фрагмент традиционной картины мира, связанный с негативным отношением к кому-чему-л., причем негация носит преимущественно социально опосредованный характер.

2. Выявляются закономерности в количественном наполнении лексических множеств, обозначающих отвращение, неприятие и вражду. Наиболее разработанной является группа лексики отвращения, меньшее число языковых фактов приходится на слова со значением неприязни и вражды. С одной стороны, это объясняется меньшей актуальностью дискурса вражды в социально однородном, ориентированном на совместную трудовую деятельность традиционном обществе. С другой стороны, преобладание лексики со значением отвращения обусловлено еще и тем, что эти слова соотносятся с некоторыми особо культурно значимыми ситуациями.

3. Лексика неприятия, отторжения в диалектах обладает привязкой к определенным социальным и поведенческим сценариям: отвращение в наибольшей степени проявляется в ситуациях гостения, приема пищи, поведения в быту; вражда чаще всего обнаруживается в ситуации соперничества в любви.

4. Выделяется девять тематико-мотивационных групп, с помощью которых в русских диалектах концептуализируется идея неприятия, отторжения: «Соматика и перцепция», «Эмоциональный, психический мир человека; поведение», «Социальная жизнь», «Общая оценка», «Физические положения и перемещения», «Материальный и духовный мир», «Общие свойства тел и веществ», «Животный мир», «Природные явления и объекты». Данные группы заполнены

неравномерно – в зависимости от специфики представлений об отвращении, неприязни, вражде в языковом сознании носителей языка. Например, тематико-мотивационная группа «Природные явления и объекты» содержит наибольшее число языковых фактов в рамках лексического множества «Отвращение», что объясняется «физиологичностью» этого ощущения; через природные (в частности, метеорологические) образы может передаваться информация о самочувствии человека или информация об объектах неприятия. Для наименования менее «физиологичных» ощущений, неприязни и враждебности, образы из данной тематико-мотивационной группы менее характерны.

5. В рамках лексики неприятия, отторжения реализуются устойчивые мотивы в репрезентации соответствующих смыслов: это мотивы ощущения физического дискомфорта, поведенческого выражения внутреннего состояния, причинения вреда объекту неприятия, прерывания с ним контакта, мотив его чуждости.

6. Последовательное рассмотрение семантико-мотивационных моделей, действующих в рамках лексики со значением неприятия, отторжения, регулярное обращение к информации этнокультурного характера позволяет осуществить семантико-мотивационную и этимологическую интерпретацию ряда «темных» слов, например, волог. *бóдриться* ‘пренебрегать гостеприимством, брезговать угощением’, калуж. *кóбзовать* ‘брезговать’, курск., калуж., ворон. *несую́тный* ‘недружный, несогласный’, пск., твер. *побро́дливый* ‘пакостный, мерзкий, отвратительный’, прибайкал. *подсеву́ха* ‘человек, любящий сеять раздор, вражду’, пск., твер. *посвѣ́рывать* ‘привередничать, брезговать’, ленингр. *ра́чить* ‘брезговать’, дон. *скабе́жливый* ‘брезгливый’, волог. *ха́рмовать* ‘брезговать’, костром. *чувы́риться* ‘брезговать, отказываться от еды’, костром. *чупы́риться* ‘брезговать едой’, морд. *шо́браский* ‘недоброжелательный, вредный’ и др.

Глава 1. Семантико-мотивационное своеобразие русской диалектной лексики со значением отвращения

В данной главе рассматриваются лексемы и фразеологизмы с семантикой отвращения. Первый параграф имеет своей целью представить слова, которые составляют лексическое множество «Отвращение». Как уже было отмечено ранее, для этого была выбрана форма прототипической ситуации. В рамках каждого компонента прототипической ситуации описывается лексика, которая воплощает данный смысл в литературном языке; приводятся ключевые идеогаммы, обнаруживаемые в диалектной лексикографической литературе. Второй параграф посвящен описанию мотивационных отношений лексики со значением отвращения. Весь материал разбит на 8 тематико-мотивационных групп в соответствии со сферами функционирования семантики мотивирующих лексем и мотивами, на базе которых формировалось новое значение. Каждая из тематико-мотивационных групп подается отдельным подпунктом в следующем порядке: «Соматика и перцепция, «Эмоциональный, психический мир человека; поведение», «Общая оценка», «Физические положения и перемещения», «Материальная и духовная культура», «Общие свойства тел и вещества», «Животный мир», «Природные явления и объекты». В третьем параграфе приводятся выводы.

& 1. Прототипическая ситуация отвращения и ее языковое воплощение

Эмоциональное состояние субъекта, т. е. собственно ощущение отвращения

Прежде всего обратимся к наименованиям собственно ощущения отвращения, поскольку в центре наших размышлений все же находятся чувствования человека.

В литературном языке данному компоненту прототипической ситуации, как кажется, соответствуют, в первую очередь, существительные *отвращение*, *омерзение*, *гадливость*, глагол *брезговать*, а также слова категории состояния *отвратительно*, *противно*, *мерзко*, *гадко*, *неприятно*. Разумеется, мы в данном случае говорим об однословных номинациях (не учитывая сочетания вроде *испытывать отвращение*).

Ключевое слово *отвращение*, вынесенное в название лексического множества и обладающее, как кажется, наиболее общей семантикой, определяется в лексикографической литературе как ‘сильное чувство неприязни, соединенной с брезгливостью; гадливость, омерзение’ [ССРЛЯ 8: 1300].

Как мы видим, предлагается синонимический вариант толкования эмоции. Такой тип толкования позволяет увидеть, в какой спектр эмоций входит *отвращение* (а именно оно тесно связано с гадливостью и омерзением, о чем будет сказано ниже).

ССРЛЯ акцентирует внимание на том, что *отвращение* представляет собой соединение *неприязни* и *брезгливости*. *Неприязнь* толкуется как ‘нерасположение, недружелюбное, враждебное отношение к кому-, чему-л.’ [ССРЛЯ 7: 1107]. Если говорить о *брезгливости*, то ССРЛЯ дает нам ситуацию взаимоопределения – *брезгливость* ‘отвращение, гадливость к чему-л.’ [ССРЛЯ 1: 622], а *гадливость* в свою очередь ‘чувство отвращения, брезгливости’ [ССРЛЯ 3: 12]. В ТСлРЯ *брезгливость* определяется с акцентом на ее физиологической природе – как ‘отвращение к нечистоплотности, подозрение ее везде’ [ТСлРЯ 2007: 60]. Таким образом, как кажется, можно говорить о соединении, совмещении ментального и физиологического компонента ощущения отвращения в дефиниции ‘сильное чувство неприязни, соединенной с брезгливостью; гадливость, омерзение’ [ССРЛЯ 8: 1300]. Ср. проявление двух указанных оттенков значения в контекстах: *Есть еду с отвращением* и *Я с отвращением наблюдал все детали княжеской жизни: и глупую, пустую, никому ненужную чопорность, и обеденное, и ужинное обилие..., и оскорбительные для человека фигуры лакеев* [ССРЛЯ 8: 1300].

Изучая кластер лексем *отвращение*, о двух типах отвращения – физическом и моральном – писала В. Ю. Апресян [Апресян В. Ю. 2015: 338]. Со ссылкой на труды психологов исследовательница отмечает, что оба эти типа ощущения «активизируют одни и те же нейронные сети, т. е. являются близкими с нейробиологической точки зрения» [Там же: 338]. Как отмечает В. Ю. Апресян, *отвращение* понимается как «умеренное» чувство, в то время как *омерзение* представляется очень сильным чувством [Там же: 402], ср. также дефиницию *омерзение* – ‘крайнее отвращение’ [ССРЛЯ 8: 852].

Чувства, отраженные в других лексемах, приводимых нами, а именно *противно* ‘о чувстве отвращения к кому-, чему-либо’ [ССРЛЯ 11: 1453], *гадко* ‘противно, отвратительно, дурно’ [ССРЛЯ 3: 11], кажутся по степени интенсивности находящимися ближе к середины шкалы, то есть «умеренными». Чувство, манифестируемое словом *неприятно*, видится чуть менее интенсивным, ср. безл. сказ. к *неприятный* ‘не нравящийся (своими качествами, свойствами и т.п.)’ [ССРЛЯ 7: 1108].

Как отмечает В. Ю. Апресян, «чрезмерная степень ‘отвращения’ ... представляется слегка нежелательной», *брезгливость* имеет «несколько отрицательную оценку» [Апресян В. Ю. 2015: 405].

В словарях литературного языка слова *брезговать* и *брезгливость* определяют следующим образом:

- *брезговать* ‘испытывать отвращение, гадливость (обычно о пище и напитках)’, перен. ‘пренебрегать, гнушаться кем-, чем-либо’ [ССРЛЯ 1: 621–622];
- *брезгливость* ‘отвращение, гадливость к кому-, чему-л.’ [Там же].

Так, ССРЛЯ вводит различие между «физической» и «моральной» брезгливостью. Думается, что мы, как и в случае с *отвращением*, не будем учитывать это семантическое деление². Во-первых, эти ощущения близки как в аспекте психологии, так и в плане функционирования их языковых воплощений. Во-вторых, диалектные лексикографические источники преимущественно не используют подобного деления, поэтому нам последовательно учитывать его будет также затруднительно, ср., например, перм. *поморговать* ‘побрезговать’: *Он даже не сел за стол, видимо, поморговал и Она не поморговала моим сыном и пошла за него замуж* [СПГ 2: 163].

Далее зададимся вопросом, какие **идеогаммы, связанные с отвращением, воплощаются в лексическом пространстве русских диалектов**. Все слова будут распределены по категориально-грамматическим семам³. Поскольку диалектная лексикографическая литература по-разному представляет сходные значения, мы позволим себе для более удобного восприятия объединить несколько значений под одной условной идеогаммой, демонстрирующей, скорее, не точно сформулированное значение, а некое обобщение. С другой стороны, диалектные словари зачастую подает семантику излишне детализированно (или со сдвигом акцентов в дефиниции, которая оказывается не подтвержденной контекстами). Мы приведем подобные значения для того, чтобы продемонстрировать, с какими понятиями сопряжено отвращение, но при этом объединение дефиниций такого рода под условной, обобщенной идеогаммой позволит избежать излишней детализации.

Диалектные слова с КГС ‘процессуальность’:

- ‘испытывать отвращение’: ‘почувствовать отвращение к чему-л.’ (вят. *попретить* [ОСВГ 8: 156]), ‘противно, неприятно, не нравится кому-л.’ (влад., яросл. *морготит* безл. [СРНГ 18: 257]), ‘испытывать сильную неприязнь к кому-л., отвращение к чему-л.’ (прикам. *не принимать на глаза́ кого, что* [БСРП: 124]), ‘о чем-л. крайне неприятном, отвратительном, надоевшем’ (волг. *рвать то́шно* [БСРП: 668]), ‘кто-л. испытывает тошноту, отвращение к чему-, кому-л.’ (брян. *душа́ выла́зит у кого* [БСРП: 211]); при этом в ряде случаев находим слова, указывающие на конкретные «каналы» восприятия: ‘о ком-, чем-л. отвратительном, неприглядном’ (пск. *отворотя́сь не наглядеться* [БСРП: 469]), ‘неприятно, отвра-

² Ряд словарей также не разделяет значения, ср., например, *брезгать* ‘испытывать отвращение к кому-, чему-л.; гнушаться’: *Что брезгаешь старым, а как посватаюсь? Чем не жених?; – Вот вы не брезгаете же с нами хлеб-соль есть* [МАС 1: 114]; ‘чувствовать брезгливость по отношению к кому-чему-н.’: *Брезгать есть из чужой тарелки; Ничем не брезгает кто-н.* [ТСЛРЯ 2007: 60].

³ В том случае, когда перед нами фразеологизмы, мы будем распределять их по группам в соответствии с частеречной принадлежностью главного слова.

тительно слушать что-л., воспринимать' (перм. *волосы вянут* [СПГ 1: 115]), 'очень невкусно, вызывает отвращение, очень неприятно' (р. Урал *глаз (нос) воротит* [Малеча 1: 262]), 'отвращает запах' (перм. *нос náбок ворóтит* [ФСПГ: 61]);

- 'брезговать': 'брезговать' (забайкал. *мы́рдить* [СРГЗ: 217]), 'прихотничать, брезгать' (яросл. *верёдовать* [ЯОС 2: 54]), 'брезговать, гнушаться' (смол. *гóрдать* [ССГ 3: 55–56]), 'брезговать, пренебрегать' (волог. *ба́рдовать* 'брезговать, пренебрегать' [СГРС 1: 63–64]), 'брезговать, избегать' (вят. *браковáть* [ОСВГ 1: 100]), 'пренебрегать, брезговать, презирать' (р. Урал *гребовать* [Малеча 1: 367])⁴.

Диалектные слова с КГС 'предметность':

- 'отвращение': 'отвращение, нелюбовь, антипатия' (без указ. места *отворóт* [СРНГ 24: 147]), 'отвращение, оскомина' (помор. *отворóт* [Дуров 2011: 276]);
- 'брезгливость': 'брезгливость' (волгогр. *греблі́вость* [СДГВО 1: 399]), 'чувство отвращения, брезгливости; гадливости' (смол. *гидлі́вость* [СРНГ 3: 170]).

Диалектные слова с КГС 'состояние':

- 'отвратительно': 'противно, гадко, отвратительно' (перм., арх., заурал. *га́ведно* [СРНГ 6: 83]), 'отвратительно, противно' (ряз. *гребóсно* [СРНГ 7: 126]), 'о чувстве брезгливости, отвращения, испытываемом кем-либо' (волог. *брéзко* [СВГ 1: 44]), 'противно, неприятно' (волог., яросл., твер. *мо́рготно* [СРНГ 18: 257]), 'не по вкусу, неприятно' (перм. *негóдно* [СРНГ 20: 373]), 'противно, тошно' (вят. *мо́торочно* [СРНГ 18: 302]), 'противно, скверно' (волог. *мо́торонко* [СРНГ 18: 302]), 'очень неприятно, ужасно' (арх. *стра́шно* [СРНГ 41: 297]), 'противно, неприятно, муторно' (оренб., алт., перм., вят., костром. *мо́торно* [СРНГ 18: 301–302]), 'неприятно, вонюче' (костром. *ду́шно* [СГКЗ: 102])⁵.

Субъект эмоционального отношения

Данному компоненту прототипической ситуации соответствуют такие слова литературного языка, как *брезгливый* 'испытывающий отвращение, гадливость к чему-, кому-либо' [ССРЛЯ 1: 622], *гадливый* 'исполненный отвращения к чему-либо; брезгливый' [ССРЛЯ 3: 12].

Диалектные слова с КГС 'признаковость':

- 'брезгливый': 'брезгливый' (новг. *норно́й* [СРНГ 21: 282]), 'испытывающий отвращение, брезгливый' (волгогр. *гребостливый* [СДГВО 1: 402]), 'брезгливый, чрезмерно разборчивый' (вят. *хармові́тый* [ОСВГ 11: 221]), 'брезгливый, привередливый' (ср.-урал. *моргли́вой*

⁴ Встречаем также модификации по интенсивности: смол. *обри́да берёт* 'о чувстве омерзения' [СРНГ 22: 205–206], брян. *згиді́цца* 'почувствовать сильную брезгливость' [СГНЗБ: 119] и – напротив – горьк. *се́рдце не приста́нет к кому* 'о неприятном человеке' [БСПП: 607].

⁵ Модификации по интенсивности: смол. *прегі́дко* 'преотвратительно, мерзко' [СРНГ 31: 74] и перм. *мухо́рто* 'неприятно' [СРНГ 19: 39].

[СРГСУ 2: 139]); с более узкой сочетаемостью, например, ‘испытывающий отвращение к нечистоплотности, брезгливый’ (волог. *чихвóстный* [СВГ 12: 49]), ‘брезгливый (по отношению к еде)’ (ряз. *скабёжливый* [Деулино: 515]).

Следует особо отметить, что лексическая система говоров ставит акцент на обозначении человека, испытывающего отвращение, с помощью существительного. В литературном языке такие факты отсутствуют, ср. только прост. *брезгливец, брезгун, брезгливица, брезгунья* ‘брезгливый человек’ [ССРЛЯ 1: 622].

В диалектах:

- ‘брезгливый человек’: ‘брезгливый человек или животное’ (вят. *моргуша* [ОСВГ 6: 74]), ‘брезгливый, привередливый человек’ (смол. *грéблівень* [ССГ 3: 70]), ‘брезгливый, излишне разборчивый человек’ (новг. *музга́* [НОС: 570]), ‘чванливый, брезгливый человек’ (яросл. *перемóтина* [ЯОС 7: 96]), а также ‘брезгливый человек (в пище)’ (новг. *брезгу́ля* [СРНГ 3: 173–174]).

Объект эмоционального отношения

Однословными номинациями объекта *отвращения* в литературном языке являются лексемы *мерзость* ‘что-либо, вызывающее отвращение; что-либо противное, гадкое’ [ССРЛЯ 6: 853], *гадость* ‘что-либо, вызывающее отвращение, гадливое, неприятное чувство (о каком-либо предмете, вещи и т. п.)’ [ССРЛЯ 3: 11]. Сюда же примыкают лексемы, характеризующие объект эмоционального отношения, а именно *отвратительный* ‘вызывающий отвращение; противный, гадкий’ [ССРЛЯ 8: 1298], *противный* ‘очень неприятный, отвратительный’ [ССРЛЯ 11: 1453], *гадкий* ‘вызывающий в ком-либо отвращение (видом, вкусом, запахом и т. п.; противный’ [ССРЛЯ 3: 11], *мерзкий* ‘вызывающий отвращение; гадкий, противный’ [ССРЛЯ 6: 850], *неприятный* ‘не нравящийся (своими качествами, свойствами и т. п.)’ [ССРЛЯ 7: 1108].

Диалектные слова с КГС ‘предметность’:

- ‘то, что вызывает отвращение’: ‘о чем-л., вызывающем отвращение, гадливое, неприятное чувство’ (ряз., новг., пск., ленингр., арх. *касть* [СРНГ 13: 118]), ‘что-н. отвратительное, вызывающее брезгливое чувство; гадость, дрянь’ (арх. *гáведь* [АОС 9: 18–19]), ‘гадость’ (том. *вся́ка жаба* [СРНГ 5: 223]), ‘мерзость’ (твер. *сля́коть* [СРНГ 38: 334]), ‘погань, гадость’ (перм. *кобь* [СРНГ 14: 23]), ‘пакость, гадость’ (волог. *по́сконь* [СРНГ 30: 166–167]), ‘мерзость, гадость’ (смол. *обри́да* [СРНГ 22: 205–206]), ‘мерзость, пакость’ (смол. *по́скудь* [СРНГ 30: 173]), ‘что-либо мерзкое, гадкое; гадость, дрянь’ (тул. *гáведа* [СРНГ 6: 83]), ‘о плохой, негодной вещи или человеке; дрянь, гадость’ (зап.-брян. *леда́щина* [СРНГ 16: 319]), ‘о том, кто или что вызывает чувство гадливости, брезгливости’ (перм. *страмоти́ще* [Ак-

чим 5: 150]), ‘о ком-л., внушающем отвращение, страх’ (ряз. *страхотóвище* [СРНГ 41: 293]).

Слова с КГС ‘признаковость’:

- ‘отвратительный’: ‘неприятный, противный, гадкий’ (тобол., перм., том. *страмнóй* [СРНГ 41: 282–283]), ‘противный, отвратительный, гадкий’ (южн., зап., пск., Лит., Латв. ССР *бры́дкий* [СРНГ 3: 212–213]), ‘противный’ (твер. *расто́шный* [СРНГ 34: 271]), ‘гадкий’ (белг., курск. *гадю́чный* [СРНГ 6: 93]), ‘мерзкий’ (симб. *ка́рестный* [СРНГ 13: 87]), ‘неприятный, вызывающий чувство брезгливости’ (ростов., яросл. *морго́тный* [СРНГ 18: 257]), ‘противный, дрянной’ (дон. *сты́лый* [СРНГ 42: 114–115]), ‘пакостный, мерзкий, отвратительный’ (пск., твер. *побро́дливый* [СРНГ 27: 206]), ‘надоедливый, мерзкий’ (твер. *мерза́вый* [Селигер 3: 273]), ‘вызывающий рвоту, тошноту, отвращение’ (арх. *скливо́й* [СРНГ 38: 27])⁶. При этом может содержаться указание на конкретные объекты и их качества:
- внешность человека (ряз. *мозгля́вец* ‘о тщедушном, неопрятном и неприятном человеке, заморыше’ [СРНГ 18: 202], калуж., костром. *сопли́вый* ‘некрасивый, неприятный (о человеке)’ [СРНГ 39: 337]);
- черты характера человека (волгогр. *а́зий* ‘неприятный, докучливый человек’ [СДГВО 1: 150], ряз. *то́шный* ‘неприятный в общении, общежитии (о человеке)’ [Деулино: 563]);
- запахи (урал. *га́р* ‘неприятный запах’ [СРНГ 6: 137]);
- пища (пск., твер. *погре́бки* ‘пища, которая пришлась не по вкусу, которой побрезговали’ [СРНГ 27: 312], ряз. *тоско́ливый* ‘неприятный на вкус, вызывающий тошноту (о пище)’ [СРНГ 44: 296]);
- звуки (ворон., зап.-брян. *козето́н* ‘неприятный, фальшивый голос’ [СРНГ 14: 63–64], курск., калуж. *дубова́тый* ‘неприятный для слуха, необработанный’ [СРНГ 8: 238]);
- грязь, сор (волог. *брезготня́* ‘грязь; то, чем брезгают’ [СРГК 1: 113], ср.-урал. *моргли́вый* ‘грязный, неприятный, вызывающий чувство отвращения, брезгливости’ [СРНГ 18: 256].);
- животные, насекомые (арх. *лешачи́ха* ‘мелкие животные, вызывающие отвращение’ [СГРС 7: 85–86]).

Поведенческое выражение эмоционального отношения

Этот компонент ситуации являет собой представление о каком-либо произвольном или произвольном действии, которое обнаруживает эмоцию. Среди лексем литературного языка этому компоненту прототипической ситуации соответствует только наречие *брезгливо* ‘с от-

⁶ Ср. также модификации по интенсивности: пск. *кастне́ющий* ‘самый мерзкий, скверный, поганый’ [СРНГ 13: 117] и смол. *мля́вый* ‘неприятный’ [СРНГ 18: 184].

вращением' [ССРЛЯ 1: 622]. Сюда же можно отнести глаголы, значения которых можно обобщенно сформулировать, как 'выражать отвращение / омерзение / гадливость / брезгливость'.

Диалектные слова с КГС 'признаковость':

- 'брезгливо' (вят. *моркóсно* 'брезгливо' [ОСВятГ 6: 76], яросл. *прётко* 'брезгливо' [СРНГ 31: 97]);

Диалектные слова с КГС 'процессуальность':

- 'выражать отвращение' (арх. *бры́згаться* [АОС 2: 144]); частные проявления: 'высказывать отвращение' (перм. *вороти́ть губу́* [БСРП: 168]); 'измениться в лице от отвращения' (зап.-брян. *перекази́ться* [СРНГ 26: 116], ряз. *смухо́ртиться* [СРНГ 39: 66]); 'отказываться от угощения, брезговать' (твер., пск., костром., новг. *мы́ргать* [СРНГ 19: 58]).

Взаимодействие субъекта и объекта ощущения

Данный компонент прототипической ситуации включает в себя глаголы со значением 'вызывать отвращение': 'вызывать отвращение' (перм. *на́хнуть чё́ртом* [БСРП: 737]), 'вызвать у кого-л. брезгливое чувство' (яросл. *наморго́тить* [ЯОС 6: 103]), 'произвести неприятное впечатление, покоробить' (вят. *покорёжить* [СРНГ 28: 397]), 'вызывать чувство отвращения и страха' (карел. *воспрепятствовать* [СРГК 1: 234]), 'вызывать отвращение, тошноту' (арх. *кливить* [СРНГ 13: 271]), 'вызвать отвращение, надоест' (о еде) (пск. *навижа́ть* [ПОС 19: 272]), 'надоест, опротиветь' (арх. *отпроти́веть* [СРНГ 24: 279–280])⁷.

Итак, в рамках прототипической ситуации отвращения можно выделить такие ее компоненты, как «эмоциональное состояние субъекта, т. е. собственно ощущение отвращения», «субъект эмоционального отношения», «объект эмоционального отношения», «поведенческое выражение эмоционального отношения», «взаимодействие субъекта и объекта ощущения». При этом секторы, образуемые названными компонентами прототипической ситуации, неравномерно заполнены. Наибольшее число языковых фактов обозначает ощущение отвращения, а также объекта этого чувства. Значительно меньшее количество лексем соответствует компонентам прототипической ситуации «субъект эмоционального отношения» и «взаимодействие субъекта и объекта ощущения». Меньше всего лексем приходится на компонент прототипической ситуации «поведенческое выражение эмоционального отношения».

⁷ Ср. также модификации по интенсивности: яросл. *омерзи́ть* 'сделаться мерзким, отвратительным для кого-либо; омерзеть' [СРНГ 23: 199] и новг. *назли́ть* 'надоест, стать неприятным' [НОС: 597].

& 2. Мотивационный анализ лексики со значением отвращения

2. 1. ТМГ «Соматика и перцепция»

2. 1. 1. Соматика

Исследуемые нами эмоциональные состояния активно осмысляются через обращение к **соматизмам**.

Зародившееся чувство отвращения проникает вглубь человеческого организма, о чем свидетельствует внутренняя форма волог. *занутры́ць* ‘произвести неприятное впечатление, оставить неприятный осадок’, безл. ‘показаться противным’ [СРНГ 10: 286] ← общенар. *нутро́* ‘внутренние органы человека или животного’. Именно в *нутре* в зеркале языка появляется чувство неприятия и отвращения в ответ на какой-либо внешний раздражитель [Березович, Кабакова 2017: 239–240].

Отвращение может иметь и конкретный локус, сосредоточиваясь в каком-либо внутреннем органе: прост. *дойти́ до печёнок* ‘надоесть, опротиветь кому-л.’ [БСРП: 497]. Появление раздраженности, нервозности у человека в изображении языка обуславливается именно проникновением в организм раздражающих внешних факторов: *влезать / влезть в печёнки, сидеть / засесть в печёнках*. При этом такое вторжение может приобретать разрушительный характер, как, например, в *проест все кишки, въедаться в печенки* [Kabakova 2013: 149].

Г. И. Кабакова полагает, что символическая роль органов пищеварения в качестве центра эмоций недооценена в современной лингвистике. Такие органы, как *нутро* и *печенки*, являются таким же центром чувств у человека, как *душа* и *сердце* [Kabakova 2013: 147–148].

Согласно народным представлениям славян, сердце имеет отношение к пищеварению, а также к связанным с ним физиологическим процессам и состояниям [СД 5: 258]. Подтверждение этому мы находим и в рамках изучаемой группы лексики: предикаты во фразеологизмах новосиб. *сёрдце не перевáривает* ‘о чувстве отвращения, неприязни’ [СРНГ 37: 192], печор. *зассыка́ет*⁸ *на сёрдце у кого* ‘о неприятном ощущении, состоянии, которое вызывает тошноту’ [БСРП: 606], нижепечор. *на сердце тоши́т (мутит)* ‘что-то вызывает резкое неприятие’ [ФСРГНП II: 48] свидетельствуют о сближении представлений о сердце и желудке при формировании семантики отвращения. Функцию органа пищеварения может принимать и душа (см. об этом подробнее [Кабакова 2008]), ср. дон. *с души рвать кого-л. тянет* ‘о ком-, чем-л. неприятном, о том, кто или что сильно не нравится’ [СРНГ 34: 357], брян. *душа́ выла́зит у кого*

⁸ В данном случае предполагается следующее семантическое развитие: печор. *за́ска́ть* ‘скрутить’ [СРГНП 1: 267] → ‘стошнить’.

‘кто-л. испытывает тошноту, отвращение к чему-л., к кому-л.’ [БСРП: 211], ср. также волгогр. *(аж) с горла прёт (тянет)* ‘неприятно, противно’ [СДГВО 5: 37].

В то же время и сердце, и душа являются центрами духовной жизни человека. В изображении языка *отвращение* может находиться на сердце, ср. новг. *понáсердка* и *понасёрдка* ‘отвращение (по народному представлению, порча), которое молодая жена может получить к мужу в день свадьбы’ [СРНГ 29: 248], или же оно может проходить сквозь сердце (олон. *сквозь сердце это кому-л.* ‘о чем-л. неприятном, тягостном для кого-л.’ [СРНГ 37: 192]).

Неприятие душою чего-либо принимает в языке самые разнообразные формы. Она отделяется от объектов и явлений действительности, которые вызывают неприятные ощущения: прост. *с души ворóтит* ‘о состоянии крайнего отвращения, неприятии чего-л.’ [БСРП: 214], новг. *ду́шу ворóтит* ‘становится противно от чего-л.’ [НОС: 128], ленингр., сиб. *с души прёт кого* ‘о чём-л. отвратительном по запаху и внешнему виду’ [БСРП: 214], влад. *опри́чь души есть* ‘есть пищу без аппетита, без желания, с отвращением’ [СРНГ 23: 298], р. Урал *с души тянет* ‘вызывает отвращение’ [Малеча 4: 294]. *Сердце* также избегает контактов с тем, что вызывает отвращение: нижегор. *сёрдце не приста́нет к кому* ‘о неприятном человеке’ [БСРП: 607], пск. *душа вон (у кого)* ‘кто-л. испытывает крайнее отношение к чему-л.’ [СППП: 38]. Эти выводы можно сопоставить с наблюдениями над положительным полюсом оценки. Объект действительности, вызывающий положительные эмоции, напротив, близок к душе: перм. *к душе кто-, что-либо* ‘кто-, что-либо приятен, нравится кому-либо’ [СРНГ 12: 277]. При контактах с объектами действительности, вызывающих приятие, *душа* не отстраняется; она стремится к ним: общенар. *с душой* ‘с удовольствием’, ‘тепло, сердечно’.

Сделаем наблюдение о том, что душа и сердце могут играть разную роль во фразеологизмах с семантикой негативной эмоциональной оценки. С одной стороны, они могут быть активными субъектами действия: новосиб. *сердце не терпит* ‘о чувстве отвращения, неприязни’ [СРНГ 37: 192], брян. *душá выла́зит у кого* ‘кто-л. испытывает тошноту, отвращение к чему-л., к кому-л.’ [БСРП: 211], нижепечор. *душа не несёт* ‘чего-то душа не принимает, противится; что-то очень неприятно’ [ФСРГНП I: 229]. Как отмечает Г. И. Кабакова, «душа оказывается некоторой субстанцией, которая испытывает приязнь или, чаще, неприязнь к окружающему миру в целом и к еде в частности» [Кабакова 2008: 49]. Как кажется, то же самое можно сказать и о сердце. С другой стороны, душа и сердце выступают в качестве объекта, претерпевая неблагоприятное воздействие извне: перм. *душеврёдно* ‘противно’ [СРНГ 8: 282], ср. устар. и прост. *душеврёдный* ‘опасный, губительный для кого-либо’, ‘вредный для души, пагубный’ [ССРЛЯ 3: 1191], перм. *сёрдце ворóтит* ‘кто-либо испытывает чувство брезгливости’ [СРГСПК 1: 273].

В любом случае материал, связанный с номинацией чувства отвращения и неприятия, еще раз подтверждает отмечаемый исследователями парадигматический характер отношений между обозначениями, с одной стороны, пищеварительных органов, с другой – сердца и души [Березович, Кабакова 2017: 234; Ушинскене 2012: 101]. Все они выступают в языке носителями семантики эмоционального, духовного состояния.

2. 1. 2. Внешний вид

Отвращение может вызывать небрежный, неряшливый внешний вид человека, ср. перм. *шима* ‘о неприятной или неаккуратной женщине’: *Робить не робит, шима такая, и дома у иё не взаде не вперде* [СРГЮП 2: 396] ← перм. ‘женщина с растрепанными или высоко взбитыми волосами’ [СПГ 2: 551].

К этой же группе относятся слова, внутренняя форма которых указывает на нечистый внешний вид, ср. арх. *грязнóй* ‘вызывающий отвращение, гнусный’ [АОС 10: 116–117], калуж., костром. *соплівый* ‘некрасивый, неприятный (о человеке)’ [СРНГ 39: 337]. К этой же модели относится костром. *мазу́рик* ‘неприятный, грязный (о человеке)’ [ССЯСЗ: 55]. Е. Л. Березович и В. С. Кучко, рассматривая лексему *мазурик* ‘мошенник’ и признавая её полонизмом, который был образован на основе обозначения группы поляков, утверждают, что *мазурик* ‘неопрятный, грязный, испачкавшийся человек’ возник на базе притяжения к глаголу *мазать*, а также моск., яросл., тул., зап.-брян., пск., смол., рост. *му́рза* ‘грязный, неопрятный человек; о человеке, чем-либо запачкавшемся’ [Березович, Кучко 2017: 437–439].

В основу номинации могут ложиться названия конкретных болезней, как, например, в дон. *листопа́дный* ‘гадкий, мерзкий; пресмыкающийся’: *Да такая листопадная* [СРНГ 17: 68–69] ← южн.-сиб., сиб., ворон. *листопа́дная* ‘болезнь лихорадка’ [Там же]; тамб., ряз., влад. *опари́иветь* ‘опротиветь’ [СРНГ 23: 238–239] ← *паришивый* ‘скверный’ ← ‘больной паршой, шелудивый’, сюда же смол. *парша́к* ‘о противном, плохом человеке’ [ССГ 8: 17]; перм. *чума́* ‘об опустившемся человеке, вызывающем у окружающих крайнее неприятие’ [АС 6: 208], р. Урал *боля́чка* ‘о человеке, имеющем неприятный внешний вид’ [Малеча 1: 154], волгогр. *как корóста* ‘о ком-л. надоедливом, неприятном’ [СДГВО 3: 144]. В данных случаях болезни человека, а точнее, их симптоматическое выражение и восприятие этого кем-либо, становится импульсом для возникновения ощущения отвращения и, следовательно, формирования соответствующей семантики слов данной группы. Ср., однако, и бранные употребления названий болезней: *веред*, *зараз*, *паришвец* и др. Таким образом, речь может идти об экспрессивном бранном использовании приведенных лексем.

Чувство отвращения, по данным языка, может вызывать невзрачный, изможденный внешний вид человека. Об этом свидетельствует смол. *мля́вый* ‘неприятный’, которое восходит к праслав. **mьd(ь)l'avъjъ* < **mьdьlъ*, **mьd(ь)lěti* (в гнезде преобладают слова с семантикой плохого самочувствия, слабости, ср. рус. *млеть*, словен. *medlěti* ‘чахнуть; изнывать’, ст.-чеш *mdlěti* ‘слабеть’ и мн. др.) [ЭССЯ 20: 206–208]. Непосредственные мотивационные отношения у рассматриваемого слова выстраиваются с *мля́вый* смол., пск., зап.-брян. ‘изнуренный, обессиленный, усталый’, смол., пск., зап.-брян., калин. ‘томный, вялый; сонный’ [СРНГ 18: 184]. Так, можно предположить, что во внутренней форме лексемы *мля́вый* запечатлены представления об объекте омерзения: слабый, изнуренный, хилый человек производит неприятное впечатление и вызывает отвращение.

С негативной оценкой вида человека связано в мотивационном отношении и ярсл. *оскомы́лье* ‘о человеке с неприятной внешностью’: *До чего же он неприятен, настоящее оскомы́лье* [ЯОС 7: 57]. Близкие лексемы изучала В. А. Меркулова, а именно твер. *оскомы́лок* ‘обмылок’, ‘человек маленького роста’. Исследовательница связывает их с глаголом **оскомылить* ‘отрезать, отломить, откусить’, которое является результатом сложения **sko-* и *myliti* ‘косить, кривить’ [Меркулова 1985а: 41]. Тогда, возможно, во внутренней форме исследуемой нами лексемы зафиксировано представление о «кривой», ущербной внешности. На это указывает словообразование: так, слова, образованные от глаголов с помощью суффикса *-j-* имеют словообразовательное значение «предмет, возникающий в результате действия, названного мотивирующим словом» [РГ-80 1: 154]. Возможно также, что мотивация слова вторично связана с семантикой неприятной ухмылки, ср. *оскомы́ливаться* ярсл. ‘показывать зубы, оскаливаться’, твер., костр. ‘улыбаться, смеяться’ [СРНГ 24: 15].

Есть, однако, и другая этимологическая гипотеза, которая выглядит более достоверно. Так, Л. В. Куркина рассматривает арх., олон. *оскомы́лок* ‘бранное слово’. Она полагает, что бранное употребление связано со словами твер. *оскомы́лок* ‘худой человек’, ‘обломок’. С точки зрения исследовательницы, слова принадлежат гнезду слав. **ob-skot-* (ср. *оскомина*, *щемить*), направление развития значения следующее: ‘щемить’ → ‘болеть, недомогать’ → ‘осунуться, уменьшиться’ → ‘осколок’ [Куркина 2021: 447]. Если принимать эту гипотезу, то рассматриваемое нами значение вписывается в спектр значений, связанных с негативной оценкой невзрачного внешнего вида человека.

Метонимический перенос реализуется в пск. *обра́зіна* ‘о неприятном, отталкивающем человеке’ ← ‘о человеке с некрасивым лицом’ [ПОС 22: 329].

2. 1. 3. Перцептивное восприятие

К группе наименований перцептивных ощущений относятся слова и фразеологизмы, мотивированные лексикой со значением зрительного восприятия: волгогр. *не ви́дел бы на свéте кого-л.* ‘кто-л. не нужен, опротивел’ [СДГВО 1: 251], без. указ. места *невзр́ачить* ‘портить хорошее впечатление; делать некрасивым, неприятным, непривлекательным’ [СРНГ 20: 341], перм. *неглядён* ‘о человеке, на которого неприятно глядеть’, *неглядénка* ‘о женщине, на которую неприятно глядеть’ [АС 3: 64], морд. *ломáть глазá* ‘смотреть на кого-л., на что-л. неприятное, нежелательное’ [БСРП: 123], р. Урал *глаз воротит* ‘очень невкусно, вызывает отвращение, очень неприятно’ [Малеча 1: 262], прикам. *не принима́ть на глазá кого, что* ‘испытывать сильную неприязнь к кому-л., отвращение к чему-л.’ [БСРП: 124], ср. разг. *глазá не глядя́т у кого на что* ‘кому-л. надоело, не нравится, неприятно что-л.’ [Там же: 122]. Так, чувство отвращения побуждает прервать зрительный контакт.

Сюда же относится смол. *гля́но* ‘противно, неприятно’ [ССГ 3: 36], возникновение которого связано, вероятно, с явлением энантиосемии. Семантика глагола *навижа́ть* ‘вызвать отвращение, надоест (о еде)’ [ПОС 19: 272], по-видимому, объясняется словообразовательным значением «интенсивно совершить действие, названное мотивирующим глаголом», которое несёт приставка *на-* [РГ-80 I: 361–362]. Продолжительность и интенсивность действия рождает неприятие, ср. также волг. *опозóрить* ‘надоест, опротиветь’ [СРНГ 23: 272]. Как отмечает М. В. Ясинская, исследовавшая представления о глазах и зрении в зеркале языка, «“зрительная” лексика тенденцию к переходу в сферу ... чувств» [Ясинская 2015а: 22].

Может побуждать прервать контакт неприятный запах: волг., перм. *нос на́ сторону у ко-го* ‘кому-л. неприятно, не нравится что-л.’ [БСРП: 449], р. Урал *нос воротит* ‘очень невкусно, вызывает отвращение, очень неприятно’ [Малеча 1: 262], перм. *нос на́бок воро́тит* ‘отвращает запах’ [ФСРП: 61]⁹. На такой тип поведения указывает, очевидно, и *ноздря́* костром. ‘о брезгливом, разборчивом человеке, животном’ [СРНГ 21: 272], яросл. ‘то же’ [ЯОС 6: 150], которое отсылает нас к ситуации, когда брезгливое животное отстраняется от предлагаемого ему кушанья, отводит нос.

Объект отвращения может быть неприятным для слуха, ср. мурман. *ушии вéснут* ‘неприятно слушать’ [СРГК 6: 655], морд. *у́шии заб́иты чем* ‘противно слушать что-л. неуместное, несуразное’ [СРГМ/Д: 232] а также ср. разг. *рэжет слух* ‘что-л. производит неприятное впечатление своим звучанием, содержанием’ [БСРП: 623].

⁹ Ср. также единичное перм. *вороти́ть губу́* ‘высказывать отвращение, недовольство чем-л.’ [БСРП: 168].

2. 1. 4. Телесные ощущения

Эмоциональные состояния зачастую могут сравниваться с теми или иными **телесными ощущениями**. Очевидно, это происходит потому, что эмоциональный мир человека трудно-определим, в то время как телесные состояния более конкретны. Как отмечает С. М. Толстая, «язык тем или иным способом, в большей или меньшей мере стремится выразить общность внутреннего мира человека, мира его ощущений и чувств, его “непрерывность”, нестрогую дискретность отдельных видов восприятия и состояний и даже не абсолютную разграниченность сферы чувственного, эмоционального и ментального» [Толстая 2019: 177].

Самой объемной является группа лексем, мотивированных обозначениями **тактильных ощущений**. Как пишет А. Х. Мерзлякова со ссылкой на разработки психологов, разнообразие синестетических связей слов, «обозначающих осязательно воспринимаемые признаки, связано с важностью чувства осязания в жизни человека. Конкретный опыт взаимодействия человеческого организма с внешней средой оказывается» ключевым для возникновения синестетических переносов [Мерзлякова 2003: 73]. Мотивационной доминантой в этой группе является наличие семы ощущения **жжения, боли**.

Рассмотрим следующие номинации:

1) чувства отвращения: смол. *обріда* ‘о чувстве омерзения’, *обріда берёт* ‘то же’ [СРНГ 22: 205–206], *бры́дость* ‘резкий, неприятный запах, горечь’ [ССГ 1: 262], *бры́дко* пск. ‘противно, неприятно’ [СРНГ 3: 179], яросл. ‘то же’ [ЯОС 2: 23], костр. ‘приторно, неприятно’ [ССЯСЗ: 16], ‘противно’ [Ганцовская КГ 2: 29], р. Урал ‘то же’ [Малеча 1: 165], *бры́тко* вят. ‘противно, горько’ [ОСВГ 1–2: 103], красноярск. ‘противно’ [СРГЦРКК 1: 127], орл. *бры́дно* ‘противно’ [СРНГ 3: 179], *бры́дко* Латв. ССР, Лит. ССР ‘противно, неприятно’ [СРНГ 3: 213], ворон. ‘то же’ [СВоронГ 1: 147], вят. *бры́тко* ‘противно, горько’ [ОСВГ 1–2: 103], перм., волог. *брёдко* ‘противно’ [СРНГ 3: 171], морд. *брёдно* ‘противно, очень неприятно’ [СРГМ/Д: 45–46]¹⁰;

2) объекта ощущения: смол. *обріда* ‘мерзость, гадость’ [СРНГ 22: 205–206], *брыд* ‘резкий неприятный удушливый запах’ [СМСПГ: 175], *бры́дость, бры́дкость* ‘резкий, неприятный запах, горечь’ [ССГ 1: 262];

3) признаков, характеризующих объект ощущения: зап. *бры́дкий* ‘противный’¹¹, южн. *бры́дкый*, смол. *бры́дкий* ‘гадкий, отвратительный’ [СРНГ 3: 212–213], *бры́дкий* красноярск. ‘очень неприятный, отвратительный’ [СРГЦРКК 1: 132], пск., Лит. ССР., Латв. ССР ‘про-

¹⁰ Слова с корневым *е* (например, олон. *брёдкой* ‘острый’) также относятся авторами ЭССЯ к гнезду **bridьkь(jь)* [ЭССЯ 3: 28] (о котором см. ниже). Возможно, значения, связанные с семантикой отвращения, появляются в результате притяжения к общенар. *бред*, а также волог. *брёзно* ‘противно, мерзко’ [СРНГ 3: 173].

¹¹ При этом считается, что рус. диал. *бры́дкий* ‘гадкий, противный, безобразный’ было заимствовано из украинских говоров / русинского языка [Толстик 2019: 331].

тивный, отвратительный, гадкий' [СРНГ 3: 212–213], южн., зап. *бры́дкóй* 'противный, отвратительный, гадкий' [Там же], кубан. *бры́ткый* 'гадкий, противный, безобразный, надоевший' [КГ: 87], пск., смол., рост. *обры́длый* 'вызывающий отвращение, противный, гадкий' [СРНГ 22: 219];

4) признаков, характеризующих субъекта ощущения: краснояр. *бры́ткий* 'брезгливый' [СРГЦРКК 1: 127], кубан. *бры́длы́вый*, *бры́длы́вый* 'то же' [КГ: 87];

5) поведения субъекта ощущения: кубан. *бры́длы́во* 'брезгливо' [КГ: 87];

6) взаимодействия субъекта и объекта ощущения: орл. *набры́днуть* 'опротиветь' [СРНГ 19: 133], волгогр. *набры́днуть* 'стать неприятным, перестать интересоваться, надоесть, крайне опротиветь; то же, что надокучить, насточертеть' [СДГВО 3: 397], волгогр. *обры́днуть* 'стать неприятным, сильно надоесть, опротиветь, опостылеть' [СДГВО 4: 20], *обры́дать*, *обры́деть* 'то же' [Там же: 22], новосиб. *обры́днуть* 'надоесть, опротиветь' [СРНГ 22: 219], диал. шир. распр. *обры́днуть* 'надоесть, опротиветь' [СРНГ 22: 219] и вариант с диерезой – краснояр. *обы́днуть* 'то же' [Там же: 285].

Все эти слова, по нашему предположению, представляют собой продолжения праславянского корня **brid-* [ЭССЯ 3: 28–29], являющегося производным от глагольной основы **bri-*, ср. рус. *брить* < и.-е. **bher-* 'резать' [ЭССЯ 3: 28–29; 31]¹². Семантическое развитие в таком случае происходит в следующем направлении: 'резать' → 'раздражать рецепторы' → 'причинять физический дискомфорт, раздражение' → 'об ощущении отвращения, резкого неприятия чего-либо'. Происходит обозначение эмоционального состояния через более конкретный образ в результате оценки определенных физических ощущений и психических состояний как сходных. Необходимо добавить, что, поскольку эмоция отвращения очень «физиологична», во внеязыковой действительности она сопровождается разнообразными телесными ощущениями и реакциями. Возможно, что дрожь в теле, «гусиная кожа» как реакция на сильное эмоциональное возбуждение уподобляются ощущению от пореза и передаются в языке соответствующими корнями.

Следует обратить внимание на смену субъектно-объектных отношений на первом этапе переноса значения. Как видится, изначально действие по глаголу *резать* применимо к зоне объекта, при переходе к обозначению ощущений субъекта происходит аналогия: 'резать что-то' → 'вызывать режущие ощущения'¹³.

¹² В словарях встречаем также ленингр. *набры́ть*, *набры́ть* 'стать неприятным, надоесть кому-н.', новг., рус. карел. *набры́ть* 'то же (о пище)' [СРГК 3: 295].

¹³ Интересно, что продолжения корня **brid-* указывают нам на разные перцепции: 1) обонятельная система: томск. *бры́дко* 'едко, горько (для дыхания)' [СРГС 1: 91], брянск., зап., пск., смол., южн. *бры́дкий* '«острый, горький для дыхания; чадный, угарный, дымный, вонючий»' [СРНГ 3: 212–213]; 2) температурные ощущения: зап. *бры́дко* 'холодно', 'жарко, душно' [Там же: 213], пск. *бры́дкий* 'резкий, пронзительный, холодный (о ветре)' [Там же: 179]; 3) вкусовая система: цслав. *бры́дкый* 'терпкий, острый, кислый, горький' [ЭССЯ 3: 28]. Отметим также то, что в языке имеют место семантические переходы между обозначениями различных рецепторных систем.

Помимо уже приведенных лексем, встречаются и другие языковые факты, демонстрирующие связь представлений о неприятных кожных ощущениях и чувстве отвращения, ср. новосиб. *ободра́ть* ‘произвести неприятное, отталкивающее впечатление; покоробить’: *Внучка маленько, подбежала, говорит: – Баба, а бога нету. – Меня аж ободрало* [СРНГ 22: 156]; волг. *дёр дерёт* ‘о чём-л. грубом, неприятном’ [БСП: 186].

С семантикой отвращения в мотивационном плане тесно связана семантика трения. В основе переноса лежат признаки назойливого, повторяющегося движения, а также возникающей при этом боли. Перенос происходит в следующем направлении: ‘тереть’ → ‘раздражать рецепторы, вызывать неприятные колющие ощущения, мучить’ → ‘вызывать отвращение’ → ‘испытывать отвращение’. К корню *-тер-* (ср. *тереть*) восходит, вероятно, смол. *насты́рный* ‘нежелательный, не по душе, противный’ [СРНГ 20: 203]. Вокализм, по-видимому, обусловлен происхождением из украинского языка. Так, Ж. Ж. Варбот связывает тул., курск., орл. и прост. *настырный* ‘бойкий, смелый, дерзкий, наглый, бесстыжий’ с укр. *насти́рный, насті́рливый* ‘надоедливый’, ‘назойливый, навязный, неотвязчивый, наянливый, неотступный’ [Варбот 1968: 69–72]. См. еще лексемы на близких территориях: *насты́рный* курск., ворон., орл., тул., калуж., дон. ‘смелый, дерзкий’, ‘изворотливый, пронырливый’, орл. ‘сообразительный, сметливый’, калуж. ‘серьезный’ и др. [СРНГ 20: 203].

К корню *-тер-*, думается, восходит также краснояр. *то́ромко* ‘о чувстве отвращения или тяжёлой мучительной тоски, испытываемой кем-л.’ [СРГЦРКК 4: 255], ср., например, сиб. *то́рить* ‘мучить, томить, задерживать’ [Даль IV: 430]. Объясняя семантический переход от семантики трения к семантике тягостного состояния, можно привести рассуждения И. А. Горбушиной, которая реконструирует происхождение сиб. *торить* ‘задерживать, мучить’ и отмечает, что семантика неприятного длительного ожидания появляется благодаря семе некоего повторяющегося действия на объект [Горбушина 2016: 148]. Думается, однако, что семантика тягостного состояния может реализовываться в данном корне и без семы «ожидание», ср. хакас., бурят. *торіть* ‘мучить, томить’: *Когда я у тебя в работниках жил, ты меня всё время торил. Я же тебя торить не буду, но спрошу: за что ты меня торил?* [СРГС 5: 71]. Еще одно слово, которое необходимо вспомнить в связи с прояснением происхождения краснояр. *то́ромко*, – это яросл., том., кемер., сиб., курган., челяб., свердл., олон., волог., заонеж., тобол., иркут., мурман. *прі́торо́мко* ‘очень сладко, приторно’ [СРНГ 32: 23], а также краснояр. *прі́торо́мко* ‘приторно’ [СРГЦРКК 3: 352]. И. А. Горбушина также возводит эти лексемы к корню *-тер-*, реконструируя перенос с обозначения негативных тактильных ощущений на вкусовые и предполагая в слове вставное *-ом-* [Горбушина 2016: 160]. Таким образом, можно предположить, что краснояр. *то́ромко* восходит к словам с корнем *-тер-/тор-* (со вставным *-ом-*, или же при контами-

нации с *приторомко*) и содержит в себе в этимологическом отношении идею неприятного тактильного ощущения.

С синонимичным глаголом *скрести* можно соотнести пск., твер. *поскрёба* ‘неприятный, с дурным нравом человек’ [СРНГ 30: 170], линия развития значения при этом сходна с продолжениями корня *-тер-*. К этому же мотиву относится арх., перм. *отру́тить* ‘отвратить; опротиветь’ [СРНГ 24: 304–305] ← *тру́тить* ‘гнести, жать, давить, тереть’ [Даль 4: 438] (М. Фасмер связывает *тру́тить* ‘давить, толкать’ с праслав. **trqť* [Фасмер 4: 110–111], далее, вероятно, к праславянскому глаголу **trq̃titi* ‘толкать’ (значение праславянского глагола приводится по [ЕСУМ 5: 661]¹⁴). С семантикой трения связаны также тверской глагол *натрудить* ‘надоесть до крайности, вызывая отвращение’ [Селигер 4: 86] ← пск., твер. *трудить* ‘повреждать, натирать что-л.’ [СРНГ 45: 155]; вят. *хуже перечёсу* ‘крайне скверно, отвратительно’ [БСРП: 491].

Идею неприятного тактильного воздействия несут в себе волг. *оскомина берёт кого* ‘кому-л. надоело, неприятно что-л.’ [БСРП: 467], пск. *отб́ить иско́мину на что* ‘вызвать отвращение к какой-н. пище’ [ПОС 23: 497]. Слово *оскомина* производно от глагола **ob-skomiti*, связанного чередованием гласных и согласных с **ščemiti* (рус. *щемить*) [ТСЛРЯ 2007: 577]. Соответственно, можно сделать вывод о том, что семантическое развитие шло в следующем направлении: ‘сжимать, стискивать’ → ‘причинять боль, мучить’ → ‘вызывать отвращение’.

Со значением перцептивной реакции на чувство отвращения связано вят. *покорёжить* ‘произвести неприятное впечатление, покоробить’ [ОСВГ 8: 111], ср. также общенар. *корёжить* ‘коробить; о чувстве сильного возмущения, отвращения’ [ССРЛЯ 5: 1415]. В приведенных словах первоначально так же, как и в предыдущих примерах, заложена идея тактильного воздействия, ср. простореч. *корёжить* ‘кривить, гнуть, мять’. В данном случае вновь происходит перенос от обозначения действий объекта к наименованию состояния субъекта: ‘кривить, гнуть, мять что-либо’ → ‘ломать, корчить (о судорогах в теле человека)’. Далее, по-видимому, идея судорог, спазмов в теле, изменения в мимике развивается до семантики отвращения. В таком случае, возможно, непосредственным мотивирующим значением является представление о физиологической соматической реакции: дрожи или тошноте, рвоте (см. об этой мотивационной модели на стр. 41–42). В результате контаминации *корябать* и *коробить*, по-видимому, возникает твер. *скорябить* безл. ‘перекосить лицо от отвращения’ [Селигер 7: 96].

Тесно примыкает к группе наименований тактильных ощущений группа обозначений **температурных ощущений**. В рамках рассматриваемого лексического множества они будут представлены семантикой холода, выражаемой в свою очередь словами с различными корнями.

¹⁴ Авторы словаря рассматривают, по-видимому, однокоренные украинские слова, например *тру́тити* ‘толкнуть’, *втруча́рний* ‘навязчивый, надоедливый’ [ЕСУМ 5: 661].

Яросл. *омерзѣть* ‘сделаться мерзким, отвратительным для кого-либо; омерзеть’ [СРНГ 23: 199], *намерзѣть* ‘надоесть, опротиветь’ [ЯОС 6: 102], *мерзавый* твер. ‘плохой, мерзкий’ [СРНГ 18: 117], ‘надоедливый, мерзкий’ [Селигер 3: 273], волог. *мерзлявый* ‘мерзкий, гадкий, неприятный’ [СРНГ 18: 117], яросл. *мерзительный* ‘противный’ [ЯОС 6: 42], яросл. *мерзитель* ‘гадкий человек, негодяй, мерзавец’ [ЯОС 6: 42], север. *мѣрезь* ‘мерзость, мразь’ [СРНГ 18: 115], а также литер. *омерзѣние*, *омерзительный*, *мѣрзкий* восходят с чередованием гласных к **morzъ* (рус. *мороз*), сюда же *мѣрзнуть* [ТСЛРЯ 2007: 440]. Формирование данных лексем, вероятно, также можно связать с физиологической природой чувства отвращения. Буквально, по коже пробегает мороз при восприятии чего-либо резко не нравящегося, что отражается во внутренней форме приведенных слов.

К корню *-студ-/стыд-* (ср. *студить*, *стынуть*) восходит без указ. места *остужать* ‘делать противным, ненавистным кому-либо’ [СРНГ 24: 93], пск., смол. *опостыляться* ‘становиться неприятным, постылым в результате ссоры, брани с кем-либо’ [СРНГ 23: 284], орл. *опостынеть* ‘очень надоесть, опротиветь; опостылеть’ [СОГ 8: 136], пск. *напостылеть* ‘надоесть, наскучить, опротиветь’ [ПОС 20: 159], смол. *напостыляться* [удар.?] ‘становиться неприятным, ненавистным для кого-либо’ [СРНГ 20: 94], калуж. *войти в постылицу* ‘вызвать неприязнь, отвращение, нерасположение’ [СРНГ 30: 245], курск., южн. *постылица* ‘о чем-л. надоевшем, постылом, вызывающем неприязнь, отвращение’ [Там же], смол. *постыльство* ‘поступок гадкий, враждебный’ [СОС: 684], дон. *стылый* ‘противный, дрянной’ [СРНГ 42: 114–115], томск. *постылый* ‘вызывающий отвращение своим внешним видом’ [ПСДЯЛ 3: 163], ср. также литер. *постылый*, *опостылеть*.

Семантический перенос происходит в следующем направлении: ‘чувствовать холод’ → ‘испытывать отвращение, неприязнь’. Подобное преобразование происходит благодаря психологическому ощущению сходства между двумя состояниями (см. о таком эффекте [Мерзлякова 2003: 75]); также, вероятно, имеет значение сходство телесных проявлений – «гусяная кожа», дрожь и проч.

Отметим и то, что, по мнению М. Якубович, анализировавшей названия эмоциональных состояний, которые связаны с праслав. **mъrzbŭti*, **mъrziti* и **mъrznŭti*, у продолжений этих глаголов в разных славянских языках значение ‘отвращение’ появилось раньше других эмоциональных значений (таких как антипатия, ненависть) [Якубович 2003: 191].

2. 1. 5. Физиологическое состояние

Семантика отвращения, а также различных неприятных ощущений мотивируется значениями разнообразных **физиологических состояний**. Активность этого пласта связана с тем,

что исследуемые эмоциональные состояния имеют в своей основе физиологию. При этом само чувство отвращения может значительно повлиять на общее состояние человека.

К данной группе (в отличие от предыдущей) относятся наименования непосредственно не связанных с перцепцией физиологических состояний, обозначения недугов и болезней.

Самым обширным является пласт лексики, для которого непосредственным мотивационным источником является значение **тошноты и рвоты**, представленного, в свою очередь, разными лексическими средствами. К этой группе относятся прост. *тянет рвать от чего, от кого* ‘о чём-л., о ком-л., вызывающем неприятие, отвращение’ [БСРП: 677], волг. *рвать тошно* ‘о чём-л. крайне неприятном, отвратительном, надоевшем’ [Там же: 668] ← *рвать* ‘об извержении пищи через рот; о рвоте’ [ССРЛЯ 12: 1046]; коми *муть берёт кого* ‘кому-л. страшно, неприятно смотреть на что-л.’ [БСРП: 417], *мутно* енис., камч., ср.-урал., волог. ‘неприятно, противно, тошно’ [СРНГ 19: 29], коми ‘то же’ [СРГКПО: 198], перм. ‘то же’ [СПГ 1: 531] ← *мутить* ‘позывать на рвоту’; без указ. места *горлопятина* ‘“гадкая, противная пища, которую пьют из горла”’ [СРНГ 7: 42].

Мы предполагаем, что *тошный* без. указ. места ‘противный, докучливый, несносный’ [СРНГ 44: 311], ряз. ‘неприятный в общении, общежитии (о человеке)’ [Деулино: 563], твер. *растошный* ‘противный’ [СРНГ 34: 271], перм. *встошниться* ‘опротиветь, надоесть’ [СРНГ 5: 215], твер. *потошнеть* ‘надоесть, опротиветь’ [Селигер 5: 76] относятся к праславянскому гнезду **tъska* (рус. *тошно, тошнить*), ср. славянские соответствия: др.-русс. *тъска* ‘стеснение, горе, печаль, беспокойство, волнение’, чеш. *teskný* ‘боязливый’ [Фасмер IV: 88]. Тогда сюда же следует отнести калин. *тосковать* ‘брезговать’ [СРНГ 44: 296], ворон. *тосковитый* ‘ядовитый, неприятный на вкус, вызывающий неприятное ощущение в горле (о пище)’ [Там же], ряз. *тосколивый* ‘неприятный на вкус, вызывающий тошноту (о пище)’ [Там же], ряз. *тоскаливый* ‘такой, который вызывает неприятные, болезненные ощущения’ [Деулино: 562], красноярск. *притосливый* ‘слишком брезгливый’ [СРГЮРКК: 164]¹⁵. Непосредственно мотивирующим значением можно назвать *тошнить* ‘об извержении пищи через рот; о рвоте’.

Вят., киров. *моторосно* ‘противно, неприятно, тошно’ [СРНГ 18: 302], вят. *моторочно* ‘противно, тошно’ [Там же] возводят к прасл. **motorъсьньъ*; **motorъсьньъ* > **motorъ* > **motati* [ЭССЯ 20: 51–52]. К этому же корню относят перм., сиб., вят. *моторный* ‘несносный, противный, навязчивый’ [СРНГ 18: 302], яросл. *моторный* ‘неприятный, противный’ [ЯОС 6: 62] как прилагательные, образованные с суф. -ьн- от **motorъ*, сюда же наречия и слова категории состояния: *моторно* оренб., алт., перм., вят., костром. ‘противно, неприятно, муторно’, том. ‘о

¹⁵ По-видимому, в лексеме *притосливый* имеет место упрощение сочетания согласных *скл* > *сл*. Подобные процессы видим, например, в *тоснуть* арх., олон., волог., ленингр. ‘тосковать, сохнуть по кому-л.; скучать’, арх., новг., олон. ‘ныть, болеть (о руке, ноге и т. п.)’ [СРНГ 44: 297]. Можно также предположить, что в данной лексеме реализует себя приставка *пре-* с семантикой максимального проявления признака.

наличии чего-либо, вызывающего отвращение' [СРНГ 18: 301–302], ср.-урал. 'то же' [СРГ-СУ/Д: 307], яросл. *мото́рно* 'противно, неприятно' [ЯОС 6: 62] [ЭССЯ 20: 52–53]. В эту же группу, как видится, можно включить суффиксальные образования *моторонко* олон. 'противно, скверно' [СРНГ 18: 302], волог. 'то же' [Дилакторский: 261], *моторо́нько* 'неприятно, противно' [СВГ 5: 7]. Данные слова, по мнению авторов ЭССЯ, отражают архаичную семантику глагола **motati* 'бросать (выбрасывать изнутри, тошнить)' [ЭССЯ 20: 52], ср. также яросл., влад., костр. *мото́ри́ть* 'тошнить' [Там же: 51].

К этой же группе примыкает орл. *подави́ться* 'испытать чувство отвращения к чему-л. из-за частого его употребления (о продуктах питания, пище)' [СОГ 10: 27]

Лексика, принадлежащая изучаемому лексическому множеству, может быть связана в мотивационном плане с обозначением **состояния нездоровья, общего недомогания**.

Отвращение, неприятные ощущения в отражении языка сопрягаются со слабостью, отсутствием сил в теле. Эта идея, по-видимому, воплощается в краснояр. *мло́сно* 'о чувстве отвращения или тяжелой, мучительной тоски, испытываемой кем-л.' [СРГЦРКК 2: 344]. М. Фасмер, анализируя близкие слова, а именно *мло́сно* 'дурно, не по себе, скучно', *млость* 'истома, бессилие, слабость', соотносит их с **мьдлость*, *мьдлостью* и далее с *млеть* [Фасмер 2: 632], ср. краснояр. *мля́вость* 'вялость' [СРГЦРКК 2: 340], новосиб. *мле́ть* 'ослабевать' [СРГНовосибО: 298].

В лексике, называющей субъекта чувства отвращения, по-видимому, отражаются представления о том, что брезгливый человек, постоянно отказываясь от еды, приобретает слабое здоровье и худощавое телосложение. В народной культуре принято много есть, чтобы были силы на тяжелую работу, отклонение же от такого типа пищевого поведения воспринимается как аномалия и потому обращает на себя внимание.

Подобные традиционные воззрения мы видим в помор. *либи́вой* 'брезгливый, разборчивый на еду в кушаньях' [Дуров 2011: 208], которое, вероятно, семантически производно от рус. карел. *либивый* 'тощий, слабый', новг. *либовáтый* 'слабый, хилый' [СРНГ 17: 40]¹⁶.

Яросл. *чамно́й*, *чамо́й* 'брезгливый, привередливый в еде (чаще о животном)' [ЯОС 10: 47] Л. В. Куркина возводит к праславянскому корню **ĉam-* и приводит в качестве соответствия болг. *чамáв* 'больной' [Куркина 1996: 28]¹⁷. Данные сведения помогают сделать нам вывод о том, что в мотивационном отношении важным являлось значение болезненности брезгливого человека.

¹⁶ Лексемы с семантикой худобы рассматриваются как родственные лит. *liebas* 'хилый, тощий (например о лошади)' [Фасмер 2: 492].

¹⁷ Других соответствий для корня не приводится.

Сходным образом идет развитие значений у яросл. *перемóтина* ‘чванливый, брезгливый человек’ [ЯОС 7: 96] ← яросл. *перемóтина* ‘тощий, худой человек или животное’ [Там же]; *морнóй* волог. ‘брезгливый’ [СГРС 7: 328] ← волог., арх. ‘истощенный, худой, вялый (о человеке и животных)’ [Там же]; новг. *норнóй* ‘брезгливый’ [СРНГ 21: 282] ← новг. *норнóй* ‘слабый’ [СРНГ 21: 282], которое, думается, связано с *морной*. Переход *м* в *н* происходит под воздействием ассимилятивных процессов. *Морной* – суффиксальное образование от *мор*, которое, в свою очередь, связано чередованием гласных *o/le* с *мерéть*, *мёртвый* [Фасмер II: 651]. С этим же корнем соотносятся костром. *перемóра* ‘брезгливый, придирчивый в еде человек’ [ЛКТЭ], *измóрковатый*, как *скотíнина измóрковатая* ‘брезгливый, привередливый в еде’ [Там же].

Группе обозначений физических состояний близка группа наименований непроизвольных **телодвижений**: реакцию организма в ответ на внешний раздражитель можно интерпретировать как одно из его физиологических состояний. Так, от отвращения, по данным языка, можно вздрогнуть (смол. *вздригануться* ‘вздрогнуть от испуга или от неприятного ощущения’ [СРНГ 4: 261], хакас., краснояр. *передёргиваться* ‘проявлять брезгливость’ [СРНГ 26: 83-84]) или измениться в лице (зап., брян. *переказiться* ‘перемениться в лице (от чего-либо крайне неприятного)’ [СРНГ 26: 116], ср. олон. *казiть* ‘иметь вид’ [СРНГ 12: 319], сюда же литер. *казаться*, *показать* и др.; смол. *кривiться* ‘морщиться от боли или неприятного ощущения’ [СРНГ 15: 243], пск. *мóриць* ‘о непроизвольном искажении лица под влиянием чего-н. неприятного’: *Фчарá деўки ядóть рáкаў, а мяня аш мóришыт* [ПОС 18: 375], яросл. *помóриць* ‘брезговать’ [СРНГ 29: 225]; вят. *мичу́риться* ‘брезговать’ [ОСВГ 6: 56–57] ← ‘щуриться, морщить лицо’ [Там же]¹⁸; костром. *чувы́риться* ‘брезговать, отказываться от еды’: *Сидит чувы́рится, не ест ничего, исчувы́риться* ‘побрезговать’ [ЛКТЭ] ← костром. *исчувы́риться* ‘сморщиться, скривить лицо’ [Там же]).

Реакции, отраженные в языковых фактах, о которых шла речь выше, в большей степени относятся к так называемому симптоматическому поведению, то есть к поведению, выражающему внутреннее состояние субъекта действия. Однако, как кажется, закреплению во внутренней форме слов наблюдений над физиологической реакцией от отвращения мог также способствовать и тот факт, что любое внешнее проявление эмоций влияет на социальное взаимодействие. В таком случае данные факты можно расценивать как принадлежащие к невербальному этикетному поведению¹⁹, в частности к кинетическому этикету (термин Е. Б. Морозовой [Моро-

¹⁸ На именно такое направление развития значения указывают другие значения вят. *мичу́риться*, а именно ‘щуриться, морщить лицо’, ‘хмуриться, сердиться, глядеть исподлобья’, ‘плакать’ [ОСВГ 6: 56], также см. вят. *мичу́ра* ‘об угрюмом, насупившемся человеке’, *мичу́ря* ‘о подслеповатом человеке’ [Там же].

¹⁹ О разграничении симптоматического поведения (как необязательно направленного на партнера и выражающего внутреннее состояние жестикулирующего) и невербального этикетного поведения (как направленного на партнера и обусловленного целым рядом разнообразных коммуникативно ориентированных признаков) пишет Е. Б. Морозова [Морозова 2005: 71].

зова 2005: 73])). Н. Б. Мечковская пишет о «высокой семиотизации движений тела: люди постоянно стремятся увидеть в них знаки – безотчетные симптомы и/или сознательные сообщения» [Мечковская 1999: 377]. Хотя эти реакции чаще всего являются произвольными, они могут обуславливать ухудшение отношений между коммуникантами, так как внешнее проявление негативных эмоций часто нарушает определенные правила поведения в обществе.

2. 2. ТМГ «Эмоциональный, психический мир человека; поведение»

Во внутреннюю форму слов со значением отвращения могут закладываться языковые факты, отражающие представления об особенностях психоэмоционального мира человека, которые обуславливают возникновение изучаемых чувств, с точки зрения носителя языка. Кроме того, эмоциональный мир человека обладает нечеткими границами и эмоции могут совмещаться, что передается в языке. С другой стороны, эмоции очень часто имеют внешний выход, проявляя себя в поведении. Этот факт также отражается в языке.

В данном параграфе объединяются, казалось бы, довольно далекие группы лексики, номинирующей психоэмоциональные характеристики личности, с одной стороны, и ее поведение, с другой. Причина такого положения дел кроется в нормах взаимодействия в обществе. Человек, называя чувство отвращения, фиксирует социально значимые для него черты, которые в этот момент субъект ощущений проявляет.

2. 2. 1. Эмоциональное состояние

Как уже отмечалось, предикаты внутреннего состояния, обозначающие отвращение, неприятие, часто сближаются с обозначениями физиологического состояния организма. С другой стороны, они также могут оказываться сопоставимыми с различными **эмоциональными состояниями**, поскольку в лексике со значением неприятия и отвращения силен не только физиологический компонент, но и собственно психологический.

Так, отвращение может сближаться с **ужасом и страхом** при обозначении состояния, вызванного контактом с тем или иным объектом действительности: арх. *стра́шно* ‘очень неприятно, ужасно’ [СРНГ 41: 297], арх. *ужась* ‘о чем-л. страшном, вызывающем чувство испуга, отвращения, изумления и т. п.’ [СРНГ 46: 329].

Как кажется, мотивационные линии здесь способны выстраиваться по-разному. Семантика отвращения может быть непосредственно связанной с семантикой ужасающего. Это обусловлено тем, что чувство отвращения часто избирает в качестве объекта наводящие страх предметы и явления действительности. В качестве примера для такого развития значения мож-

но привести без указ. места *страшным-страшно́* ‘очень неприятно, ужасно’: *Страшным-страшно на смерть глядеть!* [СРНГ 41: 297]. В данном примере сопрягаются наименования ощущений страха и отвращения. С этой же моделью связывается целая группа лексики, номинирующая объект неприятия: урал. *страхилáт* ‘кто-, что-л. некрасивое, безобразное, внушающее отвращение, страх’ [Там же: 291], брян. *страхолюдье* ‘то же’ [Там же: 292], новг. *страхолю́тик* ‘то же’ [Там же], ряз. *страхотóвище* ‘то же’ [Там же: 293], свердл. *страхулét, страху́ля* ‘то же’ [Там же: 293], иркут. *страшня́к* ‘то же’ [Там же: 299], перм. *страшно́й* ‘пугающий своим необычным, безобразным видом, вызывающий чувство неприятия’ [АС 5: 151], ср.-урал. *пужало* ‘о ком-, чем-либо, вызывающем страх, отвращение, иногда с оттенком осуждения или иронии’ [СРГСУ 5: 42]. Сюда же, по-видимому, можно отнести арх. *прíстрасть* ‘то, что вызывает отвращение, безобразие’ [СРНГ 31: 420], помор. *прíстрась* ‘то же’ [Дуров 2011: 340], которое соотносится с прост. *страсть* ‘страх, ужас’. Так, человек испытывает сложную, комплексную эмоцию, включающую себя и отвращение, и страх.

С другой стороны, слова, мотивационно связанные с лексикой со значением страха, могут приобретать и более узкую семантику, которая включает в себя только компонент отвращения, как в случае с твер. *страхотá* ‘о чем-н. внушающем отвращение, неприятие’: *Вот сосед мой идёт по дорожке, опóйка²⁰ такой, страхотá* [Селигер 7: 219–220], якут. *стросно́й* ‘неприятный, противный’ [СРСГТЯ Р–Я: 64]; яросл. *полóхало, полóхово* ‘неприятный, неаккуратный, неряшливо одетый человек’ [ЯОС 8: 53] ← арх., олон., север., новг., петерб., пск, твер, перм., сиб. *полóхать*, арх. *полохáть*, моск. *полóхнуть*, курск., ворон. *полохну́ть* ‘пугать’ [СРНГ 29: 129].

К этому же мотиву могут принадлежать такие языковые факты, как калуж., моск., тул. *ля́ка* ‘что-либо дурное, плохое; гадость, пакость, бяка’ (в разговоре с детьми) [СРНГ 17: 273], тул. *ля́кушка* ‘то же’ (в разговоре с детьми) [Там же], калуж. *ля́кий* ‘мерзкий, нехороший, дрянной’ (в разговоре с детьми) [Там же]. Данные слова, вероятно, содержат в себе корень *-ляк-* (**lɛk-*). К этому же корню авторы ЭССЯ относят без указ. места *ля́ка* ‘пугало, страшилище’, смол. *ляклíвый* ‘пугливый’ [ЭССЯ 15: 63]²¹, которые восходят к глаголу **lɛkti* ‘гнуть, сгибать’ [ЭССЯ 15: 62]. Для слов с корнем *-ляк-*, имеющих семантику страха, предполагают следующую цепочку развития значения: ‘бояться, пугаться’ ← ‘сжиматься от страха’ ← ‘гнуть-ся, сгибаться’. Лексемы же, имеющие семантику отвратительного, вероятно, происходят от *ля́ка* ‘пугало, страшилище’.

²⁰ Твер. *опóйка* ‘пьяница’ [Селигер 4: 247].

²¹ На западных же территориях обнаруживаются близкие лексемы, а именно смол., южн. *ляк* ‘испуг, страх’, смол., брян., южн. *лякáть* ‘пугать’, брян., смол., южн. *лякáться* ‘пугаться’ [СРНГ 17: 272].

Состояние отвращения может быть связано со **скукой**, пресыщением чем-либо или непосредственно обусловлено ими, что можно заключить из перм. *понуждать* ‘надоесть, стать неприятным’ [СРНГ 29: 275], которое восходит к *нужда* < прасл. **nudja* [ТСлРЯ 2007: 530], ср. рус. *нудный*. Сюда же перм. *пону́дить* ‘надоесть, стать неприятным’ [СПГ 2: 167]. Аналогичные мотивационные связи наблюдаем для краснояр., том. *напроку́чивать* ‘опротиветь’ ← арх., олон., сев.-двин., печор., онеж., волог., новг., пск., твер., вят., свердл., перм., тобол., том., краснояр., енис., южн.-сиб., сиб. *напроку́чивать* ‘надоедать, наскучивать’ [СРНГ 20: 101]²², ср. пск. *надокучить* ‘стать неприятным из-за утомительной повторяемости, надоесть’ [ПОС 19: 374], пск. *напроку́тить* ‘надоесть, наскучить, опротиветь’ [ПОС 20: 173].

Ещё одна эмоция, которая обладает связью с отвращением, – это **грусть** и **тоска**. Вероятно, соотнесение возникает на основе сходства получаемых ощущений. Перейдем к рассмотрению конкретных диалектных языковых фактов.

К данной группе относится морд. *без тоскі глядѣть не хотѣть* ‘о нежелании видеть кого-либо, настолько это противно, неприятно’ [СРГМ II: 1332].

Яросл. *гáрусный* ‘неприятный, противный’ [ЯОС 3: 70–71], *гáрусно* ‘неприятно, противно’ [Там же: 70], *нагару́стить* ‘надоесть, опротиветь’ [ЯОС 6: 68] Л. Г. Михайлова сопоставляет с общерус. *грустно, грустный* [СЭЛЕРГ: 102]. Появление эпентетического гласного, разделяющего начальные согласные звуки, объясняется влиянием финно-угорских языков [Михайлова 2012: 233]. А. Е. Аникин предполагает мерянское влияние [Аникин РЭС 10: 112–113]. Сомнения относительно ударной эпентезы снимаются тем, что в системе ярославских говоров функционируют лексемы, однокоренные приведенным, с ударением как на первом, так и на втором слоге, ср. яросл. *гару́ский* ‘скупной, надоедливый, капризный, обидчивый’, *гару́ско* ‘надоедливо’, ‘обидно’, *гáрусно* ‘грустно, тяжело на душе’, *гáрусный* ‘грустный, печальный’ [ЯОС 3: 70–71]. Возможно, к этому же корню с метатезой восходит ворон. *огурáсно* ‘противно’ [СРНГ 22: 364], однако смущает принадлежность лексемы воронежским говорам.

Представления об общем психологическом дискомфорте при контакте с вызывающим неприятие объектом действительности заложены в костром. *нелóвко* ‘неудобно, неприятно’ [СГКЗ: 234], пск. *неудóбно, невдóбно* ‘неприятно, некомфортно’ [ПОС 21: 274], твер. *недовóльно* ‘неприятно’ [Селигер 4: 108], дон. *досáдный* ‘противный, надоевший (часто бранно «проклятый»)» [БТСДК: 138], пск. *обидновáто* ‘неприятно, противно’ [ПОС 22: 144], новг. *назли́ть* ‘надоесть, стать неприятным’ [НОС: 597], р. Урал *ка́зня* ‘о неприятном человеке’ ← ‘мучение, наказание, обуза’ [Малеча 2: 152].

²² Мы полагаем, что слово, вероятно, содержит корень *-кук-/-куч-*, как и общерус. *скука, докука, докучать* [ТСлРЯ 2007: 207, 892].

2. 2. 2. Воля и желание

Можно говорить об **отсутствии желания** контактировать с объектом, вызывающим отвращение. Так, в следующих лексемах наблюдается энантиосемия: ленингр. *ра́чить* ‘брезговать’: *Наоборот, их ра́чу в руки брать, убиваю и оставляю так* [СРГК 5: 201] ← ленингр. *ра́чить* ‘хотеть, желать’ [Там же]²³; сев.-вост. *мечта́тый* ‘уродливый, некрасивый, неприятный’ [Зотов: 272], ср. общерус. *мечтать*. Вероятно, в исторической перспективе мы имеем здесь дело с явлением, которое А. Д. Шмелев называет «иронической переоценкой (нечто хорошее иронически оценивается как плохое)» [Шмелев 2009: 190].

2. 2. 3. Ментальная деятельность

Во внутренней форме ср.-урал. *дúмно* ‘противно’ [СРГСУ/Д: 144], ср.-урал. *одúмчивой* ‘брезгливый’ [СРГСУ 3: 46] заложено представление о том, что брезгливый человек – это человек разборчивый, проявляющий разумность в выборе чего-л., ср. ср.-урал. *одúмчивой* ‘предусмотрительный, осторожный’ [СРГСУ 3: 46]. Однако, судя по дефиниции и направлению семантического развития сев.-двин. *недúмный* ‘небрезгливый; немнительный’ [СРНГ 21: 38] (ср. волог. *дúмчивый* ‘мнительный’: *Он уж такой думчивый, все думает, что будет плохо* [СРГК 2: 10], а также костром. *дúмчивый* ‘то же’ [ЛКТЭ]), со временем внутренняя форма подверглась переосмыслению и значение приобрело пейоративную окраску. Брезгливый человек может начать оцениваться в народном сознании как болезненно-подозрительный, чересчур осторожный. Ср. сходную мотивационную модель для литер. *мнúтельный*: ‘видящий во всем для себя что-н. неблагоприятное, всего опасющийся’ < ст.-рус. *мнúтель* ‘мечтатель’ < *мнúть* ‘думать, полагать’ [ТСЛРЯ 2007: 452]. Излишнее проявление рассудительности воспринимается в отрицательном ключе.

Идею особой разборчивости, по-видимому, несёт и мотивация волог. *чúвой* ‘брезгливый, разборчивый’ [Дилакторский: 557], которое объясняют из **тъцивъ* ‘старательный’ от *тъщати* (см. *тщательный*) [Фасмер 4: 358].

Во внутренней форме рус. одес. *сумлева́ться* ‘брезговать’ [СРГО II: 200], буков. *сумля́ться* ‘то же’ [СРНГ 42: 238], одес. *сумлённо* ‘брезгливо’ [СРГО II: 200] отражается представление о психологии брезгливого человека: он ничего не принимает на веру, порой видит опасность там, где её нет, и потому все подвергает сомнению, проверке (ср. значения *сумлева́ться*

²³ Подтверждают такой тип переноса другие встречающиеся в исследуемых лексических множествах лексемы, которые возникают благодаря отношениям энантиосемии, ср. такие слова, как смол. *гляно* (стр. 35), вят. *хвалю́шить* (стр. 56), волог. *добре́дный* (стр. 64) и др.

волог., орл., новг. ‘не вполне доверять кому-л.’, моск., яросл., ленингр., карел., арх., тул., вят. ‘беспокоиться, волноваться’, ленингр., волог. ‘испытывать нерешительность, колебаться (решая какой-л. вопрос)’ [СРНГ 42: 236]). Кроме того, как кажется, для данного корня важна семантика медлительности (которая уже в большей степени относится к сфере поведенческих характеристик): брезгливый человек медлит приступить к трапезе, ест он обычно медленно и неохотно.

2. 2. 4. Черты характера, психологические особенности

Как уже неоднократно было отмечено, представления об отвращении и брезгливости, отраженные в языке, обладают устойчивыми социальными смыслами. Субъекту и объекту этого ощущения обществом могут приписываться определенные **черты характера, психологические особенности**, которые будто бы обуславливают появление изучаемых чувств.

Сначала рассмотрим группу лексики, которая связана с субъектом чувства неприятия и его поведением.

Чувство брезгливости зачастую сопрягается в народном сознании с высокомерием носителя этого ощущения, ср. смол. *góрдать, гордѣться* ‘брезгать, гнушаться’ [ССГ 3: 55–56], *погордѣться* арх. ‘побрезговать’ [СРНГ 27: 307–308], р. Урал ‘то же’ [Малеча 3: 222], костром. ‘побрезговать, погнушаться’ [ЛКТЭ], *гордовать* зап. ‘брезгать, небрежь, презирать, гнушаться’ [Даль I: 378], сев.-зап., пск. ‘вести себя заносчиво, пренебрегать, гнушаться кем-либо’ [СРНГ 7: 28], смол. *góрдовать* ‘пренебрегать, гнушаться кем-либо’ [ССГ 3: 56] связаны мотивационными отношения с *góрдый* ‘высокомерный, обращающийся с другими важно, надменно; спесивый’ [ССРЛЯ 3: 273–274]. Как отмечает О. А. Кузнецова, диалектные языковые факты поля с вершиной *гордый* «в большей степени выражают понятие “гордость” как отрицательное качество: зафиксированы лишь единичные случаи употребления диалектных единиц... в значениях, связанных с пониманием гордости как чувства собственного достоинства или чувства удовлетворения от сознания достигнутых успехов» [Кузнецова 2015а: 11]. Представляется, что оценка брезгливого человека как гордого и высокомерного связана с нарушениями им правил общежития, превознесением себя над другими членами социума.

Встречаем следующие переносы, указывающие на представление о связи высокомерия и брезгливости в народной культуре: влад., яросл. *спеси́виться* ‘брезговать’ [СРНГ 40: 135], перм. *спеси́вый* ‘брезгливый’ [СПГ 2: 382] ← *спеси́вый* ‘высокомерный, надменный’; помор. *цѡв́анной* ‘брезгливый’ [Дуров 2011: 436], костром. *чѡ́нистый* ‘брезгливый, высоко себя ставящий’ [ЛКТЭ], волог. *чѡ́ниться* ‘гнушаться, брезговать’ [СВГ 12: 23] ← *чѡ́ниться* ‘важничать, зазнаваться’; мурман. *курáжиться* ‘брезговать’ [СРГК 3: 61–62], ср. просто-реч. *курáжиться* ‘важничать, держаться нагло, заносчиво; безобразничать’ [ССРЛЯ 5: 1856];

тамб. *фря* ‘противная, грубая женщина’ [СТГ: 207], ср. простореч. *фря* ‘важная особа, персона (пренебрежительно)’ [ССРЛЯ 16: 1579]; костром. *чуфѣня* ‘брезгливый человек’ [ЛКТЭ] ← костром. *чуфѣниться* ‘чваниться, вести себя заносчиво’ [ЛКТЭ]. С излишней церемонностью, манерностью, жеманностью, а следовательно, и высокомерием, по-видимому, связано и костром. *черемѡница* ‘брезгливая женщина, демонстративно отказывающаяся от пищи’ [ЛКТЭ], ср. *церемонный*²⁴.

Вероятно, с семантикой высокомерия соотносятся и мотивационные отношения костром. *чупѣриться* ‘брезговать едой’ [ЛКТЭ]. В данной лексеме можно увидеть архаичную экспрессивную приставку *чу-*²⁵ и корень *-пыр-*, ср. костром. *пырѣть* ‘расти, увеличиваться в размерах’ [СРНГ 33: 195], без указ. места *пырѣться* ‘поднимать торчком шерсть, иглы и т. п., щетиниться’ [СРНГ 33: 196] (а также рус. *рас-то-пырять*). Об этом гнезде и семантике увеличения объема в нем см. также [Горячева 2012: 63–65]. Лексика со значением гордости зачастую содержит во внутренней форме идею увеличения в размере, об этом писала, например, О. А. Кузнецова и приводила такие примеры, как *дутик*, *пузыриться*, *натопорщенный* и т. д. [Кузнецова 2015б: 144]. Подобную модель развития значения можно предположить и для наших слов. В то же время мы допускаем влияние со стороны костромской лексемы *причепѣриться* ‘принарядиться, придать себе более красивый вид (причесаться, напудриться, подрумяниться и т. п.)’ [ЛКТЭ] (о связи идеи брезгливости и нарядности см. ниже на стр. 51). См. также о семантико-мотивационных связях отношения костром. *чупѣриться* ‘брезговать едой’ в [Малькова 2021в: 125–127].

Чувство брезгливости в языке может соотноситься со своевольным, упрямым характером: яросл. *мрѣвный* ‘брезгливый’ [ЯОС 6: 65] от простореч. *нравный* в результате диссимилиации *нн > мн*, ср. литер. *нрав*.

Яросл. *верѣдовать* ‘прихотничать, брезговать’ [ЯОС 2: 54], кубан. *вэрѣдувать* ‘перебирать, капризничать, брезговать, привередничать’ [КГ: 115], вероятно, связаны с таким качеством личности, как прихотливость, капризность. Семантический перенос обусловлен представлением о соответствующем характере брезгливого человека и его образе поведения.

Суждения о капризном, детском поведении брезгливого человека находят отражение в волог., перм., сиб. *материна чѣчка* ‘неженка, брезгун, прихотник’ [Даль IV: 602], которое связано со ср.-урал. *чѣчка* ‘игрушка’ [СРГСУ 7: 29], сиб. ‘то же’ [СРГС 5: 290], волог. ‘то же’ [Дилаторский: 556].

²⁴ Как отмечает И. А. Шаронов, анализируя слова *церемонный*, *церемонно*, «в ситуациях, не требующих ритуально-этикетного поведения, оценка действия как церемонного имеет отчетливые насмешливые или пренебрежительные коннотации» [Шаронов 2003: 160].

²⁵ См. об этом префиксе, например, [Петлева 1996; Шанский 1972: 203–206; Шарифуллин 1988 и др.].

Сходные воззрения обнаруживаются и в мотивации калуж. *кобзовать* ‘брезговать’ [СРНГ 14: 15], которое соотносится с *кобызѣться* смол., ряз., пенз. ‘вести себя надменно, гордо; упрямиться, ломаться’: *Варька кобызѣтся – не хочет идти замуж* [СРНГ 14: 17], смол. ‘закапризничать, заупрямиться’ [ССГ 4: 73]. Остановимся на происхождении этих слов.

Вероятно, данные лексемы имеют экспрессивный архаичный префикс *ко-*²⁶ и корень *-бз-*; с учетом чередования *-быз-/-бз-* (прасл. **bъz-*) этот корень содержится в вят. *быз* ‘плаксивый, капризный ребенок’, *бызѣть* ‘капризничать, плакать, хныкать (о детях)’: *Весь день Светка бызит. Чего опять бызишь-то?* [ОСВГ 1–2: 123]. А. Е. Аникин возводит слово *быз* к глаголу *бызовать* ‘о рогатом скоте: беситься в летние жары, с половины июня по третью неделю июля, от мошки, оводов и червей; бегать с неистовым ревом, метаться зря, задрав хвосты’ [Аникин РЭС 5: 273]. Сопоставляются такие значения, как *скот дрóчится* ‘бесится с жиру’, ‘бегает и ревет от жары, насекомых’ и *ребенок дрóчится* ‘нежится или дурит, плачет, чтобы его приласкали’, *дрóча* ед., *дрóчи* мн. ‘время, когда скот бежит от оводов’ и *дрóчень* ‘избалованное дитя’ [Там же]²⁷. Глагол *бызовать*, в свою очередь, связан со звукоподр. **bъz-* в *бзыкать* ‘бызовать (о скоте)’, далее междометия типа рус. *бзз-бзз* ‘подражание звукам летящих оводов (обращающее коров в паническое бегство)’ [Аникин РЭС 5: 273]. Ср. также предполагаемый нами перенос для дон. *бзыкать* ‘брезговать’: *Я бзыкаю этим чилавекам, он зафсигда грязнай* ← ‘выражать недовольство дерганием, брыканием’ ← ‘бежать в испуге с поднятым хвостом, брыкая ногами, от укуса овода, слепня, шмеля (о животных)’ [БТСДК: 44].

К этому же корню, вероятно, восходят *скабѣжливый* дон. ‘брезгливый’ [БТСДК: 486], волгогр. ‘то же’ [СГД: 104], ряз. ‘то же’ [Деулино: 515], тамб. ‘то же’ [СТГ: 168], ряз. *скабѣжный* ‘брезгливый’ [Деулино: 515], ряз. *скабѣжник*, *скабѣжница* ‘брезгливый человек’ [СРНГ 7: 361]²⁸.

Обсуждая консонантизм, приведём близкие к *кобзовать* слова, такие как ряз. *скабѣзливый* ‘разборчивый в еде, привередливый’ [Деулино: 515], ‘с плохим аппетитом (о человек или животном)’ [СРНГ 37: 361], дон. *скабызливый* ‘привередливый, слишком разбор-

²⁶ См., к примеру, [Мальцева 1991; Петлева 1996; Трубачев 1972: 17–18; Шанский 1972: 203–212; Шарифуллин 1988] и др.

²⁷ Ср. также записанный на р. Урал контекст *На девоок, видно, строка* [слепни] *напала, скобызились* [СРНГ 38: 43].

²⁸ Л. В. Куркина рассматривала ряз. *скабѣжливый*, *скабѣзливый*, *скабѣжный* ‘разборчивый в еде, привередливый’. С её точки зрения, слова восходят к рязанскому глаголу *скабѣжить* ‘привередничать, быть разборчивым в еде’, который связан с *скоблѣться* без указ. места ‘ощущать желание’, новг. ‘горевать о чем-л.’, рус. карел. *оско́ба* ‘неприятный вкус, ощущение во рту’, ряз., твер., яросл. и др. *оско́бина* ‘оскоми́на’ [Куркина 2021: 428]. Еще одну этимологию для ряз. *скабѣжливый*, *скабѣзливый* ‘разборчивый в еде, привередливый’ предлагает Ж. Ж. Варбот. С её точки зрения, данные лексемы появились в результате контаминации с какими-либо словами от *скаме́зливый* ‘разборчивый в еде, привередливый’, последнее же возводится к праслав. **(s)koměti*, значение при этом развивалось следующим образом: ‘томиться, неподвижно сидеть, медлить’, ‘медлительный’ → ‘не жадный на еду’ → ‘привередливый’ [Варбот 1973: 27–28].

чивый (особенно в пище)’ [БТСДК: 486]. Корневое *ж* в слове *скабежливый*, вероятно, объясняется экспрессивным характером речи.

В корне также встречаем чередование гласных *-бз-* / *-быз-* / *-без-*, ср. волог. *бзлі́вый* ‘избалованный, капризный’ [СРНГ 2: 288], дон. *скабы́зливый* ‘привередливый, слишком разборчивый (особенно в пище)’ [БТСДК: 486], ворон. *кабезі́ться* ‘вести себя высокомерно, чванливо’ [СРНГ 12: 285]. Более подробно об этимологии *кобзовать*, *скабежливый* см. в [Малькова 2021a: 268–272].

Для волог. *бо́дриться* ‘пренебрегать гостеприимством, брезговать угощением’, ‘пренебрегать общением или угощением, вести себя заносчиво’, *побо́дриться* ‘побрезговать, пренебредить угощением’, *бо́дрый* ‘такой, кто отказывается от угощения, пренебрегает гостеприимством’ [КСГРС], арх. *бодру́ня* ‘капризная, брезгливая женщина’ [АОС 2: 46] можно предположить несколько мотивационных линий (которые, впрочем, не изолированы друг от друга и могут пересекаться). Вероятно, мотивирующим было значение высокомерия, чрезмерного самомнения: волог. *бо́дриться* ‘вести себя заносчиво’, *бодрі́ться* ‘высокомерно насмехаться’ [КСГРС], *бодрі́ться* ‘кичиться, чрезмерно гордиться, превозноситься’ [СВГ 1: 35], *боде́р*, *бодрá*, *о* ‘спесив, чванлив, ломлив’ [СРНГ 3: 57–58], смол. *бо́дрость* ‘заносчивость, зазнайство’ [ССГ 1: 205].

С другой стороны, мотивационно значимой может являться лексика с корнем *-бодр-*, обозначающая нарядно одетых людей, ср. *бодру́ня* арх. ‘хорошо одевающаяся женщина, модница’ [АОС 2: 46], волог. ‘щеголиха’ [СВГ 1: 35], арх. *бодрі́ть*, *бодрі́ться* ‘модничать’ [АОС 2: 46], арх. *бодрі́ться* ‘наряжаться, прихорашиваться’ [СГРС 1: 131], арх. *бо́дрой* ‘нарядный’ [АОС 2: 46], *бо́дрый* волог. ‘нарядный’ [СВГ 1: 35]²⁹. В таком случае развитие семантики брезгливости основано на наблюдении над определенным типом людей, щёголями, франтами, которые, как правило, обладая высокомерным, самолюбивым нравом, могут брезгливо, высокомерно относиться к окружающим. Кроме того, они, одеваясь нарядно, неподходяще для исполнения повседневных обязанностей, чуждаются всякой грубой работы, грязи, что также может обуславливать семантику отвращения.

С идеей «излишней» чистоплотности связано переосмысление внутренней формы южн. *чі́стик*, *чистя́к*, *чистячок* ‘брезгливый, привередливый мужчина’, южн. *чі́щенка*, *чисто́тка*, *чистя́нка*, *чисту́ля*, *чисту́ха*, *чистю́лька*, сев. *чистюня* ‘брезгливая, привередливая

²⁹ Праслав. **bьdrъ(jь)* считается производным с суффиксом *-r-* от **bьděti* [ЭССЯ 3: 111–112], ср. продолжения: др.-рус., рус.-цслав. *бьдѣти* ‘бодрствовать’, рус. стар. *бдеть* ‘проводить время без сна, бодрствовать’ [Там же: 109]. Таким образом, значение бодрости в современном понимании, то есть наполненности энергией, возникает из представления о том, что человек не спит. Мы полагаем, что семантика придания лучшего, нарядного вида появляется из значения ‘бодрить, вызывать силы, веселить’ при актуализации сем ‘приятный’, ‘радостный’, ‘веселый’ в результате сходства полученных впечатлений. Более подробно о развитии значений в обозначенном гнезде см. [Малькова 2018a].

женщина' [Даль IV: 607], перм. *чистóка* 'человек, чистоплотный до брезгливости, привередливости' [СПГ 2: 532]. В основе семантического развития лежит представление о том, что вызывает неприятное ощущение, – это, прежде всего, грязь, сор. Чувство брезгливости, судя по внутренней форме слов, приписывается человеку аккуратному, любящему чистоту (ср. значение для выше приведенных лексем 'чистоплотный, опрятный человек' [Даль IV: 607]). Данное психологическое свойство должно было бы оцениваться положительно, как неотъемлемое для всякого хозяйственного человека, в особенности для женщины. Однако чрезмерная чистоплотность, по-видимому, сопрягается в народном сознании с брезгливостью. Приведенные диалектные слова можно сопоставить с разг. *чистоплюй* 'брезгливо-чистоплотный человек, боящийся грязной, черной работы' [ССРЛЯ 17: 1064–1065]. Т. В. Крылова, рассматривая данную лексему, пишет, что «это слово содержит характеристику поведения субъекта, указывая на то, что он, стремясь сохранить чистым свой внешний вид, уклоняется от выполнения каких-либо необходимых действий. Говорящий расценивает такое поведение как проявление преувеличенного представления субъекта о собственной значимости и одновременно – лени и трусости» [Крылова 2003б: 373].

Теперь обратимся к лексике, называющей **объект** неприятия, отвращения.

На назойливость человека как причину отвращения к носителю этого качества указывает ряз., новг., вят., горьк., сиб. *прítка* 'неприятный человек, вызывающий досаду, упреки' [СРНГ 32: 16–18], мурман. *прíца* 'о чем-, ком-н., вызывающем неприятное чувство, отрицательную оценку' [СРГК 5: 225] (последнее, по-видимому, от **притча* в результате цоканья). Лексемы имеют корень *-тык-/-тк-/-тыч-*, ср. общенар. *ты́кать, ткнуть, тычок*. Вероятно, семантическое развитие шло в следующем направлении: 'прижиматься, прислоняться к кому- чему-либо' → 'неотвязный, надоедливый человек' → 'неприятный человек, вызывающий досаду, упреки'.

Перм. *ворохóба* 'противный, несносный человек' [СРНГ 5: 126] связывается с глаголами *воро́хаться, ворошítь* [Аникин РЭС 8: 271]. Сложно выявить единственное мотивирующее значение, однако думается, что основой семантической деривации могло быть представление о стремлении к тому, чтобы вмешиваться в чужие дела, со стороны такого человека (без указ. места *ворошíла* 'кто ворошит, трогает то, до чего ему нет дела' [СРНГ 5: 127]). Мотивационно значимым для формирования признака навязчивости, назойливости является мотив постоянного, однообразного движения, заключенного в семантике производящего глагола *ворошить*.

Как неприятные черты характера могут оцениваться строгость, неприветливость (без указ. места *серьёзный* 'угрюмый, мрачный, неприятный' [СРНГ 37: 228]), злость (тул. *лю́торный* 'противный, гадкий' [СРНГ 17: 249] ← *лю́тый* 'злой, свирепый'), прихотли-

вость и капризность (тул. *грымза* ‘женщина неприятной внешности’ ← ‘вредная женщина’ [СТулГ 1: 184]³⁰).

Ленингр. *ишшш́мора* ‘о неприятном или нелюдимом человеке’ [СРГК 6: 880], возможно, связано с зафиксированным на той же территории словом *ишшш́мора* ‘медлительный в работе человек’ [Там же]. Связь значений особенно актуализируется в контексте, ср. ленингр. *ишшш́мора* ‘о неприятном или нелюдимом человеке’: *Ой, ишшш́мора, такой бестолковый, ничо с него не выйдет, недвижш́мый такой, не может аль не хочет* [СРГК 6: 880]. Обозначение же медлительного человека, с точки зрения Е. О. Борисовой, происходит от наименования мифологического персонажа – *кикиморы* (вариант имени – *ишшш́мора*). Кикимора, согласно народным представлением, связана с прядением. Женские же обязанности, «требующие сосредоточенности, повторения однообразных мелких движений..., к которым относится также прядение, являются эталоном деятельности с низкой скоростью» [Борисова 2016: 215]. На развитие значения также, по мнению исследовательницы, оказали влияние фонетические причины, а именно частотность обозначения медлительности с помощью «затемненных» слов, которые включают глухие шипящие, а также фонетическая аттракция к глаголам, которые включают звукокомплекс *-ишшш́-*, ср. пск. *ишшш́ать* ‘работать в одиночестве, потихоньку’, волог. *ишшш́леть* ‘тихо делать что-либо, медлить’ и др. [Борисова 2016: 215–216]. Возможно, однако, что обозначение объекта неприязни возникает напрямую от наименования мифологического персонажа (см. об этой модели на стр. 77–78).

Смол. *вы́пса* ‘старый неприятный человек’ [ССГ 2: 104], по-видимому, соотносится со смол. *вы́псеть* ‘состариться, потерять разум от старости’ [СРНГ 5: 335]³¹, негативная оценка формируется на основании семантики потери разума.

Вероятно, негативное отношение к скандальному, шумному поведению отражено в мотивационных отношениях новгородской лексики *орды́нка* ‘о неприятной женщине’ [СРГК 4: 234]. По-видимому, развитие значения этого слова шло в связи с семантикой большого числа людей, ср. волог., костром, ворон., перм., новосиб., омск. *орда́* ‘о толпе, ватаге детей, преимущественно младшего возраста (часто бранно)’ [СРНГ 23: 331–332], разг. *орда́* ‘большое скопление людей’. Такие значения зачастую выступают мотивирующими для семантики разного рода отклоняющегося от нормы поведения, ср., например, смол. *орда́* ‘шум, возня, беготня’, вят. ‘ругань, брань’, смол. *орду́ творить* ‘приходить в ярость, неистовствовать’ [СРНГ 23: 331–332]. Однако отметим, что словообразовательная структура новгородского *орды́нка* ‘о неприятной

³⁰ Именно такое направление развития значения с движением от абстрактного к конкретному, от внутреннего к внешнему подтверждается этимологией лексики *грымза*. Так, О. Н. Трубаев реконструирует цепочку *гры-м-за* < **грыза*, ср. *огрызаться*, *грызть* ‘изводить упреками’, где *-м-* – инфикс [Трубаев 1965: 132].

³¹ Смол. *вы́псеть* ‘состариться, потерять разум от старости’ считается полонизмом, ср. польск. *wypsieć* ‘изнуриться, сойти на нет’ [Аникин РЭС 9: 173].

женщине' может свидетельствовать о близости к ист. *орды́нец* 'лицо, принадлежащее к Золотой Орде', которое несет в себе целый комплекс негативных коннотаций.

Несколько отстоит от выше рассмотренных языковых фактов ср.-урал. *оха́верно* 'противно, грязно' [СРГСУ 3: 97], поскольку эта лексема называет не объект неприятия, а чувство. Думается, что это слово можно связать мотивационными отношениями со ср.-урал. *оха́верник* 'безобразник, хулиган', *оха́верничать*, *оха́верничать* 'безобразничать, хулиганить'³² [СРГСУ/Д: 387]. Негативная оценка наглого, озорного поведения закрепляется в семантике соответствующих лексем и далее переходит к обозначению ощущения от столкновения с чем-либо неприятным вообще. Есть также другие примеры, когда во внутренней форме лексемы, обозначающей чувство, фиксируется объект неприятия, ср., например, общерус. *гадко* (см. об этом подробнее на стр. 82–83).

2. 2. 5. Поведение

Во внутреннюю форму лексем со значением отвращения закладываются представления о **поведенческих характеристиках человека**. Мотивационная группа «Поведение» близка группе «Соматические реакции», поскольку обе они связаны с выражением тех или иных эмоциональных состояний. Однако мы предпочитаем разделять эти группы по признаку произвольности / непроизвольности реакции соответственно. Непроизвольная физиологическая реакция не направлена на второго участника коммуникации, она существует сама по себе, следовательно, если и затрагивает сферу межличностных отношений, то лишь опосредованно. Произвольная же реакция есть акт открытого выражения недовольства, направленный на того или иного человека.

Большую роль в данной группе играет мотив **вербального и невербального выражения недовольства**.

Сюда мы относим сарат. *заб́якать* 'сделать гримасу, выражая отвращение к чему-либо' [СРНГ 9: 280]. Слово, по-видимому, звукоизобразительного происхождения, связывается с выражением отрицательного отношения к чему-либо. Сюда же перм. *бя́кий* 'нечистоплотный, противный, нехороший (в разговоре с детьми)' [Там же: 359].

Пск. *буча́йный* 'брезгливый' [ПОС 1: 225] представляет собой суффиксальное образование от глагола *буча́ть* со значением «являющийся субъектом действия, названного мотивирующим словом» [РГ–80 I: 291]. *Буча́ть* восходит к праславянскому звукоподражательному гла-

³² Слова были протимологизированы Л. В. Куркиной. В них выделяется архаичный префикс *ха-* и корень *-вер-* (ср. рус. *про-вор-н-ый*) [Куркина 1988: 67–68]. По-видимому, значение 'безобразник, хулиган' возникает из представления о 'вертлявости', подвижности, бойкости, присущих поведению такого человека.

голу **bičati* со значениями ‘реветь, мычать (о скоте)’, ‘шуметь’, ‘плакать, хныкать’, ‘жужжать, гудеть (о пчелах и др.)’ [Аникин РЭС 5: 255].

Предположительно, нижегородский глагол *похухнаться* ‘побрезговать, погнушаться’ [СРНГ 30: 367] родственен волог., арх., нижепечор., костром., влад., вят., перм., свердл., иван., яросл., нижегор. *хухнать* ‘отзываться о ком-л., хулить, осуждать, ругать кого-л.’, но с расширителем **p-*, ср. также *хухнать* без указ. места ‘капризничать, привередничать’, нижегор. ‘брезговать’, яросл. *хухнаться* ‘капризничать, пренебрегать кем-, чем-л.’ [СРНГ 52: 241]. Диал. *хухнать* ‘хулить, осмеивать’ (волог., перм.), ‘хулить, хаять, суждать; презирать, пренебрегать’ (арх., волог., перм., нижегор.) при этом считается звукоподражательным глаголом [ЭССЯ 8: 88–89]. Можно предположить принадлежность к этому же гнезду *кухнаться* волог. ‘пренебрегать, брезговать’ [СРНГ 16: 183], яросл. ‘брезговать’ [ЯОС 5: 114], яросл. *покухнаться* ‘побрезговать, погнушаться’ [СРНГ 29: 26], ‘пренебречь чем-, кем-л из чувства высокомерия, заносчивости, отвращения и т.п.; погнушаться’ [ЯОС 8: 47], где *x* переходит в *k* в результате регрессивной диссимилиации. На звукоподражательную экспрессивную природу *кухнаться* дополнительно указывает значение яросл. ‘фыркать, огрызаться’ [ЯОС 5: 114], параллельное значение для *хухнать* – арх., волог., перм., нижегор. ‘хулить, хаять, осуждать’ [Даль IV: 569]. Думается, для рассматриваемого гнезда в мотивационном отношении имеют наибольшее значение семемы ‘фыркать’, ‘хулить, осуждать’, которые, в сущности, описывают модель поведения человека, испытывающего отвращение.

К лексике, обозначающей вербальное выражение недовольства, восходят также олон., тамб. *поха́бно* ‘мерзко, гадко, противно’ [СРНГ 30: 339], ср. диал. *похабить* ‘ругать, поносить кого-н., порочить’ [ТСЛРЯ 2007: 710]; волог. *чихво́стный* ‘испытывающий отвращение к нечистоплотности, брезгливый’ [СВГ 12: 49] ← прост. *чихво́стить* ‘бранить, ругать’.

В качестве источников «левой мотивации» также могут выступать слова со значениями ‘ворчать’, ‘брюзжать’, ‘сварливый’, которые указывают на продолжительность действия, что заставляет оценивать поведение субъекта как недостаточно обоснованное [Крылова 2003а: 181]: ср.-урал. *дрязгой* ‘брезгливый’ [СРГСУ 1: 146] ← разг. *дрязги* ‘мелкие ссоры’, а также ср.-урал. *дрязгой* ‘сварливый, ворчливый, вздорный’ [СРГСУ 1: 146], тамб., нижегор. *дрязга́*, *дрязгу́ша*, *дрязгу́н*, *дрязгу́ня* ‘вздорный, сварливый человек, задира, тягун’, без указ. места *дрязгу́нить* ‘вздорить, придирааться, колотничать’ [Даль 1: 497]; вят. *брюзга́* ‘брезгливый, слишком разборчивый в еде и т. п., требовательный человек’ [СРНГ 3: 221]³³ ← общенар. *брюзжа́ть* ‘ворчать, выражать недовольство’ (при возможных контаминациях с *брезговать*).

³³ Сюда же конверсив: нижегор. *брюзгля́тина* ‘некрасивый, неприятный человек’ [ДСНО 1: 178].

Новосиб. *сбрыньгать* ‘пренебречь кем-, чем-л.’ [СРНГ 36: 190], вероятно, имеет звуко-подражательную природу: комплекс *бры(н)* может передавать идею «фыркания» при выражении недовольства чем-л.

В результате энантиосемии возникает вят. *хвалюшить* ‘брезгать’ [ОСВГ 11: 222]. Об энантиосемичных мотивационных моделях, базирующихся на ироническом переосмыслении в сфере лексики со значением брани, ругани писала, к примеру, А. В. Хелемендик. Можно привести следующие примеры модели ‘хвалить’ → ‘ругать’: новг. *извеличать* ‘обругать, обозвать бранными словами’, печор. *повеличать* ‘обозвать бранными словами’ [Хелемендик 2007: 85].

Звукоподражательный потенциал корня *-чм-*, по-видимому, реализуется в мотивации костром. *чёмкий*, *чёмкой* ‘привередливый в еде, брезгливый’ [ЛКТЭ], новг. *чмы́ра* ‘брезгливый человек’ [НОС: 1284]³⁴, рус. коми *чмóниться* ‘брезговать’ [СРГКПО: 347]³⁵. Отражается представление о том, что брезгливый человек «чмокает», «цыкает», выражая недовольство, ср. значения костром. *чёмканье* ‘чмокание’, ‘чмокать’ [ЛКТЭ], новг. *чмя́кать* ‘жевать громко, причмокивая губами; чавкать’, ‘издавать чавкающие звуки’ [НОС: 1284].

Внутренняя форма костр. *расплёвывать* ‘выражать отвращение, плевать’ [СРНГ 34: 170] ← общенар. *плевáть*; арх. *бры́згаться* ‘брезговать, активно выражать отвращение к чему-н.’ ← ‘плевать’ [АОС 2: 144]; смол. *плюга́вость* ‘мерзость, скверность’ [СРНГ 27: 170], смол. *плюга́вый* ‘скверный, отвратительный’ [СОС: 608] < **pljugavъ* (связано с *плюю́* [Фасмер III: 289]) отражает модель поведения капризного человека: он «плюет» на то, что вызывает у него отвращение.

Помимо того что приведенные выше слова фиксируют наблюдение за реальным поведением людей, испытывающих негативные эмоции, они, как уже было отмечено, закрепляют социально значимые поведенческие характеристики. Во-первых, нормальными чертами личности считаются непривередливость, непритязательность. Капризное поведение же, отличающееся такими чертами, как необоснованные с точки зрения социума желания, излишняя разборчивость, прихотливость порицается, ср. ряз. *грéбливый* ‘брезгливый’: *Какой д’йавал Угр’ебл’ивай: тьварох рэзв’адут, он вилкой ч’о-н’ит’ ч’ор’н’ин’к’ийь выкъвырн’ит’* [Деулино: 125]. Вероятно, это связано с тем, что проявление брезгливости воспринимается часто как личное оскорбление, ср. смол. *грéбать* ‘брезговать, пренебрегать, гнушаться кем (чем)-либо’: *Папробуй пирыга, ня гребый. Или гордыши нами?* [ССГ 3: 68]. Во-вторых, в рамках традиционного сообщества

³⁴ Суффикс *-ыр-* может оформлять лексемы со значением лица, ср. забайкал. *зуды́ра* ‘человек, причиняющий беспокойство’ [СРНГ 12: 21] (← *зудеть*), смол. *колоты́ра* ‘человек, который назойливо кланчит, требует что-либо; попрошайка’ [СРНГ, вып. 14, с. 186] (← *колотиться*), ряз. *моты́ра* ‘непоседа, егоза, юла’ [СРНГ 18: 307] (← *мотаться*).

³⁵ Инфикс *-он-* встречается и в других диалектных лексемах, ср. волог. *пы́скать* и волог., яросл. *пы́сконить*, арх. *пыскóнить* ‘разбрасывать что-либо в стороны, трусить, сорить’ [СРНГ 33: 200], твер., пск., перм. *напрудить*, твер., пск. *напрудіть* ‘намочить, налить, наделать луж’ и калуж. *напрудóнить* ‘мочась, налить’ [СРНГ 20: 105], костром. *забу́рить* ‘стать бурым, загореть’ [СРНГ 9: 283] и пск., твер. *забу́рónить* ‘то же’ [Там же: 284].

очень важно понятие социальности, в которое, по мнению Т. В. Леонтьевой, входят такие компоненты, как «общительность, уживчивость, доброжелательность, умение общаться, знание норм поведения в данном обществе, желание общаться, психологическая готовность общаться, склонность бывать среди людей» [Леонтьева 2013: 25–26]. Чувство отвращения, в особенности его вербальное или невербальное выражение, препятствует соблюдению этих норм общения. В частности, нарушается доброжелательность, желание вступать в контакты с теми или иными людьми и уживчивость. Безусловно, такие отступления мешают нормальному существованию субъекта в социуме.

Отдельный мотив проявляется в **характеристиках пищевого поведения**. К этой группе относятся лексемы, фиксирующие поведение в процессе приема пищи. Данный мотив выделяется в работе отдельно, учитывая значимость культуры поведения за столом для народного социума.

Эту идею воплощают волог. *опыскáнить* ‘сделать неприятным, противным, вызывающим брезгливость (о еде, питье)’ [СВГ 6: 71], яросл. *опыскóнить* ‘вызвать отвращение (к пище, питью); побрезгать (пищей, питьем)’ [СРНГ 22: 323], яросл. *пы́сконить* ‘брезговать, гнушаться чем-л.’ [СРНГ 33: 200]. Последнее Л. В. Куркина связывает с яросл. *пы́сконить* ‘разбрасывать что-л. в стороны, трусить, сорить’, рус. диал. *пы́скать*, *пы́сконить*, *пы́сканить* ‘рыть, разрывать, раскидывать, бросать, разметывать, тратить попусту’³⁶ (от **pyskь* ‘морда’) [Куркина 2012: 182]. Таким образом, с нашей точки зрения, полную цепочку семантического развития можно реконструировать следующим: ‘разбрасывать что-л., не желая есть или выбирая то, что будет съедено’ → ‘испытывать отвращение, брезгливость’ → ‘вызвать отвращение, брезгливость’. На последнем этапе развития значения происходит смена субъектно-объектных отношений. Возможно, к этому же гнезду относится сиб. *припеи́цаться* ‘брезговать’ [Даль 3: 433] (с преобразованием сочетания **skj*), ср. приводимый Л. В. Куркиной вологодский глагол *пы́щиться* ‘капризничать’ [Куркина 2012: 183].

С пищевым поведением связана большая группа продолжений корня *-греб-* (общенар. *грести*).

Глагольные продолжения: *gréбать* ворон. ‘брезгать’ [СВоронГ 2: 112], новг. ‘то же’ [НОС: 192], дон. ‘то же’, ‘гнушаться, испытывать чувство гадливости, пренебрегать’ [СРДГ 1: 112–113], твер. ‘то же’ [Селигер 1: 196], новосиб. ‘то же’ [СРГС 1(Ч1): 279], брянск., курск., тамб., тул. ‘то же’ [СРНГ 7: 119–120], волгогр. ‘то же’ [СГД: 33], смол. ‘брезговать, пренебрегать, гнушаться кем (чем)-либо’ [ССГ 3: 68], вят. ‘брезговать, гнушаться’ [ОСВГ 3: 64], арх. *gréбиться* ‘брезговать, пренебрегать кем-, чем-либо’ [СГРС 3: 125], *gréбовать* диал. шир. распр. ‘брезговать; пренебрегать, гнушаться кем-, чем-либо’ [СРНГ 7: 125–126], новг. ‘брезго-

³⁶ Вставное *-он-* появляется по фонетическим причинам, см. об этом выше на стр. 56.

вать' [НОС: 193], яросл. 'то же' [ЯОС 3: 106], брянск. *грэблевать* 'испытывать отвращение; брезговать' [СБГ 4: 56], ворон. *грэбливать* 'брезгать' [СВоронГ 2: 114], волгогр. *грэбтовать* 'испытывать отвращение, брезговать' [СДГВО 1: 403], тамб. *грэбузновать* 'брезговать кем- или кем-л.' [СТГ: 57], пск. *грэбаться* 'испытывать отвращение к кому-, чему-н., брезговать кем-, чем-н.' [ПОС 8: 8], калуж., орл., пск., тамб. *грэбтэться* 'брезговать, пренебрегать, презирать, гнушаться' [Даль I: 392], *грэбоваться* арх. 'брезговать, пренебрегать кем-, чем-либо' [СГРС 3: 126], 'испытывать отвращение к нечистоплотности, брезгать' [АОС 10: 39], *погрэбовать* волгогр. 'испытать отвращение к кому-, чему-л.; погнушаться, побрезговать кем-, чем-л.' [СДГВО 3: 430], вят. 'побрезговать' [ОСВГ 8: 36], орл. 'то же' [СОГ 10: 26], иркут. 'то же' [ИОС 2: 141]. Их фонетические варианты: арх. *грэбаться* 'испытывать отвращение к нечистоплотности, брезгать' [АОС 10: 31], *грэбовать* 'то же' [Там же: 39], *грэбоваться* 'брезговать, пренебрегать кем-, чем-либо' [СГРС 3: 126], курск. *гэрбовать* 'брезговать' [СРНГ 6: 166], кубан. *грэбувать* 'брезговать, пренебрегать' [КГ: 126].

Субстантивные продолжения, номинирующие:

1) субъекта чувства: ворон. *грэбушка* 'брезгливый человек' [СВоронГ 2: 115], *грэбник* 'то же' [Там же: 114], смол. *грэблiveness*, *грэблівень* 'брезгливый, привередливый человек' [ССГ 3: 70], орл. *грэбонок* 'тот, кто отличается брезгливостью' [СОГ 3: 24–25], дон. *грэбы* 'то же' [СДГВО 1: 403], тул. *грэбовнік* 'брезгливый человек' [КСТулГ: 13], *грэбовник* 'то же' [СТулГ 1: 178], заволж. *грэбліха* 'брезгливая женщина' [СРНГ 7: 124], ворон. *грэбоватка* 'брезгливая девушка или женщина' [СВоронГ 2: 114], орл. *грэбонка* 'женщина, отличающаяся брезгливостью' [СОГ 3: 24];

2) чувство: калуж., курск. *грэбование* 'привередливость, капризность в отношении пищи; пренебрежение кем-, чем-либо' [СРНГ 7: 125], новосиб. *грэба* 'брезгливость, отвращение' [СРГС 1 (Ч1): 279], дон. *грэбость* 'брезгливость' [СДГВО 1: 402], *грэблівость* 'то же' [Там же: 399];

Адъективные продолжения, номинирующие:

1) признаки субъекта чувства: *грэбный* брянск. 'испытывающий отвращение к кому-н., чему-н.; брезгливый' [СБГ 4: 56–57], орл. 'то же' [СОГ 3: 24], пск. 'испытывающий чувство брезгливости' [ПОС 8: 12], ряз. 'брезгливый' [Деулино: 125–126], *грэбливый* ростов. 'брезгливый, привередливый' [СРНГ 7: 124], пск. 'испытывающий чувство брезгливости' [ПОС 8: 11], брянск. 'испытывающий отвращение к кому-н., чему-н.; брезгливый' [СБГ 4: 56], ряз. 'брезгливый' [Деулино: 125], *грэблівый* калуж., тул. 'брезгливый, привередливый' [СРНГ 7: 124], ворон. 'брезгливый' [СВоронГ 2: 114], волгогр. 'то же' [БТСДК: 118], кубан. 'то же' [КГМС: 65], *грэбливый*, *грэблівый* смол. 'то же' [ССГ 3: 70–71], волгогр. 'то же' [СДГВО 1: 400], арх. *грэбливой* 'то же' [АОС 10: 37], брянск. *грэблявый* 'испытывающий отвращение к кому-н.,

чему-н.; брезгливый' [СБГ 4: 56], *грéбостный* ряз., тамб. 'брезгливый' [СРНГ 7: 126], ворон. 'то же' [СВоронГ 2: 115], дон. 'то же' [СРДГ 1: 113], волгогр. 'то же' [СГД: 33], твер. 'испытывающий чувство брезгливости' [Селигер 1: 198], пск. *грéбáстный* 'то же' [ПОС 8: 7], *грéбостливый* ростов. 'брезгливый' [БТСДК: 118], волгогр. 'то же' [СДГВО 1: 402], ряз. *грéбоишний* 'то же' [Деулино: 126], брянск. *грéбчивый* 'испытывающий отвращение к кому-н., чему-н.; брезгливый' [СБГ 4: 57], *грéблеватый* 'то же' [СБГ 4: 56], ворон. *грéбательный* 'то же' [СВоронГ 2: 112], самар. *грéбезный* 'то же' [СРНГ 7: 120], дон. *грéбостливый* 'то же' [СРДГ 1: 113], кубан. *гёрбуватый* 'то же' [КГМС: 61], тул. *грéбтíвый* 'то же' [СТулГ 1: 178];

2) признаки объекта чувства: пск. *грéбостный* 'связанный с противными, вызывающими брезгливость вещами; неприятный' [ПОС 8: 12], ряз. *грéбный* 'вызывающий брезгливость' [Деулино: 125–126], ряз. *грéбостный*, *грéбоишний* 'то же' [Там же: 126], калуж. *грéбный* 'неприятный' [СРНГ 7: 125], яросл. как *грéбанный кисель* 'о человеке, вызывающем неприятное, брезгливое чувство' [ЯОС 5: 9].

Адвербиальные продолжения: *грéбозно* тул. 'неприятно, с брезгливостью, с отвращением' [СТулГ: 178], урал. *грéбосно* 'то же', *грéбостно* тамб. 'брезгливо' [СРНГ 7: 126], твер. 'то же' [Селигер 1: 197–198], дон. 'брезгливо' [СДГВО 1: 420], *грéбно* брян. 'тошно, противно' [СРНГ 7: 125], ряз. 'противно, неприятно' [Деулино: 125], ворон. *грéбостно* 'брезгливо' [СВоронГ 2: 115], тамб. *грéбузно* 'то же' [СТГ: 57]. Категория состояния: *грéбозно* ряз. 'отвратительно, противно' [СРНГ 7: 126], пск. *грéбно* 'об ощущении отвращения, брезгливости' [ПОС 8: 12]³⁷.

Данные лексемы мотивированы глаголом (*раз*)*грéбать*; они описывают ситуацию, когда человек (или животное) роется в предложенном ему кушанье, выбирая то, что будет съедено.

С экстралингвистической ситуацией поведения за столом брезгливого человека, который копается в еде, выбирает то, что будет съедено, как нам кажется, связаны пск. *перéбóрливый* 'брезгливый' [СРНГ 26: 33] ← общенар. *перéбирáть*; смол. *влéзливый* 'брезгливый' [ССГ 2: 61] ← общенар. *влéзáть*; костром. *исковы́ркаться* 'побрезговать, выразить недовольство' [ЛКТЭ] ← общенар. *ковыряться*; волог., перм., новг. *кóпоский*, перм. *копоскóй* 'брезгливый' [СРНГ 14: 293–294] ← праслав. **koposati* (ср. др.-русс., русск.-цслав. *копосати* 'копошиться, копаться'), который является глагольный интенсивом на -s- от **korati* (ср. рус. *копать*) [ЭССЯ 11: 23]. Наконец, к этой же группе, возможно, относится влад. *чапчúнька* 'брезгливый, разборчивый,

³⁷ Ср. также приставочные модели: *загрéбовать* калуж., курск., смол. 'начать брезговать, побрезговать' [СРНГ 10: 29], смол. 'то же' [ССГ 4: 59], пск., смол. 'начать пренебрегать, гнушаться кем-, чем-либо' [СРНГ 10: 29], волгогр. *загрéбать* 'начать гнушаться, пренебрегать, брезгать' [БТСДК: 166], *погрéбать* смол. 'побрезговать чем-либо' [ССГ 8: 101], твер. 'побрезговать' [Селигер 4: 425], *погрéбовать* арх., горьк., дон, зап., брянск., иркут., иссык-кульск., казах. ССР., курск., нижегор., новосиб., пск., ростов., ряз., сиб., смол., тамб., тул. 'погнушаться, побрезговать кем-, чём-л.' [СРНГ 27: 313], новг. 'побрезговать чем-л.' [НОС: 842], твер. 'побрезговать' [Селигер 4: 426], пск., твер. *погрéбки* 'пища, которая пришлось не по вкусу, которой побрезговали' [СРНГ 27: 312].

прихотливый на пищу’ [Даль IV: 582], которое обнаруживает семантические связи со значениями вост. *ча́пать*, *чапа́ть* ‘трогать, брать, хватать; черпать; качать, зыбать’, тул. *ча́пать* ‘брать’, брян. *чапа́ть* ‘трогать, тревожить’ (список приводится по: [ЭССЯ 4: 16–17]). В основе семантического переноса здесь также могло лежать представление о том, что брезгливый человек выбирает, выхватывает из предложенного ему то, что приходится по вкусу.

Другим проявлением излишней разборчивости становится то, что человек может привыкнуть к тому, что ему предлагают, ср. волог. *нюхлый* ‘разборчивый в еде, брезгливый’ [КСГРС].

Брезгливый человек отворачивается от того, что ему не нравится, требуя другого. На это указывает, например, пск., твер. *посві́рывать* ‘привередничать, брезговать’ [СРНГ 30: 142], которое, вероятно, связано с пск., твер. *сви́рять* ‘уклоняться, увиливать от чего-л.’ [СРНГ 36: 296]. Данные слова содержат корень *-vir-* с семантикой верчения. Идея уклонения от чего-л. неприятного, перемены желаний содержится также в твер. *взві́ровать*, *взві́рывать* ‘беспрестанно менять свои желания’ [СРНГ 4: 279]. Более подробно об этимологии лексемы см. в [Малькова 2021а: 266–268].

По-видимому, на некоторое замешательство перед началом употребления пищи со стороны брезгливо настроенного человека указывает пск. *канфу́зиться* ‘испытывать отвращение к кому- чему-н.’: *Можжа вы канфу́зитесь, што я грязна гатовлю, а нет, так сетте, сйэште па блинку* [ПОС 15: 180].

Несколько отстоит от уже рассмотренных лексем волог. *чихі́рник* ‘человек, любящий поесть и попить хорошо, брезгун, привередливый, прихотливый’ [Дилакторский: 559], которое соотносится с *чихі́рничать* ‘пить на чужой счет’ [Там же], без указ. места *чихирь*, *чихирник* ‘беспутный пьяница, шатун и дармоед’ [Даль 4: 609]. Думается, что семантика брезгливости рождается из наблюдения над дерзким, наглым, привередливым поведением пьяницы.

Рассмотренному типу поведения противопоставляется иной, когда человек, напротив, ест все, что ему подадут, ср. урал. *месті́* ‘есть всё подряд, не брезгуя ничем’ [Малеча 2: 422].

В традиционном обществе не принято отказываться от еды. Еда – это главный источник сил и энергии, которые необходимы для физического труда. Нежелание принимать пищу осуждается или оценивается иронично, ср. помор. *на́сыто голодова́ть* ‘говорится в смысле: притворяться голодающим, быть разборчивому в еде при скудности пищевых продуктов, брезговать вообще съестными продуктами или кушаньями’ [Дуров 2011: 244]

Исследуемые лексемы важны в связи с тем, что они функционируют в ситуации приема пищи. Русская трапеза регламентируется очень жестким застольным этикетом. Это касается как праздничного застолья, так и повседневного приема пищи. Относительно рассматриваемой в работе лексики оказывается важным то, что в русской традиции принято все допивать и до-

едать, а после благодарить хозяйку³⁸. Проявление отвращения к еде – это оскорбление по отношению к хозяйке дома, накрывающей на стол.

Еще более строгой является ситуация приема пищи в гостях. Каждому из ее участников приписаны свои роли, нарушение которых вызывает порицание. Хозяева должны угощать пришедших в дом гостей. Пища в данном случае обладает определенными ритуальными функциями. К. В. Пьянкова пишет о том, что «угощение при встрече выполняет контактоустанавливающую функцию и становится залогом успешности дальнейшей коммуникации» [Пьянкова 2013: 338]. Существует целый ряд вербальных формул, которые предназначены для принуждения гостя к еде [Подюков, Свалова 2019: 67–69]. Если угощение не принято, прерывается коммуникативный контакт. Более того, угощение, по наблюдению Г. И. Кабаковой, является материальным воплощением понятия «честь», ср. мурман. *чествовать* ‘приглашать, угощать’, арх., карел. *учестять* ‘угощать’ [Кабакова 2015: 131–132]. Тогда оказывается, что побрезговать угощением – это значит затронуть *честь* хозяев дома, поставить под сомнение уважение к ним.

Закономерным кажется появление такой социально значимой идеогаммы, как зап. сиб. *понасто́ваться* ‘угоститься, не побрезговать угощением’ [СРНГ 29: 249–250]. Представляется, что приведенная лексема имеет мотивационную связь со значениями слова *на́стовать* [СРНГ 20: 192–193]. Проявляя гостеприимство, хозяин настаивает (ср. сиб., урал., курган., забайк. *на́стовать* ‘настаивать на чем-л.’ [Там же: 193]) на том, чтобы гость не пренебрег его вниманием (ср. сиб., якут., курган., челяб., арх., ср.-урал., свердл. *на́стовать* ‘присматривать, ухаживать за кем-, чем-либо; беречь кого-, что-либо; заботиться о ком-, чем-либо’ [Там же: 192], алт. ‘хлопотать по хозяйству’ [Там же: 193]). Возвратная форма глагола указывает на то, что гость, в свою очередь, угощаясь, принимает заботу. Не угоститься – значит побрезговать, отвергнуть чье-л. участие. Возможно, сюда же том. *понастоя́ться* ‘угоститься, не побрезговать угощением’ [СРНГ 29: 249–250] (авторы ЭССЯ указывают на вероятное родство *настоять* и *настовать*, однако для последнего также допускается родство с *наставлять* [ЭССЯ 23: 86–87]).

В заключение обратим внимание на то, что ключевым для мотива пищевого поведения является понятие социальной нормы. Отметим, однако, что в рамках данного лексического множества сама норма выражается имплицитно, во внутренней форме слов фиксируются лишь отклонения от нее, когда один из участников коммуникации поступает вопреки требованиям. Как отмечают Г. Е. Крейдлин и С. И. Переверзева, если «один из участников коммуникации не выразил того смысла, которого ожидал от него партнер или которого требовала сама ситуация

³⁸ М. М. Валенцова и Е. С. Узенёва отмечают, что требованию «попробовать каждого блюда, допить и доедать все до конца, похвалить хозяйку... придавалось магическое значение или мотивировка, ср. рус.: “Не допиваешь, так недолюбливаешь”, “Кто не выпил до дна, не пожелал добра”» [СД 5: 311].

общения», то «дружеское общение может с легкостью перейти в конфликтное» [Крейдлин, Печерзева 2011: 75].

Четкая регламентация норм поведения в народном обществе обуславливает появление **мотива социального взаимодействия**. Внутренняя форма сиб. *разгоні-бесёду* ‘о человеке, неприятном, не умеющем себя вести в обществе’ [СРНГ 33: 309] свидетельствует о том, что человек, не владеющий правилами существования в данном социуме, не способен органично войти в него и оценивается как неприятный, нежелательный член общества.

Нормами социального взаимодействия объясняется также внутренняя форма волг. *ломаться* ‘пренебрегать, брезговать кем-либо’ [СРНГ 17: 118–119]. В обществе не принято пренебрежение, неуважительное отношение к кому-либо. Проявляя же эти чувства, человек нарушает норму поведения, что и отражено во внутренней форме рассматриваемого слова. Ср. также простореч. *ломаться* ‘упрямиться, упорствовать, отказываться от чего-либо, рисуясь, притворяясь’ [ССРЛЯ 6: 345].

На черты поведения объекта неприятия указывает вят. *каплёжник* ‘крайне неприятный человек с отталкивающей внешностью и поведением’ [ОСВГ 5: 23], которое, как представляется, происходит из сарат., пенз., тамб., ворон., курск., калуж., ряз., влад., яросл., костром., волог., вят., перм., краснояр. *каплёжник* ‘человек, который ходит по дворам, кабакам, выпрашивая рюмку водки или сливая остатки водки из пустой посуды, горький пьяница’ [СРНГ 13: 54–55]. Мотивационно значимыми становятся как характеристики поведения пьяницы, назойливость, грубость³⁹, так и его внешний вид: он неопрятен, грязен. Сходной мотивацией обладает, по видимому, и пск., твер. *побрóдливый* ‘пакостный, мерзкий, отвратительный’ [СРНГ 27: 206] ← курск., сталингр., ряз., том. *побродиться* ‘походить по воде, болоту и т. п.’ [СРНГ 27: 206], *бродиться* оренб., свердл., иркут. ‘ходить по воде, лужам, грязи; играть в грязи’, енис., иркут. ‘пачкаться’ [СРНГ 3: 187]⁴⁰.

2. 3. ТМГ «Общая оценка»

Источником мотивации для слов со значением отвращения может выступать лексика, номинирующая собственно **эмоциональное отношение** субъекта состояния. В рамках данного лексического множества это семантика слов гнезда с вершиной *не любить*: арх. *нелюбо* безл. сказ. ‘неприятно, мерзко (о погоде)’, пск. *нелюбо* безл. сказ. ‘неприятно, противно’ [СРНГ 21:

³⁹ Ср. также вят. *каплёжник* ‘нахал, негодник’ [СРНГ 13: 54–55].

⁴⁰ Пск. *побрóдливый* ‘пакостный, мерзкий, отвратительный’ [СРНГ 27: 206], как кажется, возникает путем контаминации слов *побрóдливый* и *бруд* орл., курск., Лит. ССР ‘нечистота, грязь, сор, гадость’, смол., брян. ‘муть, грязь в реке’ [СРНГ 3: 200], смол., Лит. ССР *брудный* ‘грязный, мутный’ [СРНГ 3: 200]. Атриакция происходит ввиду формального и семантического (семы ‘грязный’, ‘неприятный’) сходства данных лексем.

75], твер. *неслюбно* безл. сказ. ‘неприятно; не по душе’ [Там же: 156], якут. *смерть*⁴¹ *нелюбо* ‘очень неприятно, противно’ [СРСГТЯ Р–Я: 48], р. Урал *нелюбый* ‘нелюбимый, противный’ [Малеча 2: 554], костром. *нелюбый* ‘неприятный (о человеке)’ [ЛКТЭ], твер. *неслюбный* ‘неприятный на вид’ [Селигер 4: 126], смол. *нелюбязный* ‘неприятный’, *нелюбязник* ‘о неприятном человеке’ [ССГ 7: 84]. Как представляется, на базе семантики несклонности к чему-либо развивается более экспрессивная семантика отвращения и неприятия.

Отдельного комментария заслуживает чуваш., казан. *навздым не любить* ‘испытывать крайнее отвращение к кому-, чему-либо’ [СРНГ 19: 164]. Прояснения мотивационных отношений требует слово *навздым*, ср. пенз. *навздым* ‘кверху, вверх’ [Там же], твер., пск., олон., новг., свердл. *вздым* ‘подъем’ [СРНГ 4: 262], твер., волог., олон., перм., арх., ленингр., новг., пск., самар. *вздынуть, вздынуть* ‘поднять, приподнять’ [Там же], диал. шир. распр. *здымать* ‘поднимать, приподнимать’ [СРНГ 11: 239]. Вероятнее всего, в данном случае наречие с семантикой направления метафорически используется в функции наречия меры и степени, приобретая значение ‘очень’. Экспрессивность выражаемой семантики объясняет возможность подобного переноса. Ср. литературное наречие *крайне*, образованное также путем переноса от значения места к семантике степени.

С другой стороны, во внутреннюю форму может закладываться представление об определенном поведении. В таком случае приведенную лексему можно сопоставить с урал. *здыморыл* ‘о животном, очень разборчивом в пище’ [СРНГ 11: 239]. Животное поднимает морду, буквально «вздывается», не желая есть то, что вызывает у него неприятие. Человек также может отстраняться от объекта отвращения.

С семантикой сильного пристрастия, вероятно, мотивационно связано *обожить* олон., коми ‘опротиветь (о еде)’ [СРНГ 22: 158], новг., ленингр., волог. ‘надоесть, стать неприятным’ [СРНГ 4: 98]. Лексема, надо полагать, представляет собой факт лексической энантиосемии по отношению к прост. *обожать* в значении ‘очень сильно любить, питать пристрастия к чему-н.’ [ТСлРЯ 2007: 542] (ср. также другие примеры энантиосемии в рамках лексики со значением негативного эмоционального отношения, например, на стр. 56, 64, 126, 138, 167–168). К последнему также восходит смол. *небожанный* ‘немилый’ [СОС: 475].

Однако выскажем еще одно предположение. Данный лексический факт может быть рассмотрен в связи с группой лексики, связывающей мотив жизненного благополучия, различных приятных физических состояний с упоминанием святых. В диалектной фразеологии известны факты типа костр. *как Христос прокатился* ‘о состоянии после выпитого спиртного’ [ЛКТЭ] (об этой присказке мы отдельно писали в [Бормотова, Малькова 2016: 46]). Как кажется, можно предполагать, что рассматриваемая лексика может вписываться в этот ряд, будучи образован-

⁴¹ По-видимому, с усилительным значением, ср. сиб. *смертно* ‘очень сильно, крайне’ [СРГС 4: 352].

ной от слова *Бог* и имеющей словообразовательное значение «наделять кого- или что-л. признаками того, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным» [РГ-80 I: 376]. Показательно в этом плане управление глагола, ср. *Ох, меня уже обожгло. Хватит пока* [СРНГ 22: 158]. Однако, учитывая недостаточность количества фиксаций, невозможно утверждать однозначность этого предположения.

Арх. *едбѣй мешаться (замешаться)* ‘плохо переносить какую-н. пищу, испытывать тошноту, отвращение’ [АОС 13: 33], вероятно, отражает общее представление о том, что вызывающая отвращение пища претит человеку, не доставляет ему удовольствия.

Семантика отвращения может быть мотивирована **эмоциональной характеристикой** объекта восприятия.

Неприятные ощущения возникают в ответ на восприятие чего-либо некрасивого. Об этом говорят такие лексемы, как *небáско* пск., арх., урал. ‘некрасиво; неприятно, нехорошо’ [СРНГ 20: 315], костром. ‘нехорошо, неприятно’ [ЛКТЭ], иркут. *небасковáто* ‘неприятно, неловко’ [СРНГ 20: 315] ← диал. шир. распр. *бáско, баскó* ‘красиво, нарядно, хорошо’ [СРНГ 2: 131]; киров. *некраснó* ‘тяжело, неприятно’ [СРНГ 21: 64] ← яросл., арх., новорос., перм. *краснó* ‘красиво’ [СРНГ 15: 179]; пск. *некрасíво* ‘чрезмерно; так, что вызывает отвращение’ [ПОС 21: 138–139]; волог. *добрéдный* ‘неприятный’ ← ‘красивый, имеющий приятную наружность’ [СГРС 3: 230] (в последнем случае наблюдается один из частотных случаев энантиосемии слов с оценочным значением, когда, по выражению А. Д. Шмелева, «слово, в исходном значении предполагающее положительную оценку, используется для выражения резко отрицательной эмоциональной оценки» [Шмелев 2009: 193–194]).

Общая оценка чего-л. как негативного представлена в сев.-двин. *небóлозе* ‘неважно; плохо; неприятно’ [СРНГ 20: 320] ← волог., арх., сев.-двин., новг., костр., сев.-вост. *бóлозе* ‘хорошо, кстати; хорошо, что’ [СРНГ 3: 76]; нижегор. *блáго* ‘противно’ ← ‘плохо, некрасиво’: *Тут бóльно идтí-то благо, одне кóчки, пойдёмте другóй дорóгой* [ДСНО 1: 128], пск. *благóй* ‘неприятный дурной (о запахе)’ ← ‘плохой’ [ПОС 2: 27] (при этом в данном случае наблюдаем энантиосемию); ряз. *нехорóший* ‘некрасивый, физически неприятный’ [Деулино: 342] ← общенар. *нехорóший*; олон., север. *неумíльный* ‘непристойный, неприятный’ [СРНГ 21: 294] ← пск., костром., одес. *умíльный* ‘хороший, приятный, милый’ [СРНГ 47: 186]; пск. *немíлый* ‘неприятный, отталкивающий’, *немíлик* ‘неприятный человек’ [ПОС 21: 161–162]; свердл., перм., краснояр., хакас. *неслáвно* ‘нехорошо, плохо, скверно, неприятно’: *Что-то оне неславно задумали; Ты эк-ту неславно делаешь* [СРНГ 21: 155], казаки-некрасовцы *неслáмно* ‘нехорошо, плохо, скверно, неприятно’ [Там же] (от *неслáвно* в результате ассимиляции $m \leftrightarrow n$) ← разг. *слáвный* ‘отличный, хороший’.

По данным языка, объект отвращения какими-то своими качествами не соответствует требованиям субъекта восприятия, на что указывает сиб. *неприго́жий* ‘отталкивающий, неприятный на вид’ [СРНГ 21: 126], смол. *непригоже́нный* ‘некрасивый, неприятный на вид’ [ССГ 7: 87], пск., волог. *неуго́дный* ‘неприятный, неприемлемый’ [СРНГ 21: 186], р. Урал *него́дный* ‘неприятный, противный’ [СРНГ 20: 373], перм. *него́дно* ‘не по вкусу, не по нраву, не по душе, неприятно’ [Там же], арх. *невзго́дно* ‘неудобно, неприятно, нехорошо’ [Там же: 339], костром. *не́годь* собир. ‘что-то ненужное, неприятное, вызывающее отвращение’ [ЛКТЭ], которые соотносятся с глаголом *не годиться*; пск. *неподо́бный* ‘гадкий, худой, нехороший’ [ПСК 21: 190] ← *не подобает*.

Ряз. *не в обы́чай* ‘не нравится, неприятно, не по нутру’ [Ванюшечкин А–Н: 10] говорит о важности ритуалов, общепринятого порядка. То, что не соответствует ему, может вызывать определенное неприятие. Близко с мотивационной точки зрения находятся костром. *ока́зево* ‘нечто противное, безобразное’ [ССЯСЗ: 70], которое соотносится с устар. и разг. *ока́зия* ‘редкий, необычный случай, неожиданность’ [ТСлРЯ 2007: 560], а также пск. *непривы́чный* ‘неприятный для уха, раздражающий’ [ПОС 21: 204] ← общенар. *непривы́чный* ‘необычный, не известный ранее’; волгогр. *неправильный* ‘противный, отвратительный, неприятный’ [СДГВО 3: 487] ← общенар. *непра́вильный* ‘не соответствующий норме, установленному порядку’.

В языковых фактах мы видим также оценку неприятного как того, что не имеет какой-либо цены (пск. *ничего́ не стоить* ‘быть плохим, неприятным’ [ПОС 21: 350]) и причиняет вред (перм. *вредный* ‘неприятный на вкус, горький’ [СПГ 1: 124–125]).

Если в вышеприведенных лексемах во внутренней форме было заложено отрицаемое положительное качество, то у следующих устойчивых сочетаний внутренняя форма изначально связана с негативным признаком.

Обобщенная отрицательная оценка важна для гнезда с вершиной *лихой*: свердл. *лихо́й* ‘неприятный на вкус, по запаху; тошнотворный’ [СРНГ 17: 78–79], вят., перм., свердл., тобол., иркут., арх., печор., коми., волог., самар., вост. мар. АССР *ли́хо* ‘противно, неприятно’ [Там же: 76–77], тюмен. *лихомáтно* ‘неприятно, тошно’ [Там же: 80], волог. *лихомáн* ‘неприятный человек’ [Там же: 79]. Как отмечают авторы ЭССЯ, слова с основой **lix-* первоначально имели семантику ‘остаточный, лишний’ и далее эволюционировали в сторону разных конкретных значений или негативных употреблений [ЭССЯ 15: 89–91]. Учитывая большое количество пейоративных значений разного рода⁴², можно предполагать, что семантика противного, неприятного

⁴² Ср., например, *ли́хо* диал. шир. распр. ‘тяжело, плохо, больно (физически или морально)’, волог. ‘скучно’, арх., волог., олон., коми, новг., свердл., новосиб., курган. ‘не хочется, неохота, лень’, волог., вят., перм., оренб., пск., смол., зап., калуж., ворон., камч. ‘обидно, досадно’, влад., яросл., волог., арх. ‘нехорошо, злобно, лукаво’, влад. ‘стыдно, совестно’, краснояр. ‘недобросовестно, небрежно’, смол. ‘ненастно’ [СРНГ 17: 76–77], *лихомáн* курск.

развивалась самостоятельно, независимо от других значений или в тесном переплетении с ними, реализуя в общем виде потенциал праславянского корня.

Общеоценочный потенциал также релизует ряд других лексем, имеющих различное происхождение. Так, новг. *окромéшный* ‘противный’: *Ух ты окромешная, как опачкалась* [НОС: 713–714], по-видимому, соотносится с новг. *ад окромéшный* ‘о невыносимой обстановке’ [Там же]. Перм. *чурное рыло* ‘неприятный человек’ [СПГ 2: 309], возможно, связано с разг. *чур меня* ‘междометие, выражающее желание избежать контакта с чем-л. неприятным’. С семантикой враждебности в общем виде соотносится смол. *авра́жий* ‘вредный, противный’ [ССГ 1: 62].

Костром. *у́рево* ‘неприятный, неумелый человек’, ‘о неприятном человеке, который не симпатичен’ [ЛКТЭ] обладает связью с целым рядом негативных характеристик человека, ср. костром. *у́рево* ‘о некрасивом или странном человеке’, ‘о неповоротливом, нерасторопном человеке’, ‘о неаккуратном, неопрятном человеке’, ‘неудачник’, ‘бранно о человеке’ и др. [ЛКТЭ]. Думается, что весь комплекс бранных употреблений соотносится с костром. *у́рево* ‘лицо, рожа’ [СРНГ 47: 325] (← костром. *у́рево* ‘рот’ [Там же], далее, вероятно, к волог. *ури́ть* ‘выражать недовольствие ревом, ворчанием (о животных)’ [Там же: 335]), ср. простореч. *морда* грубо простореч. ‘лицо человека’, бран. ‘в обращении’ [ССРЛЯ 6: 1255–1256].

Отдельно следует рассмотреть **морально-этическую оценку** как импульс к формированию значения отвращения и неприятия.

Существует переход от семантики постыдного, позорного к семантике отвратительного, неприятного, как в перм. *страм, срам* ‘о ком-, чем-л., вызывающем неприязнь, отвращение’ [АС 5: 149–150], новосиб. *стра́мность* ‘что-л., вызывающее неприятное чувство, отвращение’ [СРНГ 41: 283], *страмоти́на* ‘то же’ [Там же: 284], тобол., ряз. *страмота́* ‘то же’ [Там же: 284], ряз. *страмоти́ща* ‘о чем-л. неприятном, вызывающем отвращение’ [Деулино: 544], перм. *страмоти́ще* ‘о том, кто или что вызывает чувство гадливости, брезгливости’ [АС 5: 150], твер. *страмоте́нь* ‘о том, что вызывает отвращение’ [Селигер 7: 218], тобол., перм., том. *страмно́й* ‘неприятный, противный, гадкий’ [СРНГ 41: 282–283], *стра́мно* ряз. ‘неприятно, противно’ [Деулино: 544], ср.-урал. ‘то же’ [СРГСУ 6: 66], прикам. ‘неприятно’ [СРГЮП 2: 188]. Варианты без эпентезы: арх. *сра́мный*, влад. *срамно́й* ‘противный, гадкий (о человеке)’ [СРНГ 40: 304–305], ср.-урал. *срамно́й* ‘противный, гадкий; паршивый (о кошках)’ [СРГСУ 6: 52]. Семантическое развитие в данном направлении обусловлено крайне негативной морально-этической оценкой со стороны носителя языка всего бесстыдного, непристойного, порочащего, восприятием такового как отвратительного и вызывающего брезгливость, ср. также

‘дьявол, черт’, тобол., вост. ‘злодей’, вост. ‘обманщик, мошенник’, вост. ‘злой человек, недоброжелатель’, вост. ‘горемыка’, вост. ‘проказник’, сев.-двин. ‘сумасбродный человек’ [Там же: 79] и т. д..

якут. *стыдкóй* ‘некрасивый, неприятный на внешность; уродливый’ [СРСГТЯ Р–Я: 66] (см. об этом, например, [Бормотова 2018: 84]).

2. 4. ТМГ «Физические положения и перемещения»

В данной тематико-мотивационной группе будут рассматриваться лексемы, мотивированные наименованиями пространственных категорий и перемещений различных субъектов в пространстве. Пространство в русской культуре является одной из отражающих мировоззренческих категорий. Оно антропоцентрично: человек находится в центре мира и оценивает другие явления действительности относительно самого себя [СД 4: 304]⁴³. Так, становится особенно значимым признак **положения тела в пространстве**. Семантика отвращения связывается с локусами негативными, враждебными человеку.

Активно формируются номинации на базе семантики **положения против чего-либо**:

1) наименования эмоционального состояния: *супротивно* ряз. ‘противно, отвратительно’ [Ванюшечкин О–Я: 181], смол. ‘противно, неприятно’ [СРНГ 42: 263] (с архаичным префиксом *су-*), пск. *опротивно* ‘о чувстве отвращения, испытываемом кем-н.’ [ПОС 23: 303], карел. *спротиветь* ‘стать противно’: *Меня спротивело, даже рвало, я даже чулка не могла ей надеть* [СРГК 6: 279], р. Урал *прóтив* ‘не нравится, противен’: *Лешка нашей Олечке против* [СРНГ 32: 268];

2) наименования взаимодействия субъекта и объекта: смол., твер., пск., кубан., волог. *запротіветь* ‘сделаться противным, опротиветь’ [СРНГ 10: 360], волог. *испротіветь* ‘то же’ [СВГ 3: 25], орл. *напротіветь* ‘стать противным, невыносимым кому-л.; опротиветь’ [СОГ 7: 53], *опротивиться* смол. ‘сделаться неприятным, противным’ [ССГ 7: 176], ростов. ‘опротиветь’ [БТСДК: 339], ср.-урал. *опротивлять* ‘становиться противным кому-либо’ [СРГСУ/Д: 372], арх. *отпротіветь* ‘надоест, опротиветь’, арх. *отпротіветь от чего-либо* ‘отвратить, оттолкнуть’ [СРНГ 24: 279–280], *попротіветь* пск. ‘опротиветь’ [СРНГ 30: 9], новг. ‘то же’ [НОС: 908], карел. *протівить* ‘отвращать, отталкивать от чего-н., делать неприемлемым’ [СРГК 5: 308], ростов. *спротивиться* ‘опротиветь’ [БТСДК: 505];

3) наименования объекта ощущения и его признаков: литер. *противный*, яросл. *сопротівный* ‘противный, неприятный’ [СРНГ 40: 6–7], влад. *протівница* ‘противная девочка, женщина’ [СРНГ 32: 269].

Значение противоположности наделено в русской культуре отрицательным значением. В основе семантизации оценки пространства лежит семантическая оппозиция «свой – чужой» [СД 4: 304]. В то же время положение напротив осознается как нечто находящееся на пути, следова-

⁴³ Монографическое освещение пространственных образов в лексике отвращения также см. в [Малькова 20186].

тельно, противодействующее, враждебное. В мотивационном отношении особую роль мог сыграть признак отличия, непохожести на субъект состояния того или иного явления действительности. Объект восприятия обладает некими противоположными субъекту признаками, поэтому вызывающими неприятные эмоции и ощущения.

Переходным случаем по отношению к следующей группе является том. *проти́тельно* ‘противно’ [СРНГ 32: 271]. Как кажется, данная лексема является результатом контаминации слов *противно* и *претить*.

Признак «**поперечности**» также осмысливается до обозначения негативной эмоциональной оценки:

1) наименования эмоционального состояния: арх. *прети́тельно* ‘противно’ [УНС: 268], волог. *прётно* ‘неприятно, противно’ [СВГ 8: 37], пск., твер. *попрёт* ‘отвращение’ [СРНГ 29: 341], сюда же, вероятно, орл. *прётко* ‘о чувстве отвращения, испытываемом кем-л., противно’ [СОГ 11: 123], волог. *запреку́* ‘неприятно, досадно, обидно’ [СРГК 2: 184];

2) наименования взаимодействия субъекта и объекта: твер. *напретить* ‘надоесть, опротиветь’ [Селигер 4: 62], твер. *опопрёт* ‘стать неприятным кому-н., для кого-н.’ [Селигер 4: 248], пск. *отопрётить* ‘стать неприятным, опротиветь’ [ПОС 24: 172], пск. *отпрётить* ‘начать вызывать отвращение, опротиветь’ [Там же: 199], влад., твер., яросл., волог., вят. *попретить* ‘о чувстве отвращения к чему-л.’ [СРНГ 29: 341–342], петрозав. *прийти́ во прет* ‘не понравиться, вызвать неприятные чувства’ [СРНГ 31: 234];

3) наименования поведенческой реакции: яросл. *прётко*, *прётно* ‘брезгливо’ [СРНГ 31: 97];

4) наименования объекта неприятия и его признаков: твер. *попрётный* ‘неприятный, противный (о человеке)’ [Селигер 5: 36], *попрётчивый* ‘вызывающий отвращение’ [СРНГ 29: 342], твер. *попрёта* ‘о неприятном, противном человеке или животном’ [Селигер 5: 35], смол. *спрет* ‘неприятный, гадкий человек’ [СРНГ 40: 262].

Можно реконструировать следующую цепочку развития значения: ‘иметь поперечное положение’ → ‘препятствовать’ → ‘вызывать отвращение, быть противным’.

Как враждебное, неприятное оценивается то, что находится на пути кого-л., ср. нижегор. *встрéчник* ‘неприятный человек’ [ДСНО 2: 145].

Мотив **положения сзади** чего-л. заложен в олон. *позади́ глаз* ‘неприятно, тяжело смотреть на кого-л.’ [СРНГ 28: 306–307]. Как отмечает Е. И. Якушкина, которая изучала продолжения корня *-пак-*, имеющего семантику вывернутого, обратного, положение позади также обладает отрицательными культурными коннотациями [Якушкина 2003: 52, 70].

Во внутренней форме слова могут быть заложены представления о **далеком – близком положении**, при этом далекое положение маркируется отрицательно, ср. пск. *бесприятно* ‘не-

приятно' [ПОС 1: 191], карел. *неприя́сиво* 'нечто неприятное' [СРГК 4: 8], а также общерус. *неприятно*. Как отмечает Л. П. Дронова, рассматривая однокоренные слова *приятель* и *приятнь*, с мотивационной точки зрения данные слова несут в себе пространственный образ, направление развития значения при этом реконструируется следующим образом «рядом (находящийся) близко» → «близкий (человек)» → «дорогой, любимый; быть расположенным, любить» [Дронова 2007: 229–230]. К тому же корню, очевидно, восходит пск. *нять* безл. 'стать неприятным, надоест': *Ана свинаркой работала, ей так ня́ла, так ня́ла, свиньи надаели ей* [ПОС 22: 38–39]. Очевидно, что излишний контакт (см. сему «надоест» в структуре лексического значения) также может приводить к возникновению неприятия.

Источником семантики отвращения, брезгливости может становиться значение **движения, перемещения тела в пространстве**. Ключевой идеей в рамках этой группы является идея удаления субъекта от объекта восприятия

Самым частотным является мотив **поворота от чего-л.**: литер. *отвраще́ние* 'сильное чувство неприязни, соединенной с брезгливостью; гадливость, омерзение' [ССРЛЯ 8: 1300], *отворо́т* без указ. места 'отвращение, нелюбовь, антипатия (?)' [СРНГ 24: 147], помор. 'отвращение, оскомина' [Дуров: 276], арх. 'то же' [Грандиловский: 224], перм. *отворо́тный* 'неприятный на вкус, противный' [АС 3: 132], нижегор. *до отворо́ту* 'до отвращения (наесться, накормить и т. п.)' [БСРП: 469], пск. *отворотя́сь не наглядёться* 'о ком-л., о чём-л., отвратительном, неприглядном' [Там же], орл. *отвороти́ть* 'стать отвратительным кому-л.; опротиветь, опостылеть' [СОГ 8: 183], брян. *адварати́ть* 'путем колдовства вызвать у мужчины отвращение к любимой им женщине или у женщины к мужчине' [СНГЗБ: 34], волог. *вороти́ться* 'пренебрегать чем-либо, испытывать неприятие по отношению к чему-либо' [СГРС 3: 184], якут. *отворо́тно* 'неприятно, неприлично, противно; вульгарно': *Отворотно даже смотреть на него, весь он искалеченный. Война так сделала* [СРСГТЯ К–П: 122].

Действие может мыслиться как безличное, так подчеркивается иррациональность, неподконтрольность чувства отвращения: смол. *отверну́ть* 'о возбуждении отвращения и потере аппетита': *Отверну́ла ить яды* [СОС: 546], арх. *отверну́ть, отвороти́ть* 'констатация состояния отвращения, пресыщения': *Как плюну́ю мне в душу, дак на фсю жы́сь отверну́ло от ево́* [УНС: 222], пск. *отвора́чивать* 'вызывать отвращение, тошноту': *А во́тку ско́ка ни пи́л, ско́ка пло́ха не́ была, не отвара́чиваит* [ПОС 24: 15], пск., твер. *переворотило́* 'опротивело' [СРНГ 26: 58], смол. *развора́чивать* 'о чувстве неприязни, отвращения к кому-, чему-л.': *Развора́чивает его от жены* [СРНГ 33: 296].

Реализуется мотив совершения **движения по направлению от** объекта восприятия. В данной группе преобладают экспрессивные пространственные глаголы с семантикой движения высокой интенсивности: арх. *отде́рнуть* безл. 'возбудить чувство отвращения; отворотить'

[СРНГ 24: 165], *откі́дывать* арх. ‘отвратить от чего-либо, вызвать отвращение к чему-либо’: *С малолетства откинуло, так молока и не пью* [Там же: 201–202], новг. ‘то же’ [НОС: 754]. Сюда же относится слово категории состояния, связанное с глаголом, обозначающим менее интенсивное действие: пск. *отва́дно* ‘неприятно, непривычно (?)’ [ПОС 23: 509], ср. *отводить, отве-сти*.

Пространственные образы разъединения несут в себе мурман. *оторва́ть* ‘о состоянии, когда что-н. надоедает, становится неприятным’ [СРГК 4: 313], волог. *отвали́ть* ‘вызвать отвращение’ [СРГК 4: 276]

Еще один локус маркируется **мотивом движения по направлению вниз**, который реализуется в *назника́ть* арх., свердл., олон. ‘пренебрегать кем-, чем-либо; презирать кого-либо; брезговать’ [СРНГ 19: 285], ср.-урал. ‘пренебрегать, брезговать’ [СРГСУ 2: 167]. Мы предполагаем, что *назника́ть* – префиксальные образования от прасл. **nikati*, гл. на *-ati* с корнем *nik-* ‘низ’ [ЭССЯ 25: 114–115], обратим внимание на диерезу: *назника́ть* < *навзника́ть*. Думается, что в продолжениях корня **nik-* представлена идея умаления человека, к которому проявляется брезгливость (или презрение, ср. литер. *уни́зить* ‘оскорбить чье-л. достоинство’).

Немногочисленно реализуется в языке мотив **кривизны**. Представление о ненормативности кривого, косо́го заставляет приобретать лексемы с соответствующей семантикой негативные коннотации, которые способствуют формированию значения неприятия, ср. пск. *крі́во* ‘неприятно’ [ПОС 16: 159–160].

Наконец, в рамках исследуемой группы лексики реализуется мотив **нарушения порядка, слаженности**. Беспорядок негативно оценивается в культуре, именно поэтому с помощью этой идеи может концептуализироваться семантика *неприятя* (яросл. *хао́сно* ‘противно’ [ЯОС 10: 30]) и *неприятного* (*нескла́дный* пск. ‘о человеке: имеющий неприятные свойства, черты характера’ [ПОС 21: 234–235], морд. ‘плохой, неприятный’ [СРГМ/Д: 180]).

Несколько отстоит от выше рассмотренных мотив **беспорядочного движения**. К этой группе относятся алт., том., челяб. *намая́чить* ‘наскучить, надоесть; опротиветь’ [СРНГ 20: 31], ср. разг. *мая́чить* ‘постоянно попадаться кому-либо на глаза’, ‘мелькать’; волгогр. *приби́ться* ‘стать неприятным, скучным от однообразия, повторения и т.п.; надоесть’ [СДГВО 6: 97] от глагола *бить* с помощью префикса *при-* и постфикса *-ся* (словообразовательное значение «совершая действие, названное мотивирующим глаголом, приспособиться, привыкнуть к чему-н.» [РГ-80 1: 387–388]). Признак постоянного, навязчивого движения ложится в основу появления у лексемы семантики надоедливости и неприятности.

2. 5. ТМГ «Материальная и духовная культура»

Начнём рассмотрение с лексики **материальной культуры**, а именно со слов, которые мотивируются наименованиями **пищи и её вкусовыми качествами**⁴⁴.

К данной тематико-мотивационной группе относится волог. *озóлеть* ‘потерять вкус; опротиветь’ ← арх. *озóлеть* ‘скиснуть’ [СРНГ 23: 98]. В данном случае значение отвращения мотивируется реальной ситуацией порчи продукта, потерей присущего ему вкуса.

Том., смол. *прíторно* ‘противно, неприятно’ [СРНГ 32: 23], перм., волог., яросл. *приторомко* ‘противно, неприятно’ [Там же], волог. *прíторошно* ‘неприятно’ [СРГК 5: 215], смол. *прíторный* ‘противный, неприятный’ [СРНГ 32: 23] связаны с общенар. *прíторный* ‘слишком сладкий’. Сладость пищи традиционно воспринимается как положительное ее свойство, однако чрезмерная сладость, приторность маркируется отрицательно. М. Фасмер возводит *приторный* к *тереть* [Фасмер 2: 368]. Источником неприятного ощущения в таком случае оказывается острота, насыщенность вкуса чрезмерно сладкой пищи. Можно было бы предположить, что диал. *прíторный* ‘противный, неприятный’ (и др. сходные лексемы) и общенар. *прíторный* ‘слишком сладкий’ имеют разные линии развития значения. В таком случае слова, входящие в группу лексики «Отвращение», следовало бы рассматривать как мотивированные семантикой перцептивных ощущений непосредственно; семантическая деривация при этом выглядит следующим образом: ‘тереть’ → ‘вызывать неприятные ощущения’ → ‘о чувстве отвращения, неприятия’. Однако, как кажется, более предпочтительно предполагать, что мотивирующей для значения отвращения являлась семантика чрезмерно сладкого, поскольку на тех же территориях мы встречаем том., челяб., свердл., КАССР, олон., курган., иркут., мурман. *прíторомко*, волог., яросл., свердл., заонеж. *приторóмко*, север., новг., тобол. *приторомко* [удар.?] ‘очень сладко, приторно’ [СРНГ 32: 23], яросл., перм., тюмен., свердл., заурал., забайкал., якут. *прíторомкий*, якут. *приторомкóй* ‘приторный’ [Там же]⁴⁵.

Применительно к словам данной группы можно говорить о синестетической метафоре, которая понимается как метафора, «состоящая в том, что слово, значение которого связано с одним органом чувств, употребляется в значении, относящемся к другому органу чувств» [Ульманн 1970: 279]. В основе всех слов данной группы лежит обозначение вкусового восприя-

⁴⁴ Безусловно, в этой ТМГ будут присутствовать лексемы, которые связаны с перцепцией (обозначения вкусов, запахов, звуков) и которые могли бы быть отнесены к ТМГ «Соматика и перепция». Тем не менее в работе они рассматриваются в одном ряду с наименованиями объектов материального мира и черт этих объектов. Такое решение обусловлено тем, что во внутренней форме слов из данной ТМГ зачастую описываются свойства тех или иных веществ / явлений (например, переход курск. *бесево* ‘что-либо неприятное на вкус’ [СКГ 1: 76] ← ‘белена’ [Там же] указывает на горечь), в то время как в рамках ТМГ «Соматика и перцепция» мы рассматриваем лексемы, во внутренней форме которых содержится указание на различные перцептивные системы (волгогр. *не ви́дел бы на свéте кого-л.* ‘кто-л. не нужен, опротивел’ [СДГВО 1: 251] и др.).

⁴⁵ Об этимологии слова мы писали ранее (см. стр. 38–39).

тия, которое в процессе семантической деривации способно развиваться до восприятия любой другой сенсорной системой или перейти в сферу обозначения эмоционального состояния человека. Еще один пример синестетического переноса в данной группе – волог. *начерствовать* ‘надоесть, опротиветь’ [КСГРС] ← общерус. *черствовать* ‘становиться чёрственным, засохшим (о выпечке)’.

Следующая лексема, мотивация которой может быть связана сразу с двумя тематическими областями, – это пск. *лютый* ‘противный на вкус’ [ПОС 17: 288]. И. П. Петлева полагает, что лексема *лютый* восходит к праслав. **l’utъ*, связанному с и.-е. **leu-* ‘отрезать, отделять’ [Петлева 1981: 48]. При этом «вкусовые» значения прилагательного **l’utъ* (‘острый’, ‘кислый’, ‘крепкий’) «восходят к “бить, резать, колоть...” через промежуточное звено “острый, резкий” или “жесткий, твердый, давящий”» [Там же: 45]⁴⁶. На псковской территории мы не находим прилагательных с такой семантикой, но обнаруживаем их на других, ср. *лютый* волгогр. ‘острый, крепкий, горький (об овощах)’ [СДГВО 3: 312], карел. ‘обжигающий (о чем-н. горячем или очень холодном)’ [СРГК 3: 170], а также твер. ‘ядовитый’ [Селигер 3: 239].

Основанием переноса волог. *сулемá* ‘о чем-л. невкусном, неприятном’ [СРНГ 42: 219–220] ← волог. *сулемá* ‘всякий яд, отравá’ [Там же]; арх., волог. *óмег* ‘неприятная на вкус или вредная пища’ [КСГРС] ← ‘ядовитое растение’⁴⁷ [Там же], ср. также пск. *вóмег* ‘что-н. неприятное, невкусное’ [ПОС 4: 144]; курск. *бесево* ‘что-либо неприятное на вкус’ [СКГ 1: 76] ← ‘белена’ [Там же] является представление о неприятном вкусе последнего, ср. разг. *отрáва* ‘о неприятных на вкус или вредных для здоровья напитках, пище’ [ССРЛЯ 8: 1555]. С синестетическим переносом сюда относится также нижнепечор. *ядкой* ‘с резким, неприятным запахом’ [СРНП 2: 466]. Благодаря расширению семантики, появляется волог. *сулемá* ‘о ком-, чем-л. неприятном, вызывающем неприязненное отношение’ [СРНГ 42: 219–220].

Краснодар. *жéзло* ‘что-либо очень кислое, неприятное на вкус’ [СРНГ 9: 100], как кажется, с метатезой восход к *железо*: обозначение металлического привкуса могло дать семантику кислого, неприятного на вкус.

Для курск., твер., пск. *приédчивый* ‘такой, который скоро приедается, делается противным (о пище)’ [СРНГ 31: 198] можно провести параллель с семантикой надоедания, многократно реализующейся в рамках данного лексического множества.

К этой же группе относится словообразовательный диалектизм арх. *невкуснящий* ‘очень неприятный на вкус, неаппетитный’ [СРНГ 20: 346].

⁴⁶ В качестве сравнения И. П. Петлева предлагает дериваты слав. **bridъkъ* [Петлева 1981: 48].

⁴⁷ Восходит к праслав. **otědъ*, которое «связано чередованием с *мигать* из-за одурманивающего действия» [Фасмер 3: 138].

Костром. *как отресёлок* ‘вызывающий брезгливость (о человеке)’ [ССЯСЗ: 75] связано с костром. *отресёлок* ‘плохой вилок капусты’ [Там же], ‘незавязавшийся вилок капусты’ [ЛКТЭ]. Перенос происходит, по-видимому, по признаку внешнего вида: речь идёт о худом, неприглядном человеке, ср. костром. *как отресёлок* ‘о невзрачном человеке’: *Поглядеть: как отресёлок, ну вот худой, плохой, маленький, а как навильник*⁴⁸ *подаёт* [ЛКТЭ].

Обратимся к лексике, связанной с обозначением **запахов и их свойств**.

Общеизвестно, что обозначения запаха в русском языке не проработаны так детально, как, к примеру, обозначения цвета; нет однословных средств вербального выражения для многих их признаков. Именно поэтому в этой группе продуктивна модель семантической конденсации, когда происходит сгущение изначально заложенных смыслов: ‘какой-либо запах’ → ‘слишком сильный запах’ → ‘неприятный запах’ → ‘то, что неприятно пахнет’ и далее к обозначению неприятного ощущения от контакта с этим запахом.

Так, корень *-смород-/смрад-/смерд-* несет семантику сильного запаха, ср. *сморóдина* (листья этого кустарника издают сильный запах) [Фасмер III: 691–692], который впоследствии переосмысливается как неприятный. В рамках нашей группы лексики находим такие слова, как свердл. *смёрдно* ‘неприятно, противно от запаха’ [СРНГ 38: 356], твер. *смерёд* ‘неприятный запах’ [Селигер 7: 120], пск. *сморд* ‘то же’ [СРНГ 39: 41], *смóрод* новг., петерб., пск., калин., брян., смол., олон., арх., волог., яросл., костром., нижегор., вят., киров., вост., перм., свердл. ‘то же’ [Там же: 42], коми ‘то же’ [СРГНП 2: 288], краснаяр. ‘то же’ [СРГЦРКК 4: 140], Лит. ССР *смрод* ‘то же’ [СРНГ 39: 56], пск., твер. *смúрод*, зап., пск. *смурод* [удар.?] ‘то же’ [Там же: 59], коми *сморóдливый* ‘с неприятным запахом’ [СРГНП 2: 288].

Позднее приращение семы «неприятный» произошло у дериватов слова *вонь*, имевшего первоначально значение ‘запах’ [Фасмер I: 349]. В лексикографической литературе встречаем обозначения неприятного запаха (сев.-двин. *вóнеть* ‘неприятный запах, вонь’ [СРНГ 5: 91], брянск. *вонёта* ‘то же’ [СБГ 3: 48], карел. *вóнько* ‘то же’ [СРГК 1: 227], забайкал. ‘то же’ [СРГЗ: 81], *вонькó* ‘то же’ [Там же]); того, что обладает неприятным запахом (перм. *вонёныш* ‘о чём-л., имеющем сильный неприятный запах’ [АС 1: 147]); признака неприятного запаха (*вóнький* пск. ‘неприятно пахнущий, зловонный’ [ПОС 4: 145], твер. ‘то же’ [Селигер 1: 123], ирк. ‘то же’ [СГРСБС 8: 213], *вонькóй* перм. ‘издающий сильный, неприятный запах’ [АС 1: 147], ср.-урал. ‘издающий неприятный запах’ [СРГСУ/Д: 78], арх. ‘зловонный, протухший, отвратительно воняющий’ [Грандилевский: 114], новг. *воня́лый*, *воня́вый* ‘с неприятным запахом’ [НОС: 126], арх. *воня́вый* ‘с сильным неприятным запахом’ [СРГК 1: 227]). В формировании негативно окрашенной семантики также могут принимать участие суффиксы *-ин-* и *-ищ-*, которые придают увеличительное значение: *вонíна* перм. ‘сильный неприятный запах; вонь’ [СРГСПК: 268],

⁴⁸ Костром. *навильник* ‘количество сена, подаваемое на стог за один раз’ [ЛКТЭ].

‘о чём-л., ком-л., источающем резкий, отвратительный запах’ [АС 1: 147], арх. ‘неприятный запах’ [АОС 5: 80], пск. *воні́ца* ‘очень неприятный запах, сильная вонь’ [ПОС 4: 145], перм. *воні́це* ‘резкий, отвратительный запах’ [Акчим 1: 147].

Аналогичным образом развивается значение у дериватов слова *дух*, ср. обозначения:

1) неприятного запаха: *дух* костром. ‘любой неприятный запах’ [Ганцовская КГ 2: 66], томск. ‘то же’ [ПСДЯЛ 1: 268], ср.-урал. ‘духота, спертый воздух; сильный запах, обычно неприятный; вонь, смрад’ [СРГСУ 1: 148]⁴⁹, перм. *духотá* ‘сильный, неприятный запах’ [АС 1: 264], бурят., ирк., красноярск., якут., читинск. *души́ной во́здух* ‘неприятный запах’ [СГРСБС 7: 426]. При этом негативная оценка может создаваться с помощью словообразовательных средств: красноярск. *духні́на* ‘вонь, сильный отвратительный запах, зловоние, смрад’ [СГРСБС 15: 147], ростов., яросл., арх., новг., новосиб., сев., ср.-урал. *души́на*, сев., ср.-урал., новг. *души́на* ‘сильный запах (обычно неприятный)’ [СРНГ 8: 283], волог. *души́на*, *души́на* ‘сильный неприятный запах’ [СВГ 2: 67], *души́на* тюмен. ‘отвратительный запах’ [СРСГЮТО 1: 215], костром. ‘то же’ [ЛКТЭ], перм. *души́це* ‘сильный запах (обычно неприятный)’ [СРНГ 8: 284], свердл. *продуши́це* ‘неприятный запах, зловоние’ [СРНГ 32: 129];

2) свойств предмета, обладающего таким запахом: арх. *за́духой* ‘имеющий неприятный запах, протухший’ [АОС 16: 331], новг. *духа́тый* ‘имеющий неприятный запах’ [НОС: 239], томск. *духля́вый* ‘то же’ [ВС 2: 170], помор. *душа́лой* ‘отдающий гнилым запахом, зловонный, имеющий запах разложения, пахнущий неприятно’ [Дуров: 108], новг. *душмя́ный* ‘с неприятным сильным запахом’ [СРГК 2: 13–14], *души́ной* арх. ‘обладающий сильным, резким неприятным запахом’ [СГРС 3: 292], ирк. ‘имеющий сильный неприятный запах’ [СГРСБС 15: 210];

3) ощущения от контакта с неприятным запахом: костром. *ду́шино* ‘неприятно, вонюче’ [СГКЗ: 102].

Семантическая конденсация наблюдается для слов, связанных с глаголом *пахнуть*: арх. *за́пах*, *запа́х* ‘неприятный запах’ [АОС 18: 308], *запа́хлой* ‘издающий неприятный запах, затхлый’ [Там же: 313–314], *запа́шной*, *запаши́ной* ‘имеющий неприятный запах’ [Там же: 318], волог. *запаши́ной* ‘имеющий сильный неприятный запах’ [СРГК 2: 171], новг. *пахли́вый* ‘имеющий резкий, неприятный запах’ [СРГК 4: 413], перм. *пахлы́й* ‘издающий неприятный гнилостный запах (о продуктах питания)’ [АС 4: 18], карел. *пахну́чий*, *пахню́чий* ‘имеющий резкий, неприятный запах’ [СРГК 4: 414], новг. *пахы́стый* ‘имеющий неприятный запах’ [НОС: 796]. Негативная семантика также может формироваться с помощью словообразовательных средств: арх. *запахни́це* ‘неприятный запах’ [АОС 18: 314], *запахи́на* новг. ‘сильный, неприятный за-

⁴⁹ Ср. также ворон. *на дух не неси что-либо* ‘об отвращении к чему-либо’ [СРНГ 8: 277], ворон. *на дух не нести́* ‘не хотеть чего-либо (пищи и т. п.) из-за отвращения’ [СРНГ 21: 165].

пах' [НОС: 306], арх., волог. 'неприятный запах' [СГРС 4: 150], арх. *запахóк* 'то же' [АОС 18: 319], *запахíще* 'резкий неприятный запах' [Там же: 318].

У лексем приведенных групп может происходить расширение семантики до обозначения вызывающего отвращение человека вообще (вероятно, в процессе бранного употребления), ср.: волог. *душно́й* 'неприятно пахнущий, вонючий, зловонный' [СВГ 2: 68] → 'очень непривлекательный по внешнему виду, противный' [Там же]; перм. *вонíще* 'резкий, отвратительный запах' [АС 1: 147] → 'о ком-л. никчемном, неприятном, которого следует избегать' [Там же], перм. *воня́ло* 'противный, неприятный человек' [СРНГ 5: 94], смол. *сма́рдник* 'о неприятном человеке' [ССГ 10: 58].

В ряд номинаций неприятных запахов могут закладываться и представления об определенных вызывающих отвращение свойствах запахов. Так, например, в урал. *гар* 'неприятный запах' [СРНГ 6: 137], арх. *зага́рной* 'имеющий неприятный запах' [АОС 16: 14], перм. *зага́рный* 'имеющий неприятный вкус и запах от длительного пребывания в тепле', 'имеющий сильный неприятный запах' [АС 1: 296] видится расширение семантики – от обозначения запаха горелого к номинации неприятного запаха вообще. Аналогичным образом, вероятно, развивается значение у арх. *жар* 'сильный, неприятный запах, духота' [АОС 10: 209]. Другой пример запечатления каких-л. свойств запаха отражен во внутренней форме р. Урал *кисля́тина* 'неприятный, резкий запах от пота' [Малеча 2: 192].

При номинации собственно дыма, чада в заимствованном олон. *ка́чкера* 'дым и неприятный запах от сожжения чего-либо' [СРНГ 13: 46] оказываются значимыми перцептивно осознаваемые признаки запаха: слово объясняется из карельск. *kačkera* 'горький, кислый', фин. *katkera* 'горький', *katku* 'гарь' [Фасмер II: 214]. Отметим, что данная лексема рассматривается в данном разделе условно, поскольку приведенные признаки проявляются не на русской почве.

Отдельного рассмотрения требует перм. *на́хнуть чё́ртом* 'вызывать отвращение у кого-л.' [БСРП: 737]. Фразеологизм связан с народными представлениями о внешнем виде черта. Чёрт уродлив, страшен, но главным в мотивационном отношении является то, что он грязен и связан с нечистотами [СД 5: 520], ср. номинации *немытик*, *неумытый*, *нечистый* [РДС: 577], пск., твер., смол., нижегор., ленингр., урал., тул. *нечи́стик* 'нечистая сила, черт' [СРНГ 21: 207–208]⁵⁰. Е. Л. Березович также указывает на связь языковых представлений о чёрте с представлениями о грязи и нечистоте. Показательны приводимые ею примеры, где происходит мена мотивированного и мотивирующего: сиб. *черт* 'о ком-либо сильно вымазавшемся', краснаяр. *чертовка* 'грязнуля' [Березович 2007: 474]. Можно найти дополнительные языковые данные, ука-

⁵⁰ Любопытно отметить, что, по данным исследователей, отвращение, вызываемое запахом, не запрограммировано биологически. Отвращение к конкретным объектам действительности обусловлено в большей степени культурными факторами [Мюшембле 2020: 7–8].

зывающие на народную мысль о том, что от нечистой силы исходит неприятный запах, ср. смол. *смурóд* ‘в суеверных представлениях – запах, исходящий от темного духа’ [СРНГ 39: 59]. Данные языковые факты свидетельствуют о возможности номинации человека с помощью мифологического кода с последующим выхолащиванием мифологической составляющей семантики как таковой. На то, что в рассматриваемом языковом факте мифологический компонент не является ядерным, указывает также семантико-мотивационная параллель⁵¹ – перм. *пахнет медведем* ‘о чем-л., вызывающем отвращение’ [БСРП: 393]. Место второго компонента фразеологизма может занимать обозначение существ, негативно оцениваемых народным сознанием. Таким образом, внутренняя форма фразеологизма *пахнуть чёртом* может быть интерпретирована как «имея неприятный, противный запах, вызывать отвращение» с последующим расширением семантики до отвращения вообще.

Перм. *пахнуть смертью* ‘вызывать отвращение’ [БСРП: 625], возможно, связано с представлениями о «запахе смерти», которые изучала Г. И. Кабакова. Как отмечает исследовательница, «страх перед запахом смерти – одна из основных универсалий человечества» [Кабакова 2010б: 42]. У русских же, с одной стороны, существует ряд традиций, связанных с избавлением от «запаха смерти»: строго регламентировано время пребывания покойника в доме, «после похорон принято мыть пол, чтобы “не пахло покойником” ... Дух покойника изгоняют из дома с помощью “сакральных” запахов: ладана, воска» и др. [Там же: 42, 45]. С другой стороны, «признаки» смерти могут появляться еще при жизни человека: так, на некоторых территориях говорили о том, что пожилые люди «пахнут старостью» или «пахнут землей», что является предвестником смерти [Там же: 40–41].

Теперь обратимся к словам, связанным с обозначением **звуков и их свойств**. Звук, равно как и запах, в представленном материале имеет малую проработку. Для обозначения неприятных звуков могут использоваться номинации, эксплицирующие идею звука как такового, ср. ворон. *звягучий* ‘ругательный, трескучий, неприятный’ [СРНГ 11: 226], которое связано со *звон*, *звенеть*. В данном случае снова сталкиваемся с проявлением семантической конденсации.

Ворон., зап.-брян. *козетóн* ‘неприятный, фальшивый голос’ [СРНГ 14: 63–64], по видимому, является вторичным заимствованием общенар. ирон. шутол. *козлетóн* ‘неприятный, фальшивый голос у певца’ [ССРЛЯ 5: 1116]. Номинация возникает на базе сравнения: неприятный звук сравнивается с бляением.

Тифлис. *зурна́* ‘о музыке, резкой по тону, визгливой, неприятной для слуха; плохая музыка, азиатская музыка’ [СРНГ 12: 25] заимствовано через тур. *zurna* ‘муз. инструмент типа

⁵¹ См. о понимании семантико-мотивационных параллелей как «лексических рядов, демонстрирующих сходные модели смыслового развития слов, в рамках которого воспроизводится как собственно переход значения, так и его мотивация» [Березович 2014: 13].

кларнета' из перс. *surnâ, surnâj* от *sûr* 'праздник' и *nâj* 'флейта' [Фасмер II: 108–109]. Можно предположить, что возникновение семантики неприятия обусловлено культурными представлениями: иностранная музыка, непривычная для слуха, кажется негармоничной, некрасивой.

Появление курск., калуж. *дубовáтый* 'неприятный для слуха, необработанный (о голосе)' [СРНГ 8: 238] связано с идеей грубости, заложенной во внутренней форме слова.

Рус. карел. *рабайдучий* 'неприятный, резкий (о звуке)' [СРГК 5: 385] связано (через рус. карел. *рабайдать* 'греметь, дребезжать, грохотать') с вепс. *räbäita* 'стучать, барабанить; греметь' [РДЭС: 647].

Примером синестетического переноса является ленингр. *тухлый* 'неприятный, с хрипотой' [СРГК 6: 540–541], которое происходит от *тухлый* 'сгнивший и издающий дурной запах'.

Признаки неприятных объектов действительности могут мотивироваться наименованиями различных **предметов материального мира**.

Яросл. (*лицо, рожá*), как *прýсло* 'о безобразном, неприятном, несоразмерном лице' [СРНГ 33: 94] соотносится с наименованием такого предмета повседневного крестьянского быта, как яросл. *прýсло* 'звено, часть изгороди от одного вбитого в землю столба кола до другого' [Там же: 92–93], которое сделано, как правило, из неровных, необработанных жердей, прутьев.

С **духовной культурой** связаны номинации чувства отвращения и неприятия через обращение к обозначениям **мифологических персонажей**.

Непосредственно с помощью имен и эвфемистических названий персонажей народной демонологии обозначаются объекты чувства отвращения. Смол. *лихóтца* 'дрянь, гадость' [СРНГ 17: 84]⁵² ← смол. *лихóтца* 'черт, нечистая сила' [Там же]; перм. *некошнóй* 'некрасивый, производящий неприятное впечатление' [АС 3: 69] ← вост. *некошнóй* 'дьявольский, сатанинский', в знач. сущ. вят., киров., сев.-двин., волог., новг., вост., перм., ср.-урал., урал., оренб., тобол., южн.-сиб., иркут., якут., сиб. 'черт, нечистая сила' [Там же]. Основанием сравнения, вероятно, послужило народное представление об отвратительном внешнем виде черта, о его уродливой внешности, нечистоплотности. Однако возможно предполагать перенос ввиду возможности употребления данных лексем в бранном контексте. По-видимому, на тех же основаниях были образованы приамур. *осточертенéть* 'надоесть, стать неприятным до крайности' [СРГПриам: 187], *насточертеть* волгогр. 'стать неприятным, перестать интересоваться, надоесть, крайне

⁵² Сюда, же, вероятно, ср.-урал. *лихóй* 'неприятный на вкус, по запаху; тошнотворный' [СРГСУ 2: 99], пск. *лихомáт* 'дикий, неприятный голос, звук' [ПОС 17: 112]. Продолжения корня *-лих-*, которые обозначают состояние человека, вероятно в мотивационном отношении связаны с общеоценочной семантикой: *ли́хо* ряз. 'тяжело, неприятно' [Деулино: 277], прибайкал. 'неприятно, противно' [СРГПриб 2: 67], красноярск. 'то же' [СРГЦРКК 2: 289], арх. 'невыносимо, противно (видеть); надоело, неинтересно (слушать)' [УНС: 162], ирк. 'противно, тошно' [ИОС 2: 11], ср.-урал. *лихомáтно* 'неприятно, тошно' [СРГСУ 2: 99] ← диал. шир. распр. *ли́хо* 'тяжело, плохо, больно (физически или морально)' [СРНГ 17: 76].

опротиветь' [СДГВО 3: 459], ростов. 'крайне опротиветь, надоесть' [СРДГ 2: 172] от бранного выражения *сто чертей*, ср. также, по-видимому, заимствованное из украинского языка волгогр. *остабісити* 'стать неприятным, надоесть' [СДГВО 4: 68] (на что указывает фонетический облик лексемы). И. П. Петлева возводит рус. *осточертеть* и укр. *остобісити* к бранному выражению *сто чертей*, несмотря на формальную возможность выделения экспрессивного элемента *-сто-* [Петлева 1980: 65; 1986: 199].

Мотивационным импульсом для переноса может становиться представление о злобе черта и других мифологических персонажей, ср. фольк. *некошнóй* 'злой, неприятный' [СРНГ 21: 63–64] ← вост. *некошнóй* 'дьявольский, сатанинский', в знач. сущ. вят., киров., сев.-двин., волог., новг., вост., перм., ср.-урал., урал., оренб., тобол., южн.-сиб., иркут., якут., сиб. 'черт, нечистая сила' [Там же]; перм. *ера́хта* 'о беспокойном, быстро раздражающемся и потому неприятном человеке': *Настоящая она ерахта, придёт и всех отругат* [АС 1: 271] ← арх. *ера́хта* 'чёрт' [СРНГ 8: 365]; коми *егі́бица* 'о вредной, неприятной женщине' [СРГКПО: 115] ← 'Баба Яга' [Там же].

Отдельно обратиться стоит к волгогр. *чёрти ду́шу переёли кому* 'кому-л. надоело, стало неприятным что-л.' [БСРП: 737]. Думается, что душа в данном случае понимается как орган любви, приязни, расположения к чему-л. (ср. рассуждения на стр. 32). Представление о чертях, напротив, соотносится в языке со злым, опасным началом, которое способно нанести вред душе или уничтожить ее. Исчезновение же души связывается с утратой доброго расположения к кому- или чему-либо, с появлением резкого неприятия, отвращения.

Способность чертей причинять вред человеку, вероятно, также послужило мотивационным импульсом для возникновения твер. *чертям отда́ть не жалко* 'о ком-, чем-н. плохом, отвратительном' [Селигер 2: 70].

Представления о страшном, неопрятном внешнем виде таких мифологических персонажей, как леший и кикимора, позволяют появиться некоторым обозначениям объекта неприятия: арх. *лешачі́ха* 'мелкие животные, вызывающие отвращение' [СГРС 7: 85–86] ← 'мифическое существо, живущее в лесу; жена лешего' [Там же]; нижнепечор. *как шиши́га* 'неопрятная, растрёпанная, вызывающая отвращение женщина' [ФСРГНП I: 338] ← нижнепечор. *шиши́га* 'нечистый дух, черт, дьявол' [СРГНП 2: 447]; нижнепечор. *как шиши́ха* 'неопрятная, растрёпанная, вызывающая отвращение женщина' [ФСРГНП I: 338] ← нижнепечор. *шиши́ха* 'женск. к *шиши́га*': *Мне показалась летом шышы́ха, идёт, плат намо́ткой намотан, лопоти́на*⁵³ – *китáйка*⁵⁴ *жолта* [СРГНП 2: 447]; нижнепечор. *как шесті́ха* 'неопрятная, растрёпанная, вызывающая отвращение женщина' [ФСРГНП I: 338] ← нижнепечор. *шесті́ха* 'водяная нечисть,

⁵³ Нижнепечор. *лопоті́на* 'косоклиный сарафан, не стягиваемый на груди шнурком' [СРГНП 1: 393].

⁵⁴ Нижнепечор. *китáйка* 'косоклиный сарафан из ткани китайки' [СРГНП 1: 314].

русалка' [СРГНП 2: 443]; нижнепечор. *как шишкó лысый* 'кто-либо несуразный, безобразный, отвратительный': *На шишкá лысого уж находишь*⁵⁵, *пъёшь да пьёшь, пьяница* [ФСРГНП I: 339] ← нижнепечор. *шишкó* 'нечистый дух, черт, дьявол': *Сейгот ба́йну у бапки Дóмны понесло́, и шышкó из ба́йны вышэл, цёрный да лохмáтый, как собáка, 'леший', 'водяной': Шышкó, из воды выходит, такой лохматой, мохнатой, рогатой, вас схватит и сйэст* [СРГНП 2: 448]; курск. *аука* 'человек, имеющий неприятную внешность' [СКГ 1: 47] ← 'страшилище, которым пугали детей' [Там же].

Костром. *кулешмéнец / как кулешмéнец* 'о неприятном, грубом человеке' [ЛКТЭ] может быть соотнесено с двумя значениями костром. *кулешмéнцы* – 'нечистая сила, появляющаяся в Святки' и 'ряженные в Святки' [ЛКТЭ]. В первом случае выражение сохраняет связь с представлением о поведении нечистой силы, о чем мы писали ранее. Во втором же случае, вероятно, мотивационно значимым становится знание о поведении ряженных, которые совершают ритуальные бесчинства (см. об этом подробнее, например, в [Березович 2021: 216–319]).

Наконец, значимое положение занимает мотив **религиозной жизни, конфессий**.

С религиозными представлениями имеет связь твер. *мири́ць* 'брезговать' [СРНГ 18: 175]. Как видится, значение 'брезговать' возникает в среде старообрядцев, отражая их специфический взгляд на «мир», мирян и репрезентируя особый тип отношений между двумя социумами. Если взглянуть на однокоренные лексемы, то можно увидеть, что во всех явлены представления о постыдности, неприемлемости общения раскольника с мирскими людьми как на уровне социальном (твер., пск., арх. *мири́ць* 'иметь общение (староверу) с мирскими людьми, исповедующими православие' [СРНГ 18: 175]), так и на уровне физическом (перм., твер. *мири́ць* 'осквернять посуду староверов, т. е. есть и пить из нее мирскому человеку, исповедующему православие')⁵⁶ [СРНГ 18: 175]. В таком направлении развития значения, конечно, немаловажную роль играет особый хозяйственный стиль старообрядцев, ритуальная чистота, которой они придерживаются. Любое вторжение мирян означает нарушение этой чистоты, т. е. сакрального пространства. Старообрядческая община становится для раскольника моделью мира, выход за рамки которой грозит гибелью сложившегося микросоциума (ср. знач. урал. *обмири́цься* 'уклониться от своей веры, спознаться с православными и вообще иноверцами (о старообрядцах)' [Малеча 3: 24]).

Более распространены словообразовательные диалектизмы к общенар. *поганый*: свердл. *поганéцкий* 'отвратительный, дурной' [СРНГ 27: 287], арх. *пога́нский* 'поганый, омерзительный' [Там же: 288], коми *пога́ница* 'гадкая, мерзкая женщина' [СРГНП 2: 59], пск. *пога́ныш*

⁵⁵ Нижнепечор. *находи́ть на кого, что* 'быть похожим' [СРГНП 1: 466].

⁵⁶ Т. А. Демешкина отмечает, что для мировоззрения старообрядцев вообще нехарактерно расчленение на материальное и духовное, когда речь идет о сакральной чистоте. Противопоставление происходит в данном случае с точки зрения вероисповедания [Демешкина 2004: 34].

‘грязный, неопрятный, а также скверный, гадкий человек’ [СРНГ 27: 289]. Все они связаны с *погáный* ‘нехристианский, языческий’. Общеоценочная семантика формируется на базе восприятия иноверческого как дурного.

Сходной мотивацией, вероятно, обладает волгогр. *áзий* ‘неприятный, докучливый человек’ [СДГВО 1: 50]. А. Е. Аникин допускает, что лексема восходит к *азей, азий* ‘мусульманин, совершивший паломничество в Мекку и Медину’ (из Никоновской летописи) [Аникин РЭС 1: 111–112].

2. 6. ТМГ «Общие свойства тел и веществ»

Во внутренних формах лексем данной тематико-мотивационной группы эксплицируются представления **о свойствах объектов отвращения, неприятия**. Будем рассматривать свойства от более конкретных к более общим характеристикам.

В качестве мотивирующей может выступать сфера обозначения **цвета**. Перм. *мухóрто* ‘неприятно’ [СРНГ 19: 39], вероятно, соотносится с *мухóртый* ‘гнедой, с желтоватыми подпалинами у морды, у ног и в пахах (о лошади)’ [Даль 2: 363]. Во всех приведенных словах явлена семантика неопределенного, неприятного цвета. Как представляется, именно она послужила толчком к развитию значения. Сходная модель реализуется, например, в разг. *соловётъ* ‘становиться вялым, сонным’ ← *солóвый* ‘о масти лошадей; желтоватый (в сочетании со светлым хвостом и светлой гривой)’ [ТСЛРЯ 2007: 916].

Отрицательные коннотации получает лексика, мотивированная корнями с семантикой **большого веса**: ряз. *тя́гота* ‘о неприятном запахе’ [СРНГ 46: 68], перм. *тяжéлый* ‘неприятный в общении, неуживчивый’ [АС 6: 61], ряз. *тя́жкий* ‘неприятный для обоняния (о запахе, воздухе и т.п.)’ [Деулино: 568], р. Урал *чижéлый* ‘неуживчивый, неприятный в общежитии’, ‘нечистый, неприятный для обоняния’ [Малеча 4: 443], ср. также разг. *быть в тя́гость кому* ‘быть неприятным, невыносимым для кого-л.’ [БСРП: 677]. Объект или явление действительности, вызывающие неприятные ощущения, уподобляются грузу, который несет на себе субъект этой эмоции.

Значимыми при формировании семантики отвращения становятся представления **о форме объектов действительности**.

Слова, близкие *при́кро* смол. ‘неприятно’ [ССГ 9: 27], башк. ‘противно’ [СРГБашк: 274], *при́крый* смол. ‘горький, противный’ [СОС: 90], зап., сиб. ‘противный, дурной, терпкий на вкус’ [Даль 3: 420], неоднократно рассматривались в этимологической литературе. Так, В. Борысь, изучая польск. *przykry* ‘неприятный’, предположил происхождение этой лексемы от и.-е. **(s)ker-* ‘резать’ и реконструировал следующую цепочку развития значения: ‘обрезанный’ →

‘крутой, наклонный, труднопроходимый’ → ‘обременительный, раздражающий, неприятный’ [Boryś: 498]. И. П. Петлева, исследуя слав. **prikrъ*, поддерживает версию и (вслед за Петерссоном) полагает, что данную лексему можно возводить к и.-е. **qer-* ‘резать’. Мотивирующей признается семантика края, реализующаяся, например, в укр. *при́кро*: *прикро одрубати, одрізати* ‘гладко, близко к краю отрубить, отрезать’, а также ‘крайне, резко’ и ‘совершенно’ [Петлева 1985: 45]. При этом исследовательница делает предположение, что русские слова были заимствованы из украинского или белорусского языков (на основании узости ареала лексем и ограниченности их семантики в сравнении с названными языками) [Там же]. К этому же гнезду, возможно, относится смол. *прико́рный* ‘неприятный (о запахе)’ [ССГ 9: 27] (с чередованием в корне).

Негативную семантику развивает семантика твердости, жесткости, как, например, в перм. *твёрдый* ‘неприятный на вкус, жесткий, грубый’ [СПГ 2: 435], ‘грубый, неприятный на слух’ [АС 6: 11] ← общенар. *твёрдый* ‘не поддающийся деформации; жесткий на ощупь’; твер. *коржа́вый* ‘неприятный в каком-н. отношении (о человеке, животном)’ [Селигер 3: 102], ср. новг. *коржа́вый* ‘шершавый, негладкий на ощупь’ [НОС: 434], яросл. ‘то же’ [ЯОС 5: 66], смол. *корже́лый* ‘черствый (о хлебе)’ [ССГ 5: 80]. Возможно, сюда же пск. *креніть* ‘вызывать отвращение, претить’ [ПОС 16: 118–119], ср. *крепкий, крепить* ‘укреплять, делать прочным’.

При качественной характеристике объектов действительности в данной группе оказывается значимым мотив **плохого, негодного состояния**. Развитие значений возможно по модели ‘что-либо плохое, негодное’ → ‘что-либо неприятное, вызывающее отвращение’. Таким путем, как кажется, формировалось дон. *запо́ронный* ‘гадкий, негодный’ [СРНГ 10: 346], которое, очевидно, образовано от *порóть* ‘разрезать, разъединять’; арх. *дрянь* ‘что-н., вызывающее неприятное, брезгливое чувство’ [АОС 12: 326–327], восходящее к *дрань*, от прич. страд. прош. вр. гл. *драть* [ТСЛРЯ 2007: 218]; костром. *оля́жье* ‘о неприятном человеке’ [ЛКТЭ] ← ‘что-л. старое, изношенное’, ‘плохой, несъедобный гриб’ [Там же]. Перм. *обмолы́зга* ‘неприятный, неопрятный в одежде’ [СРГЮП 2: 205], по-видимому, содержит представление о плохой, изношенной одежде. Вероятно, слово включает в себя суффикс *-ызг-* и связывается с курск., орл., южн., смол., зап., пск., ряз. *му́лить*, орл. *мули́ть* ‘натирать, жать (об обуви, одежде)’ [СРНГ 18: 341]). Ср. об элементе *-ызг-* в *мулызгать* ‘спать, дрыхнуть’ от *мулить* юж. зап. ряз. ‘тереть, жать; медленно и вяло жевать, говорить’ пишет Л. В. Куркина [Куркина 1967: 187].

Несколько иначе развивалась семантика у слова новг. *у́дородьбе* ‘о человеке с неприятной внешностью’ [СРНГ 46: 311], непосредственно связанного с новг. *у́дородьбе* ‘о некрасивом, уродливом человеке, калеке’ [Там же]. Как кажется, в нем также можно выделить корень *-дор-*, ср. *драть*. Перенос ‘что-либо разодранное’ → ‘о некрасивом, уродливом человеке, калеке’ но-

сит метафорический характер: отвратительный, неприятный внешний вид человека уподобляется изорванной, обветшалой вещи.

Яросл. *нехолявый* 'неприятный' [ЯОС 6: 144], вероятно, образовано от устар. *холь* 'то же, что холение; заботливое обхождение' [ССРЛЯ 17: 374] с помощью суффикса *-яв-* со значением «обладающий в качестве отличительного признака тем или содержащий то, что названо мотивирующим словом» [РГ-80 1: 290]. Во внутренней форме, по-видимому, заложено представление об отталкивающем внешнем виде неприятного человека, ср. *не холёный*.

Языковой категорией **каритивности** обусловлено развитие значений у южн., зап., пск., твер., олон., влад. *паску́да*, вят. *па́скуда* 'что-либо гнусное, мерзкое; порча' [СРНГ 25: 255], твер. *паску́дина* 'мерзкий, гадкий человек' [Селигер 4: 328], смол., Лит. ССР *пóскуда* 'мерзость, пакость' [СРНГ 30: 173], зап., брян. *спаску́женный* 'испорченный, испачканный, отвратительный' [СРНГ 40: 120], которые, по-видимому, восходят, как и прост. бран. *паску́дный* 'мерзкий, гадкий', к **skodъnъ(jь)*, ср. рус. *скудный*, *скудеть* [ТСЛРЯ 2007: 616]. Семантика скудости, недостачи дает впоследствии семантику неприятного, отвратительного. Как отмечает С. М. Толстая, негативная оценка факта нехватки чего-либо в культуре отражается в соответствующих аксиологических компонентах значения у каритива, которые в ходе деривации могут становиться главными и формировать у слова данной группы чисто оценочную семантику [Толстая 2008а: 93].

К этой же группе с некоторой долей условности можно отнести костром. *отпрýсок* 'неприятный, нелюбимый человек' [ЛКТЭ], которое, как видится, связано с общенар. *прýскать*. Мотивационно значимыми при этом становятся такие признаки, как неполноценность, ущербность.

2. 7. ТМГ «Животный мир»

Первая подгруппа включает в себя номинации, которые этимологически восходят к корню, называющему **насекомых и пресмыкающихся**. Все эти слова, вероятно, связаны с общерус. *гад* 'всякое земноводное и пресмыкающееся животное' [ССРЛЯ 3: 8]. В русских диалектах находим:

1) обозначения чувства неприятия: арх. *га́довать* 'брезгать, быть противным до тошноты' [Подвысоцкий: 29], калуж. *га́дить* 'не любить неприятного с виду' [СРНГ 6: 91], дон. *га́дить* 'брезговать' [СРДГ 1: 93], *га́диться* дон. 'то же' [Там же], одес. 'то же' [СРГО I: 117], смол. 'то же' [ССГ 3: 10], читин. *га́дывать* 'то же' [СГРСБС 10: 227–228], кубан. *га́дыться* 'гнушаться, брезговать, пренебрегать' [КГ: 117], *гэдува́ть* 'брезговать' [Там же: 131], волог. *га́дно* 'гадко, противно' [СВГ 1: 108];

2) обозначения взаимодействия субъекта и объекта: без указ. места *ogađitsya* ‘осрачиться, стать неприятным, гадким, мерзким в глазах других’ [СРНГ 22: 309];

3) обозначения объекта ощущения и его признаков: орл., самар. *gádnый* ‘грязный, противный; мерзкий, гадкий’ [СРНГ 6: 91], ворон., южн. *gadýчий* ‘вызывающий тошноту, рвоту, гадкий’, белг., курск. *gadýчный* ‘гадкий’ [Там же: 93], новг. *gáжий* ‘то же’ [НОС: 156], кубан. *gэдкый* ‘гадкий, неприятный, противный, некрасивый, неопрятный, плохой’ [КГ: 130–131], кубан. *гэдючий, гэдюшный* ‘плохой, отвратительный, омерзительный’ [Там же: 131], яросл. *гад* ‘мелкое животное, вызывающее отвращение (мышь, крыса; змея, лягушка)’ [ЯОС 3: 65–66], арх. *gáдость, гадь* ‘что-н. отвратительное, вызывающее брезгливое чувство; гадость, дрянь’ [АОС 9: 25], новг. *гадýга* ‘что-л. неприятное, противное на вкус’ [НОС: 155], костром. *гадýга* ‘вызывающая отвращение’ [ССЯСЗ: 26], кубан. *гэдóта* ‘нечто несуразное, гадкое, некрасивое’ [КГ: 131];

4) обозначения субъекта ощущения: брянск. *gáдливый* ‘испытывающий чувство отвращения к кому-, чему-л.; брезгливый’ [СБГ 4: 4], кубан. *гэдлывый* ‘брезгливый’ [КГ: 131]⁵⁷.

Отдельный комментарий следует дать для смол., яросл. *неgáдливый* ‘гадкий, отвратительный’ [СРНГ 20: 368], которое является энантиолексемой, ср. смол. *негадлывый* ‘непритязательный, непривередливый, небрезгливый’, влад. ‘чистоплотный, аккуратный, не пакостливый (о домашнем животном)’ [СРНГ 20: 368]. Исследователи неоднократно отмечали специфическую способность *не-* в ряде случаев приобретать усилительное значение, когда отрицательность значения приумножается [Петлева 1998: 246–251; Попова 1979: 138–139; Толстой 1995: 343–345; и др.]. Поскольку в нашем случае мы видим подчеркнута негативную корневую семантику, то можно говорить именно об усилительной функции префикса. И. П. Петлева также отмечала данное слово в своём исследовании [Петлева 1998: 248].

Прасл. **gyd-* родственно **gad-* [ЭССЯ 7: 220], мы находим следующие продолжения корня в русских говорах:

1) обозначения чувства неприятия: а) глагольные: смол. *gíditsya* ‘испытать отвращение к чему (кому)-либо, брезгать’ [ССГ 3: 22], брянск. *гидйтсья* ‘то же’ [СБГ 4: 13], смол. *поgíditsya* ‘побрезговать чем-либо’ [ССГ 8: 99], брян. *сгидйтсья* ‘почувствовать сильное отвращение’ [СРНГ 37: 18]; б) субстантивные: смол., пск. *гидлывость* ‘чувство отвращения, брезгливости; гадливость’ [СРНГ 3: 170]; в) адverbиальные: смол., пск. *гидко* ‘отвратительно, мерзко; противно’ [СРНГ 3: 170], смол. *гидливо* ‘то же’ [ССГ 3: 22], кубан. *гыдко* ‘плохо, очень плохо,

⁵⁷ Сюда же, вероятно, относятся *ogažnutъ* новг. ‘опротиветь, надоесть’ [НОС: 691], пск. ‘то же’ [ПОС 22: 503–504], волог. *ogažить* ‘опротиветь’ [СРГК 4: 134]. Последнее рассматривалось в [ЭССЯ 26: 193]. Делается предположение о том, что слово является сложением *ob-* и гл **gazditi*, которое восходит к **gad-diti* [Там же].

некрасиво, неприятно, ужасно, отвратительно' [КГ: 130], смол. *прегидко* 'преотвратительно, мерзко' [СРНГ 31: 74];

2) обозначения взаимодействия субъекта и объекта неприятия: брян. *агиднуть* 'опротивить' [СНГЗБ: 33], смол. *гидить* 'вызывать отвращение, тошноту' [СРНГ 6: 169–170];

3) обозначения объекта ощущения и его признаков: брян. *агидливы*, *агидлы* 'противный, мерзкий, надоеливый' [СНГЗБ: 33], смол., брян., зап., южн., юго-вост. *гидкий* 'гадкий, скверный, противный' [СРНГ 6: 170], смол. *гидлый* 'противный, вызывающий отвращение' [ССГ 3: 22], кубан. *гыдйочий*, *гыдйошный* 'плохой, отвратительный, омерзительный' [КГ: 131], зап.-брян. *огидливый* 'вызывающий отвращение, неприязнь; противный, мерзкий' [СРНГ 22: 315–316], смол. *прегидкий* 'преотвратительный, премерзкий' [СРНГ 31: 74], смол. *гидота* 'нечто отвратительное, вызывающее чувство брезгливости' [ССГ 3: 22], смол. *гидыш* 'о человеке или животном, вызывающем чувство неприязни, отвращения' [Там же: 23], смол. *огидок* 'ненужная, дрянная вещь; дрянь, пакость, гадость' [СРНГ 22: 316];

4) обозначения субъекта ощущения: смол. *гидкий* 'брезгливый' [ССГ 3: 22], брян. *гидливы* 'брезгливый' [СНГЗБ: 79], смол. *гидливый* 'брезгливый, имеющий хороший вкус' [СРНГ 6: 170], 'брезгливый' [ССГ 3: 22], брян. *гидотны*, *гидйочы* 'то же' [СНГЗБ: 79], пск., смол. *негидливый* 'неприхотливый, непривередливый, небрезгливый' [СРНГ 20: 369]⁵⁸.

С общерус. *гнус* 'мелкие вредные, главным образом жалящие, насекомые' имеют связи следующие лексемы: общерус. *гнушаться* 'брезговать, испытывать чувство отвращения' [ТСлРЯ 2007: 156], а также прибайкал. *гнусина* 'некрасивый, внешне неприятный человек' [СРГПриб 1: 76], иссык.-кульск., курск., орл. *гнусить* 'брезговать, гнушаться чем-л.' [СРНГ 6: 250–251], дон. *гнушаться* 'гнушаться' [СРДГ 1: 102], курск. *гнусливый* 'брезгливый' [СРНГ 6: 251], волог. *гнушный* 'гадкий, противный, скверный, подлый' [Дилакторский: 83].

Приведем несколько единичных фактов, которые также реализуют обозначенный выше мотив: перм. *вошкарица* 'самый плохой, ничтожный, отвратительный человек' [СРНГ 5: 167], том. *всяка жабба* 'гадость' [Там же: 223], сев.-вост. *жабба* 'о чем-л. плохом, противном' [Зотов: 159], костром. *гнида* 'неприятный человек' [Ганцовская КГ 2: 72], смол. *склизняк* 'о неприятном человеке' [ССГ 10: 25]; пск. *копос* 'что-н. отвратительное, пакость' [ПОС 15: 211–212] ← 'о насекомых-паразитах' [Там же] (последнее от прасл. **koposati* с семантикой шевеления, копошения [ЭССЯ 11: 23]); пск. *копоса* 'что-н. отвратительное, пакость' [Там же: 212] ← 'о насекомых-паразитах' [Там же]; пск. *веретельный* 'мерзкий, поганный': *Той вирительный парень, змей* [ПОС 3:88], ср. пск. *веретельница* 'змея; ядовитая змея' [Там же]. Сюда, же, вероятно,

⁵⁸ В русском языке не сохранились продолжения прасл. **gyd-*, именующие насекомых и пресмыкающихся, однако ср. примеры из других славянских языков: чеш. *hyd* 'насекомые', диал. *hyd* 'насекомые, паразиты', слов. *hyd* м.р. собир. 'насекомые, паразиты' [ЭССЯ 7: 220].

арх. *минóга* ‘неприятная, противная женщина (внешне может быть худощавой, высокой)’ [КСГРС 7: 301] (рыбы в народном сознании находятся близко к гадам [Гура 1997: 752]).

Объектом омерзения во всех приведенных выступают насекомые, пресмыкающиеся, земноводные, грызуны, то есть те животные, которых опыт поколений фиксирует как «**нечистых животных**» [Гура 1997: 273–274].

В ряде случаев могут реализовываться также некоторые другие мотивационные признаки. Так, при появлении волг. *болóтная лягушка* ‘о неприятном, холодном, бездушном человеке’ [БСРП: 377] подключается знание о лягушке как о хладнокровном животном, что и формирует семантику черствости, бездушности человека, наделяемого таким наименованием. Семантика ловкости, хитрости в смол. *склі́злик* ‘об изворотливом, неприятном человеке’ [ССГ 10: 24–25], смол. *склі́злый* ‘скользкий, неприятный (о человеке)’ [Там же: 25] формируется благодаря семе «скользкий», содержащейся в значении мотивирующего слова.

Мотивационно значимыми могут становиться обозначения других **животных**, ср. арх. *битю́г* ‘неприятный человек’ [КСГРС] ← общерус. *битю́г, битю́к* ‘сильная ломовая лошадь особо крупной породы’ [ССРЛЯ 1: 469]; ворон. *бы́лда* ‘человек неприятной наружности’ [СВоронГ 1: 177] восходит, вероятно, с метатезой к ворон. *бы́дло* ‘рабочий скот’ [СВоронГ 1: 176], волгогр. *бы́дло* ‘то же’ [СДГВО 1: 194], курск. *бы́дло* ‘крупный рогатый скот’, ‘худая скотина’ [СКГ 1: 121]. При переносе наименования с животного на человека возникает целый комплекс отрицательных коннотаций, которые позволяют развиваться самым разным значениям, ср. брян. *бы́дла* ‘о высоком худом человеке’ [СБГ 2: 28], *бы́дло* кубан. ‘лодырь’ [КГМС: 62], перм. ‘упрямый человек’ [СПГ 1: 71], якут. ‘неповоротливый, ленивый (о человеке)’ [СРСГТЯ А–В: 93], арх. *битю́г* ‘ленивый человек’, ‘неуклюжий человек’, *битю́к* ‘неразговорчивый, необщительный человек’ [КСГРС].

К этой же группе можно отнести перм. *медвежьим салом обмазать* ‘о чем-л., вызывающем неприятие’: *Ему дом тепереча медвежьим салом обмазан – домой не тянет, обходит стороной* [СПГ 2: 20].

Наконец, семантика тюмен. *пропа́стина, пропасти́на* ‘гадкий, мерзкий, недостойный человек’ [СРСГЮТО 2: 204] связана со значением ‘падаль, мясо мертвых животных’ [Там же], ср. разг. *падаль* ‘презренный человек’.

2. 8. ТМГ «Природные явления и объекты»

Отвращение может вызывать **грязь, муть**. Например, смол. *брудно* ‘неприятно, горько’ [СРНГ 3: 200], пск., твер. *обру́деть* ‘сделаться гадким, отвратительным, опротиветь’ [СРНГ 20: 212], пск. *обру́диться* ‘стать гадким, опостылеть, противеть; надоесть’ [ПОС 22: 364], южн.,

зап. *брудкой*, без указ. места. *брудкий* ‘гадкий, скверный; противный, безобразный’ [СРНГ 3: 200], зап., южн., орл., курск., йонав. Лит. ССР *бруд* ‘нечистота, грязь, сор, гадость’ [Там же], смол. *брудость* ‘резкий, неприятный запах, горечь’ [ССГ 1: 262] восходят к прасл. диал. **brudъ* с вероятным исходным знач. ‘осадок на дне, муть’, ср. русск. диал. *бруд* ‘грязь, нечистота, муть’, *брудá* ж. р. ‘(жидкая) грязь, болото’ [ЭССЯ 3: 44].

Аналогичный переход видим в твер. *слякоть* ‘мерзость’ [СРНГ 38: 334], которое соотносится с курск., арх., перм., орл., вят., вост-казах., том., краснояр., камч., сиб. *слякоть* ‘снег с дождем, мокрый снег’ [Там же], а также общенар. *слякоть* ‘грязь, образующаяся в сырую погоду’.

Ещё одна крупная группа в рамках лексики, реализующей названный мотив, — это лексемы, однокоренные слову *мускаредный* и называющие:

1) чувство неприятия: пск. *му́скорничать*, *му́скурничать*, *му́скорять* ‘брезговать кем-, чем-н.’ [ПОС 19: 73], влад., твер. *мо́скородно* ‘неприятно, противно’ [СРНГ 18: 285], пск., моск., калуж. *му́скарадно* ‘неприятно, противно’ [Там же: 363], *му́скорно* пск. ‘о чувстве брезгливости, отвращения’ [ПОС 19: 73], твер. ‘неприятно, противно’ [Селигер 3: 314], новг. ‘неприятно, противно на вкус’ [НОС: 573], *му́скородно* петерб., новг., калин. ‘неприятно, противно’, новг. ‘противно на вкус’ [СРНГ 18: 363], пск. ‘о чувстве брезгливости, отвращения’ [ПОС 19: 73], твер. ‘неприятно, противно’ [Селигер 3: 314], новг. ‘противно, тошно, тяжело’ [НОС: 573], *му́скоротно* пск. ‘неприятно, противно’ [СРНГ 18: 363], пск. ‘о чувстве брезгливости, отвращения’ [ПОС 19: 73], волог. ‘неудобно, неприятно’ [СГРС 7: 367], новг. *мускорóтно* ‘противно, тошно, тяжело’ [НОС: 573];

2) субъект ощущения и его признаки: пск. *му́скорный*, *му́скурный*, *му́скульный*, *му́скредный*, *мускра́ный*, *му́скоредный*, *му́скородный*, *мускорóдный*, *му́скоротный* ‘брезгливый’ [ПОС 19: 72–74], пск. *му́скорница* ‘брезгливая женщина’ [Там же: 73];

3) признаки объекта ощущения: нижегор., новг., пск. *москорóдный* ‘гадкий, противный’ [СРНГ 18: 285], *му́скорный* новг. ‘противный, неприятный’ [НОС: 573], пск. ‘вызывающий отвращение’ [ПОС 19: 73], пск. *мускорóдный* ‘вызывающий отвращение’ [Там же: 74].

Все вышеприведенные лексемы, вероятно, соотносятся с прасл. **muskarědъnъjъ*⁵⁹, которое, в свою очередь, было образовано путем сложения экспрессивной приставки *tu-* и прилагательного *skarědъnъjъ* [ЭССЯ 20: 197]. Приведем дериваты из других языков: в.-луж. *škerjeda*, н.-луж. *škaředa* ‘грязь, нечистота’, а также чеш. *škareda* ‘чудовище’, польск. *szkarada* ‘мерзость, гадость; урод, пугало’ и др. [Фасмер 3: 633–634].

⁵⁹ Авторами ЭССЯ были рассмотрены пск. *му́скорный* ‘брезгливый’, *му́скорно* ‘неприятно, неудобно, хлопотно’, пск. *му́скоротно* ‘гадко, неприятно’ [ЭССЯ 20: 197].

Однако существует еще одна этимологическая гипотеза. Так, Н. В. Галинова, анализируя влад., твер. *мо́скородно*, нижегор., новг., пск. *москоро́дный* ‘гадкий, противный’, калуж., моск., пск. *му́скарадно* ‘неприятно, противно’, пск. ‘брезгливо’, новг. *му́скорно* ‘неприятно, противно на вкус’, *му́скорный* новг. ‘противный, неприятный (о пьяном)’, пск. ‘брезгливый’, *му́скородно* новг. ‘противно на вкус’, калин., новг., петерб. ‘неприятно, противно’, новг. ‘противно (о состоянии природы)’, ‘противно, тошно, тяжело (о психическом состоянии человека, физиологическом состоянии от увиденного)’, возводит эти диалектизмы к корням **vort-* и **vor-* со значением ‘вертеть’. Реконструируются начальные формы **мусковоротный*, **мусковоротно*, **мусковородно*, **мусковородный*, **мусковорный*, **мусковорно* с последующей гаплогогией [Галинова 2000: 102–103]. С семантической точки зрения предполагается переход ‘вертеть’ → ‘отворачиваться’ → ‘то, что вызывает отвращение’ → ‘брезгливый’ [Там же: 104].

Еще один подраздел данной тематико-мотивационной группы составляет совокупность лексем, мотивированных номинациями **погодных условий**. Языковая связь эмоционального мира человека и состояния атмосферы широко известна. Метафора, древняя по своему происхождению, продолжается и сегодня, ср. многочисленные примеры в литературном языке: *солнечное настроение*, *хмурый человек*, *пасмурный вид* и т. д. Рассмотрим данный перенос на исследуемом материале.

Поскольку отвращение и брезгливость являются неприятными состояниями, мотивируют их номинации непогоды, ненастья: вят. *хму́рно* ‘неприятно’ [ОСВГ 11: 236], вят. *хма́ря* ‘о неприятном для кого-л. человеке’ [Там же]. Новг. *музга́* ‘брезгливый, излишне разборчивый человек’, *музгли́вый* ‘брезгливый’ [НОС: 570] соотносится с новг. *музга́* ‘мокрый снег’, ‘плохая осенняя погода’ [Там же]. Слова вят. *мы́згать* ‘движением головы показывать брезгливость’ [ОСВГ 6: 106], вят. *mozglíвый*, *морскли́вый* ‘брезгливый’ [Там же: 73], *морзгли́вый*⁶⁰ ‘то же’ [Там же: 76], ряз. *mozglyávec* ‘о тщедушном, неопрятном и неприятном человеке, заморыше’, калуж., ряз., твер. *mozglyávka* ‘то же’ [СРНГ 18: 202] имеют связь с твер., пск. *mozglíвый*, *mozglyávyй* ‘дождливый; пасмурный (о погоде)’ [СРНГ 18: 202], костром. *мо́зглый* ‘о погоде: пасмурная, часто с мелким дождем’ [ЛКТЭ], орл. *мо́згнуть* ‘становиться пронизывающе холодным, серым’ [СОГ 6: 136]. Перм. *мо́зглый* ‘издающий сильный неприятный запах’ [АС 2: 135] непосредственно происходит от вят. *мо́зглый* ‘кислый, гнилой’ [ОСВГ 6: 61].

Представления о связи состояния природы и внутреннего мира человека, по-видимому, заложены в *ха́рмовать* волог. ‘брезговать’ [ЛКТЭ], киров. ‘то же’ [ОСВГ 11: 220–221], костром. ‘то же’ [ЛКТЭ], волог. *ха́рмоветь*, *ха́рмать* ‘брезговать’ [КСГРС], *поха́рмовать* костром. ‘побрезговать’ [ЛКТЭ], волог. ‘то же’ [КСГРС], киров. *хо́рмовать* ‘брезгать’ [ОСВГ 11: 245], киров. *хармови́тый* ‘брезгливый, чрезмерно разборчивый человек’ [ОСВГ 11: 221].

⁶⁰ При возможной контаминации с вят. *моргли́вый* ‘брезгливый’ [ОСВГ 6: 73].

Для интерпретации названных лексем обратимся к рассмотрению однокоренных слов. У однокоренных слов можно выделить две группы значений – это наименования явлений, объектов из мира природы и из мира человека. Бóльшее число лексем содержится в первой группе. Так, встречаем слова со значениями: 1) ‘иней’, ‘заиндеветь’: арх. *захáрмевать*, *захáрметь*, *охáрметь*, *харм*, *харма́*, *ха́рман*, *хармахá*, *хармега́*, *харме́х*, *ха́рмовина*, *ха́рмус*, *захéрмать*, *охéрметь*, *хéрмиха*, *хéрмота*, *хéрмоть*; 2) ‘изморозь’: арх. *харм*, *ха́рмовина*; 3) ‘покрыться наледью’: арх. *захáрмоветь*; 4) ‘снег (на ветвях / тонкий слой снега)’: арх. *харма́*, *ха́рмовина*, *хéрма*; 5) ‘о холодной / морозной / туманной погоде’: арх. *хермо́тина*, *захéрметь*; 6) ‘плесень’, ‘покрыться плесенью’: арх. *ха́рмовина*, *захáрмоветь*; 7) ‘лишайник на дереве’: арх. *харма́*; 8) ‘цветущая поверхность воды’: арх. *харма́*, ср. также помор. *хармовáтый* ‘выцветший, выбеленный’ [Мосеев: 120].

Немного забегаая вперед, нужно сказать, что диалектные метеорологические термины, как известно, обладают диффузностью, но при этом в рамках одной лексемы или одного гнезда могут сочетаться неслучайные, определенные типы значений.

Следует привести еще одну севернорусскую лексему, которая демонстрирует сходные семантические регистры с представленной лексикой гнезда *харма*, а именно речь идет о гнезде *кунжа*. Находим слова со значениями: 1) ‘иней, изморозь, тонкий слой снега (чаще всего на деревьях)’, ‘покрываться инеем’: волог. *ку́нжа*, *кунжа́к* [СГРС 6: 275], *ку́ньжа* [Там же: 277], *куньжева́* [Там же: 278], *ку́нжать*, *ку́нжевать* [Там же: 275], *куньжавéть* [Там же: 278]; 2) ‘туман’: волог. *ку́нжа* [Там же: 275], ‘пасмурная погода’: волог. *ку́ньжа* [Там же: 277]; 3) ‘паутина’: волог. *ку́нжа* [Там же: 275]; 4) ‘тина, ил, грязь, цветение воды, мелкие растения, покрывающие поверхность водоема’: волог. *ку́нжа́* [СГРС 6: 275], *ку́ньжа́* [Там же: 277], ‘покрыться ряской, тиной’: *заку́нжить* [СГРС 4: 102]; 5) ‘заплесневеть, покрыться плесенью’: *заку́нжить* [Там же: 102].

Сходный набор значений обнаруживает и гнездо *куржа*: 1) ‘иней’, ‘покрываться инеем’, ‘заиндеветь’, ‘покрытый инеем’: арх., волог. *куржа́* [СГРС 6: 289], *ку́ржеви́на* [Там же: 291], *куржева́* [Там же: 290], *ку́ржаветь*, арх. *ку́ржать* [Там же: 289]), арх., волог. *заку́ржеветь* [СГРС 4: 104], арх. *куржа́вый* [СГРС 6: 290]; 2) ‘снег на ветвях деревьев’: арх. *куржа́* [Там же: 289], арх., волог. *ку́ржеви́на* [Там же: 291], арх. *куржева́* [Там же: 290]); 3) ‘пойти затяжному дождю’: волог. *заку́ржеветь* [СГРС 4: 104–105]; 4) ‘плесень’, ‘заплесневеть’: волог. *куржеви́на* [СГРС 6: 291], *заку́ржеветь* [СГРС 4: 104–105]; 5) ‘речной мусор, прибиваемый к берегу’ (арх. *куржа́* [СГРС 6: 289]).

Если возвращаться к гнезду *харма*, то слова *харм*, *харма*, *харман*, *хармаха*, *хармега*, *хармех*, *хармеха*, *хармовина*, *хармоха*, *херма*, *хермеха*, *хермиха*, *хермотина*, *хермоть*, *херьмех*, *херьмеха* ‘иней, изморозь’, ‘цветущая поверхность воды’, ‘плесень’ А. К. Матвеев соотносил с

фин. *härmä*, ливв. *härmü*, люд. *harm*. «Богатство форм, несомненно, возникло на русской почве, но первоисточником могли послужить разные прибалтийско-финские слова: *härmä*, *harm*, а также **härmäh*, восстанавливаемое по модели фин. *huude*, но карел. *huueh*, люд. *hūdeh*, вепс. *hudëg* ‘иней’, фин. *korte*, но карел.-ливв., люд. *korteh*, вепс. *korteh* ‘хвощ’» [Матвеев 1995: 32].

С. А. Мызников, рассматривая арх. *хárма*, *харм*, *харман*, *хармаха*, *хармега*, *хармех*, *хармеха*, *хармохá*, *хáрмовина*, *херма*, *хермиха*, *хермотина*, *хермоть*, *хермех* ‘иней’, *хárма* ‘цветущая поверхность воды’, возводит их к карельско-финскому типу, ср. фин. *härmä*, эст. *härm*, люд. *härm*, ижор. *härme* ‘иней’, кар. *härmy*, кар. твер. *härme*, *härmä* ‘иней’, ливв. *härmi* ‘иней’, при водск. *ärmä* ‘о желтеющей склизкой воде’, ливск. *ärmä* ‘иней, гололед’, водск. *härm* ‘иней, изморозь’, ‘тонкий слой чего-л.’ заимствовано из ижор. [РДЭС: 845].

Указанная этимология позволяет предположить, что многие значения лексем из гнезда *харма* (‘брезговать’ и другие, ср. арх. *охермáть* ‘ослабнуть’, *охáрмоветь* ‘напиться пьяным’, костром. *прихáрмовать* ‘обзывать’, арх. *схармíть*, *ухармíть* ‘утащить’, костром. *хáрмовать* ‘ругать’ [КСГРС], киров. *хормовáть* ‘то же’ [ОСВГ 11: 245]) возникали на собственно русской почве. Развитие значений, связанных с человеком, в гнезде *харма* уже на русской почве, а не в языке-источнике отмечала И. Н. Суспицына [Суспицына 2005: 71]. Тем не менее в указанной работе И. Н. Суспицыной не сказано о причинах появления новой семантики.

В настоящем исследовании уже приводились примеры, где развитие значения идёт в направлении ‘о плохой погоде’ → ‘о брезгливости, отвращении’. Думается, в данном случае могла реализовываться та же модель, при этом наиболее мотивационно значимыми становятся наименования холода, мороза, тумана, а также сопутствующих им природных явлений, таких как иней, изморозь, наледь и др. Стоит вспомнить и то, что сходный набор значений реализовывался в рамках гнезд *кунжа* и *куржа*.

Возможно, необходимо учитывать и такие факты, как арх. *хáрмовина* ‘плесень’, *захáрмоветь* ‘покрыться плесенью’, арх. *хармá* ‘цветущая поверхность воды’, поскольку все они называют неприятные вещества и также могут служить источником мотивации слов со значением брезгливости. На сходные семантические регистры указывают и гнезда близких слов, а также лексемы, содержащиеся в РДЭС⁶¹.

2. 9. К вопросу о темной и заимствованной лексике со значением отвращения

⁶¹ Об этимологии *хармовать* см. также [Малькова 2022].

В данном параграфе мы обратимся к лексике, имеющей заимствованное происхождение, а также к тем словам, мотивационные связи которых на данном этапе исследования не удастся до конца прояснить.

2. 9. 1. Заимствованная лексика

1. В рамках исследуемой группы лексики обнаруживаются следующие слова с корнем *брак-*: *браков́ать* пск. ‘брезговать’ [ПОС 2: 141–142], перм. ‘то же’ [СПГ 1: 54], нижегор. ‘то же’ [ДСНО 1: 167], арх. ‘пренебрегать кем-н., брезговать’ [АОС 2:99], вят. ‘брезговать, избегать’ [ОСВГ 1–2: 100], урал. ‘отказывать жениху, пренебрегать невестой, брезговать’ [Малеча 1: 162], морд. *побраков́ать* ‘пренебречь, погнушаться кем-л.’ [СРГМ II: 830], морд. *побрако́ить* ‘то же’, ‘побрезговать’ [Там же], ворон. *барков́ать* ‘браковать, брезговать’ [СВоронГ 1: 75].

Слова с основой *брак-* пришли в русский язык через польское посредство, ср. польск. *brakować* ‘не хватать, недоставать’ [ПРС: 46], польск. *brak* ‘изъян’ [Фасмер I: 206]. В русский язык, по-видимому, первоначально попало в псковские говоры через посредство белорусского языка.

В основе гнезда представление о том, что чувство брезгливости в человеке может быть вызвано чем-либо плохим, некачественным, тем, что имеет определенным изъян.

2. Смол. *кѣпско* ‘глупо, мерзко’ восходит к польск. *kiepsko* ‘мерзко, дурно’ [СРНГ 13: 183]. Заимствовано напрямую в смоленские говоры, по-видимому, через белорусское посредничество.

2. 9. 2. «Темные» слова

Сначала остановимся на словах, которые на данном этапе исследования имеют неоднозначные, спорные этимологии.

1. Этимологически сложным исследователям представляется *ба́рдовать* перм., яросл. ‘пренебрегать, брезговать’ [СРНГ 2: 113–114], арх. ‘брезговать’ [АОС 1: 113], волог. ‘брезговать, пренебрегать’ [СГРС 1: 63–64].

А. Е. Аникин для указанных слов (не рассматривается лишь вологодская фиксация) приводит в РЭС версию О. А. Теуш, согласно которой *ба́рдасть* считается заимствованным из п.-фин. и/или саам. Соотносится с вепс. *vard'eita, vard'oita, varg'eita, vard'õt'a* ‘сторожить, присматривать за кем-либо, подкарауливать’, ливв. *vardoijakseh* ‘остерегаться’ [Цит. по: Аникин РЭС 2: 214]. Чередование *б-/в-* объясняется обычной передачей *v-* финно-угорского этимона; *-рд/-рг-* объяснимо на вепс. почве [Там же].

К гнезду относятся также фонетические варианты к *ба́рдовать* с начальным *в*:- яросл. *ва́рдовать* ‘относиться с презрением к кому-либо, пренебрегать кем-либо’ [СРНГ 4: 48], яросл. *вардова́ть* ‘прихотничать, брезгать’ [Там же]. Фонетическое несоответствие *барда́ть* и *варда́ть* возможно объяснить чередование *б-/в-* при передаче *v-* финно-угорского этимона при возможной контаминации с *верёдовать* [Аникин РЭС 2: 214].

С. А. Мызников представляет слово как неясное, однако отвергает описанную выше этимологическую версию ввиду серьезных различий в семантике русских и финно-угорских данных [РДЭС: 77].

2. К гнезду корня *-бранд-* относятся: *бра́ндовать* вят., перм., курган., урал., ко-стром. ‘брезговать, гнушаться, пренебрегать’ [СРНГ 3: 148], коми ‘брезговать’ [СРГКПО: 62], *побра́ндовать* костром. ‘пренебречь, побрезговать’ [СРНГ 27: 204], вят. ‘побрезговать’ [ОСВГ 8: 21], ср.-урал. *побра́ндать*, *побра́ндовать*, *побрандова́ть* ‘пренебречь, погнушаться кем-, чем-либо’ [СРГСУ 4: 39]. Фонетический вариант: влад., свердл. *побря́ндать* ‘побрезговать’ [СРНГ 27: 207].

Из *бра́ндовать*, предположительно, возникает *брéндовать* иркут. ‘брезговать’ [ИОС 1: 51], томск. ‘то же’ [СРГС 1: 90] под влиянием *брéзговать* [Аникин РЭС 4: 196]. Сюда же относим: томск., тыв. *побрэ́ндовать* ‘побрезговать’ [СРГС 3: 264], тыв. *брендли́вый* ‘брезгливый’ [СРГС 2: 290].

Фонетическим вариантом, вероятно, является ср.-урал. *побрангова́ть* ‘погнушаться, побрезговать кем-, чем-либо’ [СРГСУ/Д: 411]

К тому же гнезду относятся формы с начальным *п*:- зап. *пра́ндовать* ‘пренебрегать, небречь, презирать’ [Аникин РЭС 4: 157]. Сюда же, вероятно: без указ. места *запра́ндовать* ‘забрезгать, заприхотничать’ [Даль I: 621], без указ. места *перепра́ндовать* [Даль III: 77], ко-стром. *попра́ндовать* ‘побрезговать’, *пра́ндать*, *пра́ндовать* ‘брезговать’ [ЛКТЭ].

Происхождение неясно, делается предположение о связи с укр. диал. *принда* ‘высокомерие’ [Аникин РЭС 4: 157].

3. Трудным для этимологизации представляется гнездо глагола **brěgovati* (?) [ЭССЯ 3: 16]. Приведем слова, входящие в него и принадлежащие исследуемому лексическому множеству: *брéгать* брянск., томск. ‘брезговать’ [СРНГ 3: 169], *брéговать* томск., арх., алт. ‘то же’ [СРНГ 3: 169], нижегор. ‘то же’ [ДСНО 1: 171], краснояр. ‘брезговать’ [СРГЦРКК 1: 125], ирк. ‘брезговать’ [СГРСБС 4: 298–300], новг. ‘испытывать отвращение к чему-л.’ [НОС: 69], брянск. ‘испытывать чувство отвращения, пренебрегать, гнушаться’ [СБГ 2: 9]. Сюда же авторы ЭССЯ относят варианты глагола с корневым *-к-* [ЭССЯ 3: 16]: смол. *брéкать* ‘брезговать, пренебрегать’ [ССГ 1: 249], *брéковать* смол. ‘то же’ [Там же], нижегор. ‘то же’ [ДСНО 1: 167], морд. ‘брезгать’ [СРГМ I: 45]. Вероятно, того же корня *побрэ́говать* томск. ‘побрезговать’

[СРГС 3: 264], новг. ‘то же’ [НОС: 833], арх. *бреготли́вый* ‘брезгливый’ [СРНГ 3: 169], нижегор. *брéквать* ‘брезговать’ [ДСНО 1: 167].

Фонетическая реконструкция -ѣ- в форме **brěgovati* (?) является гипотезой, возникающей из семантического сходства с **brězgati*, **brězgovati* [ЭССЯ 3: 16]. С другой стороны, предполагают метатезу **breg(ov)ati* < **greb(ov)ati*, учитывая близость сопоставляемых понятий, однако прерывистость ареала мешает объяснить распространение идентичных форм из одного источника. Славянские соответствия рассматриваемому корню находят только в словацком: *brehovat’*, *brechovat’* ‘пренебрегать, презирать, плохо обращаться’, *brehovat’* ‘перебирать, привередничать в еде’ [ЭССЯ 3: 16].

А. Е. Аникин, анализируя рус. диал. *брéговать*, в качестве основной версии рассматривает гипотезу о метатезе из **gre/ěb(ov)ati*. Делается также предположение о связи с прасл. **brězgovati* [Аникин РЭС 4: 180].

Л. Кралик, рассматривая рус. диал. *брéговать*, *брéгать*, *брéкать*, предполагает для них связь с прасл. **brexati* (ср. рус. *брехáть* ‘лаять; легать, врать и др.’), а также с вариантом глагола с суффиксом **ovati* (рус. диал. *бреховáть* ‘ругать, порочить’). Семантическое развитие в таком случае идёт следующим путём: ‘издавать звуки (бормотать, ворчать и т. д.)’ → ‘выражать (звуками) неприятные ощущения, неудовольствие, отрицательное отношение и т. п.’ → ‘бранить(ся), ругать(ся), пренебрегать, презирать и т. п.’ [Кралик 2021: 272–279].

4. Рассмотрим группу слов, родственных общенар. *брезговать*.

Глагольные дериваты: арх. *брéзгаться*, *брéзговаться*, *брéзговать* ‘быть брезгливым, привередливым, разборчивым в еде’ [АОС 2: 115], ряз. *брезгу́нить* ‘брезговать’ [СРНГ 3: 174], арх. *брызгать*, *брызговать* ‘быть брезгливым, привередливым, разборчивым в еде’ [АОС 2: 149], ср.-урал. *набрéзговаться* ‘испытать чувство брезгливости до предела’ [СРГСУ 2: 155], без указ. места *разбрéзгаться* ‘начать сильно, часто брезговать’ [СРНГ 32: 271], без указ. места *сбрéзгать* ‘вызвать отвращение, брезгливое чувство’ [СРНГ 36: 185], *обрéзговать* терск. ‘побрезговать’, пск., твер. ‘назвать что-либо опоганенным, гадким’ [СРНГ 22: 201].

Субстантивные дериваты, обозначающие:

1) субъекта действия: *брезга́* арх. ‘брезгливый человек’ [АОС 2: 115], карел. ‘то же’ [СРГК 1: 112–113], твер. ‘чересчур разборчивый, прихотливый на пищу, склонный брезговать; в ком малейшая неопрятность или недоброта пищи, даже самая беседа об этом возбуждает отвращение’ [ТСГТО 4: 37], *брéзга* арх. ‘брезгливый человек’ [СРГК 1: 112–113], ср.-урал. ‘брезгливый до привередливости’ [СРГСУ 1: 56], смол. *брезготу́н* ‘брезгливый человек’ [ССГ 1: 248], арх. *брезгу́лька* ‘то же’ [АОС 2: 115–116], *брезгу́ля* волог. ‘то же’ [СВГ 1: 44], ленингр. ‘то же’ [СРГК 1: 113], новг. ‘брезгливый человек (в пище)’ [СРНГ 3: 173–174], *брезгу́н* нижегор. ‘брезгливый человек’ [ДСНО 1: 171], волог. ‘то же’ [Дилакторский: 35], арх. ‘брезгливый мужчина’

[АОС 2: 116], *брезгунка* карел. ‘брезгливый человек’ [СРГК 1: 113], ростов. ‘брезгливая женщина’ [БТСДК: 54], р. Урал ‘то же’ [Малеча 1: 154–165], *брезгунья* карел., волог., арх. ‘брезгливый человек’ [СРГК 1: 113], нижегор., перм. ‘то же’ [СРНГ 3: 174], морд. ‘брезгливая женщина’ [СРГМ I: 45], новг. ‘то же’ [НОС: 70], арх. *брезгунья* ‘брезгливая женщина’ [АОС 2: 116], *брезгуша* ср.-урал. ‘брезгливый до привередливости’ [СРГСУ 1: 56], перм. ‘брезгливый человек’ [СРГСПК 1: 144], алт. ‘то же’ [СРГА 1: 96], р. Урал ‘брезгливая женщина’ [Малеча 1: 164–165], р. Урал. *брезгушка* ‘то же’ [Там же], нижегор. *брезгушник* ‘брезгливый человек’ [ДСНО 1: 171];

2) объекта действия: волог. *брезготня* ‘грязь; то, чем брезгают’ [СРГК 1: 113];

3) отвлеченный признак: без указ. места *брэзга* ‘брезгливость’ [СРНГ 3: 173], р. Урал *брэзги* ‘то же’ [Малеча 1: 164].

Адъективные дериваты, обозначающие признак субъекта: арх. *брэзговатой* ‘брезгливый, разборчивый в пище’ [АОС 2: 115], пск. *брезговатой* ‘склонный к брезгливости, мнительный’ [ПОС 2: 165], карел. *брезговатый* ‘брезгливый’ [СРГК 1: 113], *брезговитый* амур. ‘то же’ [СРНГ 3: 173], волог. ‘то же’ [СВГ 1: 44], перм. ‘то же’ [СПГ 1: 82], кубан. ‘то же’ [КГМС: 50], арх. ‘то же’ [КСГРС], арх. *брезгой*, *брезготливой* ‘брезгливый, разборчивый в пище’ [АОС 2: 115], *брезгучий* арх. ‘брезгливый’ [СРГК 1: 113], пск. ‘испытывающий отвращение, брезгливый’ [ПОС 2: 165], прибайкал. ‘очень брезгливый’ [СРГПриб 1: 37], арх. *брязговатый* ‘брезгливый’ [СГРС 1: 155].

Адвербиальные дериваты: *брэзно* волог. ‘противно, мерзко’ [СРНГ 3: 173], яросл. ‘то же’ [ЯОС 2: 23], волог., арх. *брэзотно* ‘то же’ [СРГК 1: 113], яросл. *брэготно* ‘то же’ [ЯОС 2: 23], волог. *брэзко* ‘о чувстве брезгливости, отвращения, испытываемом кем-либо’ [СВГ 1: 44], *брэзно* прибайкал. ‘неприятно’ [СРГПриб 1: 37], яросл. ‘противно’ [ЯОС 2: 23].

ЭССЯ рассматривает две группы возможного происхождения **brėzɡati*, **brėzɡovati* [ЭС-СЯ 3: 18–19]. Приводя первую из них, ЭССЯ опирается на точку зрения Фасмера, который предполагает родство **brėzɡъ* с норв. *brisk* ‘горечь’, *brisken* ‘горький, терпкий’ [Фасмер 1: 211], что представляется достаточно оправданным ввиду семантической близости этимона и рассматриваемой лексемы. Если принимать эту гипотезу, можно предположить, что во внутренней форме этимона отражено представление об объекте чувства отвращения, а именно – горький, терпкий и/или кислый вкус. Таким образом, первоначально в слове содержалось указание на вкусовую сенсорную систему. Последующее развитие значения можно рассматривать как синестетическую метафору, обращенную в историческую перспективу и происходящую при мене указания на другую сенсорную систему восприятия. Вопрос о формальной соотнесенности лексем остается открытым.

Вторая группа возможностей, которую приводит ЭССЯ, учитывает фонетическую тождественность **brězǝ* I и **brězǝ* II (дублетная форма по отношению к **brěskъ*, ср. словен. *brěsk* ‘рассвет’, чеш. *břesk* ‘пронзительный звук, крик’, польск. *brzask* ‘рассвет’, ‘отблеск, отражение’ [ЭССЯ 3:17]). ЭССЯ, рассматривая эту гипотезу, опирается на А. Брюкнера, который объединяет в одном гнезде такие значения, как чеш. *brziska* ‘заря’, ‘свет’, рус. *обрезнуть* ‘о скисшем молоке’, *брезгать* ‘брезговать’, ‘пренебрегать чем-н.’ и рассматривает «‘рассвет’ как ‘просветление’, откуда, далее, также с переносом со зрительных на вкусовые ощущения: ‘вкус, делающийся более редким, кислым’» [Цит. по: ЭССЯ 3: 18–19]. В основе такого переноса могло лежать сближение по темпоральности и идее постепенного распределения в пространстве: подобно тому, как ранним утром начинает виднеться свет, так неприятный вкус начинает ощущаться на вкусовых рецепторах. Кроме того, можно предположить, что в данном переносе играет роль присутствие легких болевых ощущений как при восприятии брезжащего, яркого света, так и горького / кислого вкуса (ср. также слуховое восприятие – чеш. *břesk* ‘пронзительный свист, крик’ [ЭССЯ 3: 17]). Следует отметить и то, что данная версия может объяснять появление таких значений, как укр. диал. *бреск* ‘сырость, плесень’ [Там же: 18], чеш. *břežděti* ‘становиться болотистым; размякать’, чеш. диал. зап.-морав. *brěskat mléko* ‘мешать молоко с водой, подделывать’ [SP 1: 375]. Во всех производных явлена сема ‘потеря концентрации / плотности’ (как на уровне зрительного восприятия, так и на уровне внутренних свойств предмета), ‘разреженность’, которая коррелирует с мотивационной моделью, предложенной А. Брюкнером.

5. Т. В. Горячева связывает свердл. *брутовітый* ‘брезгливый’ [СРНГ 3: 211] с арх. *брутуха* ‘кислица’, далее к незасвидетельствованному прилагательному **брутый* ‘кислый’ [Горячева 1982: 103]. А. Е. Аникин для слова *брутовітый* предполагает связь с *борговітый* и восстанавливает форму *бруговітый* [Аникин РЭС 4: 284]. Алт. *борговітый* ‘о несъедобном сене, содержащем много грубых стеблей’, возможно, из *морговітый* ‘брезгливый’ (< прасл. **mъrg*) [Аникин РЭС 4: 63–64]. В таком случае предполагаем принадлежность к этому гнезду глагольной формы нижегор. *бру́говать* ‘брезговать’ [ДСНО 1: 174], которую можно соотнести с реконструируемой А. Е. Аникиным формой **бруговітый*.

6. Арх. *гáведь* ‘что-н. отвратительное, вызывающее брезгливое чувство; гадость, дрянь’ [АОС 9: 18], тул. *гáведа*, арх., олон. *гáведь* ‘что-либо мерзкое, гадкое; гадость, дрянь’ [СРНГ 6: 83] восходят к прасл. **gavědb*⁶² [ЭССЯ 6: 112]. От них и близких к ним лексем, по-видимому, образованы *гáведный* тобол., арх. ‘плохой; гадкий, отвратительный’ [СРНГ 6: 83], ср.-урал. ‘то же’ [СРГСУ/Д: 101], свердл. *гавéдно* ‘противно, гадко, отвратительно’ [СРНГ 6: 83], *гáведно* перм., арх., заурал. ‘то же’ [Там же], вят. ‘неприятно, противно’ [ОСВГ 2: 10], тюмен. ‘грязно;

⁶² Ср. *гáведь* олон. ‘дрянь, негодь, мерзость, мелкие насекомые, мошки, комары, лягушки, ящерицы и т. п.’, арх. ‘сорные травы’ [ЭССЯ 6: 111].

противно' [СРСГЮТО 1: 152], ср.-урал. *gávedno, gавéдно, гаéдно* 'скверно, отвратительно, мерзко, противно' [СРГСУ 1: 109]

Праславянская форма **gavědъ* обладает тёмным происхождением; Бернекер связывал её с **govъno* [Цит. по: ЭССЯ 6: 112], ЭССЯ предполагает звукоподражание [Там же]. Приводят следующие русские продолжения: *gáveda* вят., тул., новг. 'гады: лягушки, ящерицы и под.; неприятные, вызывающие отвращение насекомые' [Там же]. Возможно, что исследуемые слова производны от обозначений насекомых и пресмыкающихся, поскольку такая модель активно действует в рамках изучаемой группы лексики.

Мысль о сходной мотивационной модели высказывает А. Е. Аникин. Он предполагает семантический перенос **gaviti* 'вызывать отвращение' < 'пачкать, гадить' и корневое родство с **gadъ, *gydъ*⁶³, а также допускает родство с **govъno* [Аникин РЭС 9: 281].

7. Мы полагаем, что к прасл. **kastъ* восходят ряз., новг., пск., ленингр., арх. *касть* 'о чем-либо, вызывающем отвращение, гадливое, неприятное чувство' [СРНГ 13: 118–119], *ка́стно* помор. 'неприятно' [Дуров: 373], твер. 'грязно, противно, неприятно' [Селигер 3: 23], вост. *кастнóй*, пск., твер., петерб. *ка́стный* 'мерзкий, гадкий, скверный, поганный' [СРНГ 13: 117–118], пск. *кастнёющий, кастнёщий* 'самый мерзкий, скверный, поганный' [Там же: 118]. Считают, что **kastъ* является древним производным с продлением корневого гласного *o* → *ō* (*a*), от **kostъ* [ЭССЯ 9: 157].

Ж. Ж. Варбот выдвигает еще одну версию происхождения **kastъ*, а именно производность от праславянского глагола **kaziti* с суф. **tъ* [Варбот 2020: 213]. К русск. *касть* при этом семантически наиболее близки следующие глаголы: др.-русс. *казити* 'портить, причинять вред; развращать; искажать; увечить (об оскоплении)', *казитися* 'портиться' <...> русск. диал. ворон. *казить* 'портить', том. *казиться* 'кривиться (о человеке)' [Там же].

По одной из версий, общенар. *накость* (в таком случае сюда же относится и диал. том. *накості́на* 'гадость, мерзость' [СРНГ 25: 159]) [ТСлРЯ 2007: 608] было образовано сложением преф. **ра-* и утраченной основы **kostъ* со значением 'вред, порча' [Там же]. В таком случае рассматриваемая лексема оказывается родственной выше представленным словам. В ЭССЯ данная версия оспаривается [ЭССЯ 40: 229–230].

Л. В. Куркина пишет о том, что с равной степенью вероятности данные языковые факты могут быть интерпретированы как производные с суф. *-ostъ*, тогда они оказываются родственными др.-рус., ст.-слав. *опако, паки* 'опять', чеш. *рак* 'но' [ТСлРЯ 2007: 608]. В ЭССЯ данная версия приводится как приоритетная, первичная мотивация формулируется как 'обратное нор-

⁶³ Об однокоренных словах в рамках исследуемого материала см. на стр. 82–84.

мальному состоянию, качеству' [ЭССЯ 40: 229]⁶⁴. Эту же этимологию поддерживает Ж. Ж. Варбот [Варбот 2020: 220]. Е. И. Якушкина реконструирует для корня *пак-* в данном случае семантику вреда, которая охватывает значение механического повреждения и нанесения зла [Якушкина 2003: 63]; ту же линию развития значения предлагает Л. П. Дронова [Дронова 2007: 235–236]. Эта семантика особенно явно реализуется в таких лексемах, как рус. *пакошь*, *пакоща* 'пакость, пакостный поступок, дело', *пакостить* 'делать, творить пакости на зло и вред кому' [Там же: 64].

8. Однозначной этимологизации не поддается перм. *кобь* 'погань, гадость' [СРНГ 14: 23]. Возможно, мотивационным импульсом для возникновения семантики неприятного является связь данного корня с идеями колдовства, зловещего. О подобной семантике в обозначенном гнезде пишет Е. Л. Березович, приводя такие факты, как др.-рус. *кобь* 'гадание по полету птиц; предзнаменование, колдовство и др.' [Березович 2007: 302–303].

9. Разные этимологические решения предлагаются для зап.-брян. *ледáщина* 'о плохой, негодной вещи или человеке; дрянь, гадость' [СРНГ 16: 319].

М. Фасмер считает, что *ледáщий* 'негодный, пакостник' было образовано в результате сращения част. *ле* (*лѣ*), *да* и *что* (укр. *що*) или *чиш*, *чей* и т. д. [Фасмер II: 474].

Л. В. Куркина с долей сомнения сравнивает прост. *ледáщий* 'слабосильный, тщедушный, хилый' (восходящее, по нашему мнению, к тому же корню, что и зап.-брян. *ледáщина*), с *ляд* [ТСлРЯ 2007: 400]. В свою очередь, *ляд* (ср. прост. бран. *на кой ляд* 'зачем, для чего, на кой черт'), вероятно, родственно диал. *ляда* 'вырубленное и выжженное под пашню место в лесу', укр. *лядо*, чеш. *lado* 'пустошь', значение 'нечистая сила' – по месту обитания [ТСлРЯ 2007: 422]. В диалектах точно так же встречается номинации мифологических персонажей с корнем *-ляд-*: диал. шир. распр. *ляд* 'в суеверных представлениях – злой дух, бес, нечистый' [СРНГ 17: 259]. В таком случае можно предположить, что источником для формирования исследуемой семантики в данном слове стало бранное употребление лексемы *ляд*.

Авторы ЭССЯ полагают, что курск. *ледáка*, *ледáха* 'плохой, дрянной человек', курск., зап.-брян., дон. *ледáчий* 'плохой', южн., зап., пск., твер., ворон. *ледáщий*, *лядáщий* 'плохой, дурной (о человеке)' [ЭССЯ 14: 179] относятся к гнезду **lěda* [ЭССЯ 14: 179]. Для частицы с ограничительным значением **lěda* реконструируют первичное значение 'пусть, только', ср. русск. диал. *ляда* 'разве, никак'. В. Н. Топоров считает, что «лексемы с уничижительным значением типа русск. *ледáчий*, *ледáка* испытали семантическое влияние со стороны этимологического

⁶⁴ В ЭССЯ к **pakostь* возводится также вариант слова с вокализмом *-о-* [ЭССЯ 40: 229]: *пóкасть* челяб., ср.-урал., калуж., твер., смол., пск., арх., том., сиб. 'пакость, гадость' [СРНГ 28: 370], волог. 'то же' [СВГ 7: 127], перм. 'о чем-, ком-л. непригодном, вызывающем отвращение' [АС 4: 7].

гнезда балто-слав. **led-* ‘лед’, в котором часто реализуется образ слабости, косности, вообще болезненного состояния и смерти» [ЭССЯ 14: 179].

В ЭССЯ также высказывается гипотеза о том, что образование русск. *ледáчий, ледáщий* происходило либо под влиянием, либо вследствие контаминации с гнездом **lędo* [ЭССЯ 14: 179]. Однако, в отличие от гипотезы Л. В. Куркиной, авторы ЭССЯ выдвигают другой вариант мотивации. Они полагают, что слова с семантикой всего плохого, ненужного в качестве истока имели сочетание **lě da* (от которого образуется частица с ограничительным значением [Там же: 178–179]), сближение с **lędo* вторично, вероятнее всего, благодаря формальному сходству и наличию в обоих гнездах значений типа ‘плохая, скудная земля, плохо обработанная, заросшая кустарником’ [ЭССЯ 15: 47]: блр. *лядáкі, лядáйкі* ‘неурожайный, бесплодный (о земле)’ < **lě da* [ЭССЯ 14: 179] и русск. диал. *ля́да* калин. курск. ‘сырое место среди посевов, где плохо родится хлеб’ < **lęda* [ЭССЯ 15: 45]

10. ЭССЯ со ссылкой на В. А. Меркулову сближает перм. *мат* ‘неприятно, противно’ [СРНГ 18: 20] с прасл. **matъ*, которое соотносится с **matati* [ЭССЯ 18: 10–11]. **matati*, в свою очередь, восходит к и.-е. корню **mā-* с первоначальным значением ‘давать знаки рукой, делать движения рукой’ [ЭССЯ 17: 236]. К этому гнезду, возможно, также принадлежит смол. *маті́но* ‘противно’: *Сматреть на них матина* [ССГ 6: 83], перм. *ма́тно* ‘неприятно до отвращения’ [АС 2: 125].

11. Авторы ЭССЯ нижегор. *матрусно* [удар.?] ‘противно, мерзко’ [СРНГ 18: 37] относят к гнезду **matrōsiti*, глагол представляет собой сложение префикса **ma-* и **trōsiti* (ср. рус. *трусить* ‘сыпать, вытряхивать’). К этому же гнезду относятся перм., свердл., алт., курган., ново-сиб., сиб., заурал. *ма́тросить, ма́трұсить* ‘накрапывать, моросить’, том. *ма́трусить* ‘идти, выпадать (о снеге)’ [ЭССЯ 18: 7].

Согласно другой версии, изложенной в ЭССЯ, нижегор. *матрусно* [удар.?] ‘противно, мерзко’ [СРНГ 18: 37] может относиться к гнезду **motrōšiti (se)* [ЭССЯ 18: 7–8]. Последний праславянский глагол трактуется Т. В. Горячевой как сложение приставки **mo-* и *trōšiti* (далее **troxa* ‘крошка, обломок’) [Там же]. К этому же гнезду относят брян., новг. *мотрош́ить* ‘идти мелкими каплями, моросить (о дожде)’, забайкал. ‘суетиться’, яросл. ‘колдовать’, яросл. *мотрош́ить* ‘теребить лен’, ворон., курск., орл., брян., смол., калуж. *мотро́сить* ‘идти мелкими каплями, моросить (о дожде)’ [ЭССЯ 20: 67]. К этому же гнезду приписывают вят. *мо́трсно* ‘противно, тошно’ [ЭССЯ 20: 69].

12. Значение отвращения и неприятия может устойчиво сочетаться с рядом других смыслов, причем такое сочетание повторяется для нескольких гнезд.

Н. И. Толстой обозначил существование в рамках одного слова или лексико-семантической группы нескольких устойчиво повторяющихся значений термином «семантиче-

ский регистр». Так, например, лексема **bardo*, имея значения ‘часть ткацкого станка’ и ‘гора, холм’, относится к двум различным семантическим регистрам – географическому и ткаческому [Толстой 1997: 397–398]. Отметим, что учитывается частое изменение словообразовательной структуры слова при переходе из одного семантического регистра в другой [Там же: 397–399].

Рассмотрим один такой случай, когда семантика отвращения является одним из семантических регистров. Близкий набор смыслов обнаруживают лексемы гнезд с вершинами *мордовать*, *морговать*, *морковать*, восходящими к одному корню *-mъr-*, но с разными расширителями, а именно *-d-*, *-g-*, *-k-* [ЭССЯ 20: 235–238, 242–243]. Как отмечает Л. В. Куркина, «наблюдаемое у основ **mъrk-*, **mъrd-*, **mъrg-* сходство сфер употребления и частичное совпадение не может быть случайным, оно <...> отражает исконную общность основ, развившихся из корня **mъr-* < **mer-*. Детерминатив определял направление семантического развития: **mъr-* ‘делать быстрые движения’ > **mъrg-* ‘моргать, мигать’, **mъrk-* ‘меркнуть, темнеть’, **mъrd-* ‘шевелиться, качаться, махать’» [Куркина 1874: 218].

Для удобства восприятия большого объема материала разобьем лексемы в группы по семантическому сходству. Последовательно будут приведены продолжения корней **mъrd-*, **mъrg-*, **mъrk-*. Внутри каждой группы будут выделены устойчиво повторяющиеся значения.

Продолжения прасл. **mъrd-*.

1. ‘Испытывать отвращение’: сиб., тобол., перм., новг. *мóрдовать* ‘чувствовать отвращение, брезговать, гнушаться’ [СРНГ 18: 259], забайкал. *мы́рдить* ‘брезговать’ [СРГЗ: 217], забайкал. *мы́рда*⁶⁵ ‘о брезгливом человеке’ [СРГЗ: 217].

2. ‘Двигать, шевелить’: др.-русс. *мордати* ‘кривляться, гримасничать’ [ЭССЯ 20: 236].

3. ‘Тошнить, рвать’: волог., новг. *мóрдовать* ‘тошнить, рвать’ [Там же].

Продолжения прасл. **mъrg-*.

1. ‘Испытывать отвращение’.

Глагольные продолжения корня **mъrg-*: *мóргать* новосиб., свердл., ср.-урал., алт., иркут., нижегор. ‘брезговать’ [СРНГ 18: 255], яросл. ‘то же’ [ЯОС 6: 57], прикам. ‘то же’ [СРГЮП: 103], пск. ‘то же’ [ПОС 18: 354], костром. ‘брезговать, «копаться» в еде’ [ЛКТЭ], *морга́ть* пск., твер. ‘брезговать’ [СРНГ 18: 255], приам. ‘то же’ [СРГПриам: 157], ср.-урал. *мóргаться* ‘брезговать’ [СРГСУ 2: 139], диал. шир. распр. *мóрговать* ‘брезговать, гнушаться’ [СРНГ 18: 256], *моргова́ть* влад., пск., твер., камч., сев.-вост., краснояр. ‘то же’ [СРНГ 18: 256], волог. ‘то же’ [Дилакторский: 260], прибайкал. ‘то же’ [СРГПриб 2: 96], якут. ‘то же’ [СРСГТЯ К–П: 77], яросл. *морго́титься* ‘брезговать, чувствовать отвращение к чему-л.’ [ЯОС 6: 58], влад., яросл. *морго́тит* ‘противно, неприятно, не нравится кому-либо’ [Там же].

⁶⁵ С чередованием в корне.

Фонетические варианты, вызванные чередованием: 1) *о//ы*: *мы́ргать* твер., пск., костром., новг. 'брезговать, быть разборчивым в еде, отказываться от угощения' [СРНГ 19: 58]; 2) *о//е*: свердл. *ме́рговать* 'брезговать' [СРНГ 18: 113]; 3) *о//у*: перм., ср.-урал. *му́рговать* 'то же' [Там же: 353]; 4) *о//а*: без указ. места *марга́ть* 'брезгать, причудничать, привередничать, пренебрегать чем, гнушаться или презирать' [Даль II: 299]⁶⁶.

Адвербиальные продолжения: вят. *моргли́во* 'брезгливо' [ОСВГ 6: 73], волог., яросл., твер. *мо́рготно* 'противно, неприятно' [СРНГ 18: 257], *морго́тно* челяб. 'противно, неприятно' [СРНГ 18: 257], арх. 'неприятно, противно' [СГРС 7: 324], вят. 'брезгливо' [ОСВГ 6: 73], нижегор. *морготненько* [удар.?] 'противно, неприятно' [СРНГ 18: 257].

Субстантивные продолжения со значением: 1) отвлеченного действия: сиб. *мо́рга* 'отвращение, брезгливость' [СРГС 2: 290], краснояр. *морговáнье* 'брезгливость' [СРГСРКК: 173]; 2) субъекта рассматриваемой ситуации: вят. *моргу́ля* 'о брезгливом человеке или животном' [ОСВГ 6: 74], *моргу́н* вят. 'брезгливый мужчина' [ОСВГ 6: 74], ср.-урал. 'брезгливый человек' [СРГСУ/Д: 303], вят. *моргу́нька* 'о брезгливом человеке или животном', *моргу́нья* 'брезгливая женщина' [ОСВГ 6: 74], *моргу́ша* ср.-урал. 'то же' [СРГСУ/Д: 303], вят. 'о брезгливом человеке или животном' [ОСВГ 6: 74], яросл. *тварь морготная* 'о неприятном, вызывающем чувство брезгливости человеке' [СРНГ 43: 320], костром. *мы́рга*, *мы́ргало* 'брезгливый, придирчивый в еде человек' [ЛКТЭ].

Адъективные продолжения, обозначающие: 1) признак субъекта действия: *моргли́вый* влад., яросл., вят., перм., свердл. 'брезгливый' [СРНГ 18: 256], яросл. 'то же' [ЯОС 6: 57], *моргли́вой*, *морговíтой* ср.-урал. 'то же' [СРГСУ 2: 139], тюмен. 'то же' [СРСГЮТО 1: 387], *морговáтый* перм. 'то же' [СРНГ 18: 256], вят. 'то же' [ОСВГ 6: 73], рус. коми 'брезгливый' [СРГКПО: 195], перм. 'то же' [СПГ 1: 523], *морговíтый* перм., ср.-урал. 'то же' [СРНГ 18: 256], вят. 'то же' [ОСВГ 6: 74], омск. 'то же' [СРГС 2: 291], рус. коми 'брезгливый, разборчивый' [СРГКПО: 195], прикам. 'брезгливый' [СРГЮП 2: 104], вят. *морго́вый* 'то же' [ОСВГ 6: 73], перм. *морго́тный* 'то же' [СПГ 1: 523], *морготу́шный* бурят. 'то же' [СРГС 2: 291], забайкал. 'то же' [СРГЗ: 209], перм. *моргу́тный* [СПГ 1: 523], рус. коми 'то же' [СРГКПО: 195];

2) признак объекта ситуации: ср.-урал. *моргли́вый* 'грязный, неприятный, вызывающий чувство отвращения, брезгливости' [СРНГ 18: 256], рост., яросл. *морго́тный* 'неприятный, вы-

⁶⁶ Ср. также приставочные модели: вят., южн. *замо́рговать* 'начать чувствовать омерзение, брезговать' [СРНГ 10: 255], *замы́ргать* заурал. 'начать брезговать, гнушаться, пренебрегать кем-, чем-либо' [СРНГ 10: 270], пск. 'то же' [ПОС 11: 346], рост., яросл. *наморго́тить* 'вызвать у кого-либо брезгливое чувство' [СРНГ 20: 40], яросл. *оморго́теть* 'то же' [ЯОС 7: 44], *помо́рговать* вят. 'побрезговать' [ОСВГ 8: 140], ср.-урал. 'то же' [СРГСУ 4: 89], забайкал. 'то же' [СРГЗ: 318], волог. 'побрезговать, пренебрегать' [Дилакторский: 387], *поморговáть* волог. 'побрезговать, пренебрегать' [Дилакторский: 387], новосиб., алтай. 'побрезговать' [СРГС 3: 376], перм. 'то же' [СПГ 2: 163], ростов., яросл. *поморго́теть* 'опротиветь' [СРНГ 29: 224], вят. *сморговáть* 'то же' [СРНГ 39: 41].

зывающий чувство брезгливости' [Там же: 257], новг. *мыргáтый* 'брезгливый' [НОС: 577], костром. *мы́рчатый* 'брезгливый, придиричивый в еде человек' [ЛКТЭ].

2. 'Проявлять разборчивость': пск., твер., костром. *мо́ргать* 'быть слишком разборчивым в еде' [СРНГ 18: 255], перм. *морга́ть* 'то же' [СПГ 1: 522–523], пск. *му́ргать* 'то же' [ПОС 19: 63], пск. *мы́ргать*, *мы́ргаться* 'выбирать из кушанья то, что не будет съедено; быть слишком разборчивым в еде' [Там же: 73], пск. *мы́ргнуть* 'отказаться от предложенной еды' [Там же], пск. *мы́ргалка* 'о том, кто разборчив в еде', *мыргу́ха* 'привередливый в еде человек' [Там же], пск. *мыргли́вый* 'разборчивый в еде, привередливый' [Там же].

3. 'Проявлять привередливость: южн. *замо́рговать* 'начать привередничать' [СРНГ 10: 255], твер., костром., курган. *мы́ргать* 'привередничать, капризничать' [СРНГ 19: 58], яросл. *морго́тный* 'вредный (о человеке)' [ЯОС 6: 58], новг. *мыргáтый* 'привередливый' [НОС: 577], пск. *мы́рганица* 'привередливый, капризный человек' [ПОС 19: 73].

4. 'Двигать, шевелить, мигать, мелькать': кубан. *морга́ть* 'шевелить, поводить бровями' [СРНГ 18: 255], тул. *моргну́ть* 'убежать, побежать, скрыться' [СРНГ 18: 255], урал. *моргли́вой* 'тот, кто часто мигает' [СРГСУ 2: 139], яросл. *моргли́вый* 'такой, который часто мигает, моргает' [ЯОС 6: 57].

5. 'Иметь неприятный запах, внешний вид': яросл. *морготі́ть* 'плохо пахнуть' [ЯОС 6: 58], яросл. *морго́тный* 'грязный, неопрятный, невзрачный (о человеке)' [Там же], пск. *морго́тина* 'о том, что противно, гадко воняет' [ПОС 18: 361].

6. 'Тошнить, рвать': яросл. безл. *морго́титъ* 'тошнить, мутить' [ЯОС 6: 58], яросл. *морго́тно* 'о состоянии тошноты, тошнит' [Там же], пск. *морго́тина* 'тошнота, состояние одурения' [ПОС 18: 361].

7. 'Больной': *моргли́вый* твер. 'больной, хилый' [СРНГ 18: 256], яросл. 'то же' [ЯОС 6: 57], яросл. *морго́тный* 'слабый, болезненный, постоянно изнеженный, постоянно страдающий насморком' [Там же: 58].

8. 'Тоскливо, скучно, грустно': яросл., нижегор., арх., пенз. *морго́тно* 'скучно, тошно, горько, трудно' [СРНГ 18: 257], тыв. *морокóтно* 'тоскливо' [СРГС 2: 294].

9. 'Фыркать, ворчать, говорить невнятно': урал. *замы́ргать* 'заворчать' [СРНГ 10: 270], арх., волог. *мы́ргать* 'фыркать носом' [СРНГ 19: 58].

10. 'Испытывать презрение': омск. *мо́рговать* 'презирать кого-либо' [СРГС 2: 291].

11. 'Пасмурно (о погоде)': вят. *мороговать* 'стать пасмурной, облачной (о погоде); идет дождь' [ЭССЯ 20: 240].

Продолжения прасл. **mьrk-*.

1. 'Тоскливо, скучно, грустно': красноярск. *сморкóтиться* 'соскучиться' [СРГЦРКК 3: 140]⁶⁷, яросл. *моркóстно* 'тоскливо, грустно, скучно' [ЯОС 6: 58], *мóркотно* сиб., курск., вост.-смол., зап.-брян., моск., калин., арх., волог., яросл. 'грустно, печально' [СРНГ 17: 267], яросл. 'тоскливо, скучно, грустно' [ЯОС 6: 58], красноярск. 'скучно, тоскливо' [СРГЦРКК 1: 349], *моркóтно* енис. 'грустно, печально' [СРНГ 17: 267], яросл. 'тоскливо, скучно, грустно' [ЯОС 6: 58], дон. безл. 'тоскливо' [СРДГ II: 119], тыв. *морокóтно* 'тоскливо' [СРГС 2: 294].

2. 'Иметь неприятный запах, внешний вид': пск. *моркóтина*, *моркáтина* 'о том, что противно, гадко воняет', 'какая-н. вещь с неприятным, удушливым запахом' [ПОС 18: 361], твер. *моркотíна* 'о неприятном, тяжелом запахе, перегаре' [Селигер 3: 296], твер. *моркúша* 'больной, хилый, готовый умереть и имеющий отвратительный вид' [ТСГТО 4: 95].

3. 'Испытывать отвращение: пск. *мáркотно* 'тошно, неприятно' [СРНГ 17: 375], твер., орл., свердл. *мóркотно*, курск., моск., пск., смол., новг. яросл. волог. *моркóтно* 'скучно, надоедливо, противно до отвращения' [СРНГ 17: 267], твер. 'неприятно, противно' [СРНГ 17: 267], арх. 'то же' [СРГК 3: 258], пск. 'неприятно' [ПОС 18: 361], твер. 'неприятно, противно' [Селигер 3: 296], ср.-урал. *мóрковать* 'брезговать' [СРГСУ/Д: 304].

4. 'Тошнить, рвать': яросл. *моркотíть* 'тошнить' [ЭССЯ 20: 244], пск. *моркóтина*, *моркáтина* 'тошнота, состояние одурения' [ПОС 18: 361], яросл. *моркóтно* 'о состоянии тошноты, тошнит' [ЯОС 6: 58].

5. 'Двигать, мелькать': пск., твер. *моркосíть* 'мелькать, мерещиться в потемках' [ЭССЯ 20: 243].

6. 'Пасмурно (о погоде)': ср.-урал., енис. *моркóтно* 'пасмурно, туманно' [Там же: 245].

7. 'Фыркать, ворчать, говорить невнятно': *мы́ркать* свердл. 'ворчать', новосиб., свердл. 'издавать какой-либо звук, говорить невнятно' [Там же: 243].

Выделим общие семантические регистры для рассмотренных лексем: 'испытывать отвращение', 'тошнить, рвать', 'двигать, шевелить', 'фыркать, ворчать, говорить невнятно', 'пасмурно (о погоде)', 'скучно, горько, грустно', 'иметь неприятный запах, внешний вид'.

Как мы можем увидеть, семантические регистры, выделенные на базе анализа трех гнезд, находятся довольно далеко друг от друга по своему содержанию. Н. И. Толстой отмечает, что «самым ценным в понимании семантического регистра...видится не сумма фактов, а их соотношение в разных планах» [Толстой 1997: 405–406]. Попробуем выстроить некоторые возможные мотивационные линии.

Большим мотивационным потенциалом обладают лексемы с семантикой метеорологических состояний. В языке допустим перенос со сферы природных явлений на внутреннее состоя-

⁶⁷ О закономерностях семантических переходов в гнезде **mork-* писала Н. В. Галинова [Галинова 2020].

ние человека. Значение пасмурной, дождливой погоды, ср. ‘стать пасмурной, облачной (о погоде); идет дождь’, ‘пасмурно, туманно’, могло давать обозначения различных негативных ощущений человека, таких как плохое настроение, угнетенность, тоска, скука (‘скучно, тошно, горько, трудно’, ‘грустно, печально’), тошнота (‘тошно, неприятно’, ‘тошнить’), неприятие, отвращение (‘противно, неприятно’, ‘начать чувствовать омерзение, брезговать’).

Непосредственным мотивационным импульсом для значений, обобщенно формулируемых как ‘испытывать отвращение’, с большой долей вероятности могло являться значение ‘тошнить, рвать’. Исходная семантика отвращения, по-видимому, была в большей степени связана с физиологическими состояниями человека, не была абстрактной.

Языковые факты, характеризующие поведение (‘фыркать’, ‘ворчать’), могли обуславливать возникновение лексем с семантикой ‘испытывать отвращение’. Обозначение человека, который, кривя лицо, выражает чувство гадливости, стало мотивационным импульсом для передачи семантики отвращения с помощью лексемы *мордовать*. Показательно здесь то, что в восточно-славянских языках сохранился преимущественно субстантивный дериват *морда* от праслав. **mьrdati*, в то время как глагольная семантика движения фактически не представлена [ЭССЯ 20: 236].

По-видимому, поздним образованием является идеограмма ‘иметь неприятный запах, внешний вид’, поскольку она имеет объектное значение, в то время как в центре гнезд находится семантика непосредственно чувства, ощущения отвращения, сосредоточенного в зоне субъекта.

Наличие семантического регистра ‘двигать, шевелить, мелькать’ для всех трех гнезд еще раз указывает на наличие общей экспрессивной корневой семантики мелькания, о которой упоминалось авторами ЭССЯ применительно к глаголам **mьrgotati* [ЭССЯ 20: 240–241], **mьrkati* [Там же: 242–243].

Сделав некоторые предположения, отметим, что точный порядок наследования семантики в приведенных лексемах все же выявить не удастся. Н. И. Толстой указывал на существование целого ряда слов и корней, выступающих в нескольких семантических регистрах, хронологическая последовательность смены которых не поддается установлению [Толстой 1997: 399]. Как кажется, к этому числу принадлежат анализируемые нами гнезда. Обозначим также то, что выстраивание системы наследования осложняется взаимовлиянием выше приведенных корней ввиду их формального сходства, а также экспрессивной природы.

13. Мы полагаем, что *му́торно* пск. ‘неприятно, противно’ [ПОС 19: 83], тюмен. ‘неприятно, противно, тяжело’ [СРСГЮТО 1: 396], р. Урал ‘противно, нудно, жутко’ [Малеча 2: 456], а также твер. *му́терно* ‘неприятно, тошно’ [Селигер 3: 314] восходят к прасл. **mutorъnъjъ* (ср. рус. прост. *му́торный* ‘тоскливо-неприятный, тяжкий и тревожный’). Для последнего авторы

ЭССЯ предлагают два варианта этимологии. Согласно первой версии, прилагательное связано с глаголом **mutoriti* (ср. близкие значения *мутóрить* курск. ‘тошнить, мутить’, перм., свердл. ‘волновать, злить, смущать’) [ЭССЯ 20: 201–202]) и далее – с глаголом говорения **toriti*, ср. такие значения в гнезде, как забайкал. *мутáрить* ‘подстрекать’ [ЭССЯ 20: 201–202]. Появление семем, связанных с семантикой отвращения, не оговаривается. Согласно второй гипотезе, праформу следует реконструировать как **mqtorъnyjъ*, далее связывать её с **mqtoriti* [ЭССЯ 20: 201–202] < **mqtiti* (продолжения в русском языке: *мутить* ‘делать мутным (жидкость)’, ‘позывать на рвоту, тошнить’) [Там же: 145]. Здесь также можно указать на версию Л. В. Куркиной этимологии прост. *му́торный* ‘тоскливо-неприятный, тяжкий и тревожный’: данное прилагательное объясняется из *мутить* (< **mqtiti*) [ТСлРЯ 2007: 467]. С точки зрения семантики данное решение кажется более обоснованным.

Отметим, что на ряде территорий встречается параллельное функционирование лексем с *о* и *у* в первом слоге. Думается, что подобное положение дел можно объяснять фонетическими процессами. Происхождение в таком случае определить затруднительно. Ср. костром. *мо́торно*, *му́торно* ‘противно, неприятно, скучно’ [Ганцовская КГ 2: 120], ср.-урал. *мо́тарно*, *муторно́*, *му́торочно*, *му́тырно* ‘неприятно, тошно, скучно’ [СРГСУ 2: 143], ср. этимологию слов *мо́торно* оренб., алт., перм., вят. ‘противно, неприятно, муторно’, том. ‘о наличии чего-либо, вызывающего отвращение’ [СРНГ 18: 301–302], ср.-урал. ‘то же’ [СРГСУ/Д: 307], яросл. *мо-то́рно* ‘противно, неприятно’ [ЯОС 6: 62] и др. на стр. 41–42.

14. Влад., яросл., вост., сиб. *сквер* ‘нечто мерзкое, отвратительное, гадость’ [СРНГ 37: 403], ленингр. *сквѣрень* ‘то же’ [Там же], ряз. *сквѣрный* ‘неприятный на вид, вызывающий отвращение своим видом’ [Деулино: 516]. Для литер. *сквѣрна* происхождение остается неясным: возможно, что первоначально прилагательное с суффиксом *-нъ* связано чередованием гласных со слав. **skvora* (рус. диал. *шкворá* ‘дерево с гнилой сердцевиной’), родств. **skvyръ* (рус. диал. *сквер* ‘нечистота, грязь, гниль’), ю.-слав. *kvariti* (с.-хорв. *квáрити* ‘портить’) [ТСлРЯ 2007: 886].

15. В морд. *ссуво́риться* ‘скривить рот, губы в знак недовольства, пренебрежения’ [СРГМ II: 1229] можно выделить глагольный префикс *с-*, архаичный префикс *су-*, глагольный суффикс *-и-* и корень *-вор-* со значением верчения. В таком случае вероятен перенос: ‘вертеть’ → ‘делать кривым, изогнутым’ → ‘скривить рот, губы’. Идею деформации в корне рассматриваемого слова подтверждают следующие значения: *ссуво́риться* р. Урал ‘сжаться, съежиться (о ткани)’, калин. ‘сморщиться, постареть (о человеке)’ [СРНГ 41: 5]; олон., перм., сиб., симб. *суво́рый* ‘рябой, изуродованный оспой, безобразный’ [СРНГ 42: 143].

С другой стороны, допустима метатеза *ссуво́риться* < *ссуро́виться*. Тогда глагол образован от **ссуровить* с помощью постфикса *-ся*. Последний, в свою очередь, от прилагательного

суровый по словообразовательной модели со значением ‘наделить тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным’ [РГ-80 I: 378]. В таком случае в рассматриваемом глаголе следует выделять корень **syg-* (ср. славянские соответствия – укр. *сирий*, блр. *сыры́*, др.-русс. *сырь* ‘сырой, влажный’ [Фасмер III: 819]), связанный чередованием с *сурóвый* (ср. блр. *сурóвы* ‘суровый’, болг. *су́ров* ‘сырой, жесткий, свежий, сочный’ [Там же: 807]). Данный корень проявляет в своих продолжениях семантику жесткости, грубости с последующим переносом на эмоциональное состояние человека: ‘угрюмый, сердитый’ → ‘скривить губы в знак недовольства, пренебрежения’ (ср. *суво́рый* олон., курск., дон., казан., перм., сиб., казан., забайк. ‘суровый, сердитый, угрюмый’, сиб., перм., олон., терск. ‘брюзгливый, ворчливый’ [СРНГ 42: 143]).

Ниже находится список слов, которые на данном этапе исследования не поддаются этимологизации или семантико-мотивационной реконструкции: арх. *кливить* ‘позывать на тошноту, вызывать отвращение’ [СРНГ 13: 271], олон. *окли́во* ‘отвратительно’ [СРНГ 23: 126], арх. *скли́во* ‘неприятно, противно’ [СРНГ 38: 26], арх. *скливо́й* ‘вызывающий рвоту, тошноту, отвращение’ [СРНГ 38: 27], симб. *ка́рестный* ‘мерзкий’ [СРНГ 13: 87], калуж., влад., костром. *ля́ва* ‘бьяка, пакость, гадость’ (в детском языке) [Там же: 252], калуж., тул. *ля́вка* ‘то же’ [Там же], орл. *ля́во* ‘грязно’ (в детском языке) [Там же: 253], калуж., влад. *лявошный* ‘плохой, гадкий’ [СРНГ 17: 253], пск. *апря́кнуть* ‘надоест, опротиветь’ [ПОС 1: 67], олон., арх. *мокарливо* [удар.?] ‘неприятно’ [СРНГ 18: 207], пск. *не в де́готь кому, что* ‘кому-л. безразлично, неприятно, неясно что-л.’ [БСРП: 178], арх. *покря́паться* ‘пренебречь, погнушаться кем-, чем-л.’ [СРНГ 29: 19], ряз. *поноха́ться* ‘гнушаться, пренебрегать кем-, чем-л.’ [Деулино: 538–539], влад. *чали́вый* ‘брезгливый’ [Даль IV: 581], волог. *по́шкать* ‘брезговать’ [СВГ 8: 30], рус. коми *чумы́ндра* ‘о неприятном человеке’ [СРГКПО: 348], костром. *помелю́зговатый* ‘брезгливый’ [ЛКТЭ], арх. *лачка́н* ‘о неприятном человеке, часто неаккуратном, грязном, который мусорит, приносит грязь и т. п.’ [КСГРС], волог. *кошене́ть* ‘брезговать’ [СГРС 6: 125], смол. *за́теха* ‘неприятный запах’ [ССГ 4: 119], ср.-урал. *чече́нтя, чече́нька, чече́ня* ‘привередливый, брезгливый, разборчивый в еде человек’ [СРГСУ 7: 29], костром. *чечу́риться* ‘капризничать, брезговать’ [ЛКТЭ].

& 3. Выводы

Рассмотрим лексическую наполненность ТМГ. Соответствующие подсчеты представлены в таблице 1.

Таблица 1

ТМГ	Кол-во единиц*	
	%	слова
1 Соматика и перцепция	21	154
1. 1 Соматика	3	22
1. 2 Внешний вид	2	13
1. 3 Перцептивное восприятие	2	17
1. 4 Телесные ощущения	8	61
1. 5 Физиологическое состояние	6	41
2 Эмоциональный, психический мир человека; поведение	27	200
2. 1 Эмоциональное состояние	5	39
2. 2 Воля и желание	1	2
2. 3 Ментальная деятельность	1	7
2. 4 Черты характера, психологические особенности	7	50
2. 5 Поведение	14	102
3 Общая оценка	9	63
4 Физические положения и перемещения	8	60
5 Материальная и духовная культура	15	111
5. 1 Материальные объекты	12	86
5. 2 Религия, конфессия, мифология	3	25
6 Общие свойства тел и веществ	3	23
7 Животный мир	11	77
8 Природные явления и объекты	6	45

* Процентное соотношение высчитывается от числа языковых фактов, рассмотренных нами в рамках лексического множества «Отвращение».

Наиболее наполненной является ТМГ «Эмоциональный, психический мир; поведение». Обращает на себя внимание то, что при небольшом числе языковых фактов в подгруппах «Эмоциональное состояние», «Воля и желание», «Ментальная деятельность» выделяется подгруппа «Поведение».

Как мы уже неоднократно отмечали, поведенческое выражение негативного отношения к кому-, чему-л. зачастую обращает на себя внимание и нередко заслуживает осуждения, о чем говорит экспрессивная, негативно окрашенная внутренняя форма лексем, а также контексты в лексикографической литературе, ср. сарат. *забѣкать* 'сделать гримасу, выражая отвращение к чему-либо': *И что ты забякала?* [СРНГ 9: 280], волог. *чихвóстный* 'испытывающий отвращение к нечистоплотности, брезгливый': *Эта девка уж чихвостная!* [СВГ 12: 49] (ср. простореч. *чихвостить*). Особую роль в обеспечении продуктивности этой модели сыграла и регламентация в традиционном обществе того, как необходимо себя вести; когда же речь идет о брезгливости, большое значение приобретает ситуация за столом. Брезгливость нарушает установленные нормы поведения, ср. слова пск. *перебóрливый* 'брезгливый' [СРНГ 26: 33] (← *перебирать*), ворон. *грéбать* 'брезгать' [СВоронГ 2: 112] (ср. *разгребать*), которые несут представление о том, что брезгливый человек «роется» в предложенном ему кушанье, выбирая то, что будет съедено. Пищевое поведение, таким образом, в значительной мере определяет социальный «портрет» человека.

Обращает на себя внимание группа «Черты характера, психологические особенности». При незначительной наполненности (только 7 %) она интересна тем, что в лексических множествах «Неприязнь» и «Вражда» такая тематико-мотивационная группа не выделяется. Это говорит о том, что брезгливость и брезгливое поведение в языке сопрягается с определенными **личностными качествами**, в частности с высокомерием (перм. *спеси́вый* 'брезгливый' [СПГ 2: 382], костром. *чва́нистый* 'брезгливый, высоко себя ставящий' [ЛКТЭ]), капризностью (яросл. *верéдовать* 'прихотничать, брезговать' [ЯОС 2: 54]; дон. *скабёжливый* 'брезгливый' [БТСДК: 486], ср. вят. *быз* 'плаксивый, капризный ребенок', *бызётъ* 'капризничать, плакать, хныкать (о детях)'), щегольством (арх. *бодру́ня* 'капризная, брезгливая женщина' [АОС 2: 46], ср. арх. *бодру́ня* 'хорошо одевающаяся женщина, модница' [АОС 2: 46]), излишней чистоплотностью (сев. *чистюня* 'брезгливая, привередливая женщина' [Даль IV: 607]).

Следующей по наполненности является ТМГ «Соматика и перцепция». Мы уже писали о том, что эта тематическая группа лексики особенно продуктивна, поскольку человек склонен выражать нечеткий и абстрактный мир чувств через конкретные образы, например, «помещая» эмоцию в определенном месте своего тела (новг. *пона́сердка* и *понасе́рдка* 'отвращение (по народному представлению, порча), которое молодая жена может получить к мужу в день свадьбы' [СРНГ 29: 248]) или сравнивая неприятное эмоциональное состояние и неприятное телес-

ное ощущение (новосиб. *ободра́ть* ‘произвести неприятное, отталкивающее впечатление; покоробить’ [СРНГ 22: 156]). Такая модель обнаруживает продуктивность при языковой концептуализации эмоций, она будет релевантна и для лексического множества «Неприязнь», о котором пойдет речь в следующей главе.

Однако можно отметить некоторую специфику в представлении семантики отвращения с помощью соматических образов. Отвращение – наиболее «телесное» из всех исследуемых в данной работе состояний, и это находит отражение в наборе мотивирующих лексем. Если номинации неприязни метафорически задействуют образы души и сердца как центра эмоционального мира человека, то при наименовании отвращения душа и сердце в диалектах сближаются с органами пищеварения, как, например, в новосиб. *се́рдце не перевáривает* ‘о чувстве отвращения, неприязни’ [СРНГ 37: 192], брян. *душа́ выла́зит у кого* ‘кто-л. испытывает тошноту, отвращение к чему-л., к кому-л.’ [БСРП: 211]; появляются значения тошноты и рвоты: енис., камч., ср.-урал., волог. *му́тно* ‘неприятно, противно, тошно’ [СРНГ 19: 29].

Обращает на себя внимание наполненность ТМГ «Материальная и духовная культура», а именно подгруппы «Материальные объекты» – 12 %, в то время как в лексических множествах «Неприязнь» и «Вражда» находим по 1 %. В последних лексемы и фразеологизмы, мотивированные названиями объектов материального мира, метафорически представляют недоброжелательное и враждебное поведение (печор. *как злая ме́льница* ‘недоброжелательный, злой человек’ [ФСРГНП 1: 308], прибайкал. *подсеву́ха* ‘человек, любящий сеять раздор, вражду’: *Свекруха им жить не дала, подсевуха подла: сына настропалит, а сама ничо не говорит, все вздыхает тока* [СРНГ 28: 176]). В рамках же лексического множества «Отвращение» данная ТМГ содержит лексику, буквально называющую объекты неприятия, как в твер. *смерёд* ‘неприятный запах’ [Селигер 7: 120], сев.-двин. *во́неть* ‘неприятный запах, вонь’ [СРНГ 5: 91]. Другой вариант – это слова, образованные с помощью механизма расширения значения так же от обозначений неприятных объектов действительности (волог. *сулемá* ‘о чем-л. невкусном, неприятном’ [СРНГ 42: 219–220] ← волог. *сулемá* ‘всякий яд, отравá’ [Там же]; том., смол. *прито́рно* ‘противно, неприятно’ [СРНГ 32: 23], ср. *приторный вкус*).

Наконец, стоит обратить внимание на ТМГ «Животный мир» и «Природные явления и объекты», которые занимают 11 % и 6 % от общего числа слов в лексическом множестве «Отвращение». Несмотря на то, что цифры кажутся небольшими, небезынтересно прокомментировать их в сравнении с лексическими множествами «Неприязнь» и «Вражда», в лексической «массе» которых эти группы занимают значительно меньшее место. На ТМГ «Животный мир» приходится 7 % лексики со значением неприязни, 4 % – лексики со значением вражды; к ТМГ «Природные явления и объекты» относится по 2 % слов в каждом из лексических множеств. Чем можно объяснить подобное распределение?

Во внутренней форме лексем со значением отвращения фиксируются наименования объектов, которые вызывают отвращение, а именно преимущественно «нечистых» животных – арх. *га́довать* ‘брезгать, быть противным до тошноты’ [Подвысоцкий: 29] (ср. общерус. *гад*), смол. *гидиться* ‘испытать отвращение к чему (кому)-либо, брезгать’ [ССГ 3: 22] (от праславянского корня **gud-*, родственного корню *-gad-*) и др. Особенно показательно это наблюдение в сравнении с лексическим множеством «Неприязнь». Для лексики со значением неприязни данный мотив малопродуктивен; анималистический код в рамках этого лексического множества реализуется метафорически, поведение недоброжелательно настроенных людей уподобляется поведению животных, как, например, в перм. *как бык* ‘с недружелюбным видом, надувшись’ [СПГ 1: 71], арх. *волча́ной* ‘недружелюбный, злой, неприветливый’ [СГРС 2: 176].

Тем же свойством «физиологичности» отвращения объясняется бо́льшая продуктивность ТМГ «Природные явления и объекты»: здесь либо так же фиксируется представление об объектах отвращения (южн., зап. *брудко́й*, без указ. места. *бру́дкий* ‘гадкий, скверный; противный, безобразный’ [СРНГ 3: 200], ср. рус. диал. *бруд* ‘грязь, нечистота, муть’, [ЭССЯ 3: 44]; новг. *му́скорный* ‘противный, неприятный’ [НОС: 573], вероятно, от *skarědnъjъ* [ЭССЯ 20: 197] с семантикой нечистоты), либо же метафорически, через природные образы передается информация о состоянии человека (вят. *хму́рно* ‘неприятно’ [ОСВГ 11: 236]; вят. *мозгли́вый, морскли́вый* ‘брезгливый’ [ОСВГ 6: 73], ср. костром. *мо́зглый* ‘о погоде: пасмурная, часто с мелким дождем’ [ЛКТЭ]).

Представления о ситуации, в которой человек испытывает и выражает отвращение, фиксируются также **наиболее устойчивыми мотивационными моделями**, проявляющимися в разных предметно-тематических группах.

Продуктивной, сквозной моделью является перенос ‘**деструктивное воздействие на объект**’ → ‘**деструктивное воздействие на психику человека**’ → ‘**об ощущении неприятия, отвращения**’, ср., например, волгогр. *де́р дерёт* ‘о чем-л. грубом, неприятном’ [БСРП: 186]; вят. *покорёжить* ‘произвести неприятное впечатление, покоробить’ [СРНГ 28: 397]. Объекты, вызывающие отвращение, связываются с негативным влиянием на человека. Языковые факты могут указывать на конкретные органы, подвергающиеся воздействию (морд. *лома́ть глаза́* ‘смотреть на кого-л., что-л. неприятное, нежелательное’ [БСРП: 123], печор. *зассыка́ет на сердце у кого* ‘о неприятном ощущении, состоянии, которое вызывает тошноту’ [БСРП: 606]), или же обозначать характер действия как таковой (перм. *отру́тить* ‘отвратить; опротиветь’ [СРНГ 24: 304–305] ← *тру́тить* ‘гнести, жать, давить, тереть’ [Даль 4: 438]; волг. *оскоми́на берёт кого* ‘кому-л. надоело, неприятно что-л.’ [БСРП: 467]).

Устойчива модель ‘**ощущать дискомфорт**’ → ‘**испытывать отвращение**’. Как правило, такой перенос фиксирует результат взаимодействия человека с определенным предметом

или явлением действительности и, соответственно, появившуюся реакцию. Это может быть указание на физически неприятные ощущения (камч., ср.-урал., волог. *му́тно* ‘неприятно, противно, тошно’ [СРНГ 19: 29], без указ. места. *остужа́ть* ‘делать противным, ненавистным кому-либо’ [СРНГ 24: 93]) или психологический дискомфорт (арх. *стра́шно* ‘очень неприятно, ужасно’ [СРНГ 41: 297], перм. *неудóбно, невдо́бно* ‘неприятно, некомфортно’ [СПГ 21: 274]). Обозначаются конкретные органы и части тела, которые подвергаются воздействию, ср. новг. *пона́сердка, понасе́рдка* ‘отвращение (по народному представлению порча), которое молодая жена может получить к мужу в день свадьбы’ [СРНГ 29: 248], без указ. места *горлопя́тина* ‘гадкая, противная пища, которую пятит из горла’ [СРНГ 7: 42]. Данный мотив наиболее ярко и полно проявлен в рамках лексики отвращения по сравнению с другими рассматриваемыми в этой работе лексическими множествами. Очевидно, причина заключается в телесности данного ощущения, которая обуславливает возникновение такого рода переносов.

Еще одна устойчивая, активно реализующаяся модель – **‘прервать контакт с чем-либо’** → **‘испытывать отвращение к чему-либо’**. Внутри модели действуют более узкие мотивы: мотив поворота (нижегор. *до отворóту* ‘до отвращения (наесться, накормить и т. п.)’ [БСРП: 468], волг., перм. *нос на́ сторону у кого* ‘кому-л. неприятно, не нравится что-л.’ [БСРП: 449]); мотив отдаления (арх. *отде́рнуть* безл. ‘возбудить чувство отвращения; отвратить’ [СРНГ 24: 165], арх. *отки́дывать* ‘отвратить от чего-либо, вызвать отвращение к чему-либо’ [СРНГ 24: 201–202], пск. *душа вон* ‘кто-л. испытывает крайнее отвращение к чему-л.’ [СППП: 38]); мотив прерывания зрительного контакта (морд. *глаз не гляди́т на кого, на что* ‘кому-л. тяжело, неприятно смотреть на кого-л., на что-л.’ [БСРП: 117], прикам. *не принима́ть на глаза́ кого, что* ‘испытывать сильную неприязнь к кому-л., отвращение к чему-л.’ [БСРП: 124]). Данная модель особенно ярко эксплицирует идею отторжения претящих объектов действительности, желания избежать каких-либо контактов с ними.

Не желая вступать в контакт, субъект отвращения может выражать свои эмоции, что фиксируется в устойчивом типе переноса: **‘проявлять неодобрение’** → **‘испытывать отвращение’**, ср. вят. *хваля́шить* ‘брезговать’ [ОСВГ 11: 222], волог. *чихво́стный* ‘испытывающий отвращение к нечистоплотности, брезгливый’ [СВГ 12: 49]. При этом, когда речь идет об отвращении, как кажется, наиболее ярко выделяется ситуация поведения за столом, в гостях, когда человек отказывается от предложенного ему угощения, о чем говорит множество глаголов с внутренней формой, указывающей на эту ситуацию, ср. костром. *исковы́ркаться* ‘побрезговать, выразить недовольство’ [ЛКТЭ], диал. шир. распр. *gréбовать* ‘брезговать; пренебрегать, гнушаться кем-, чем-либо’ [СРНГ 7: 125–126] (← *разгребать* (предложенное кушанье, выбирая то, что будет съедено)). При этом зачастую мотив поведенческого выражения недовольства переходит в описание свойств личности. Другими словами, в данном лексическом множестве не-

редко сопрягаются наименования брезгливости и других, напрямую не связанных с чувством отвращения черт характера, таких как, например, высокомерие (костром. *чуфѳіня* ‘брезгливый человек’ [ЛКТЭ] ← костром. *чуфѳіниться* ‘чваниться, вести себя заносчиво’ [ЛКТЭ], костром. *чвѳанистый* ‘брезгливый, высоко себя ставящий’ [ЛКТЭ]), капризность (волог., перм., сиб. *материна чѳчка* ‘неженка, брезгун, прихотник’ [Даль IV: 602]), щегольство (волог. *бѳдрый* ‘такой, кто отказывается от угощения, пренебрегает гостеприимством’ [КСГРС], ср. волог. *бѳдрый* ‘нарядный’ [СВГ 1: 35]), излишняя чистоплотность (сев. *чистюня* ‘брезгливая, привередливая женщина’ [Даль IV: 607]).

Наконец, частотны наименования, несущие **семантику негодности** чего-л. Данный мотив реализуется при наименовании объектов неприятия. Так, негативная оценка может передаваться с помощью номинаций, внутренняя форма которых содержит идею общей эстетической или перцептивной оценки (ряз. *нехорѳший* ‘некрасивый, физически неприятный’ [Деулино: 342], сиб. *непригѳжий* ‘отталкивающий, неприятный на вид’ [СРНГ 21: 126], свердл. *лихѳй* ‘неприятный на вкус, по запаху; тошнотворный’ [СРНГ 17: 78–79]); указание на несоответствие нормам (ряз. *не в обѳчай* ‘не нравится, неприятно, не по нутру’ [Ванюшечкин А–Н: 10], волгогр. *неправильный* ‘противный, отвратительный, неприятный’ [СДГВО 3: 487]); указание на отсутствие ценности объекта как таковой (пск. *ничегѳ не стоить* ‘быть плохим, неприятным’ [ПОС 21: 350]). Подобные смыслы также могут концептуализироваться метафорически, например, через пространственные образы, отрицательно маркированные в русской культуре, ср., к примеру, образ пространственной «дисгармонии» (*несклѳдный* пск. ‘о человеке: имеющий неприятные свойства, черты характера’ [ПОС 21: 234–235], морд. ‘плохой, неприятный’ [СРГМ/Д: 180]). Мотив также отражается в номинациях из группы «Общие свойства тел и веществ»: появляется идея твердого (перм. *твѳрдый* ‘неприятный на вкус, жесткий, грубый’ [СПГ 2: 435], ‘грубый, неприятный на слух’ [АС 6: 11]), рваного (дон. *запѳронный* ‘гадкий, негодный’ [СРНГ 10: 346]) и т. д.

Номинации разных компонентов ситуации при всей пестроте значений и мотивационных моделей обнаруживают некие **закономерности лингвопрагматического характера**. В лексике отражается определенная точка зрения номинатора, что становится особенно интересным при рассмотрении межличностных отношений, когда имеет место оценка людьми друг друга.

Часть **обозначений субъекта ощущений** может происходить с ориентацией на него самого, во внутренней форме закрепляются, к примеру, особенности ощущения (краснояр. *брѳткий* ‘брезгливый’ [СРГЦКК 1: 127] от основы **bri-* [ЭССЯ 3: 28–29], ср. рус. *брить*), объекты неприятия (брянск. *гѳдливый* ‘испытывающий чувство отвращения к кому-, чему-л.; брезгливый’ [СБГ 4: 4], ср. *гад* ‘всякое пресмыкающееся и земноводное животное’; курск. *гнусливый* ‘брезгливый’ [СРНГ 6: 251], ср. *гнус*). Однако в подавляющем большинстве случаев

мы видим номинации, отражающие точку зрения «извне»: они маркируют внешний вид брезгливого человека (например, его худобу, как в помор. *либи́вой* ‘брезгливый, разборчивый на еду в кушаньях’ [Дуров 2011: 208] ← рус. карел. *ли́бивый* ‘тощий, слабый’ [СРНГ 17: 40]; яросл. *перемо́тина* ‘чванливый, брезгливый человек’ [ЯОС 7: 96] ← яросл. *перемо́тина* ‘тощий, худой человек или животное’ [Там же]), черты его поведения (костром. *чёмкий, чо́мкой* ‘привередливый в еде, брезгливый’ [ЛКТЭ], ср. костром. *чёмканье* ‘чмоканье’, ‘чмокать’ [ЛКТЭ]; смол. *влёзливый* ‘брезгливый’ [ССГ 2: 61] ← общенар. *влеза́ть* (т. е. выбирать из предложенного)), особенности психологического склада (яросл. *мра́вный* ‘брезгливый’ [ЯОС 6: 65], ср. литер. *нрав*, помор. *цыва́нной* ‘брезгливый’ [Дуров 2011: 436] ← *чванный*).

Объект номинируется с точки зрения субъекта ощущения. Во внутренней форме фиксируются самые различные аспекты, которые могут быть значимы для субъекта чувствования. Это указание на те или иные свойства, вызывающие неприятие (смол. *мля́вый* ‘неприятный’ [СРНГ 18: 184], ср. *мля́вый* смол., пск., зап.-брян. ‘изнуренный, обессиленный, усталый’, смол., пск., зап.-брян., калин. ‘томный, вялый; сонный’ [СРНГ 18: 184]; без указ. места *серьё́зный* ‘угрюмый, мрачный; неприятный (о человеке)’ [СРНГ 37: 228]), или же на чувства и реакции, которые возбуждает тот или иной объект действительности (твер. *расто́шный* ‘противный’ [СРНГ 34: 271], ворон. *сты́лый* [СРНГ 42: 114–115], ср. *сты́нуть*). Внутренняя форма слов может также фиксировать оценку со стороны субъекта (сиб. *неприго́жий* ‘отталкивающий, неприятный на вид’ [СРНГ 21: 126], новосиб. *стра́мность* ‘что-л., вызывающее неприятное чувство, отвращение’ [СРНГ 41: 283]) и поведение субъекта по отношению к объекту (перм. *негляде́нка* ‘о человеке, на которого неприятного глядеть’ [Акчим 3: 64] ← *не глядеть*, нижегор. *брюзг-ля́тина* ‘некрасивый, неприятный человек’ [ДСНО 1: 178], ср. *брюзжать*).

При **обозначении** самого **эмоционального отношения** могут также присутствовать разные модели. В большом количестве лексических и фразеологических фактов отражается, вероятно, точка зрения субъекта ощущений. На подобное положение дел указывает то, что во внутренней форме отражаются представления о физическом состоянии (скажем, ощущение тошноты, как в коми *мутъ берёт кого* ‘кому-л. страшно, неприятно смотреть на что-л.’ [БСРП: 417], или плохое самочувствие, как в краснояр. *мло́сно* ‘о чувстве отвращения или тяжелой, мучительной тоски, испытываемой кем-л.’ [СРГЦРКК 2: 340], ср. *млость* ‘истома, бессилие, слабость’ от *млетъ* [Фасмер 2: 632])) и эмоциональном мире субъекта чувствования (морд. *без тоски́ гляде́ть не хоте́ть* ‘о нежелании видеть кого-либо, настолько это противно, неприятно’ [СРГМ II: 1332], пск. *обидно́вато* ‘неприятно, противно’ [ПОС 22: 144]), оценки объекта (перм. *него́дно* ‘не по вкусу, не по нраву, не по душе, неприятно’ [СРНГ 20: 373], пск. *некраси́во* ‘чрезмерно; так, что вызывает отвращение’ [ПОС 21: 138–139]).

Для целого ряда языковых фактов можно предположить иную модель номинации, когда внутренняя форма лексем и фразеологизмов указывает на другого участника прототипической ситуации, который видит и оценивает поведение брезгливого человека. В частности, в языковом материале могут закрепляться представления о чертах поведения брезгливого человека (волог. *нюхлый* 'разборчивый в еде, брезгливый' [КСГРС], ср. *нюхать*; пск., твер. *посві́рывать* 'привередничать, брезговать' [СРНГ 30: 142], ср. пск., твер. *сви́рять* 'уклоняться, увиливать от чего-л.' [СРНГ 36: 296]), об особенностях психологического склада, приписываемые ему наблюдателем (яросл. *верёдовать* 'прихотничать, брезгать' [СРНГ 4: 48], ср. *вредный*; одес. *сумлева́ться* 'брезговать' [СРГО II: 200], ср. *сомневаться*, т. е. обстоятельно, критически подходить к выбору чего-л.). Такого типа номинации в рамках данной группы лексики имеют негативные коннотации, что обусловлено неприемлемостью открытого и эксплицитного выражения отвращения в сообществе.

Глава 2. Семантико-мотивационное своеобразие русской диалектной лексики со значением неприязни

Данная глава посвящена изучению русской диалектной лексики и фразеологии, которая принадлежит лексическому множеству «Неприязнь». Структура главы выдержана та же, что и в предыдущей главе. Основную часть текста, посвященную мотивационным отношениям и этимологической интерпретации лексики со значением неприязни, предваряет краткая характеристика названной группы слов с учетом прототипической ситуации. В первом параграфе дается определение ключевых лексем с семантикой неприязни в русском литературном языке, обозреваются основные способы выражения соответствующих смыслов в диалектах. Во втором параграфе лексика разбивается по тематико-мотивационным группам: «Соматика и перцепция, «Эмоциональный, психический мир человека; поведение», «Общая оценка», «Физические положения и перемещения», «Материальная и духовная культура», «Общие свойства тел и вещества», «Животный мир», «Природные явления и объекты», а также новая по сравнению с предыдущим лексическим множеством тематико-мотивационная группа «Социальная жизнь», дается развернутый этимологический комментарий к «темным» языковым фактам. В конце главы приводятся выводы.

§ 1. Прототипическая ситуация неприязни и ее языковое воплощение

Эмоциональное состояние субъекта, т. е. собственно ощущение неприязни

Лексемами литературного языка, которые воплощают данный смысл, являются *неприязнь*, *неприязненность* ‘нерасположение, недружелюбное, враждебное отношение к кому-, чему-л.’ [ССРЛЯ 7: 1106], *недружелюбие* ‘неприязненное отношение, нерасположение к кому-либо’ [Там же: 585], *недоброжелательство*, *недоброжелательность* ‘недоброжелательное отношение к кому-, чему-либо; недоброжелательность’ [Там же: 803–804], *нерасположение* ‘отсутствие расположения, склонности; недоброжелательное отношение к кому-, чему-либо’ [Там же: 1138–1139], *антипатия* ‘нерасположение, неприязненное чувство к кому-, чему-либо (в противоположность симпатии)’ [ССРЛЯ 1: 151], *неблагожелательность* ‘свойство неблагожелательного; недоброжелательность’ [ССРЛЯ 7: 701], *нелюбовь* ‘неприязнь, нерасположение’ [Там же: 961–962], *невзлюбить* ‘почувствовать к кому-, чему-нибудь сильное нерасположение,

неприязнь' [Там же: 738], *недолюбливать* 'чувствовать некоторую неприязнь, нерасположение к кому-, чему-либо' [Там же: 826].

Как можно отметить по дефинициям, предлагаемым в лексикографической литературе, большинство приведенных слов находятся в отношениях взаимоопределения.

В то время как для существительных наблюдаются незначительные семантические различия, которые с трудом «считываются» из лексикографического описания, значения глаголов более определены. Глагол *невзлюбить*, во-первых, обозначает интенсивное чувство, то есть является интенсивом, во-вторых, содержит в себе фазовую модификацию, обозначая момент перемены эмоционального отношения. Глагол *недолюбливать* же, напротив, содержит семантику меньшей интенсивности ощущения ('чувствовать некоторую (выделено нами. – Я. М.) неприязнь, нерасположение к кому-, чему-либо' [ССРЛЯ 7: 826]), которое при этом является постоянным.

Диалектные слова с КГС 'предметность':

- 'неприязнь': 'неприязнь' (твер. *назóла* [СРНГ 19: 287–288]), 'нерасположение, недоброжелательное отношение' (без указ. места *неприятство* [СРНГ 21: 129]), 'недоброжелательство' (твер., пск. *извёт* [СРНГ 12: 105]), 'злоба, неприязнь, неудовольствие' (помор. *на́сетка, на́ситка* [Дуров: 243]), 'недоброжелательность, злость' (арх. *врéда* [АОС 6: 19]), 'немилость, нерасположение' (без указ. места *невзгóда* [СРНГ 20: 339]).

Диалектные слова с КГС 'процессуальность':

- 'испытывать неприязнь': 'о чувстве неприязни к кому-л.' (новг. *отвороти́ть* [НОС: 751]), 'относиться с нелюбовью' (перм. *поноси́ться* [СПГ 2: 167]), 'злобствовать на кого-л., питать неприязнь к кому-л.' (ряз. *иметь рéнку на кого-л.* [Деулино: 488–489])⁶⁸.

Субъект эмоционального отношения

Базовыми лексемами, обозначающими носителя неприязненного отношения, являются *недоброжелатель, недоброжелательница* 'человек, недоброжелательно, несочувственно настроенный по отношению к кому-, чему-либо' [ССРЛЯ 7: 803]. Сюда же примыкают лексемы, служащие для обозначения признаков, характеризующих эмоции субъекта чувствования или черты его поведения, а именно *недружелюбный* 'неприязненно настроенный, недоброжелательно относящийся к кому-либо' [Там же: 858], *неблагожелательный* 'недоброжелательный, неблагосклонный' [Там же: 701], *недоброжелательный* 'неприязненно настроенный, проявляющий нерасположение, недружелюбие к кому-, чему-либо' [Там же: 806].

⁶⁸ Фазовые модификации: мурман. *невозна́идеть* 'невзлюбить' [РГБ: 249], перм. *незалибу́ить* 'потеряв прежнее расположение к кому-л., почувствовать неприязнь к нему' [Акчим 3: 67]. Модификации по интенсивности: перм. *на глаза́ не принима́ть* 'испытывать сильную неприязнь к кому-, чему-л.' [ФСПГ: 295], пск., ленингр., свердл., том. *недолюба́ть* 'недолюбливать' [СРНГ 21: 24].

Принципиально отличается от названных выше слов *недружный* ‘не расположенный к дружбе, взаимному согласию’ [Там же: 859], поскольку оно характеризует не отдельного человека, а нескольких людей, которые негативно относятся друг к другу.

Диалектные слова с КГС ‘предметность’:

- ‘недружелюбный, недоброжелательный человек’: ‘недоброжелатель’ (влад. *ляд* [СРНГ 17: 259]), ‘недоброжелательный человек (арх. *сóгра* [КСГРС])’, ‘о недоброжелательном, неприязненно настроенном человеке’ (забайкал. *врѣдá* [СРГЗ: 82]), ‘о недоброжелательном, несговорчивом человеке’ (дон. *вражєняка* [БТСДК: 89]), ‘недоброжелательный, неуживчивый человек’ (забайкал. *крьіслик* [СРГЗ: 172]), ‘угрюмый, недоброжелательный человек’ (краснояр. *фетю́к* [СРГЮРКК: 211]), ‘злой, недружелюбный человек’ (нижегор. *аря́* [ДСНО 1: 39]), ‘о человеке, плохо относящемся к кому-л., проявляющем свою нерасположенность’ (костром. *как корóва бодлі́вая* [ЛКТЭ]);
- ‘недоброжелательно относящиеся друг к другу, недружные люди’: ‘недружно живущие люди’ (прибайкал. *сведѣ́ныши* [СРГПриб 4: 12]), ‘недружная семья, где происходят разногласия, ссоры’ (арх. *семья бессове́тная* [СРНГ 2: 277]), ‘о родных братьях и сестрах, живущих недружно между собой’ (твер. *сведенцы́* [СРНГ 36: 224]), ‘недружное деревенское сообщество’ (арх. *чѣрная деревня* [АОС 11: 55–56]).

Диалектные слова с КГС «признаковость»:

- ‘неприязненно настроенный’: ‘недоброжелательный’ (арх. *безжелáнной* [АОС 1: 148]), ‘недружелюбный’ (перм. *недружелюбливый* [СПГ 1: 587]), ‘нерасположенный’ (волог. *непадко́й* [Дилакторский: 291]), ‘недоброжелательный, неприязненно относящийся к кому-л.; недружелюбный’ (орл. *необою́дный* [СОГ 7: 110]), ‘суровый, недоброжелательный’ (волог. *серьёзный* [СРГК 6: 74–75]), ‘недоброжелательный, злой’ (арх. *заѣдли́вой* [АОС 16: 347]), ‘недоброжелательный, неразговорчивый’ (бурят. *сгя́дный* [СРНГ 37: 22]), ‘неуживчивый, недружелюбный’ (ср.-урал. *несою́зной* [СРГСУ 2: 206]), ‘недружелюбный, неприветливый’ (прибайкал. *несдру́жливый* [СРГПриб 2: 124]);
- ‘отличающийся взаимной неприязнью, недружный’: ‘недружный’ (арх. *несу́сѣдливый* [СРНГ 21: 169]), ‘недружный, несогласный’ (курск., калуж., ворон. *несу́ютный* [СРНГ 21: 169]), ‘неуживчивый, недружный’ (костром., новг., енис. *несогла́сливый* [СРНГ 21: 158]), ‘не расположенный к взаимному согласию (обычно о группе людей)’ (перм. *недружелюбливый* [Акчим 3: 66]).

Объект эмоционального отношения

В литературном языке не находим однословных существительных, характеризующих объект неприятия. В словарях используются описательные дефиниции ‘тот, к кому испытывают

неприязнь / испытывают недружелюбие / недоброжелательность / нерасположение / неблагожелательность / нелюбовь’.

В то же время отмечаются прилагательные, характеризующие объект *неприязни* (преимущественно о муже или жене): *посты́лый* ‘сильно надоевший, опротивевший; внушающий неприязнь, отвращение; утративший привлекательность для кого-либо’ [ССРЛЯ 10: 1565]; *нелюбимый* ‘такой, к которому нет любви, к которому испытывают нелюбовь’ [ССРЛЯ 7: 961].

Диалектные слова с КГС «предметность»:

- ‘человек, вызывающий неприязнь’: ‘человек, вызывающий неприязнь’ (карел. *не́христъ* [СРГК 4: 19], ‘о человеке с каким-либо вызывающим неприязнь недостатком (физическом, в поведении, характере)’ (ср.-урал. *прѣтча* [СРГСУ 5: 16–17]);
- ‘постылый человек’: ‘постылый человек’ (забайкал. *моты́ль* [СРГЗ: 212]), ‘немилый, постылый муж’ (смол. *нелю́б* [ССГ 7: 84]), ‘постылый, немилый человек (о женихе)’ (олон. *студни́чек* [СРНГ 42: 76]), ‘нерадивая жена; неудачливая, постылая супруга’ (смол. *невда́шенька* [СРНГ 20: 327]);
- ‘нелюбимый человек’: ‘нелюбимый человек’ (новг. *супоста́тель* [СРГ 6: 397]), ‘немилый, нелюбимый муж или жених’ (пск., твер. *не́мил* [СРНГ 21: 79]), ‘нелюбимая женщина’ (яросл. *нелюбо́вка* [ЯОС 6: 134]).

Диалектные слова с КГС «признаковость»:

- ‘вызывающий неприязнь’: ‘вызывающий неприязнь своим поведением’ (новг. *щекотли́вый* [СРГК 6: 927]), ‘неприветливый, неприятный в общении’ (пск. *опа́сный* [ПОС 23: 239–240]), ‘неприятный для окружающих, неуживчивый’ (перм. *никуды́шный* [СПГ 21: 336]);
- ‘нелюбимый’: ‘нелюбимый’ (арх. *нелюбковáтый* [СРНГ 21: 175]), ‘нелюбимый, нежеланный’ (волог. *незапомы́сленный* [СВГ 5: 93]), ‘такой, который немил, недорог’ (карел., ленингр. *нежалі́мый* [СРГК 3: 406]), ‘не вызывающий симпатии; нелюбимый’ (твер. *неслю́бный* [Селигер 4: 126]);
- ‘постылый’: ‘постылый’ (север. *озно́бный* [СРНГ 23: 96]), ‘постылый, немилый’ (олон., твер. *осту́дный* [СРНГ 24: 92]).

Эмоциональные межличностные отношения

В данном параграфе будут рассматриваться лексемы с семантикой ‘относиться друг к другу недружелюбно’, ‘недружелюбное отношение’. От компонента прототипической ситуации «эмоциональное состояние субъекта, т. е. собственно ощущение неприязни» компонент «эмо-

циональные межличностные отношения» отличается двунаправленностью ощущения, взаимностью испытываемых чувств.

Диалектные слова с КГС «предметность»:

- ‘неприятенные отношения между кем-л.’: ‘неприятенные отношения между кем-л.’ (ряз. *рѣнка* [Деулино: 488–489], ‘неприятнь, размолвка, ссора’ (краснояр. *сердцá* [СРНГ 37: 189]), ‘ссоры, недружелюбные взаимоотношения’ (яросл. *хавос* [ЯОС 10: 29]).

Диалектные слова с КГС ‘процессуальность’:

- ‘относиться друг к другу недружелюбно’: ‘о недружном совместном проживании’ (арх. *забодáться* [АОС 15: 120–121], ‘о недружелюбных отношениях’ (прибайкал. *пардон, пардону не давать* [ФСРГПриб: 127]), ‘жить недружно, постоянно ссориться, обижаться друг на друга’ (помор. *кíчковать* [ЖРКП: 66]), ‘быть, находиться в состоянии неприязни, размолвки, ссоры с кем-л.’ (самар. *идет сердцева́на с кем-л.* [СРНГ 37: 194]).

Диалектные слова с КГС ‘признаковость’:

- ‘недружно’: ‘недружно’ (арх. *несоглáсно* [СРНГ 21: 159]), ‘несогласно, недружно’ (арх. *несовѣтно* [СРНГ 21: 158], ‘недружно, ссорясь’ (карел. *несóвестно* [СРГК 4: 13]).

Поведенческое выражение эмоционального отношения

В данном секторе представлены лексемы, которые связаны с обозначением выражения негативного эмоционального отношения. Сюда относятся наречия образа действия, такие как *неприятенно, недоброжелательно, недружелюбно, неблагожелательно*. Аналогичные смыслы могут выражаться описательно, с помощью дефиниций ‘с неприязнью / недружелюбием / недоброжелательством / нерасположением / неблагожелательностью / нелюбовью’. К этому же сектору, по-видимому, можно отнести глаголы поведения, в которых сема ‘неприятнь’ выступает в качестве дифференциальной. Например, это такие слова, как *коситься* ‘недоброжелательно смотреть’, *ругаться* ‘бранить друг друга, выражая недовольство, неприязнь’ и т. п.

Диалектные слова с КГС ‘процессуальность’:

- ‘выражать неприязнь’: ‘вести себя недружелюбно’ (арх. *задѣлываться* [АОС 16: 219–220]), ‘вести себя недоброжелательно, неприятенно’ (забайкал. *перѣтить* [СРГХ: 296]); частные проявления: ‘вести себя неприятенно, стараясь обидеть; вредничать’ (курск. *кабы́диться* [СКГ 5: 4]), ‘посмотреть недоброжелательно’ (печор. *как рублѣм одарить* [ФСРГНП 1: 329]), ‘говорить что-н. невнятно и недружелюбно’ (ср.-урал. *бу́лькать*), ‘разговаривать о ком-либо (обычно недоброжелательно), высказывать что-либо нелестно насчет других’ (вят. *перегудать* [СРНГ 26: 74]).

Диалектные слова с КГС ‘признаковость’:

- ‘с неприязнью’: ‘недружелюбно’ (волог. *несміла* [КСГРС]), ‘с неприязнью’ (новг. *круто* [НОС: 466–467]), ‘с недовольством, с неприязнью’, ‘недоброжелательно’ (арх. *нѣлюбо* [УНС: 201]), ‘угрюмо, недружелюбно, сердито’ (тюмен., ряз., прииртыш. *сурьѣзно* [СРНГ 42: 291]), ‘недружелюбно, злобно’ (морд. *то́пором* [СРГМ 2: 47]), а также ‘по злобе, из-за неприязни, вследствие ссоры’ (вят. *понасѣржке* [ОСВГ 8: 144]).

Действия, направленные на возбуждение эмоционального отношения

Компонент прототипической ситуации находит лексическое выражение в языковых фактах с дефинициями ‘способствовать возникновению неприязни / неприязненных отношений / недоброжелательства / недружелюбия / нерасположения / неблагоприятности / антипатии’. Данные смыслы отличаются от уже представленных тем, что в данном случае производитель действия не является носителем эмоционального состояния.

В данном секторе содержатся глаголы, которые обозначают разные действия, результатом которых может становиться возникновение неприязненных отношений между людьми, например: ‘сплетнями вызвать ссоры, раздор, взаимное недоброжелательство’ (волог. *начмутьіть* [СРНГ 20: 290]), ‘возбуждать в ком-либо отвращение или неприязнь к кому-, чему-либо (по суеверным представлениям — с помощью колдовства), отвращать’ (онеж. *откі́дывать* [СРНГ 24: 201–202]).

Взаимодействие субъекта и объекта ощущения

Данный компонент прототипической ситуации включает в себя глаголы со значением ‘вызывать неприязнь’: ‘вызвать чью-либо неприязнь’ (курск. *в осты́лицу войти кому-либо* [СРНГ 24: 95]), ‘вызвать неприязнь к себе, нежелание общаться’ (сиб., иркут., арх. *отстуживать* [СРНГ 24: 327]), а также ‘не вызывать к себе расположения кого-либо, симпатии, любви’ (влад. *невзлюбі́ться* [СРНГ 20: 340–341]).

Здесь же ‘опостылеть’ (смол. *напосты́леть* [ССГ 7: 31]) и ‘быть нелюбимым’ (перм. *под поро́гом жить (расти́)* ‘быть нелюбимым, презираемым членом семья’ [ФСРГНП 2: 188]).

Итак, всего было рассмотрено 7 компонентов прототипической ситуации неприязни: «эмоциональное состояние субъекта, т. е. собственно ощущение неприязни», «субъект эмоционального отношения», «объект эмоционального отношения», «эмоциональные межличностные отношения», «поведенческое выражение эмоционального отношения», «действия, направленные на возбуждение эмоционального отношения», «взаимодействие субъекта и объекта ощу-

щения». Наибольшее число языковых фактов приходится на такие компоненты прототипической ситуации, как «субъект эмоционального отношения» и «объект эмоционального отношения». Чуть меньшее количество лексем номинирует эмоциональное отношение неприязни, поведенческое выражение эмоционального отношения и тип межличностных отношений. Меньше всего языковых фактов приходится на компоненты прототипической ситуации «взаимодействие субъекта и объекта ощущения» и «действия, направленные на возбуждение эмоционального отношения».

& 2. Мотивационный анализ лексики со значением неприязни

2. 1. ТМГ «Соматика и перцепция»

2. 1. 1. Соматика

Соматические образы в исследуемом лексическом множестве предстают в своем символическом понимании. Так, *сердце* – средоточие эмоционально-чувственной жизни человека в наивной картине мира славян [СД 5: 258]. Именно поэтому чувство *недоброжелательности*, по данным языка, связано с *сердцем*: краснояр. *сердца* ‘неприязнь, ссоры’ [СРГЮРКК: 180], волог., тул. *сёрдце* ‘неприязнь, размолвка, ссора’ [Там же: 193], самар. *идет сердцева́на с кем-л.* ‘быть, находится в состоянии неприязни, размолвки, ссоры с кем-л.’ [Там же: 194].

В словах с корнем *-сердц-* превалируют приставки с пространственным значением. Сердце, рассматриваемое в наивном языковом сознании как «генератор чувств и предчувствий», обладает объемом и измерениями [Березович 2016: 183]. Чувство *неприязни* обычно локализуется *на сердце*: перм. *насёрдка* ‘недоброжелательность; злоба’ [СПГ 1: 568–569], *насёрдие* ‘вражда, неприязнь’ [Там же: 568], *насёрдка* волог. ‘злоба, злопамятство, нерасположение, неудовольствие’ [Дилакторский: 282], смол. ‘неприязнь, вражда, злоба’ [ССГ 7: 42], арх. *на́середка* ‘обида, досада, неприязнь’ [КСГРС], север., вост., иркут., яросл., новг., твер., пск., смол., олон., р. Урал, алт. *на́середка*, южн.-сиб., новосиб., свердл., север., вост., перм., тюмен., том., енис., сиб., сев.-двин., печор., арх., волог., дон. *насёрдка*, петерб., моск., влад., костром., арх., пенз., тобол., омск., колым., южн.-сиб., новосиб., свердл. *насёрдка* ‘неприязнь, вражда, досада; злоба, ненависть’ [СРНГ 20: 158–159], р. Урал *на́середка* ‘злоба, недоброжелательство’ [Малеча 2: 53], твер. *на́середник*, орл. *насёрдник* ‘тот, кто имеет злобу, неприязнь, досаду на кого-либо’ [СРНГ 20: 159]. Вариант с диерезой: помор. *на́сетка*, *на́ситка* ‘злоба, неприязнь, неудовольствие’ [Дуров: 243]. Ср. также адвербиальные дериваты: тюмен. *понасёрдке*

‘по злобе, из-за неприязни, вследствие ссоры’ [СРСГЮТО 2: 175], вят. *понасёржке* ‘то же’ [ОСВГ 8: 144], сиб. *по насёрдке* ‘из личной неприязни, мести’ [СФИУСРГС: 146].

Как уже отмечалось, в народной культуре *сердце* может образно сближаться с органами пищеварения [СД 5: 258]. Экспликацию данных воззрений видим в печор. *на сердце тошнит (мутит) от чего, что* ‘что-то вызывает резкое неприятие’ [ФСРГНП 2: 48], новосиб. *сердце не переваривает* ‘о чувстве отвращения, неприязни’ [СРНГ 37: 192]

Другим эмоциональным центром человека является душа. Душа связана с любовью и приязнью, поэтому, когда человек испытывает *неприязнь*, она перестает функционировать, ср. карел. *душá не рóбит* ‘быть нерасположенным к чему-, кому-н.; душа не лежит’ [СРГК 5: 533], прерывается контакт с душою (енис. *с души прёт* ‘кто-либо испытывает сильную неприязнь, отвращение к кому-, чему-либо’ [СРНГ 26: 251], дон. *душá не налегáет* ‘о нерасположении к какой-л. работе’ [БТСДК: 305]).

Рассмотрим группу фразеологизмов с соматизмом *зуб*.

Арх. *горит зуб* ‘о чувстве неприязни к кому-н.’ [АОС 9: 345] можно соотнести с заонеж., олон. *зубáми съест* ‘беспрестанно ругать, изводить кого-либо попреками, есть поедом’ [СРНГ 11: 354], *зубáрить* волог., сев.-двин., олон., арх., новг., твер., дон. ‘насмехаться над кем-либо, смеяться, шутить, острить, зубоскалить’, олон. ‘ворчать на кого-либо, пилить, ругать’, олон. *зубáриться* ‘спорить, пререкаются; ссориться, браниться’ [СРНГ 11: 357], перм. *зубáтый* ‘вздорный, неуступчивый; сварливый, ворчливый, дерзкий; любящий спорить, вступать в пререкания’ [СРНГ 11: 358]. Во всех приведенных языковых фактах присутствует мотив брани, недоброжелательной речи. Таким образом, *зуб* символически связывается в народной культуре с идеей вербального выражения недовольства. Значение же *горения*, по-видимому, появляется ввиду интенсивности испытываемой эмоции.

Обратимся к пермскому фразеологизму *зуб грызть* ‘испытывать к кому-л. неприязнь, злобу’: *Не очень-то расположен ко мне, всё зуб грызет на меня; Не гляди, что он улыбается – он давно зуб-от грызет на его* [ФСПП: 94].

Авторы справочника «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь», рассматривая близкий нашему литературный фразеологизм *точить (вострить, острить) зубы (зуб)*, говорят о том, что по происхождению данное выражение «является типичной анималистической метафорой: хищные животные, прежде чем начать охоту, точат зубы» [ИЭСРФ: 260]. Мы бы предположили, что в основе данных фразеологизмов лежит метафорическое уподобление: согласно народным представлениям, как человек перед охотой подготавливает свое оружие, например ножи или стрелы, так же животное заостряет свой главный инструмент – зубы.

Однако стоит отметить и то, что слово *грызть* связывается с идеей ругани, ср. арх. *грызть* ‘мучить придирами, упреками, ругать’ [АОС 10: 107], арх. *грызун* ‘ворчун, брюз-

га, скандалист' [СРНГ 7: 179], новг. *погрызть* 'поругать' [НОС: 842], печор. *глаза грызть* 'упрекать кого-либо в чём-то' [ФСРГНП 1: 167]. Обращает также на себя внимание пермская лексема *зубогрызка* 'женщина, которая дерзко возражает, спорит, отстаивает что-л.' [СПГ 1: 334], которая объединяет корни *зуб-* и *грыз-*⁶⁹.

Таким образом, фразеологизм *зуб грызть* имеет в своей основе, по-видимому, анималистическую метафору, но также мотивационно значимой оказывается идея брани, вербального выражения недовольства. Более подробную этимологию см. в [Малькова 2021б: 85–86].

Недоброжелательность человека может связываться с цветом крови, ср. арх. *тёмнокр́вой* 'человек с тяжелым, недоброжелательным характером' [УНС: 338]. Анализируя нижнепечор. *тёмной кр́ови* 'о гордом, заносчивом человеке' [СРГНП 1: 352], С. С. Михалищева отмечает, что у народов Европы в Средневековье «считалось, что когда человек злится, испытывает негативные эмоции (а гордость в народном сознании отрицательно маркируется), ему в кровь поступает черная желчь» [Михалищева 2013: 58]. Данные рассуждения можно применить и к нашей семантике: *недоброжелательность* тоже, безусловно, оценивается как негативное свойство личности. С другой стороны, О. В. Белова писала об аномальности крови нечистой силы и «чужих» [Белова 2005: 153]. О сопоставлении же с ними недоброжелательных людей см. далее на с. 163.

2. 1. 2. Внешний вид

К исследуемой ТМГ примыкает лексика, мотивированная обозначениями **внешнего вида** человека. Во внутренней форме слов содержится указание на различные анатомические особенности. При этом, как отмечает, Т. В. Володина, при наименовании тех или иных черт характера зачастую могут использоваться образы телесной ущербности: «актуализация физической неполноценности начинает применяться для характеристики человека здорового физиологически, но имеющего определенные особенности в плане поведения и отдельных характеристик личности» [Володина 2009: 50].

Вероятно, ворон. *ка́рака* 'о недоброжелательных и потому нелюбимых всеми людьми' [СРНГ 13: 70] связано с ворон. *Ка́рака* 'прозвище черноволосого, смуглого человека' [Там же], однако отношения производности неясны. Возникновение данных языковых фактов обусловле-

⁶⁹ Возможно, тот же мотив лежит в основе перм. *зубы заторби́ло* 'появилось чувство неприязни': *У меня на́льно [даже] зубы заторо́щило, как про эту падину вспомнила* [ФСПГ: 133]. По-видимому, мотивационно значимым является слово *торо́щиться* перм., свердл., пск 'сердиться, ругаться', тюмен., пск., тобол., перм., забайкал., хакас., краснояр. 'ворчать, высказывать недовольство' [СРНГ 44: 289]. Однако стоит обратить внимание на встречающиеся на других территориях значения: олон. *торо́щать* 'болеть, ныть', иркут. *торо́щить* 'болеть (при нарыве, ожоге)' [Там же: 288].

но негативной оценкой черного цвета в культуре⁷⁰ [СД 5: 513–514], наделением черными волосами, кожей, кровью инородцев, иноверцев, мифологических персонажей [Там же: 515; Белова 2005: 149].

Другой факт в этой группе, чит. *вислобровый* ‘хмурый, недоброжелательный, глядящий исподлобья’ [СГРСБС 7: 258], говорит о том, что человек с внешностью, при которой ярко выделяются надбровные дуги, может восприниматься как недружелюбный, неприязненно настроенный.

Забайкал. *калты́к* ‘недоброжелательный, неприязненно настроенный человек’ [СРГЗ: 147], вероятно, связано с забайкал. *калты́к* ‘кадык’ [Там же]. Переход, по-видимому, обусловлен наблюдением за нервным поведением мужчин, когда они двигают кадыком, ср., например, контекст *От бессонных ночей и крайнего напряжения у него дрожали руки, а когда начал торопиться в разговоре, голос прерывался, он начинал захлебываться словами, а кадык дергался нервно, то втягиваясь, то выскакивая стремительно; пересохшие, бледные губы изрезаны были трещинами* [Д. А. Фурманов. Чапаев (1923)]. С другой стороны, мотивационно значимым могло оказаться значение забайкал. *калты́к* ‘расширение щитовидной железы, зоб’ [СРГЗ: 147]. В таком случае необходимо проводить параллель с другими наименованиями болезней, которые начинают употребляться в качестве брани, ср. *жёлви* север., вост., олон., волог., новг. ‘гипертрофированные железы на шее (обычно золотушного происхождения)’ и олон., волог. ‘бран. плохой, дурной, мерзкий человек’ [СРНГ 9: 102–103].

Возможно, пермский фразеологизм *по запя́ткам (по ногáм) ненавѣдеть* ‘испытывать крайнюю неприязнь’ [ФСПГ: 232] соотносится с разг. *с головы до пят* и обозначает сильную степень недоброжелательности, когда объект негативного отношения неприятен во всем.

2. 1. 3. Перцептивное восприятие

Резко негативные эмоциональные состояния часто переосмысляются через представления о непосредственных **перцептивных ощущениях человека**. В основе исследуемых эмоций, как уже было отмечено, лежит чувственное восприятие мира, и это фиксируется во внутренней форме слов. Далее происходит стандартный для языка перенос от наименования физического к психическому, а именно от анатомо-физиологической сферы к эмоциональной. Таким образом, «перцептивные» значения, которые лежат в основе мотивации лексики неприязни, выделяют непосредственные каналы, через которые человек воспринимает предмет. С другой стороны, подобное метафорическое употребление позволяет наивному сознанию наиболее точно пред-

⁷⁰ Отрицательная символика происходит из ассоциации черного цвета с «несчастьем, мраком, землей, смертью, нечистотой, с “чужим”, злым или демоническим началом, с потусторонним миром» [СД 5: 513–514].

ставить трудноуловимый эмоциональный мир посредством более точных и «наблюдаемых» образов.

Активно привлекаются образы, связанные со **зрительным восприятием**; того, к кому испытывают *недоброжелательность*, неприятно видеть, на него не хочется смотреть. Используется корень *-вид-* (арх. *нёнавидость* ‘ненависть, неприязнь’ [КСГРС], перм. *незанавидеть* ‘невзлюбить’ [СПГ 1: 587], ‘проявить нерасположение к кому-л., невзлюбить’ [Акчим 3: 67], *невознавидеть* мурман. ‘невзлюбить’ [РГБ: 249], пск., арх. ‘то же’ [СРНГ 20: 354], смол. *невзвидеть* ‘возненавидеть, невзлюбить’ [ССГ 7: 73], *невзнавидеть* смол. ‘то же’ [Там же: 74], сиб. ‘то же’ [СССГ: 229], сиб. *незнавидеть* ‘то же’ [Там же], арх. *возневидеть* ‘невзлюбить, возненавидеть’ [АОС 5: 26], арх. *заненавидеть* ‘почувствовать неприязнь к кому-н., невзлюбить кого-н.’ [АОС 18: 201], р. Урал *недовіживать* ‘недолюбливать’ [Малеча 2: 547]. Литер. *ненавидеть* образовано с отрицанием от *навидѣти* ‘охотно смотреть, навещать’ [Фасмер 3: 63].

К этой же группе примыкают перм. *на глаzá не принимáть* ‘испытывать сильную неприязнь к кому-, чему-л.’ [ФСГП: 295], прикам. *не на глаза* ‘о неприятном’: *Вот сначала любила этого Володю, а потом не залюбела и всё. Не на глаза, говорит, стал* [СРГЮП 1: 178], поскольку глаза являются органом перцепции.

Несколько отличается мотивация при номинации субъекта. В данном случае актуализируется признак необщительности, неконтактности *недоброжелательного* человека, его нежелания видеть объект неприязни: ряз., эвенк. *ненавидный* ‘недоброжелательный, злой’ [СРНГ 21: 91], тул., калуж., ряз., ворон., курск., пск. *ненавистный*, ряз., омск. *ненавистной* ‘недоброжелательный, злой’ [Там же], *ненавистливый* арх. ‘недоброжелательный, злой, бранчливый’ [Там же], твер. ‘недоброжелательный, враждебно настроенный’ [Селигер 4: 117].

Отдельного комментария требует влад. лексема *озорóчье* ‘противный человек; нелюбимый муж’ [СРНГ 23: 100], которая, вероятно, связана с пск., олон., том. *зорóк*, олон., твер. мн. *зоркі́*, олон. *зórки* ‘зрачок’. Образованные от существительного с помощью префикса *о-* и суффикса *-j-* слова имеют словообразовательное значение ‘нечто прилегающее к тому, что названо мотивирующим словом’ [РГ-80 I: 233]. Тогда в данном случае мотивирующим становится признак, обратный тому, что мы описывали для группы лексем выше. Неприятный человек своими отрицательными свойствами привлекает к себе внимание, попадает в поле зрения субъекта чувствований. В качестве мотивационной параллели можно привести и другие обозначающие негативные характеристики человека слова с корнем *-зор-*, ср. пск., твер. *засóристый* ‘постыдный, позорный, зазорный’ [СРНГ 10: 96], без указ. места *озóристый* ‘буйный, вздорный, бранчливый’ [СРНГ 23: 98–99], арх. *озоркó* ‘грешно’ [Там же: 99], вят. *озоркóй* ‘плохой, негодный’ [Там же]. Более подробно этимологию см. в [Малькова 2021б: 83–84].

2. 1. 4. Телесные ощущения

Зачастую семантическая область *неприязни* может связываться с обозначениями различных видов **деструктивного воздействия и ощущений от них**. Так, внутренняя форма арх. *заёдливыи* ‘недоброжелательный, злой’ [АОС 16: 347], свердл. *наедуиный* ‘недоброжелательный, злой’ [СРГСУ/Д: 321], по-видимому, несет в себе семантику нанесения вреда объекту неприязни: *недоброжелательный* человек буквально «съедает» того, к кому испытывает *неприязнь*, ср. также литер. *грызть кого-л.* ‘надоедать кому-л. постоянными придирками, упреками, бранью; раздражать’ [ССРЛЯ 3: 452]⁷¹.

Семантическим импульсом для образования слов с семантикой неприязни может служить идея **физической боли**. Примером является твер. *назóла* ‘неприязнь’ [СРНГ 19: 287–288]. Л. В. Куркина, рассматривая вост.-слав. **nazola* (в том числе тверское слово), полагает, что оно связано с глаголом **nazoliti*, изначальная семантика которого ‘посыпать золой, пеплом’. «В народной медицине зола использовалась как лечебное средство: золой, пеплом посыпали рану, пепел прикладывали к ушибленному месту и т. п... Праслав. диал. **nazoliti* в значении ‘посыпать пеплом, золотой и т.п. с лечебными целями’ ... стало отправной точкой семантического развития в направлении ‘раздражать рану, воздействуя на нее пеплом и т. п.’ > ‘вызывать боль, тревожить, беспокоить’ ... отсюда – ‘досада, огорчение; тоска, печаль’ и ‘беспокойный человек, человек, вызывающий раздражение’» [Куркина 1995: 278–280]. Для твер. *назóла* Л. В. Куркина линию развития значения не выстраивает. Мы можем предположить, что данная лексема восходит к значению ‘вызывать боль; тревожить, беспокоить’.

Сходная идея наблюдается для волог. *суты́рить* ‘жить недружно, в ссорах’ [СРНГ 42: 323]. И. А. Горбушина, рассматривая близкие названной диалектные лексемы *суты́рить(ся)*, *суты́рничать* ‘ссориться, браниться, сутяжничать, кляузничать’, предполагает, что они восходят к корню **ter-* (рус. *тереть*) [Горбушина 2019: 95]; мотивирующим признается значение корня ‘физическое воздействие, трение’ [Там же: 96]. Вокализм исследовательница объясняет тем, что допускает ступень редукции [ъ] и её последующим продлением до [ы] [Там же].

Итак, мотивационно значимым признаком для волог. *суты́рить* является идея деструктивного воздействия, физического дискомфорта, который доставляют друг другу участники ссор (архаичный префикс *су-* подчеркивает значение совместности, двунаправленности действия). Имеет значение и заключенный в корне *-тер-* мотив повторяющегося однообразного действия, который указывает на постоянство конфликтов между недружно живущими людьми.

⁷¹ О мотиве физического причинения вреда при концептуализации в русских диалектах идеи брани, ссоры подробно пишет Н. Ю. Баженов [Баженов 2016]; в том числе рассматривается мотив «съедения» [Там же: 301–302].

Значение **телесного дискомфорта** заложено во внутренней форме новгородской лексики *щекотли́вый* ‘вызывающий неприязнь своим поведением’: *Он меня бросил, а у него жена была такая щекотливая, жадная* [СРГК 6: 927]. Можно предположить развитие значения ‘щекочущий, вызывающий раздражение легким прикосновением к коже’ → ‘вызывающий неприятные ощущения’ → ‘вызывающий неприязнь’.

Основой для формирования значения *неприязни* могут выступать представления о **температурных ощущениях**.

Для сферы, связанной с обозначением негативного эмоционального отношения, характерно использование образа **холода**. Обнаруживаются номинации **субъекта** ощущения (сарат. *от кого-л. стужей несет* ‘о человеке, неприязненно относящемся к кому-л.’ [СРНГ 42: 77], арх. *остудный* ‘недоброжелательный, злой; вредный’ [СРНГ 24: 92]), **объекта** (олон. *остудник* ‘постылый, немилый человек’ [Там же], олон. *остудничек* ‘уменьш.-ласк. постылый, немилый человек’ [Там же], олон. *студничек* ‘постылый, немилый человек (о женихе)’ [СРНГ 42: 76], олон. *остудница* ‘постылая, нелюбимая женщина’, *остудный, остудний* ‘постылый, немилый’ [СРНГ 24: 92], тул. *постыл* ‘о постылом человеке’ [СРНГ 30: 245], помор. *постылой* ‘немилый, нелюбимый, противный, ненавистный’ [Дуров 2011: 330], без указ. места *опостылый* ‘постылый’ [СРНГ 23: 284], печор. *постыглой(ый)* ‘немилый, постылый’ [СРГНП: 125], томск. *постылючий* ‘усил. к постылый’ [ПСДЯЛ 3: 163], помор. *распостылой* ‘ненавистный, нелюбимый, опротивевший’ [Дуров 2011: 355], р. Урал *распостылый* ‘самый постылый, нежеланный’ [Малеча 3: 514], влад. *исстылый* ‘постылый’ [СРНГ 12: 252], курск. *истылый* ‘постылый, опостылевший’ [Там же: 267], ряз. *стылый* ‘постылый’ [Ванюшечкин О–Я: 180], олон., север. *озно́бный* ‘постылый’ [СРНГ 23: 96], ср. также литер. *постылый*), **чувства** (арх., южн.-сиб., сиб., иркут., карел. *отстуда* ‘охлаждение в отношениях, разлад, неприязнь’ [СРНГ 24: 326], карел *остуда пала (на сердце)* ‘появилась обида, неприязнь к кому-либо’ [Там же: 91–92], арх. *остужать* ‘отдать, вызвав остуду (ссору, неприязнь)’ [Там же: 93], смол. *постыльство* ‘ссора, охлаждение, нелюбовь’ [СОС: 684]), **взаимодействия субъекта и объекта** (курск. *в остылицу войти кому-либо* ‘вызвать чью-либо неприязнь’ [СРНГ 24: 95], калуж. *войти в постылицу* ‘вызвать неприязнь, отвращение, нерасположение’ [СРНГ 30: 245], смол. *опостыляться* ‘становиться неприятным, постылым в результате ссоры, брани с кем-либо’ [СРНГ 23: 284], сиб., южн.-сиб., иркут., арх. *отстуживать* ‘вызвать неприязнь к себе, нежелание общаться’ [СРНГ 24: 327], ср. также литер. *опостылеть*), **типа межличностных отношений** (смол. *опостыльство* ‘неприятность; неприятные отношения в результате ссоры, брани и т. п.’ [СРНГ 23: 284]), **действий, направленных на возбуждение неприязни** (смол. *опостылять* ‘осквернять; делать постылым’ [Там же]), **типа поведения, обусловленного чувством непри-**

язни (перм. *wódu só льдом подáть* ‘принять кого-л. холодно, негостеприимно; относиться недоброжелательно’ [ФСПГ: 273]).

Холод и жар означают разные полюса в отношении человеку к чему-либо: если первое связывается с максимально негативными эмоциями, то жар – с особой приязнью. А. Х. Мерзлякова, рассматривая фр. *l'eau chaude* ‘теплая вода’ → *une chaude amitié* ‘теплая дружба’, объясняет данный тип переноса с точки зрения психологии следующим образом: «Перенос реализуется в результате возникновения в сознании симулятивной связи между двумя признаками, возбуждающими в памяти общее психологическое состояние», а именно приятное ощущение [Мерзлякова 2003: 75]. Соответственно, при холоде возникают неприятные телесные реакции и негативное психологическое состояние.

К рассматриваемым языковым фактам применимо и рассуждение А. А. Застырец о том, что при описании социального взаимодействия холод является «одновременно внутренним ощущением субъекта и внешним ощущением второго субъекта (наблюдателя), вступающего в контакт с субъектом – “носителем” холода» [Застырец 2002: 97].

2. 2. ТМГ «Эмоциональный, психический мир человека; поведение»

2. 2. 1. Эмоциональное состояние

Рассмотрим обозначения чувства неприязни, соотносящиеся с наименованиями различных эмоциональных состояний.

Неприязнь может быть связана с **тоской**, как в ворон. *сухотá* ‘нелюбимый, постылый человек’ [СРНГ 43: 24–26]. В данном случае, по-видимому, произошел семантический переход от диал. шир. распр. *сухóта, сухотá* ‘грусть, печаль, тоска (обычно любовная)’: *Девичья краса / Парням сухота; Кабы, миленький, не ты, / Было б меньше сухоты, / Сухоты, кручинушки / Девчонке сиротинушке* (частушка) [Там же]. Вероятно, реализуется механизм энантиосемии: постылый человек не вызывает любви, привязанности.

Неприязнь может быть связана с **отсутствием уважения**, ср. рус. карел., ленингр. *в честь не попáсть* ‘заслужить немилость, не угодить кому-н.’ [СРГК 6: 783]. Человек не уважает, не ценит того, к кому он испытывает недружелюбие, ср. яросл. *неважóвый* ‘недобрый, недоброжелательный’ [ЯОС 6: 125] образовано от *ва́жить* волог. ‘уважать, почитать’, влад., волог., тамб., орл., калуж., нижегор., ленингр., том. *ва́жить* ‘иметь значение, значить’ [СРНГ 4: 14] с помощью суффикса *-ов-*, словообразовательное значение которого ‘характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом’ [РГ-80 1: 294]. Другой пример – смол. *непоко́рный* ‘испытывающий неприязнь к кому-либо’ [СРНГ 21: 116].

Чувство *недоброжелательности* связывается с ощущением **гнева**, ср. *гнев держать* арх. ‘питать к кому-либо тайную злобу, неприязнь’ [СРНГ 6: 235], смол. ‘то же’ [ССГ 3: 36], волог. *пойти во гнев* ‘невзлюбить кого-либо’: *Я сама дружку во гнев пойду, Я сама его повысушу (песня)* [СРНГ 6: 235]⁷². Думается, что гнев, будучи первичным аффектом, может зачастую выступать катализатором для дальнейшего развития неприязни как более сложного отношения, которое формируется со временем.

Наконец, *неприязнь* представляется в языке как **отсутствие любви**.

От приведенного корня происходит большое число номинаций в исследуемом лексическом множестве: **характеристики субъекта ощущения** (перм. *недружелюбливый* ‘недружелюбный’ [СПГ 1: 587], без указ. места *неслюбчивый* ‘недружелюбный, неуживчивый’ [СРНГ 21: 156], твер. *недолюбок* ‘тот, кто недолюбливает других’ [Селигер 4: 110]), **объекта** (*нелюб* арх., печор., костром., смол., свердл. ‘нелюбимый муж или жених’ [СРНГ 21: 74–75], ср.-урал. ‘нелюбимый человек’ [СРГСУ 2: 199], смол. ‘немилый, постылый муж’ [ССГ 7: 84], волог. *нелюбой* ‘в знач. сущ. нелюбимый’: *За нелюбого замуж-то выдавали и не спрашивали* [СВГ 5: 96], яросл. *нелюбовка* ‘нелюбимая женщина’ [ЯОС 6: 134], твер. *неслюбный* ‘не вызывающий симпатии; нелюбимый’ [Селигер 4: 126], *нелюбой* арх., волог. ‘нелюбимый, постылый’: *Если нелюбой, так и не пойдёшь замуж* [КСГРС], ср.-урал. ‘нелюбимый’: *За нелюбово-то идти шибко худо* [СРГСУ/Д: 343], костр. ‘то же’ [ЛКТЭ], арх. *нелюбова́тый* ‘нелюбимый’: *Женятся не по нраву, женку возьмет, вот она ему и нелюбова́та* [СРНГ 21: 75], р. Урал *разлюбимый* ‘то же’: *А досталась красавица иному, не мне, иному, разлюбимому, мерзавцу, свинье* [СРНГ 34: 8], вят. *нелюбо́й, нелюбо́кий* ‘нелюбимый’ [ОСВГ 6: 228], новг. *нелю́бий* ‘(в знач. сущ.) такой, которого не любят; нелюбимый’: *Вышла за нелюбого, родители, меня за нелюбого выдали* [НОС: 638], смол. *нелюба́зный* ‘нелюбимый’: *Нилюбязин ён мне быу, зато и замыш ни ишла* [ССГ 7: 84], ленингр. *нелюбо́вый* ‘нелюбимый, постылый’: *Я за нелюбова ишла, да прожили* [СРГК 3: 411]), **самого отношения к кому-л.** (арх. *не залюбливать* ‘недолюбливать, не любить’ [АОС 17: 384–385], *худо возлюбливать* ‘недолюбливать’ [АОС 5: 25], ленингр., свердл., том. *недолюба́ть* ‘то же’ [СРНГ 21: 24], костр. ‘то же’ [ЛКТЭ], ряз., краснояр., том. *недолюбля́ть* ‘то же’ [СРНГ 21: 25], пск. *не подлюбовать* ‘то же’ [СРНГ 28: 72], *недолюба́ть* новг. ‘то же’ [НОС: 634], ср.-урал. ‘то же’ [СРГСУ 2: 196], ленингр., волог., новг. *недолюба́ть, недолюб-*

⁷² Возможно, в данном случае имеют значение в мотивационном отношении также пространственные характеристики. Как отмечают исследователи, «в системе метафорических моделей существует два типа описания чувств и эмоций посредством данных исходных образов: субъектный (уподобление чувства субъекту движения / воздействия) и объектный (уподобление чувства пространству, в котором движется человек / пассивному объекту воздействия человека)» [Гусейн-Заде 2011: 11]. В данном случае реализуется вторая модель: во внутренней форме приведенной языковой единицы выражается идея того, что чувство неприязни поддается контролю, а именно глагол *пойти* указывает на возможность свободного принятия решения о формировании такого отношения. Недоброжелательность имеет и определенные пространственные характеристики в данном фразеологизме, о чем свидетельствует глагол движения и предлог с пространственным значением *во*.

лять ‘то же’ [СРГК 3: 404], смол. *неподлюблывать* ‘то же’ [ССГ 7: 86], арх. *занелюбить* ‘почувствовать неприязнь к кому-н., невзлюбить’ [АОС 18: 199], арх. *не залюбить* ‘невзлюбить кого-н.’ [АОС 17: 383–384], смол. *снелюбить, снелюбить* ‘то же’ [ССГ 10: 64], пск. *неслюбить* ‘то же’ [ПОС 21: 240], пск., смол. *слюбить* ‘невзлюбить кого-л.’ [СРНГ 38: 327], сиб. *незлюбить* ‘то же’ [СССГ: 229], *незалюбить* вят. ‘невзлюбить’ [ОСВГ 6: 222], новг. ‘то же’ [НОС: 363], перм. ‘то же’ [АС 3: 67], пск. ‘то же’ [ПОС 21: 121], перм. *незалюбеть* ‘то же’ [СПГ 1: 587], прикам. *много не залюбить* ‘сильно невзлюбить’ [СРГЮП 1: 307], *незалюбеть* ‘невзлюбить’ [СРГЮП 2: 178], ср.-урал. *занелюбать* ‘невзлюбить’ [СРГСУ/Д: 183], помор. *нелюбизень* ‘неудовольствие, неприязнь’ [Дуров: 249]), **взаимодействия субъекта и объекта** (влад., тамб., яросл. *невзлюбиться* ‘не вызывать к себе расположения кого-либо, симпатии, любви’ [СРНГ 20: 340–341]), **поведенческого выражения эмоционального отношения** (арх. *нелюбо* ‘недоброжелательно’ [УНС: 201]).

Ленингр., рус. карел. *нежалимый* ‘такой, который немил, недорог’: *Если жалимый покойник, дак разрыть надо было, коли стучал в крышку; а коли нежалимый, так и пусть* [СРГК 3: 406], арх. *не зажалеть* ‘начать испытывать к кому-н. неприязнь’: *А потом не зажэлэла, увидела: Вáся жóнку бьóт, вино пьóт, она́ говорíт: я́ потом íего не зажэлэла* [АОС 16: 374] образовались от диал. шир. распр. *жалеть* ‘любить’ [СРНГ 9: 63]⁷³.

В результате контаминации слов *недоброжелательный* и *жалость*, по-видимому, возникает твер. *недоброжáлостливый* ‘недоброжелательный’ [Селигер 4: 108].

2. 2. 2. Воля и желание

Имеет значение для формирования семантики негативного эмоционального отношения идея *желания*. Семантический переход происходит в направлении ‘не испытывающий желания контактировать с кем-л.’ → ‘испытывающий неприязнь к кому-л.’, ср. арх. *безжелáнной* ‘недоброжелательный’ [АОС 1: 148], волгогр. *нежеланный* ‘не желающий добра другому, недоброжелательный, проявляющий неприязнь к кому-л.’ [СДГВО 3: 480–481]. Волог. *незапомысленный, незапомышленный* ‘нелюбимый, нежеланный’ [СВГ 5: 93] происходит от волог. *помысленный* ‘желанный, такой, о котором думают, к которому стремятся’: *Кóли помысленный жени́х, дак договáривались о свáдьбе* [СВГ 7: 153].

⁷³ С. М. Толстая отмечает, что исходной семантикой в гнезде **žal-* «является состояние боли (в том числе физической), страдания, огорчения, печали» [Толстая 2012а: 274]. В ходе семантической деривации ‘жалеть’ → ‘любить’ «акцентируется само положительное чувство, испытываемое субъектом по отношению к объекту, ср. *жалеть, жалить* ‘любить’, *жалинье* ‘любовь, жалость’, *жалкий* ‘дорогой, милый’ и т. п.» [Там же: 276].

Недоброжелательность ассоциируется с отсутствием проявлений нежности и любви, ср. южн. *нелáска* ‘нелюбовь, немилость (обычно в отношении вышестоящих лиц к подчиненным)’ [СРНГ 21: 71].

2. 2. 3. Поведение

Недоброжелательность к кому-либо зачастую сопряжена с желанием **нанести вред**, что отражается в мотивационных отношениях лексики с соответствующей семантикой. Могут происходить переходы ‘тот, кто причиняет вред’ → ‘недоброжелательный человек’, ср. перм. *вредíтельница* ‘недоброжелательная, неприязненно настроенная женщина’, *вредник* ‘недоброжелательный, неприязненно настроенный мужчина’ [СРГСПК: 288], забайкал. *врёда*, *вредá* ‘о недоброжелательном, неприязненно настроенном человеке’ [СРГЗ: 82]; ‘причиняющий вред’ → ‘недоброжелательный’, ср. том. *вреднящий* ‘очень вредный, злой, недоброжелательный’ [СРНГ 5: 190], арх. *вредной*, *вредно́й* ‘недоброжелательный, неприязненно настроенный, дурной (о человеке)’ [АОС 6: 20–21], пск. *опáсный* ‘неприветливый, неприятный в общении’ [ПОС 23: 239–240], вят. *ка́верзный* ‘злой, недоброжелательный’ [ОСВГ 5: 10]; ‘причинение вреда’ → ‘недоброжелательность’, ср. арх. *вредá* ‘недоброжелательность, злость’ [АОС 6–7: 19], брянск. *готов в ложке воды утопить* ‘о недоброжелательности’ [МСПГ: 23]; ‘причиняя вред’ → ‘недоброжелательно’, ср. морд. *то́пором* ‘недружелюбно, злобно’: *Мы пришли к ним з дабром, а они топърм фстретили нас* [СРГМ II: 1327].

Очевидно, к этой же группе относится псковская лексема *о́мут* ‘плохой недоброжелательный человек’ [ПОС 23: 208], в которой корень -мут- (рус. *мутить*) несет семантику создания интриг, возбуждения раздора.

Обозначение объекта *неприязни* находится в отношениях конверсии (по сравнению с выше представленными фактами): ср.-урал. *заб́итко* ‘забытый, нелюбимый в семье ребенок’ [СРГСУ/Д: 160], как кажется, соотносится с *забыть*, *забытый*, но при аттракции к *бить*. Идея о драках, битье заложена также в твер. *как собáка с пáлкой* ‘плохо, недружно, как кошка с собакой’ [Селигер 4: 319].

Метафорически выражает идею унижения, оскорбления чьего-л. достоинства такой фразеологизм, как *под каблук стоптать* перм. ‘выказать полное презрение, неприятие’ [СПГ 1: 369], чит. ‘то же’ [СГРСБС 19: 212–216], а также рус. коми *насса́ть* ‘выказать неприятие, презрение’ [СРГКПО: 206], твер. *глаза́ вы́плевать* ‘выразить крайнюю неприязнь к кому-н.’ [Селигер 1: 171].

Вывод о недоброжелательности, внутренней неприязненности может делаться по **манере поведения человека**. Так, происходит переход ‘выглядящий глубокомысленно, сосредоточен-

но' → 'недоброжелательный', как в волог. *серьёзный* 'суровый, доброжелательный' [СРГК 6: 74–75], ряз., твер. *сурьёзный* 'угрюмый, необщительный, недружелюбный (о человеке)' [СРНГ 42: 291] и далее тюмен., ряз. *сурьёзно* 'угрюмо, недружелюбно, сердито' [Там же].

Вероятно, фразеологизм *синдибóбером глядеть* бурят. 'смотреть на кого-л. зло, неприязненно' [СРНГ 37: 321], прибайкал. 'то же' [СРГПриб 4: 20] связан с бурят. *идти синдибóбером* 'идти высокомерно, с форсом' [СРНГ 37: 321]. Если говорить о форме фразеологизма, то, по-видимому, он включает себя экспрессивное преобразование диал. и жарг. *кандибобер* (ср., например, другую экспрессивную огласовку смол. *кандибóбырем* [СРНГ 13: 39]).

Ж. Ж. Варбот предполагает, что *кандибобер* с семантикой чего-л. необычного, вычурного во внешности или поведении человека (например, она рассматривает близкие бурятским фразеологизмам *ходить кандибобером* ворон., тул. 'важно, с форсом', пенз. 'изгибаясь, рисуясь, ломаясь') восходит к польск. *kandybura* 'перкаль с рисунком в крупные цветы', а также *kandyburowy* (*firanki, pokrycie mebli kandyburowe* 'кандебуровые гардины, обивка мебели'). «Поскольку обивочные материалы могли интересовать только состоятельные сословия, для простого народа они, как и их названия, были признаками причуд, претензий на красоту и особое положение, а народная этимология "приспособила" конец названия к родному *бобер* (кстати, бобровый мех также был характерен для одежды дворянского сословия, а потому воспринимался как сословный признак)» [Варбот 2017: 48–49].

Человек по-разному может выражать свою *недоброжелательность*. Номинативно отмечается **взгляд** неприязненно настроенных людей. В первую очередь, это взгляд не прямой, искоса: мурман. *косу́ха* 'та, которая злая, недружелюбная' [ЖРКП: 73], перм. *косари́на* 'о человеке, недружелюбно относящемся к кому-л., искоса глядящем на него' [Акчим 2: 68], омск. *скóсо* 'недоброжелательно, искоса': *А нехороша девушка была, свекровь скосо глядит* [СРНГ 38: 110], помор. *коси́тьце (ся)* 'ссориться, жить недружелюбно' [Дуров 2011: 184] ← 'посматривать искоса, сурово бросать беглым взглядом, злобно смотреть' [Там же]; влад. *искобе́ниться* 'неприязненно или высокомерно покоситься на кого-либо, состроив гримасу' [СРНГ 12: 216] ← 'изогнуться, искривиться' [Там же]; смол. *из-под лóктя поглядывать (выглядывать, смотре́ть)* 'косо, доброжелательно смотреть, относиться к чему-либо' [ССГ 6: 47].

С. М. Толстая, размышляя о лексемах *кривой* и *косой* при обозначении взгляда, пишет, что здесь мы сталкиваемся скорее с вторичными значениями, которые базируются на идее «ненормативности» непрямого, однако «все же "пространственный" компонент значения в них в какой-то степени присутствует» [Толстая 2007: 275, 278].

Как *недружелюбный* может оцениваться пристальный взгляд, направленный на кого-л. По-видимому, мотивационными признаками послужили нетипичность такого взгляда в повседневной жизни, а также нарушение личных границ того, на кого смотрят, ср. перм. *выбу́рять*

глаза ‘посмотреть исподлобья: недоверчиво, недружелюбно’ [СПГ 1: 131] ← ср.-урал. ‘смотреть, не отрывая глаз, уставиться’ [СРНГ 5: 250]; пск. *зрі́ться* ‘смотреть неприязненно, с насмешкой’ [СРНГ 11: 349] ← ‘пристально глядеть’ [Там же].

Нахмуренные брови, взгляд из-под них маркируется в языке как недоброжелательное поведение, ср. перм. *изо лба (из-подо лба) выглядывать (глядеть и т. п.)* ‘смотреть недружелюбно, сердито, из-под насупленных бровей’ [АС 2: 111].

Печор. *как рублём одарить* ирон. ‘посмотреть недоброжелательно’ [ФСРГНП 1: 329] указывает на презрительный взгляд, направленный к объекту *неприязни*, восходит к крылатой фразе, ср. литер. *рублём подарить* ‘означает высокую похвалу чьему-либо взгляду, слову’, при этом переход происходит с помощью механизма энантиосемии.

Путем семантической конденсации, т. е. предельного усиления признака и приобретения словом негативной оценки, образуются бурят. *сгя́дный* ‘недоброжелательный, неразговорчивый’ [СРНГ 37: 22] (‘смотрящий на кого-л.’ → ‘недружелюбно смотрящий на кого-л., косящийся’ → ‘недружелюбный’), волог. *озы́риться* ‘взглянуть сердито, недружелюбно’ [СРНГ 23: 102] (‘смотреть’ → ‘недружелюбно смотреть на кого-л., коситься’).

Некоторые лексемы, по-видимому, создаются по «портретному» принципу, когда в значении «представлен не отдельный признак, отражающий какую-либо внешнюю или внутреннюю человеческую черту, взятую отвлеченно..., а комплексная характеристика человека, некий человеческий типаж» [Мищенко 2017: 480]. Так, волог., свердл., ср.-урал., *бу́түзиться* ‘хмуро, недружелюбно смотреть’ [СРНГ 3: 314–315], перм., волог. *бу́туситься*, арх. *бутуситься* ‘то же’ [Там же: 315], арх., волог., новг., яросл., олон., новг. *бу́тус*, волог., перм., свердл. *бу́тус* ‘хмурый, необщительный человек, глядящий исподлобья’ [Там же: 314] происходит от оренб., влад., ряз., калуж., смол. *бу́туз*, тамб., курск. *бу́тус* ‘полный, толстый человек’ [Там же]. Подобное «портретное» изображение, совмещение в рамках одного слова ряда признаков находим и в лексической семантике, ср. забайкал. *пигля́к* ‘о толстом, низкорослом и недоброжелательном человеке’ [СРНГ 27: 20]. Причем, если в предыдущих случаях сложную семантику давало сочетание обозначений внутренних и внешних свойств, то в случае краснояр. *фетю́к* ‘угрюмый, недоброжелательный человек’ [СРГЮРКК: 211] языковое сознание сосредоточено на восприятии черт личности, ср. прост. *фетю́к* ‘нерасторопный, бездеятельный или глупый, несообразительный человек’ [ССРЛЯ 16: 1328].

Сложный комплекс признаков позволяет развиваться значению нижегор. *аря́* ‘злой, недружелюбный человек’ [ДСНО 1: 39]. Мы полагаем, что эта лексема может быть связана с *аред* ‘злой, жестокий старик’, ‘ворчливый старик’, ‘старый и злой колдун, знахарь’, ‘злой, жестокий, зловредный, бессердечный человек’, ‘злой, вредный, ехидный человек’ (список слов приводится по [Родионова 2000: 143]), ср. на нижегородской и близких территориях: *áред* нижегор.

‘бран. ругательство (по отношению к детям)’ [ДСНО 1: 37], костром. ‘жадный человек’ [ЛКТЭ], влад. ‘то же’, яросл. ‘то же’, ‘злой, жестокий, зловредный человек’ [СРНГ 1: 272]. И. В. Родионова связывает *аред* с идиомой *аредовы веки* ‘долгие годы жизни’⁷⁴, «прецедент которой – библейская родословная патриархов, где сообщается и об Иареде, прожившем 962 года». Далее, по мнению исследовательницы, выделяется компонент *аред* со значением ‘дряхлый старик’ и обретает отрицательную оценку. В дальнейшем на развитие семантики повлияли сема интенсивности выражения признака, устойчивость негативных коннотаций лексемы, а также воздействие со стороны других гнезд (в первую очередь, с вершинами *Ирод*, *аспид*, *ад*) [Родионова 2000: 142–143]. Тем не менее необходимо отметить, что нижегородская фиксация не кажется надежной: в словаре приведено лишь несколько однотипных контекстов без указания ударения (*К этому аре все ходить боятся. К этой аре никто и в соседи не хочет идти* [ДСНО 1: 39]). Возможно, данный лексический факт требует проверки в «полевых» условиях.

Значение *неприязненности* может возникать на основе наблюдения над **речевым поведением** того или иного человека (или группы людей).

Чувство *неприязни* зачастую сопровождается вербальным выражением неудовольствия: перм. *поносѣ́ться* ‘относиться с нелюбовью’ [СПГ 2: 167] (ср. литер. *поносѣ́ть* ‘оскорбительно ругать’), сюда же заурал., свердл. *в понос (говорить)* ‘плохо, недружелюбно отзываться о ком-л., поносить кого-л.’ [СРНГ 29: 268–270]. К описанному мотиву относится и волог. *фуньга́стый* ‘недоброжелательный, неприветливый’ [СВГ 11: 171], которое связано с волог. *фуньга́стый* ‘постоянный недовольный чем-либо; ворчливый’ [Там же] (оба слова звукоподражательного происхождения). При этом отметим, что глагол *ворчать* и соответствующее ему прилагательное *ворчливый* относятся к глаголам немотивированного выражения недовольства. Такое поведение особо негативно оценивается носителями языка, поскольку глагол указывает на «“избыточность” действия – излишнюю продолжительность речевого акта» [Крылова 2003а: 175, 181].

Недоброжелательно настроенный человек может быть язвительным, злобным, ср. костром. *проехѣ́дный* ‘злой, недоброжелательный человек’ [СГКЗ: 320].

Идея шумного, скандального поведения, как кажется, становится ключевой для появления морд. *челя́динный* ‘недоброжелательный, вредный’: *Сасеткъ – челя́динный чилавек, никаму дабра ни зделѣт* [СРГМ II: 1461]. Думается, данная лексема происходит от морд. *челя́да* ‘детвора’ [Там же] через ступень ‘большая компания’, ср. новг. *челя́да* ‘подростки’ и ‘группа, кучка’

⁷⁴ Присутствует и в нижегородских говорах: *аредовы ве́ки* ‘очень долго’ [ДСНО 1: 37].

[НОС: 1271], костр. *гребётина* ‘орава детей’ и ‘большая компания’ [ЛКТЭ], костр. *ошошь* ‘маленькие дети’ и ‘сброд, негодные люди’ [Там же]⁷⁵.

Недоброжелательность может проявляться в тоне голоса при разговоре: ср.-урал. *булькать* ‘говорить что-н. невнятно и недружелюбно’ [СРГСУ 1: 60]. В данном случае негативная оценка и переход значения возможен ввиду оноματοпозитического происхождения корня, который указывает на неразборчивый звук. Неясная речь может расцениваться, в свою очередь, как недоброжелательная, ср. прост. *буркать* ‘бормотать, говорить ворчливо и невнятно, бурчать’ [ТСЛРЯ 2007: 67]. Другой пример – это смол. *сипучий, сипучый*⁷⁶ ‘злой, недоброжелательный’: *Такой сипучый, як мой сыбака* [ССГ 10: 14], которые, возможно, восходят к общерусскому глаголу *сипеть*, ср. контекст смол. *сипуха* ‘о непорядочной женщине’: *Сипуха, сипиши как змия ны людей, чужых мужыкоу пыдвырачывыиши пыд себе* [Там же].

Недоброжелательный человек склонен обсуждать недостатки объекта *неприязни* в его отсутствии, сплетничать о нем. Так, волог., курган. *пересудливый* ‘любящий обсуждать (обычно недоброжелательно) чьи-либо поступки, слова, действия, посплетничать’ [СРНГ 26: 234] происходит, по-видимому, от *судить, осуждать*. Негативные коннотации у ленингр., волог. *обговорить* ‘отозваться неодобрительно, недоброжелательно; осудить’ [СРГК 4: 70] создаются семантикой приставки *об-*, в литературной форме существования языка глаголы с этим префиксом имеют значение «причинить ущерб кому-н. (иногда – обмануть кого-н.) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» [РГ-80 I: 364].

В результате семантической конденсации создается вят. *перегудать* ‘разговаривать о ком-либо (обычно недоброжелательно); высказывать что-либо нелестно насчет других’ [СРНГ 26: 74] ← вят. *перегудать* ‘разговаривать’ [ОСВГ 7: 230]. В мотивационном отношении важна также приставка *пере-*, которая имеет значение интенсивности и усиливает экспрессию.

В перм. *мудрять над кем-либо* ‘насмехаться, издеваться над кем-либо, недоброжелательно судить о ком-либо’ [СРНГ 18: 331] негативная семантика возникает, по-видимому, из отрицательного отношения к чрезмерному проявлению изобретательности ума, злому остроумию.

Для помор. *кичковать* ‘жить недружно, постоянно ссориться, обижаться друг на друга’ [ЖРКП: 66] можно предположить производность от олон. *кичка́ть* ‘дразнить (произносятся слова кич-кич, киц-киц)’ [СРНГ 13: 248] на основании сем ‘дразнить’ и ‘обижаться’ с последующим смысловым развитием. С. А. Мызников сопоставляет поморскую лексему с вепс. *kičutada* ‘дразнить’, ливв. *kičittiä* ‘дразнить, подбивать, подзадоривать’ [РДЭС: 307–308].

⁷⁵ Отметим, однако, для лексемы *ошошь* Т. В. Леонтьева выстраивала следующую мотивационную линию: «негодная вещь, мусор» → «неуважаемые люди, сброд», ср. костр. *ошошь* ‘малопригодные остатки чего-либо, дрянь’ [Леонтьева 2011б: 139].

⁷⁶ Возможно, экспрессивное преобразование *сипучий*.

В целом можно говорить о том, что поведение недоброжелательного человека не соответствует социальной норме вежливости, ср. пск. *невѣжливый* ‘недоброжелательный’: *Доброй фсе аддаст, а у и́ниага ня вы́бьеш – скупой, нявѣжливый, нишияво́ ня да́ст, у яво́ и есь, да ня даст* [ПОС 21: 30].

Твер., пск. *извѣт* ‘недоброжелательство’ [СРНГ 12: 105], по-видимому, происходит от твер., пск. *извѣт* ‘урок, порча, сглаз’ [Там же]. В данной лексеме находим корень *-вет-* со значением говорения, что позволяет предполагать такое направление развития значения. Сглаз же у всех славян осмысливается, прежде всего, «как воздействие через слово» [СД 4: 598]. А. Н. Кушкова указывает, что порча, сглаз является способом магической мести в ситуации ссоры [Кушкова 2015: 166–167].

С *недоброжелательством* зачастую сопряжен *спор*: рус. карел. *спóрный* ‘недружный’ [СРГК 6: 267] ← ‘задиристый, любящий спорить’ [Там же].

К спору примыкает смысловая область *ссоры*. Ссора является наиболее частым выражением неприязни, и она может являться как причиной взаимного недоброжелательства, так и его следствием. Сюда можно отнести томск. *рассóрка* ‘взаимное неприятие, вызванное серьезной размолвкой’ [ПСДЯЛ 3: 290]; свердл. *наперекосе́рдиях* ‘недружно’ [СРГСУ 2: 177] ← алт., том., амур., курган., тюмен., челяб., волог. *перекосе́рдие (ье)* ‘возражение, пререкание, перекоры; ссора’ [СРНГ 26: 130]; башк. *по-блажнóму* ‘плохо, недружно (жить)’: *Они живут по-блажному, роздерутца* [СРГБашк: 252] ← башк. *блажнóй* ‘отличающийся беспокойным характером, вспыльчивый, вздорный, капризный’, ‘крикливый, истеричный’ [Там же: 38].

Само скандальное поведение вызывает неприязнь. Так, например, перм. *ши́хопоть* ‘о неприятных, невоспитанных’: *Ходит тут вечерами местная шихопоть, спать не дают* [СРГЮП 2: 400], по-видимому, связано с волог. *шу́хободь, шу́хоботь, шу́хобот* ‘ссора, скандал’ [СВГ 12: 109], волог. *шу́хоба* ‘шум, крик, драка, спор’ [Дилакторский: 573], рус. карел. *шу́хобить* ‘устраивать скандал’ [СРГК 6: 922].

Семантика **надоедлив**ого, **навязчив**ого поведения оказывается важна при обозначении объекта неприязни. Так, моск. *пасты́рь*, волог. *па́стырь* ‘надоевший, постылый человек’ [СРНГ 25: 268] образовано по модели ‘тот, кто пасет; пастух’ → ‘тот, кто неотступно следует’ → ‘тот, который надоел, опостылел’, ср. *Чего пастырем ходишь? Как пастырь ходит сзади* [СРНГ 25: 268]. Возможно, следует также предполагать аттракцию с *постылый* ввиду формального сходства, ср. контекст *Пастырь ты для меня, уходи, – так жена мужу говорит, если пьет он или еще что* [СРНГ 25: 268].

2. 3. ТМГ «Социальная жизнь»

Тематико-мотивационная группа «Социальная жизнь» включает в себя достаточно разнородный материал. Все лексемы, относящиеся к этому разделу, связаны мотивационными линиями, объединенными идеей социального взаимодействия.

Традиционный социум ориентирован на общежитие, социальность в том понимании, которое комментирует Т. В. Леонтьева, а именно социальность как «качество, обеспечивающее непротиворечивое существование человека в общине» [Леонтьева 2014: 25]. Неприязненность же нарушает определенный жизненный уклад, вносит рознь в общество, и потому подвергается осуждению.

Семантика *неприязни* может передаваться через противопоставление категорий **свой / чужой**. Как известно, эта оппозиция носит древний характер, чужое же зачастую связывается с враждебным (см. об этом, например, [Бенвенист 1995: 74–79; СД 4: 581–582]).

Чуждость может приписываться тому, кто склонен к недоброжелательности, ср. арх. *несвѣчатый* ‘о недружелюбном, замкнутом человеке; о человеке, который не поддерживает семейные отношения’ [КСГРС] (< *не свой*). С другой стороны, чужим может называться объект недоброжелательного отношения, поскольку его не желает принимать социум: ярсл. *чужа́к* ‘нелюбимый человек в семье’ [ЯОС 10: 63].

Во внутренней форме лексем, связанных с обозначением *неприязни*, может быть заложено представление **о непринадлежности к обществу, социальной группе**. Это лексика, образованная от слова *союз*: карел. *несою́зный* ‘неприветливый, недружный’ [СРГК 4: 13], ср.-урал. *несою́зливый, несою́зной* ‘неуживчивый, недружелюбный’ [СРГСУ 2: 206], перм. *несою́зно* ‘недружно’ [СПГ 1: 593]. Другой пример – арх. *недру́жливый* ‘недружный’ [СРНГ 21: 37], *несдру́жливый* без указ. места ‘недружелюбный, неприветливый’ [Там же: 150], пск. ‘то же’ [ПОС 21: 230], прибайкал. ‘то же’ [СРГПриб 2: 124], перм. *недружелю́бливый* ‘не расположенный к взаимному согласию (обычно о группе людей)’ [Акчим 3: 66]. Единого этимологического решения для лексем с корнем *-друг-* нет, но предполагают происхождение от глагола со значением ‘следовать’, отсюда ‘второй, следующий’, далее ‘воевать’ и ‘отряд, свита’ [ТСлРЯ: 217]. Принадлежность же к определенному отряду, войску можно расценивать как принадлежность к определенному обществу, своему обществу.

Лексемы пск. *немі́лик* ‘о немиле, нелюбимом существе’ [СРНГ 21: 79], пск., твер., пестерб. *немі́л* ‘немилый, нелюбимый муж или жених’ [Там же], смол. *запопа́сть в немилость* ‘впасть в немилость’ [СРНГ 10: 344], волог. *несмі́ла* ‘недружелюбно’ [КСГРС] восходят к гнезду **mil-*. Наиболее ранними значениями в этом гнезде были ‘дружба, дружественный, полю-

бовный союз', 'связь' [ЭССЯ 19: 46–48], идея же «своего» порождает положительные коннотации и как следствие значение 'приятный'.

Однако, как отмечает Т. А. Агапкина, «“чужест” отнюдь не всегда отождествляется с чужеродностью и иномирностью; во множестве ситуаций она проецируется на внутреннюю жизнь социума. Статус “внутренне чужого”, т.е. маргинала, обладая свойством отторжения (отчуждаемости), может закрепляться практически за каждым членом этого социума, “мигрируя” от одного человека к другому и постоянно присутствуя в традиции в целом» [Агапкина 1994: 15].

Без указ. места *нэлюд* 'дурной народ, недоброжелательные люди' [СРНГ 21: 75] соотносится со словами из гнезда **lud-*, значения которых связаны со сферой этики межличностных отношений. Е. Л. Березович отмечает, что в таких лексемах «заострено внимание на способности вести себя, как положено среди людей, уживаться с людьми – соответствовать социально закрепленным нормам взаимоотношений» [Березович 2007: 100]. *Нелюдом*, таким образом, называют тех, кто пренебрегает традиционными правилами поведения. О. Д. Сурикова, анализируя близкие приведенной лексеме слова, такие как смол. *бэзлюди* 'плохие люди', перм. *безлюдье* 'о плохом человеке, людях', отмечает, что «слово *люди* часто представляет собой результат номинативной конденсации (люди ← добрые люди) и, как маркер нормативности, называет “хорошее вообще”. Соответственно, *безлюдье* имеет обобщенную негативную семантику» [Сурикова 2016: 38].

В языке подчеркивается, что недружелюбно настроенный человек вступает в конфликты, нарушая состояние покоя в обществе: смол., пск. *немі́рный* 'недружественный, неприязненный' [СРНГ 21: 81], костр. *мі́ру не хва́тит (не хвта́ет)* 'о людях, которые живут недружно, ссорятся' [ЛКТЭ], ср. также смол. *невлагóдне* 'недружно, не в ладах' [СРНГ 16: 223] ← смол. *лагóдня* 'лад, мир' [ССГ 6: 7]. Такой человек отталкивает от себя окружающих людей (смол. *разгоні́ха* 'о женщине, которая своим поведением, неуживчивым нравом отталкивает от себя, разгоняет домочадцев' [СРНГ 33: 309], нижегор. *разгоні́шка* 'то же' [Там же: 310]), он способен расстроить совместное времяпрепровождение людей: сиб. *разгоні́-бесéду* 'о человеке, неприятном, не умеющем вести себя в обществе' [СРНГ 33: 309].

В обществе, где люди испытывают взаимную неприязнь, нет обмена мнениями, совместного обсуждения, на что указывают такие языковые факты, как самар., смол., пск., костр. *несоветный* 'несогласный, недружный' [СРНГ 21: 158], смол. *невсоветный* 'недружный, несогласный' [СРНГ 20: 362], *несоветно* арх. 'несогласно, недружно' [СРНГ 21: 158], вят. 'то же' [ОСВГ 5: 237], арх. *семья бессоветная* 'недружная семья, где происходят разногласия, ссоры' [СРНГ 2: 277].

Недружелюбно настроенным людям тяжело найти компромисс, сойтись в каких-либо мнениях: *несогла́сный* пск. ‘недружный’ [ПОС 21: 242], перм. ‘недружный, такой, в котором нет согласия, дружбы’ [Акчим 3: 75], твер. *несогла́сивый*, пск. *несогласи́вый* ‘несогласный, недружный’ [СРНГ 21: 158], орл. *необойо́дный* ‘недоброжелательно, неприязненно относящийся к кому-л.; недружелюбный’ [СОГ 7: 110].

Неприязненно настроенные люди **не ориентированы на дружественные отношения с односельчанами**, со своими соседями, ср. арх. *несусе́дливый* ‘недружный’ [СРНГ 21: 169], в то время как данный тип общения чрезвычайно важен в традиционном обществе.

Такие люди **не способны уживаться с другими в одном пространстве**: курск., калуж., ворон. *несу́ютный* ‘недружный, несогласный’ [Там же], орл. *неусу́ютный* ‘недружная, без лада, согласия (о семье)’ [СОГ 7: 132] имеют корень *-ют-*, который, вероятно, родственен русск. *юти́ться* ‘быть расположенным, помещаться где-нибудь на небольшом пространстве’, русск. диал. *юта́ться* ‘находиться’ [ЭССЯ 8: 199]. *Недоброжелательному* человеку свойственно находиться в индивидуальном, не общем пространстве: волог., арх., перм., сиб. *угла́н* ‘угрюмый, недоброжелательный, злой человек’ [СРНГ 46: 201–202], перм. *сиде́ть на заперте́ (на крючке́, под бадого́ми)* ‘жить за постоянно замкнутой дверью, что является символом негостеприимства, недружелюбия’ [ФСПГ: 329–330].

Напротив, человека, к которому испытывают *неприязнь*, всячески **вытесняют из жилого (собственного) пространства**: перм. *под поро́гом жить (расти́)* ‘быть нелюбимым, презираемым членом семья’ [ФСРГНП 2: 188].

Наконец, объекты неприязни могут восприниматься как *враги*. Здесь мы находим точку пересечения с лексическим множеством «Вражда»: дон. *враже́няка* ‘о недоброжелательном, несговорчивом человеке’ [БТСДК: 89], морд. *вра́жный* ‘недоброжелательный, злой человек’ [СРГМ/Д: 77]; *супоста́тель* новг. ‘нелюбимый человек’ [СРГК 6: 397] ← волог., перм. ‘супостат, неприятель, враг’ [СРНГ 42: 256].

Несколько отстоит от других языковых фактов в данной группе печор. *как А́га и Пала́га* ‘вести себя недружелюбно по отношению друг к другу’ [ФСРГНП 1: 297]. Первый компонент, вероятно, являет собой деминутив *Ага* к имени *Агния*. Во втором компоненте усматривается деминутив к личному имени *Пелагея* – *Палага*. По-видимому, данный случай относится к парным сочетаниям. Как отмечает Ф. Р. Минлос, второе слово в таких случаях «является прежде всего рифмой к первому» и «часто не имеет или почти не имеет семантической мотивации» [Минлос 2004: 124]. О других экспрессивных диалектных парных сочетаниях, см., например, работы [Феоктистова 2017; 2018].

2. 4. ТМГ «Общая оценка»

Начнём рассмотрение оценочных смыслов с лексем, которые характеризуют **эмоциональное отношение субъекта ощущения**. Без указ. места *невзго́да* ‘немилость, нерасположение’ [СРНГ 20: 339] имеет корень *-год-*, среди продолжений которого широко распространена общеоценочная семантика, ср. литер. *годи́ться* ‘быть годным’ [ЭССЯ 6: 188–190], *годный* ‘могуший быть полезным, пригодным, подходящий, удобный’ [Там же: 193], простор. *гожий* ‘годный, пригодный’ [Там же: 190]. Таким образом, можно реконструировать переход ‘плохое отношение’ → ‘немилость, нерасположение’.

Перейдём к рассмотрению тех **оценочных смыслов, которые приписываются субъектом ощущения объекту**. Во внутренней форме слов могут фиксироваться негативные свойства последнего: новг. *неблагóжий* ‘непорядочный, несимпатичный’ [СРНГ 20: 317] ← олон., перм., курск., Азерб. ССР *благóй* ‘хороший, добрый (чаще о человеке)’ [СРНГ 2: 306]; смол. *невда́шенька*, кубан., пск., рост., смол., зап.-брян. *невдашечка* ‘нерадивая жена; неудачная, постылая супруга’ [СРНГ 20: 327] ← общерус. *не удался* ‘не получиться удачным, хорошим’. В карел. *ребёнценко* ‘нелюбимый ребенок’ [Дуров 2011: 357] оценочное значение создается с помощью словообразовательных средств.

Забайкал. *моты́ль* ‘о постылом человеке’: *Загубил этот мотыль всю ее молодую жизнь. Как теперь от такого мотыля избавишься; Уйти бы ей от мотыля, да родителей боится* [СРГЗ: 212], вероятно, соотносится с гнездом глагола *мотаться*, ср. сиб. *мота́ться* ‘быть в любовных отношениях с кем-л. [СОЕСГ: 121], и употребляется как брань. При этом в данном случае действует продуктивный для лексики со значением неприятия механизм энантиосемии.

Притча перм. ‘о человеке, вызывающем неприязнь’ [СПГ 2: 220], ср.-урал. экспр. ‘о человеке с каким-либо вызывающем неприязнь недостатком (физическим, в поведении, характере’ [СРГСУ 5: 16–17], вероятно, было сформировано как брань от диал. шир. распр. *притча* ‘несчастье, беда, напасть’ [СРНГ 32: 33].

Наконец, во внутренней форме лексем может фиксироваться не только характеристика объекта со стороны субъекта ощущения, но и **оценка недружелюбия, неприязненности** в культуре вообще.

Негативное восприятие неприязненности в межличностных отношениях обнаруживает себя в пск. *нехорошо́* ‘недружно’: *Нехарашо́ яны́ жы́ли, да яна́ така́я ба́ба, ни с кем харашо́ не жы́вет. А мужы́к у ней памёр, кум с кумо́й приши́л, яна́ ли́хо ра́да была́, спаси́бо ни́ско би́ла* [ПОС 21: 287].

В прибайкал. *с недобóром* ‘с недовольством, с неприязнью’: *Невестка у них завсегда́ с недобором была* [СРГПриб 4: 32], думается, реализуется каритивная модель (об оценочном по-

тенциале каритивов см. на стр. 82). Возможно, однако, что для прибаекал. *с недобóром* также могла иметь место контаминация с *недобрый*.

Арх. *заде́лываться против кого* ‘вести себя недружелюбно’ [АОС 16: 219–220], вероятно, образуется путем семантической конденсации, усиления значения глагола *делать* и приобретения им негативной оценки.

2. 5. ТМГ «Физические положения и перемещения»

При формировании семантики неприязни используется образ положения **против кого-л.**: волог., новг. *супроти́вный, супроти́вной* ‘постылый’ [СРГК 6: 398]. Как уже отмечалось, locus «против чего-л.», «напротив» наделен отрицательными коннотациями в русской традиционной культуре. Противоположность связана с категориями «чужого» (на контрасте «своего»), враждебного, отличающегося.

Недоброжелательное поведение может осмысляться через положение **поперек**, ср. за-баекал. *перети́ть* ‘вести себя недоброжелательно, неприязненно’ [СРГЗ: 296]. Оно концептуально сближается с положением *против* чего-л., поскольку они оба, согласно народным воззрениям, сопряжены с идеей враждебности. Многие продолжения прасл. **per-* в русском языке обладают семантикой противодействия, препятствия по отношению к субъекту номинации, ср. *перечить, наперекор, претить* и т. д.

Негативно, как чужое оценивается в культуре **далекое** пространство, ср. без указ. места *неприя́тство* ‘нерасположение, недоброжелательное отношение’ [СРНГ 21: 129] (см. об этой модели на стр. 68–69).

Возникновение *неприятя* может быть сопряжено со стремлением **пространственно отдалиться** от объекта негативного эмоционального отношения, ср. арх. *отки́дывать* ‘недолюбливать’: *Заскрёбыш⁷⁷ роди́ца, дак его не откидывают, свой ведь, любодéланный⁷⁸* [КСГРС], волог. *непадко́й* ‘нерасположенный’: *Ваня-то непадкой до нас* [Дилакторский: 291]; твер. *отворы́хивать* ‘проявлять неприязнь к кому-н.’ [Селигер 4: 287] ← приставка *от-* со значением ‘удалить на некоторое расстояние, отделить от чего-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’ (семантика приводится по [РГ-80 I: 364]) + твер. *ворыха́ть* ‘толкать’ [Селигер 1: 126], ср. литер. *отта́лкивать* ‘порывать связь, близкие отношения с кем-либо; устранять, удалять от себя кого-либо’ [ССРЛЯ 8: 1641].

Прерывание контакта может быть насильственным, о чем свидетельствует внутренняя форма лексики со значением возбуждения неприязни: карел. *отки́дывать* ‘возбуждать в ком-

⁷⁷ Арх., волог. *заскрёбыш* ‘последний ребенок в семье’ [СГРС 4: 189].

⁷⁸ Арх. *любодéланный* ‘о желанном ребенке’ [СГРС 7: 192].

либо отвращение или неприязнь к кому-, чему-либо (по суеверным представлениям – с помощью колдовства), *отвращать*’ [СРНГ 24: 201–202]. А. Н. Кушкова отмечает, что раздор и ссора зачастую представлены в заговорах как «пространственное разделение и невозможность контакта» [Кушкова 2016: 171]. Так, пространственный мотив дублируется на собственно языковом уровне и в акциональном коде ссоры и неприязни.

Примыкают к этой группе твер. *несведённый* ‘непримиримый, враждебно настроенный, недоброжелательный человек’ [Селигер 4: 124], новг. *несведённый* ‘недружный, склонный к ссоре (о ребенке)’ [СРНГ 21: 148]. Внутренняя форма данных лексем указывает на то, что субъекта ощущения невозможно *свести* с данным обществом, то есть, буквально, сблизить его с другими людьми. В гнезде наблюдается также энантиосемия, ср. прибайкал. *сведёныши* ‘недружно живущие люди’ [СРГПриб 4: 12]. В данном случае, вероятно, закладывается представление о «сведении», столкновении, противостоянии недоброжелательно относящихся друг к другу людей.

Значение *неприязни* может формироваться на основе семантики **отворота**, как в новг. *отворотить* безл. ‘о чувстве неприязни к кому-л.’ [НОС: 751]. Поворот маркирует прерывание контакта с объектом чувствования, отдаление от него.

Присутствует в рамках лексического множества мотив **кривизны**, ср. ряз. *перекосок* ‘неудовольствие, недоброжелательство’ [СРНГ 26: 131]. Идея «ненормативности», присутствующая в семантической сфере кривизны, могла обусловить приобретение словом *кривой* обобщенных значений «‘плохой, негодный, неприемлемый, злой, вредный и т. п.’» [Толстая 2007: 279–280]. Тогда закономерно появление значения *неприязненности* как эмоции негативной.

Положение **в разные стороны** указывает на неспособность неприязненно настроенных людей существовать бесконфликтно, в согласии, ср. волог. *врозкомелицу жить* ‘несогласно, недружно’ ← ‘комлями врозь, в разные стороны’ [СРНГ 5: 194]. В данной метафоре воссоздается картина вязки снопов. Значимым оказывается, по-видимому, и то, что снопы в традиционной культуре часто подвергаются антропоморфизации (см. об этом [СД 5: 92–93]).

При описании *неприязненных, недружных* взаимоотношений особенно значимым становится мотив **порядка, слаженности / беспорядка**. На это указывают лексемы новг. *нескладный* ‘недружный’ [НОС: 642], пск. *нескладно* ‘недружно, периодически ссорясь’ [ПОС 21: 233–234]; хавос яросл. ‘ссоры, недружелюбные взаимоотношения’ [ЯОС 10: 29], ростов. ‘то же’ [СРНГ 49: 227] < *хаос*; ростов. *ширкопы́том, широкопу́том* ‘недружно’ ← ‘кувырком’, ‘беспорядочно, кое-как, небрежно’ [БТСДК: 592]; ряз. *лад (ладу) не берет (не возьмет, не взял)* ‘о ком-либо, живущем недружно, несогласно’ [СРНГ 16: 227] ← литер. *лад* ‘порядок, слаженность’ [ССРЛЯ 6: 21]. Порядок ассоциируется с непротиворечивыми, гармоничными отношениями, соответствующими ожиданиям людей и социальным нормам.

Иную мотивационную линию можно выстроить для лексемы, называющей объекта недружелюбного отношения. Волог. *неуклю́дный* ‘неприятный; такой, который чем-то не нравится кому-н.’ [СРГК 8: 17], по-видимому, соотносится с литер. *неуклюжий*, которое, в свою очередь, образуется с помощью суффикса *-жь* от диал. *неуклюд*, далее к диал. *клюдь* ‘порядок, приличие, красота’ [ТСлРЯ 2007: 520]. Общая негативная оценка в данном случае формируется исходя из отрицательного отношения к беспорядку в культуре.

2. 6. ТМГ «Материальная и духовная культура»

В данной тематико-мотивационной группе содержится указание на различные объекты и категории материальной и духовной культуры, которые в сознании носителей языка оказываются так или иначе сопряженными с чувством *неприязни*.

Менее наполненной оказывается группа лексики, мотивированная наименованиями **предметов материальной культуры**. При этом в найденных случаях они выступают, как кажется, скорее в метафорическом употреблении, нежели несут какой-либо символический концептуальный смысл.

Так, в печорском фразеологическом сочетании *как злая мельница* ‘недоброжелательный, злой человек’ [ФСРГНП 1: 308], по-видимому, образ *мельницы* используется для передачи идеи деструктивного воздействия, которая связана с представлениями о физической и речевой агрессии: *Ругачий был мужик, всех-то выкостить успева́л, как зла мельница* [Там же].

В краснояр. *быть как замёта* ‘быть нелюбимым, лишним где-л.’: *При мачехе я была как замёта в доме* [СРГЦРКК 2: 84] реализуется идея лишнего, ненужного.

Наконец, в вологogr. *ни на дух не нужен* ‘о полном неприятии кого-л., неприязни к кому-л.’ [СДГВО 3: 513] реализуется мотив запахов и их свойств (см. об этой модели на стр. 73–74).

Активнее встречаются языковые факты, мотивированные наименованиями из сферы **духовного мира**.

Недоброжелательный человек может сопоставляться с чертом: влад. *ляд* ‘недоброжелатель’ ← диал. шир. распр. *ляд* ‘черт’⁷⁹ [СРНГ 17: 259]; краснодар. *смотре́ть чёртом* ‘смотреть злобно, недоброжелательно; смотреть волком’ [КГМС: 210], ср. также волог. *враг* ‘леший, нечистая сила’ [СГРС 2: 197]. Подобные номинации объясняются тем, что, по народным представлениям, черт способен вселяться в тело человека, при этом человек начинает вести себя неадекватно и агрессивно [Виноградова 2001: 65].

⁷⁹ Нечистая сила получает название по месту обитания: ‘нечистая сила, черт’ ← ‘место обитания нечистой силы’ ← ‘пустошь, заброшенное поле’ (болг. *ляда* ‘пустошь, нива, поле’, ст.-чеш., чеш. *lado* ‘пустошь, невозделываемая земля, заросшая травой’, рус. диал. *лядо* ‘поле, заросшее кустарником; пустошь, заросль’ и др.) [ЭССЯ 15: 44–46].

С другой стороны, мифологические номинации могут иметь место при обозначении объекта недоброжелательного отношения, ср. перм. *бесови́йна* ‘о чем-либо вызывающем неприятие, осуждение’ [СРГСПК 1: 93], костр. *некошнóй* ‘чужой, немилый’: *Что стоишь как некошнóй?* – *Проходи, садись* [ЛКТЭ], ср. костр. *некошнóй* ‘леший’ [Там же].

Вероятно, по «мифологической» модели развивается значение волог. *лихомáнка* ‘недоброжелательная, неприятная особа’ [Дилакторский: 236], яросл., волог., вост. *лихомáнник* ‘злой, вредный человек, недоброжелатель’ [СРНГ 17: 80], ряз. *лихóй* ‘злостный, недоброжелательный’ [Деулино: 277], прикам. *лихотá* ‘неприятие чего-либо, кого-либо’ [СРГЮП 2: 30]. Тогда возможно предположить связь этих лексем с курск. *лихомáн* ‘дьявол, черт’ [СРНГ 17: 79], яросл. *лихомáнник* ‘в суеверных представлениях – сверхъестественное существо, живущее в лесу, леший’ [Там же: 80], новг., волог. *ли́хо* бран. ‘нечистая сила, черт’ [СРГК 3: 131], ряз., калуж., тул., моск., нижегор., самар. *лихóй* ‘в суеверных представлениях – нечистая сила, домовый, злой дух’ [СРНГ 17: 78], вят. *лихáя* ‘то же’ [Там же: 75], перм. *лих вошел* ‘злой дух вселился’ [Там же].

С другой стороны, значение *недоброжелательности* может быть сопряжено с семантикой злобы. Находим лексемы с соответствующими значениями, ср. тобол., вост. *лихомáн* ‘злодей’ [СРНГ 17: 79], яросл., волог., вост. *лихомáнник* ‘злой, вредный человек, недоброжелатель’ [Там же: 80]. Мотивационная связь этих двух семантических областей усматривается в тамб., ряз., самар., казан., перм., вят., урал. *лихості́ться* ‘питать неприязнь, злобствовать на кого-либо’ [Там же: 82], смол. *лихостлі́вый* ‘злостный, недоброжелательный’ [ССГ 6: 41], которые производны от диал. шир. распр. *ли́хость* ‘злость, злоба, ненависть’ [СРНГ 17: 83], на что указывают морфемный состав лексем.

Необходимо также отметить то, что слова, обозначающие субъекта и объекта неприятия, зачастую употребляются в бранной речи, поэтому возможно предположить возникновение экспрессивного образования от названия болезни: волог. *лихомáнка* ‘лихорадка’ [Дилакторский: 236], обл. *лихомáнка* ‘болезненное горячее состояние, лихорадка’ [ТСлРЯ: 411], ряз. *лихóй* ‘нарыв, вызванный больным зубом, флюс’ [Ванюшечкин А–Н: 211], ср. прост. бран. *веред*, *зараза*, *паршивец* и т. д.

Вызывать неприязнь может **отступление от религии, христианских ценностей**, на что указывает ряд языковых фактов.

Объектом *неприязненного* отношения может становиться не православный человек или человек, не соблюдающий религиозные предписания, ср. карел. *нѣхристъ* ‘человек, вызывающий неприязнь’ [СРГК 4: 19]. Следует отметить, однако, и то, что семантика отступления от христианства может нести за собой в принципе целый комплекс негативно-оценочных смыслов разного рода.

Недружные взаимоотношения, *неприятность*, существующая между людьми может воспринимать как грех (*греши́ть* перм. ‘ссориться, жить недружно’ [СПГ 1: 187], ср.-урал. ‘то же’ [СРГСУ 1: 126], арх., карел., волог., мурман. ‘то же’ [СРГК 1: 394], карел., арх. *греши́ться* ‘то же’ [Там же: 396]), поведение, не соответствующее христианским ценностям и народной этике (карел. *несо́вестно* ‘недружно, ссорясь’ [СРГК 4: 13]). Неслучайно брань и ссору диалектоносители называют первыми в ряду самых тяжких грехов, по данным этнолингвистической экспедиции РГГУ [Мороз 2000: 200].

2. 7. ТМГ «Общие свойства тел и веществ»

Начнём рассмотрение свойств тел и веществ в качестве мотивирующих для лексики со значением неприязни с более конкретных характеристик к более общим.

Важным параметром может становиться параметр **цвета**, ср. арх. *чёрная деревня* ‘недружное деревенское общество’: *Черну́-то дере́вню зва́ли «злоде́йкой» – вот ря́дом жыве́т сосе́т, а не дру́жым, то несосе́дливы* [АОС 11: 55–56]. В ходе номинативного процесса актуализировалась негативная оценка черного цвета, его сопряженность в народном сознании с идеей враждебности, злобы.

Семантика недоброжелательности может быть связана с представлениями о **форме** предмета.

Для смол. *круте́ль* ‘злой, недоброжелательный человек’ [СРНГ 15: 324], новг. *кру́то* ‘с неприязнью’ [НОС: 466–467] мотивационно значимыми, вероятно, оказались признаки ‘острый’, ‘опасный’, ‘резкий’.

Появление прикам. *разо́рва* ‘о неприятном, скандальном человеке’ [СРГЮП 2: 16] связано с экспрессивным потенциалом корня *-рв-/-рыв-* (общерус. *рвать, разрывать*), ср. такие слова, негативно характеризующие человека, как *рвач, оторва*.

2. 8. ТМГ «Животный мир»

Рассмотрим лексемы, которые образованы от слов, называющих животных, пресмыкающихся, насекомых.

В словарях обнаруживаются такие языковые факты, как новг. *га́ды шипа́тые* ‘о злобных, недоброжелательных людях’ [НОС: 155], забайкал. *кры́слик* ‘недоброжелательный, неуживчивый человек’ [СРГЗ: 172]. Какова мотивация этих слов? Во-первых, А. В. Гура пишет о гадах (к которым относятся не только пресмыкающиеся, но и насекомые и грызуны) как «**нечистых животных** и об их тесной связи с демонологическими персонажами и наделении их самих де-

монологическими свойствами [Гура 1997: 273–274, 276]. С другой стороны, думается, что в сочетании *гады шипатые* особую важность приобретает лексема *шипатые*. Вероятно, имеется в виду агрессивное поведение недоброжелательных людей, стремление к нанесению вреда с их стороны.

К этой же группе можно отнести волог. *вѣкиша* ‘неприятный, плохой человек’ ← ‘белка’ [СГРС 2: 47]; ленингр. *язво* ‘о человеке, который своим поведением вызывает неприязнь окружающих’ ← ‘барсук’ [СРГК 6: 953] (с учетом широких контаминационных процессов с прост. *язва* ‘о злом, дурном и т. п. человеке’ [ССРЛЯ 17: 2046]). Как отмечает А. В. Гура, по народным поверьям, куньи и другие пушные звери (в том числе белка и барсук) обнаруживают глубокое родство с гадами [Гура 1997: 202].

Перейдём к рассмотрению лексики, которая в мотивационном отношении соотносится с обозначениями **других животных**, не связываемых с «нечистыми».

На основе наблюдения над поведенческими реакциями неприязненно настроенный человек может сопоставляться с быком: перм. *как бык* ‘с недружелюбным видом, надувшись’ [СПГ 1: 71], волог. *бычѣться* ‘хмуриться, проявлять неприязнь’ [СВГ 1: 180] (ср. также прост. *набычѣться* ‘надуться, насупиться’ [ССРЛЯ 7: 52]). В основу сопоставления ложится образ разгоряченного быка, который раздувает ноздри.

Недружные взаимоотношения именуются путем указания на физическую агрессию (арх. *забодѣться (забыдѣться)* ‘о недружном совместном проживании’ [АОС 15: 120–121], а также костр. *как корова бодливая* ‘о человеке, плохо относящемся к кому-л., проявляющем свою нерасположенность’ [ЛКТЭ]). К тому же корню может относиться курск. *кабыдѣться* ‘вести себя неприязненно, стараясь обидеть; вредничать’ [СКГ 5: 4], если допустить префиксальный элемент *ка-*. Однако вариант с такой огласовкой корня встречается только в севернорусских и среднерусских говорах, на южнорусских территориях соответствующие лексемы не были обнаружены, ср. арх. *быдѣться* ‘бодаться’ [СРНГ 3: 339], *быдѣться* нижегор. ‘то же’ [ДСНО 2: 10], татарстан. ‘бодать’ [СРГВСМ: 16], пск. ‘иметь склонность, привычку бодать’, ‘бодать друг друга’ [ПОС 2: 71], *забыдѣть* влад., моск. ‘забодать’ [СРНГ 9: 288], татарстан. ‘то же’ [СРГВСМ: 38]. К описанной модели относим также твер. *отбрыхнѣть* ‘показать неприязнь своим поведением’ [Селигер 4: 268] ← твер. *отбрыхвѣться* ‘отбивать рогами’ [Селигер 4: 268].

Единичны указания на речевую агрессию, ср. смол. *слово собаки скрозь сгороду*⁸⁰ (*жить*) ‘недружно (жить)’ [СРНГ 38: 296], семантический переход видится следующий: ‘лаять’ → ‘ссориться’ → ‘жить недружно’.

⁸⁰ Диал. шир. распр. *скрозь* ‘через, сквозь что-л., через толщу чего-л.’ [СРНГ 38: 148], *сгорода* смол., пск., твер., калин., влад., сарат., новосиб. ‘изгородь (обычно из кольев и жердей)’, твер. ‘глухой забор из досок’ [СРНГ 37: 39].

Волгогр. *как ко́шка / ко́шкой в дыбо́шки (дубо́шки)* ‘резко, решительно, недоброжелательно, проявляя несогласие, раздражение’ [СДГВО 3: 171], перм. *в ко́шки-дебо́шки* ‘неприятно, враждебно; в штыки’ [ФСПГ: 179–180] имеют редупликативную структуру. Появление первого компонента выражения, возможно, связано с наблюдением над поведением кошек, которые часто дерутся между собой. Вторая часть сочетания может быть связана с разг. *дебош*. Компонент *дыбошки*, вероятно, соотносится со словом *ды́бом* ‘стоймя (о волосах, шерсти)’, которое используется в том числе при описании агрессивного поведения животных.

С образом приготовившегося к атаке животного, по-видимому, связана мотивация морд. *шо́браский* ‘недоброжелательный, вредный’ [СРГМ II: 1530] ← татарстан. *шо́бырыский* ‘грубый (о шерсти)’ [СРГВСМ: 153], ср. разг. *ощетѣниваться* ‘приходить в состояние раздражения, становиться злым, сердитым’ [ССРЛЯ 8: 1833], литер. *колю́чий* ‘язвительный, насмешливо-злой’ [ССРЛЯ 5: 1211].

По признаку опасности недоброжелательный человек может сопоставляться с волком: арх. *волча́ной* ‘недружелюбный, злой, неприветливый’ [СГРС 2: 176], ср. литер. *волком смотреть, глядеть* ‘смотреть недружелюбно, угрюмо, враждебно’ [ССРЛЯ 2: 609].

Недружелюбно относящиеся друг к другу люди могут получать номинацию арх. *как ко́сье коровы́* ‘о людях, которые живут недружно, враждуя’ [СГРС 5: 24]. С одной стороны, мотивационно значимым оказывается признак движения в разные стороны. С другой, вероятно, играет роль негативная оценка *косо́го* вообще (см. подробнее на стр. 70, 173).

Новг. *как жура́в с ца́плей* ‘недружно, ссорясь’ [НОС: 263], вероятно, имеет фольклорный источник, а именно народная сказка «Журавль и цапля».

Забайкал. *пигля́к, пи́гальник* (с вопросом к значению) ‘о низкорослом, толстом и недоброжелательном человеке’ [СРГЗ: 298], вероятно, мотивировано наименованием птицы, ср. тул. *пигля́вка* ‘небольшая птичка, пичужка’ [СРНГ 27: 20], *пи́глица* урал. ‘птица чибис’ → ‘невзрачный, низкорослый, худой человек’ [Там же]; том., тобол., новосиб., киров., ко-стром. *пи́галка*, урал. *пи́голка*, без указ. места *пиго́лка* ‘птица чибис’, свердл. *пи́галка, пи́голка* ‘лесная птица (какая?)’, сиб., арх. *пи́галка*, ср.-урал. *пи́голка* ‘маленькая птичка, пичужка’ → влад. *пи́галка*, краснояр. *пи́голка*, влад. *пиголка* ‘о физически слабом, малорослом, невзрачном человеке’ [Там же]. Вероятно, в данном случае происходила номинация по внешнему виду. Нетипичная семантика, объединяющая значение внешности и определенного склада личности, как было отмечено, обусловлено «типажным» характером значения (см. стр. 131).

2. 9. ТМГ «Природные явления и объекты»

В данной группе будет представлена лексика, которая мотивирована наименованиями природных объектов и явлений.

Источником для лексики со значением недоброжелательности может становиться обозначение **грязи, мути**. Так, волог. *начмутить* ‘сплетнями вызвать ссоры, раздор, взаимное недоброжелательство’ [СРНГ 20: 290] образовано, вероятно, от *мутить*. Продолжения корня **mqt-* преимущественно имеют семантику нечистот (русс. *мут* ‘осадок (на дне сосуда, водоема) из находящихся в жидкости мелких, нерастворившихся частиц’, перен. ‘все грязное, нечистое, как бы являющееся осадком, поднимающимся на душе’, диал. *мут* сиб., смол., тул. ‘мутная, загрязненная вода, жижа’ [ЭССЯ 20: 139–140]). Таким образом, развитие значения могло происходить следующим образом: ‘загрязнить’ → ‘испортить отношения’. Возможно, что семантика грязи, нечистот соотносится также с семой ‘сплетни’, поскольку сплетни воспринимаются как нечто морально низкое, грязное, неприятное.

В «природный» код вписывается лексика, мотивированная **географической терминологией**. В пример можно привести архангельское слово *сóгра* в значении ‘недоброжелательный человек’: *Ну, сóгра человек. В нём и зло, и всякое слово может сказать, и зла пожелать. Недобрый человек* [КСГРС]. На той же территории (в Ленском районе Архангельской области) обнаруживается лексема *сóгра* со значениями ‘заболоченное место’, ‘сырое место’, ‘непроходимый лес’ и некоторыми другими [КСГРС]. Очевидно, что наименования плохого леса, заболоченных или сырых мест даёт экспрессию, благодаря которой происходит семантический сдвиг в сферу отрицательных характеристик человека, ср. также арх. *сóгра* ‘злой, своенравный человек’, ‘бранно (о человеке или животном)’ [КСГРС]⁸¹. В качестве семантико-мотивационной параллели можно привести перм. *кокóра* ‘о женщине недоброжелательной, неприязненно настроенной к другим’ [СПГ 1: 402] ← общенар. *кокорá* ‘дерево, вывороченное с корнем, коряга’ [ССРЛЯ 5: 1133].

Источником мотивации может служить указание на определенное **состояние природы**, как в ростов. *засентябреть* ‘взглянуть недоброжелательно, зло’ [СРДГ 2: 16], перм. *глядеть сентябрём* ‘быть хмурым; выражать неудовольствие, недружелюбие’ [ФСПГ: 81], ср. также литер. *смотреть сентябрём* ‘иметь хмурый, угрюмый, невесёлый вид’ [ССРЛЯ 13: 658]. Модель, основанная на сравнении состояния природы и настроения человека, широко известна в русском языке, ср. *солнечное настроение, хмурый вид* и т. д.

⁸¹ М. А. Овечкина, рассматривая волог. *сóгровый* ‘уродливый человек, нехороший человек’, костр. *шохра́* ‘ругательство’, предполагает их происхождение от *согра*, *шохра* ‘кривой чахлый лес’ и далее ‘лес на болоте’ при возникновении на определенном этапе семантического развития элемента экспрессии [Овечкина 1988: 103].

2. 10. К вопросу о темной и заимствованной лексике со значением неприязни

Не имеют на данный момент этимологических гипотез лексемы и фразеологизмы ряз. *понахаться* ‘пренебрегать кем-л., недолюбливать; издеваться над кем-л.’ [СРНГ 29: 251], волог. *как с колá рвать* ‘недружно, несогласно’ [СРГК 5: 502], костром. *косоты́риться, косо-ту́риться* ‘смотреть недоброжелательно, коситься’ [СГКЗ: 170], смол., курск., тул., калуж., за-урал., свердл., курган. *косоу́риться* ‘косо, недружелюбно смотреть на кого-либо; сердиться’ [СРНГ 15: 69–70], курск. *косоу́риться* ‘выражая недовольство, смотреть недружелюбно, неприветливо’, *косоу́рый* ‘недружелюбный, неприветливый’ [СКГ: 76].

& 3. Выводы

Анализ семантических и мотивационных отношений рассматриваемых в работе лексем позволяет выявить многомерную картину того, как возникает и развивается чувство неприязни, будучи отраженным в зеркале языка.

Обратимся к **общей оценке наполненности тематико-мотивационных групп**, которая представлена в таблице 2.

Таблица 2

ТМГ	Кол-во единиц *	
	%	слова
1 Соматика и перцепция	25	82
1. 1 Соматика	8	25
1. 2 Внешний вид	2	5
1. 3 Перцептивные ощущения	5	16
1. 4 Телесные ощущения	11	36
2 Эмоциональный, психический мир человека; поведение	36	115
2. 1 Эмоциональное состояние	13	43
2. 2 Воля, желание	2	5
2. 3 Поведение	21	67
3 Социальная жизнь	13	42

4 Общая оценка	3	10
5 Физические положения и перемещения	7	24
6 Материальная и духовная культура	5	17
6. 1 Материальные объекты	1	3
6. 2 Религия, конфессия, мифология	4	14
7 Общие свойства тел и веществ	1	4
8 Животный мир	7	23
9 Природные явления и объекты	2	5

* Процентное соотношение высчитывается от числа языковых фактов, рассмотренных нами в рамках лексического множества «Неприязнь».

Наиболее наполненной (среди всех других лексических множеств, реализующих семантику неприязни) является группа «Эмоциональный, психический мир человека; поведение». Однако обращает на себя внимание то, что бóльшая часть слов здесь (34 лексемы) приходится на продолжения корня **l'ub-*, ср. без указ. места *неслюбчивый* 'недружелюбный, неуживчивый' [СРНГ 21: 156], твер. *недолюбок* 'тот, кто недолюбливает других' [Селигер 4: 110]), *нелюб* 'нелюбимый муж или жених' [СРНГ 21: 74–75]. Безусловно, слова с данным корнем имеют ключевое значение для лексики неприязни, «нелюбви», ср. множество словообразовательных диалектизмов в этой группе: ленингр., свердл., том. *недолюбать* 'недолюбливать' [СРНГ 21: 24], пск. *неслюбить* 'невзлюбить' [ПОС 21: 240], перм. *недружелюбливый* 'недружелюбный' [СПГ 1: 587] и др.

Большая доля языковых фактов в рамках лексического множества «Неприязнь» приходится на подгруппу «Поведение». Во-первых, такое положение дел объясняется тем, что диалектное сознание ориентировано на конкретное, а не абстрактное восприятие действительности. Поведение в этом смысле оказывается буквально данным, в отличие от эмоционального мира, который скрыт от внешнего глаза. Люди могут не знать, что именно ощущает тот или иной человек, но его поступки, облик могут очень явно говорить об этом, именно поэтому представления о тех или иных внешних проявлениях чувств запечатлеваются во внутренней форме, ср. твер., ряз. *сурьёзный* 'угрюмый, необщительный, недружелюбный (о человеке)': *Ишь, ты какой сурьёзный и разговаривать со мной не хочешь* (твер.) [СРНГ 42: 291], перм. *косарина* 'о человеке, недружелюбно относящемся к кому-л., искоса глядящем на него': *Он настоящим косариной; Косариной называют часто у нас. Вот косится, злится один на другого* [Акчим 2: 68]. При этом поведенческие реакции нередко приводят к конфликтам, потому возникают экспрессивные, негативно окрашенные языковые единицы, ср. ср.-урал. *бутузиться* 'хмуро, недружелюбно

но смотреть’: *Вы чё бутузитесь?* [СРНГ 3: 314–315], бурят. *синдибобером глядеть* ‘смотреть на кого-л. зло, неприязненно’: *И нечего на меня синдибобером глядеть, все равно не получишь на бутылку* [СРНГ 37: 321].

Значительной наполненностью характеризуется ТМГ «Соматика и перцепция». Несмотря на то, что неприязнь более «ментальна» и в меньшей степени ориентирована на тело, нежели отвращение, телесные образы также характерны для данного лексического множества. Думается, это обусловлено, как отмечалось ранее, универсальным стремлением человека дать более определенное описание нечеткому, «призрачному» миру чувств: не только «ориентированному на тело» отвращению, но и другим эмоциям, которые даны также неявно. Например, среди лексических единиц с семантикой неприязни обнаруживаем «соматические» образы, однако, в отличие от лексического множества «Отвращение», здесь встречаем только образы сердца и души как центра эмоциональной жизни, ср. перм. *насёрдка* ‘недоброжелательность; злоба’ [СПГ 1: 568–569]. Если для лексики отвращения было характерно указание на разные перцепции (обоняние, слух, зрение), то неприязнь концептуализируется только через «зрительные» образы – перм. *незанавидеть* ‘невзлюбить’ [СПГ 1: 587].

С другой стороны, как отмечают психологи, максимально четко мир эмоций дан человеку в его телесных проявлениях, что обуславливает обращение языкового сознания к лексике именно этой группы. Ср., например, уподобление негативных чувств, вызываемых контактом с кем-л., неприятным телесным ощущениям, как в волог. *суты́рить* ‘жить недружно, в ссорах’ [СРНГ 42: 323] (от *тереть*), карел. *осту́да пала (на сердце)* ‘появилась обида, неприязнь к кому-либо’ [СРНГ 24: 91–92]. При этом данная модель является общей с лексикой отвращения, не будучи специфичной и маркируя негативное ощущение как таковое.

Еще одна группа, имеющая большую наполненность, состоит из лексем, мотивированных различными обозначениями из сферы социального существования человека. Ключевой здесь является идея разобщения, чуждости между людьми, членами общества при возникновении недоброжелательности, что обнаруживается в разных мотивах: мотив непринадлежности к «своему» сообществу⁸² (арх. *несво́чатый* ‘о недружелюбном, замкнутом человеке; о человеке, который не поддерживает семейные отношения’ [КСГРС] (← *не свой*), карел. *несою́зный* ‘неприветливый, недружный’ [СРГК 4: 13]), мотив пространственного разделения (волог., арх., перм., сиб. *угла́н* ‘угрюмый, недоброжелательный, злой человек’ [СРНГ 46: 201–202], перм. *под поро́гом жить (расти́)* ‘быть нелюбимым, презиаемым членом семья’ [ФСРГНП 2: 188]), мо-

⁸² Во многом этот мотив воплощает древняя лексика, очевидно, содержащая негативные представления о чужом, как, например, слова с корнем *-друг-* (арх. *недру́жливый* ‘недружный’ [СРНГ 21: 37], *несдру́жливый* без указ. места ‘недружелюбный, неприветливый’ [Там же: 150]), *-мил-* (волог. *несми́ла* ‘недружелюбно’ [КСГРС]), тем не менее здесь присутствует множество слов, которые реализуют мотив «чуждости» на более современном этапе, ярсл. *чужа́к* ‘нелюбимый человек в семье’ [ЯОС 10: 63], арх. *несусе́дливый* ‘недружный’ [СРНГ 21: 169], а также примеры дальше по тексту.

тив несоответствия поведения общепринятым правилам (без указ. места *нѣлюд* ‘дурной народ, недоброжелательные люди’ [СРНГ 21: 75]).

Мотивирующими для лексики со значением неприязни могут становиться слова, называющие различные действия, необходимые для поддержания добрых взаимоотношений в обществе, как, например, необходимость советоваться (арх. *несовѣтно* ‘несогласно, недружно’ [СРНГ 21: 158]), приходить к согласию (пск. *несоглѣсный* ‘недружный’ [ПОС 21: 242]). Обратим внимание на то, что в лексическом множестве «Отвращение», которое рассматривалось ранее, тоже отражены представления о необходимости соблюдать некоторые общественные правила (прием угощения и доброжелательное поведение в чужом доме) – и брезгливый человек нарушает эти нормы (костр. *расплѣвывать* ‘выражать отвращение, плевать’ [СРНГ 34: 170] ← общенар. *плевѣть*; перм. *копоскѣй* ‘брезгливый’ [СРНГ 14: 293-294] ← праслав. **koposati* [ЭС-СЯ 11: 23], ср. др.-русс., русск.-цслав. *копосати* ‘копошиться, копать’ [Там же]). Тем не менее для лексики отвращения не характерен мотив своего – чужого; очевидно, что брезгливость со стороны кого-л., хоть и получает общественное осуждение, но в зеркале языка не ведет к прерыванию социальных связей и исключения из общества.

Следует обратиться к наиболее **устойчивым мотивам, проходящим через все лексическое множество.**

Подобно тому, как это было в случае с отвращением, возникновение неприязни сопоставляется с появлением неприятных ощущений в теле, то есть реализуется перенос **‘ощущать дискомфорт’ → ‘испытывать неприязнь’**. Такой переход обнаруживаем, например, в перм. *зѹбы заторѣщило* ‘появилось чувство неприязни’ [ФСНГ: 133], смол. *постѣльство* ‘ссора, охлаждение, нелюбовь’ [СОС: 684], сиб., иркут., онеж., арх. *отстѹда* ‘охлаждение в отношениях, разлад, неприязнь’ [СРНГ 24: 326]. Сюда же обозначения психологического дискомфорта: ворон. *сѹхотѣ* ‘нелюбимый, постылый человек’ [СРНГ 43: 24–26] ← диал. шир. распр. *сѹхѣта*, *сѹхотѣ* ‘грусть, печаль, тоска (обычно любовная)’ [Там же].

Данный мотив особенно характерен для лексики, называющей ситуацию, в которой человек испытывает отвращение, в чуть меньшей мере для лексического множества «Неприязнь» и совсем не характерен для лексики вражды. Очевидно, это связано с тем, что отвращение – наиболее непосредственная реакция человека на что-л., в то время как неприязнь более ментальна, она в большей степени связана с оценкой. Когда же речь идет о вражде, говорится не только о чувстве, но и об определенном типе взаимоотношений, типе поведения, и в таком случае «анализ» эмоции отходит на второй план.

Наиболее многочисленна модель, описывающая **избегание контакта с тем, что вызывает чувство неприязни**. Субъект ощущения может прерывать зрительный контакт (арх. *нѣнавидѣсть* ‘ненависть, неприязнь’ [КСГРС], перм. *на глазѣ не принимѣть* ‘испытывать силь-

ную неприязнь к кому-, чему-л.’ [ФСПГ: 295]). Языковые факты указывают на мотив отворота (новг. *отвороти́ть* ‘о чувстве неприязни к кому-л.’ [НОС: 751]), мотив отдаления (арх. *отки́дывать* ‘недолюбливать’ [КСГРС]), мотив неспособности сойтись (новг. *несведённый* ‘недружный, склонный к ссоре (о ребенке)’ [СРНГ 21: 148], волог. *непадко́й* ‘нерасположенный’ [Дилакторский: 291], волог. *врозкомелицу жить* ‘несогласно, недружно’ ← ‘комлями врозь, в разные стороны’ [СРНГ 5: 194]). Сюда же можно отнести идею неспособности неприязненно настроенного человека находиться в одном пространстве с объектом своей неприязни (перм. *ноги не замёты́вать* ‘не бывать у кого-л. в знак выражения неприязни’ [ФСПГ: 131], сиб. *разгоні́-бесёду* ‘о человеке, неприятном, не умеющем вести себя в обществе’ [СРНГ 33: 309]).

Близок к мотиву избегания контакта **мотив чуждости** того, кто вызывает недоброжелательное отношение. В частности, данный мотив может высказываться напрямую, когда корни слов эксплицируют идею своего / чужого (арх. *несво́чатый* ‘о недружелюбном, замкнутом человеке; о человеке, который не поддерживает семейные отношения’ [КСГРС] (< *не свой*), яросл. *чужа́к* ‘нелюбимый человек в семье’ [ЯОС 10: 63], карел. *несою́зный* ‘неприветливый, недружный’ [СРГК 4: 13]). С другой стороны, данная идея многообразно выражается в пространственных образах, ср., например, волог., новг. *супро́тивный, супро́тивной* ‘постылый’ [СРГК 6: 398]. Появляется семантика «социального пространства», когда недоброжелательно настроенные люди не могут существовать в одном помещении, ср. волог., арх., перм., сиб. *угла́н* ‘угрюмый, недоброжелательный, злой человек’ [СРНГ 46: 201–202], перм. *сиде́ть на заперте́ (на крючке́, под бадогáми)* ‘жить за постоянно замкнутой дверью, что является символом негостеприимства, недружелюбия’ [ФСПГ: 329–330].

Значим **мотив поведенческого выражения чувства неприязни**. Отмечается недоброжелательный взгляд неприязненно настроенного человека (мурман. *косу́ха* ‘та, которая злая, недружелюбная’ [ЖРКП: 73], бурят. *сгля́дный* ‘недоброжелательный, неразговорчивый’ [СРНГ 37: 22]), вербальное выражение недовольства (ср.-урал. *бу́лькать* ‘говорить что-н. невнятно и недружелюбно’ [СРГСУ 1: 60]; перм. *поноси́ться* ‘относиться с нелюбовью’ [СПГ 2: 167], ср. *поноси́ть* ‘оскорбительно ругать’). Частым выражением неприязни становятся ссоры и споры, ср. карел. *спо́рный* ‘недружный’ [СРГК 6: 267], томск. *рассо́рка* ‘взаимное неприятие, вызванное серьезной размолвкой’ [ПСДЯЛ 3: 290], смол. *сло́во собаки скро́зь сгороду (жить)* ‘недружно (жить)’ [СРНГ 38: 296]. Сюда же относятся слова, содержащие во внутренней форме представления о необходимых для поддержания непротиворечивого общежития форм взаимодействия, таких как стремление посоветоваться, достичь обоюдного согласия, ср. самар., смол., пск., костр. *несове́тный* ‘несогласный, недружный’ [СРНГ 21: 158], *несогла́сный* пск. ‘недружный’ [ПОС 21: 242], орл. *необобо́дный* ‘недоброжелательно, неприязненно относящийся к кому-л.; недружелюбный’ [СОГ 7: 110].

Еще один сквозной мотив, тесно связанный с предыдущим, – это мотив **причинения вреда друг другу неприязненно настроенными людьми**. Так, например, враждебные действия могут осуществляться субъектом *недоброжелательности* по отношению к объекту (арх. *за́едливый* ‘недоброжелательный, злой’ [АОС 16: 347], печор. *как злая мельница* ‘недоброжелательный, злой человек’ [ФСРГНП 1: 308], перм. *вредительница* ‘недоброжелательная, неприязненно настроенная женщина’ [СРГСПК: 288], морд. *топором* ‘недружелюбно, злобно’ [СРГМ II: 47]). Однако ситуация может быть и обратной, когда объект совершает те или иные действия, которые вызывают у субъекта неприязнь (новг. *щекотливый* ‘вызывающий неприязнь своим поведением’ [СРГК 6: 927]). При описании недоброжелательных взаимоотношений действия двунаправленны: волог. *суты́рить* ‘жить недружно, в ссорах’ [СРНГ 42: 323], ср. общерус. *тереть*, т. е. причинять друг другу дискомфорт; арх. *забодаться* ‘о недружном совместном проживании’ [АОС 15: 120–121].

Если говорить о номинациях субъекта ощущения, то есть неприязненно настроенных людей, то обращает на себя внимание **мотив особого внешнего вида недоброжелателя**. Во внутренней форме слов содержится упоминание различных внешних свойств человека, например, волог. *серьёзный* ‘суровый, недоброжелательный’ [СРГК 6: 74–75]), чит. *вислобро́вый* ‘хмурый, недоброжелательный, глядящий исподлобья’ [СГРСБС 7: 258], ворон. *кара́ка* ‘о недоброжелательных и потому нелюбимых всеми людьми’ [СРНГ 13: 70], ср. ворон. *Кара́ка* ‘прозвище черноволосого, смуглого человека’ [Там же]. Несмотря на то, что данная модель реализуется немногочисленными фактами, она обращает на себя внимание, поскольку для лексических множеств «Отвращение» и «Вражда» она нехарактерна.

С точки зрения лингвопрагматики при номинации **субъекта** чувствования могут использоваться различные модели. Во-первых, поскольку субъектом ситуации является человек, испытывающий эмоцию, то номинация может указывать на его чувства (арх. *безжела́нный* ‘недоброжелательный’ [АОС 1: 148]; твер. *насердник*, орл. *насе́рдник* ‘тот, кто имеет злобу, неприязнь, осаду на кого-л.’ [СРНГ 20: 159], т. е. тот, у кого *на сердце* есть эмоция).

С другой стороны, поскольку *неприязнь* направлена обязательно к кому-либо, поскольку ее проявление всегда заметно и влечет за собой определенные изменения в общественных отношениях, то во внутренней форме может фиксироваться точка зрения общества или даже объекта неприятия, которые определенным образом оценивают недружелюбно настроенного человека. Недоброжелателю могут приписываться определенные особенности внешнего вида (читинск. *вислобро́вый* ‘хмурый, недоброжелательный, глядящий исподлобья’ [СГРСБС 7: 258]; ворон. *кара́ка* ‘о недоброжелательных и потому нелюбимых всеми людьми’ [СРНГ 13: 70], ср. ворон. *Кара́ка* ‘прозвище черноволосого, смуглого человека’ [СРНГ 13: 70]), черты характера (смол. *круте́ль* ‘злой, недоброжелательный человек’ [СРНГ 15: 324], ср. *крутой характер*) и

поведения (бурят. *сгя́дний* ‘недоброжелательный; неразговорчивый’ [СРНГ 37: 22], пск. *невёжливый* ‘недоброжелательный’ [ПОС 21: 30]). Иногда во внутренней форме закрепляются оценки неприязненно настроенного человека со стороны других людей, например, указание на его чуждость, как в арх. *несво́чатый* ‘о недружелюбном, замкнутом человеке; о человеке, который не поддерживает семейные отношения’ [КСГРС] (← *не свой*), ср.-урал. *несою́зной* ‘неуживчивый, недружелюбный’ [СРГСУ 2: 206]), эмоции, которые он вызывает у других (сарат. *от кого-л. стужей несет* ‘о человеке, неприязненно относящемся к кому-л.’ [СРНГ 42: 77]).

Номинации **объекта** зачастую отражают точку зрения наблюдателя, субъекта ощущения, поэтому во внутренней форме чаще всего фиксируются не какие-либо свойства объекта, а факт эмоционального отношения к нему (ворон. *сuxotá* ‘нелюбимый, постылый человек’ [СРНГ 43: 24–26] ← диал. шир. распр. *сuxóta, сuxotá* ‘грусть, печаль, тоска (обычно любовная)’ [Там же]; арх., костром., смол., свердл. *нѣлюб* ‘нелюбимый муж или жених’ [СРНГ 21: 74–75]), в редких случаях – оценка объекта (новг. *неблагóжий* ‘непорядочный, несимпатичный’ [СРНГ 20: 317]) и действия, направленные на объекта, со стороны субъекта (ср.-урал. *забѣ́тко* ‘забытый, нелюбимый в семье ребенок’ [СРГСУ/Д: 160] от общерус. *забыть* при аттракции к *бить*).

Могут обозначаться и определенные черты характера и поведения объекта: моск. *пасты́рь*, волог. *пáстырь* ‘надоевший, постылый человек’ [СРНГ 25: 268] (от *паст* по модели ‘тот, кто пасет; пастух’ → ‘тот, кто неотступно следует’ → ‘тот, который надоел, опостылел’); прикам. *шѣ́хопоть* ‘о неприятных, невоспитанных’ [СРГЮП 2: 400], которое связано с волог. *шѣ́хободь, шѣ́хоботь, шѣ́хобот* ‘ссора, скандал’ [СВГ 12: 109], рус. карел. *шѣ́хобить* ‘устраивать скандал’ [СРГК 6: 922]. В данном случае видится совмещение объективного и субъективного. Так, Л. П. Дронова, говоря о языковой категории оценки, отмечает, что «субъект, оценивая предметы или события, опирается, с одной стороны, на свое отношение к объекту оценки (“нравится / не нравится”), а с другой – на стереотипные представления об объекте и шкалу оценок, на которой расположены присущие объекту признаки» [Дронова 2006: 11]

Во внутренней форме лексем, номинирующих **чувство неприязни**, выявить точку зрения сложнее. В некоторых случаях с большей степенью вероятности следует предполагать участие субъекта ощущения в номинативном процессе, например, при указании во внутренней форме лексем на характеристики эмоции: на представления о «месте» её протекания (смол. *насѣ́рдие* ‘вражда, неприязнь’ [ССГ 7: 42]); сопровождающие её физические ощущения (перм. *зубы заторóщи́ло* ‘у кого-л. появилось чувство неприязни’ [СПГ 1: 312]) и т. д. С другой стороны, мы находим и лексем, в которых обнаруживается сторонняя точка зрения. Чаще всего это указание на поведение недоброжелательно настроенных людей: перм. *поно́ситься* ‘относиться с нелюбовью’ [СПГ 2: 167] (ср. общерус. *поносить*), арх. *врѣ́да* ‘недоброжелательность, злость’ [АОС 6–7: 19].

Глава 3. Семантико-мотивационное своеобразие русской диалектной лексики со значением вражды

В третьей главе описывается лексика с семантикой вражды. По структуре данная глава совпадает с предыдущими. В первом параграфе говорится о том, какие смыслы представлены в семантической структуре слов, образующих лексическое множество «Вражда» в русских диалектах; даются некоторые комментарии относительно ключевых семантических особенностей избранных для анализа слов. Далее, во втором параграфе, приводятся тематико-мотивационные группы, которые функционируют в рамках названного лексического множества, а именно «Соматика и перцепция, «Эмоциональный, психический мир человека; поведение», «Социальная жизнь», «Общая оценка», «Физические положения и перемещения», «Материальная и духовная культура», «Общие свойства тел и вещества», «Животный мир», «Природные явления и объекты». В третьем параграфе делаются выводы.

& 1. Прототипическая ситуация вражды и ее языковое воплощение

Эмоциональные межличностные отношения и поведенческое выражение эмоционального отношения

Эмоциональные межличностные отношения и поведенческое выражение эмоционального отношения представляют собой центр прототипической ситуации вражды.

Ключевыми единицами литературного языка (которые будут выступать в роли элементов толкования при работе с диалектным материалом и служить единицами метаязыка описания) станут лексемы *вражда*, *враждовать*, а также *соперничество*, *соперничать*.

Враждовать определяется как 'быть во вражде с кем-, чем-, против кого-, чего-либо и т. п.; проявлять нерасположение' [ССРЛЯ 2: 788]. *Вражда* 'отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью; недоброжелательство' [Там же: 786].

Соперничать. 1. 'стремиться превзойти кого-либо в чем-нибудь, победить в борьбе за что-либо, в достижении чего-либо, состязаться' // 'добиваться любви какой-либо женщины (мужчины) наряду с кем-либо'; 2. 'обладать одинаковыми с кем-, чем-либо качествами, равными достоинствами; не уступать в каких-либо качествах, достоинствах' [ССРЛЯ 14: 290–291]. *Соперничество* 'действие по знач. глаг. соперничать: стремление победить, превзойти кого-либо в чем-либо' [Там же: 291].

Лексемы *соперничать* и *враждовать* объединяются на основании сем «быть связанными в одной сфере действительности», «иметь противоположные цели или взгляды», «занимать противоположные позиции», «постоянно совершать действия, направленные друг против друга». В то же время данные слова отличаются по ряду параметров, в том числе по интенсивности испытываемых эмоций. Когда мы говорим о *соперничестве*, фокус скорее сосредоточен на азарте и стремлении достичь определенной цели.

Наиболее близким к понятию *вражды* будет понятие **социального соперничества**, которое в традиционном социуме проявляется главным образом в сфере любви и любовного выбора. Необходимо отметить, что другие сферы противостояния (такие как, скажем, соперничество в труде) практически не отмечаются в диалектах на уровне прямого выражения понятий. Приведем пример. В костромских говорах находим лексемы, которые называют человека, отстающего на покосе или в поле, – *килан*, *килунья* [ЛКТЭ]. Существуют определенные вербальные формулы, которые направлены на осуждение или осмеяние плохого работника: *кíла* $\diamond$ *вам кíла* ‘ритуальная угроза человеку отстающему на покосе’: *Они вперёд закончили. «Вам кíла», – говорят. Это они нам кíлу подвёсили. Мы остались, мы килань; килá* $\diamond$ *килú натяну́ть* ‘угроза отстающему работнику’: *Ты что отстаешь, тебе что, килú натяну́ть?*; *кíла* $\diamond$ *кíла вам* ‘речевая формула, адресованная отстающим в работе; в современный период воспринимается как шутливая’: *Например, две бригады работают. Одни закончат раньше, а другие еще нет. Те, которые закончили, кричат им: «Кíла вам!». Это значит: «Вы слабее, мы – сильнее». Да и сейчас шутят так. Если закончили раньше: «Кíла вам! Это шутливо»* [ЛКТЭ]. Однако, несмотря на это, все же непосредственного лексического выражения «трудового» соперничества, как кажется, не обнаруживается. В то же время идея соперничества в любви воплощается в номинациях весьма «полнокровно». В семантике соответствующих слов не только отражается очевидное противостояние в достижении цели, но и присутствует идея негативного эмоционального отношения, ср. новг. *поперéчница* ‘соперница’: *Вот супостат-то приехал и с подругой стал гулять. Я её, поперечницу, до самой её смерти ненавидела* [НОС: 905] (выделено нами. – Я. М.). Именно поэтому (а также по причине значимости данной ситуации в деревенском социуме) в поле нашего дальнейшего внимания будет та часть семантического пространства, которая связана с соперничеством в любви, а слова *соперничать*, *соперничество* будут рассматриваться только в значениях, связанных со сферой любви и любовного выбора.

Забегая вперед, к описанию участников враждебного противостояния, отметим, что мы находим практически равное число обозначений врагов (49 %) и соперников (в 51 %) в диалектах⁸³. Причем обозначения из сферы вражды очень неоднородны. Обнаруживается лексика, функционирующая в речи диалектоносителей и описывающая как бытовые конфликты (ср.-

⁸³ Подсчет производился среди всех собранных нами слов с дефинициями ‘враг’ и ‘соперник’ соответственно.

урал. *сведённики* ‘враги’: *Че вы, как сведенники, всё аркается* [СРГСУ 5: 116]), так и военные столкновения (новг. *вóрог* ‘враг’: *В войну церковь ворог разбомбил* [НОС: 126]). С другой стороны, значителен пласт лексем, зафиксированных лексикографической литературой из фольклора, главным образом, исторических песен и былин (ср., например, перм. *супостáтель* ‘супостат, неприятель, враг’: *Уж мы ждали неприятеля, Неприятеля да супостателя короля шведского* [СРНГ 42: 256]; олон. *супротівничек* ‘противник, враг, неприятель’: *А в Киеве родился могуч богатырь, Тебе царю супротивничек* [СРНГ 42: 263]).

Лексика из сферы соперничества гораздо более однородна, что говорит об устойчивости данного концепта. Большинство наименований соперничества и соперников в любви, как кажется, функционирует в рамках особого фольклорного жанра – *наветки*. Наветка представляет собой частушку, в которой содержится информация о любовных взаимоотношениях в рамках данного общества с непременным осуждением измены одного из возлюбленных и причины этой измены. Детальный анализ данного жанра был проведен Е. Л. Березович и Т. В. Леонтьевой [Березович, Леонтьева 2016, 2017]. Формой любовного противостояния соперниц является частушечный агон, то есть частушечное состязание на вечернем собрании молодежи: «частушка – публичная форма оповещения о том, кто и с кем в качестве милого / милой и кто кому соперник в группе на данный момент» [Адоньева 2004: 156]. Примеры наветок: волог. *А перебейку Аннушку / Запереть бы в банюшку, / На железный на пробой, / Не ходи на перебой!* [КСГРС]; яросл. *Лиходеечки не знала / Что за лиходеечка. / На гулянье увидала – Симпатична девочка* [СРНГ 17: 78]; костр. *Супыстаточка за дroleчку / Паленом хочет бить. / Я супыстаточки сказала: / Всё равно буду любить* [СГКЗ: 371].

Стоит признать особую роль наветок в лексикализации понятия соперничества⁸⁴: регулярно упоминая соперниц в этих крайне популярных для народной культуры текстах, носители языка начинают использовать данные лексемы и в «повседневной речи». Как отмечает С. Б. Адоньева, «определение ролей при описании отношений между девушками и парнями в спонтанной диалогической речи заимствуется из частушечного словаря [Адоньева 2004: 160].

В завершение оговорим особенности работы с фольклорным материалом. Безусловно, фольклорная лексика имеет определенную специфику и должна рассматриваться не только как элемент лексической системы национального языка, но и в контексте жанровой картины мира, обладающей отличиями от языковой картины.

Тема вражды занимает важнейшее место в фольклоре, например, в былинах, исторических песнях и преданиях. Тем не менее лексические единицы из текстов этих жанров будут за-

⁸⁴ Более подробно о представлении соперничества в любви в языке с точки зрения семантического устройства данного фрагмента лексической системы, мотивационных отношений лексем, а также социального типажа соперницы, явленного в диалектных текстах, см. [Малькова 2019].

тронуты в данной работе лишь обзорно – в том небольшом объеме, в котором они фиксируются в лексикографической литературе, в то время как «частушечная» лексика соперничества будет рассматриваться нами более подробно. Такой фокус внимания можно объяснить исследовательской установкой на изучении **личного опыта человека** (о чем было сказано во введении). Тексты наветок непосредственно вплетены в жизнь социума, это тот жанр, который содержит непосредственные, живые эмоции исполнителя (см. об эмоциональном мире исполнительниц наветок, например, [Березович, Леонтьева 2016: 49–50]). В то же время такие жанры, как былины, исторические песни очень отдалены в историческом времени, а потому личный эмоциональный опыт здесь или не подключается или подключается в значительно меньшей степени.

Итак, представим извлеченные из лексикографической литературы и текстов частушек слова, которые называют вражду, соперничество между кем-л.

Диалектные слова с КГС ‘предметность’:

- ‘вражда’: ‘вражда’ (ленингр. *кось* [СРГК 2: 446]), ‘рознь, несогласие, вражда’ (волог. *раз-ра́та* [Дилакторский: 430]), ‘раздор, вражда’ (без указ. места *разру́ха* [СРНГ 34: 66]), ‘война, состояние вражды, борьба с кем-л.’ (р. Урал *размире́ние* [СРНГ 34: 22]), ‘ссора, обида, вражда’ (вят. *осе́рдка* [ОСВГ 7: 120]), ‘ссора, брань, вражда’ (влад. *за́надра* [СРНГ 10: 273]), ‘вражда, ссора’ (ворон. *заусо́бица* [СРНГ 11: 135]), ‘ссора, вражда, драка’ (костром. *скле́ма* [СРНГ 38: 23]), ‘вражда, ненависть, злоба’ (тамб., ряз., дон. *ре́нка* [СРНГ 35: 64–65];
- ‘соперничество в любви’ (смол. *перебо́й* [ССГ 8: 32]).

Диалектные слова с КГС ‘процессуальность’:

- ‘враждовать’: ‘враждовать’ (арх. *в занóзе быть* [АОС 18: 217]), ‘враждебно относиться друг к другу’ (нижнепечор. *как соба́ка да росомáха жить* [ФСРГНП 1: 332]), ‘враждовать, вредить, делать зло кому-л.’ (без указ. места *вра́жить* [СРНГ 5: 183]), ‘ссориться, браниться, враждовать’ (без указ. места *сва́диться* [СРНГ 36: 201]);
- ‘соперничать в любви’ (яросл. *идти на перебой* [ЯОС 4: 133]).

Диалектные слова с КГС ‘признаковость’:

- ‘о состоянии вражды’: ‘о враждебных отношениях’ (арх. *взубо́к* [АОС 4: 75]), ‘в состоянии спора, ссоры, вражды’ (арх. *в зади́р* [АОС 16: 246]).

В рамках компонента прототипической ситуации «Эмоциональные межличностные отношения и поведенческое выражение эмоционального отношения» стоит рассматривать и глаголы поведения с семантикой ‘вести себя враждебно’, а также наречия образа действия со значением ‘враждебно’.

Диалектные слова с КГС ‘процессуальность’:

- ‘вести себя враждебно’: ‘проявить враждебность, злобность по отношению к кому-либо’ (пск. *сбры́ситься* [СРНГ 36: 190]), ‘начать проявлять враждебность, недоброжелательность’ (арх. *забесі́ться* [АОС 15: 58]), частные проявления: ‘смотреть угрюмо, враждебно, волком’ (костром. *смотреть копрóм* [СРНГ 14: 297]).

Диалектные слова с КГС «признаковость»:

- ‘враждебно’: ‘враждебно, неприветливо’ (арх. *втычкі́* [АОС 6–7: 82]); частные проявления: ‘неприятенно, враждебно, в штыки’ (перм. *в ко́шки-дебóшки* [ФСПГ: 179–180]), ‘враждебно, устремляясь в драку’ (смол. *навгрудки* [ССГ 6: 139]).

Субъект эмоционального отношения

Основными лексическими репрезентациями понятия в литературном языке являются лексемы *враг*, а также *противник*, *недруг*, *неприятель*. Если говорить о соперничестве, то здесь субъекта будут обозначать слова *соперник*, *соперница*. Сюда же примыкает лексема, которая характеризует эмоции субъекта вражды или черты его действия, а именно *враждебный*.

Враг. 1. ‘Кто-либо враждебно относящийся к кому-либо; противник, недруг’ // перен. ‘идейный враг’;

2. ‘противник существующего общественного политического строя’;

3. ‘неприятель, противник на войне, в военных действиях’

[ССРЛЯ 2: 785–786].

Противник. 1. ‘Человек, относящийся враждебно или отрицательно к кому-, чему-либо; враг’;

2. ‘неприятельские вооруженные силы; неприятель’;

3. ‘человек, стремящийся победить другого (в соре, стычке, драке); соперник’ // ‘участник дуэли (в отношении к другому ее участнику)’

[ССРЛЯ 11: 1450].

Недруг. 1. ‘Человек, враждебно, неприятенно относящийся к кому-либо; враг’;

2. народно-поэт. ‘неприятель, противник в военных действиях’

[ССРЛЯ 7: 857–858].

Неприятель. 1. ‘Войска воюющей противной стороны; противник’;

2. ‘человек, неприятенно, враждебно относящийся к кому-, чему-нибудь’

[ССРЛЯ 7: 1107].

Нас в данной работе будут интересовать два значения – ‘человек, враждебно относящийся к кому-л.’ и ‘противник в военных действиях’. Как кажется, значения ‘противник существующего общественного политического строя’ и ‘идейный враг’ не обладают активностью в пространстве русских диалектов (за очень редкими исключениями, ср. ирк. *вражі́на* ‘враг, недоброжелатель’: *Я двадцать пять лет на Колыме отсидел как враг. Репрессировали, всё отобрали и на Колыму меня <...> Нас всё боялись, мы же, такая кличка была – вражина, контрик* [СГР-СБС 8: 390]).

Лексемы с семантикой ‘соперник’, ‘соперница’ будут рассматриваться только в значениях из сферы противостояния в любви.

Диалектные слова с КГС ‘предметность’:

- ‘противник в военных действиях’: ‘враг’ (новг. *вóрог*: *В войну церковь ворог разбомбил* [НОС: 126]), ‘противник, враг, неприятель’ (диал. шир. распр. *супротівник* [СРНГ 42: 262]), ‘супостат, неприятель, враг’ (олон. *супостáтовья* [СРНГ 42: 256]), ‘враг, противник’ (забайкал. *барзут* [СРГЗ: 60]), ‘противник в бою’ (онеж. *убóин* [СРНГ 46: 130]);
- ‘человек, враждебно относящийся к кому-либо’: ‘враг’ (нижегор. *вóрог*: *Люди-то все как вóроги стали* [ДСНО 2: 125]), ‘недруг, враг’ (морд. *пéрвый друг после Гітлера* [СРГМ/Д: 125]), ‘противник, враг’ (брян. *антихрист* [СБГ 1: 18]), ‘враг, зложелатель’ (без указ. места *лихóй* [СРНГ 17: 78]), ‘недоброжелатель, враг’ (пенз. *скес* [СРНГ 37: 409]), ‘враг, злодей, неприятель’ (волог. *вóрог* [Дилакторский: 65]), ‘постоянно ссорящиеся между собой люди; враги’ (сиб., свердл., перм. *сведéники* [СРНГ 36: 24]), ‘женск. к противник, враг, неприятель’ (новг., твер., пск., смол. *супротівница* [СРНГ 42: 262]);
- ‘соперник в любви’: ‘соперник (в любви)’ (заурал., ср.-урал. *грубиян* [СРНГ 7: 156]), ‘соперник в любви; молодой человек, который стремится, возбуждая симпатию, любовь к себе заставить разлюбить другого’ (волог. *перебóйник* [СВГ 7: 28]), ‘соперница в любви’ (новг., ленингр., волог., яросл., орл. *супостáтка* [СРНГ 42: 256]), ‘девушка, стремящаяся отбить парня у другой девушки’ (волог. *перебёюшка* [СРГК 4: 429]), ‘любовница; соперница’ (смол. *пáсестра* [ССГ 8: 17]), ‘разлучница, соперница’ (костром. *перебóрица* [СГКЗ: 273]).

Диалектные слова с КГС ‘признаковость’:

- ‘враждебно настроенный’: ‘враждебный, недоброжелательный’ (арх. *вра́жеской* [АОС 6–7: 14]), ‘враждебный’ (курск. *косóй* [СРНГ 15: 64–65]), ‘недоброжелательный, враждебно настроенный’ (твер. *ненавістный* [Селигер 4: 117]), ‘склонный к вражде, к ссорам’ (орл. *немиру́щий* [СОГ 7: 105–106]), ‘злой, враждебный’ (волог. *лихóй* [СГРС 7: 108]).

Каузатор враждебных межличностных отношений и действия, направленные на возбуждение негативного эмоционального отношения

Названный компонент прототипической ситуации можно выделить ввиду частотности появления в диалектах лексических фактов со значениями ‘человек, сеющий вражду, способствующий возникновению крайне негативного эмоционального отношения’, ‘вызывающий вражду’, ‘вызывать вражду’. Его особенность заключается в том, что данный участник ситуации сам не является носителем эмоционального ощущения или его объектом.

Диалектные слова с КГС ‘процессуальность’:

- ‘разжигать вражду’: ‘возбудить вражду, поссорить’ (орл. *смустіть* [СРНГ 39: 61]), ‘враждебно настроить кого-либо, вызвать ненависть, озлобленность’ (ирк. *обостріть* [ИОС 2: 79]); частные проявления: ‘наговаривать, злословить, лгать с целью породить вражду и озлобление’ (помор. *насыка́ть* [Дуров 2011: 244]), ‘подстрекать кого-л. к враждебным действиям’ (волог., костром., пск., вят., иркут., сиб. *у́ськать* [СРНГ 48: 135]).

Диалектные слова с КГС ‘предметность’:

- ‘человек, сеющий вражду’: ‘человек, любящий сеять раздор, вражду’ (прибайкал. *подсеву́ха* [СРНГ 28: 176]), ‘человек, вносящий (в коллектив, семью) ссору, вражду’ (Киргиз ССР *разра́тник* [СРНГ 34: 61]), ‘о человеке, поступки и поведение которого становятся причиной вражды между людьми’ (вят. *сатана́* [СРНГ 36: 150]).

Диалектные слова с КГС ‘признак’:

- ‘вызывающий вражду, ссоры сплетнями’ (олон. *смутлі́вый* [СРНГ 39: 62]).

В применении к лексическому множеству «Вражда» можно выделить следующие компоненты прототипической ситуации: «эмоциональные межличностные отношения и поведенческое выражение эмоционального отношения», «субъект эмоционального отношения», «каузатор враждебных межличностных отношений и действия, направленные на возбуждение негативного эмоционального отношения». Наибольшее число лексем здесь называет субъектов враждебных взаимоотношений. Чуть меньше языковых фактов приходится на компонент прототипической ситуации «эмоциональные межличностные отношения и поведенческое выражение эмоционального отношения». Меньше всего слов называет человека, разжигающего вражду, и действия, направленные на возбуждение вражды.

& 2. Мотивационный анализ лексики со значением вражды

2. 1. ТМГ «Соматика и перцепция»

Как уже было неоднократно отмечено, понятие *вражды* является сложным образованием, которое включает в себя как наименование комплекса действий, так и определенного эмоционального отношения. Именно поэтому вражда может концептуализироваться с помощью обозначений органов человеческого тела и перцептивных ощущений и реакций.

2. 1. 1. Соматика

Недоброжелательное отношение связано, по данным языка, с **сердцем**: башк. *сердцá* ‘быть во враждебных отношениях с кем-л.’ [СРГБашк: 310], вят. *осёрдка* ‘гнев; ссора, вражда’ [СРНГ 23: 371], вят. *осёржка, осёрдка* ‘ссора, обида, вражда’ [ОСВГ 7: 120], ряз., дон., омск. *в (во) сердца́х* (*быть, находиться, жить и т.п.*) *с кем-л.* ‘быть, находиться, жить и т.п. в состоянии ссоры, вражды с кем-л.’ [СРНГ 37: 193], пск. *между сердца (у кого)* ‘о состоянии ссоры, вражды между кем-л.’ [СППП: 69]. Языковые факты могут также указывать на расположение эмоции *на сердце*: арх. *насёрдка* ‘действия по злости и вражде’ [Грандилевский: 206], тамб. *на-серди́м* ‘недоброжелатель, враг’, *насерди́мка* ‘недоброжелательница, враг’ [СРНГ 20: 158]⁸⁵, перм. *насёрдие* ‘вражда, неприязнь’ [СПГ 1: 568], пск. *по насёрдке (насёрдке)* ‘имея неприязнь, вражду к кому-н.’ [ПОС 20: 260].

2. 1. 2. Телесные ощущения

Источником мотивации для обозначения вражды может становиться лексика со значением **физического дискомфорта, боли**, как в арх. *в занóзе быть* ‘враждовать с кем-н.’ [АОС 18: 217], иркут. *обостри́ться* ‘враждебно настроиться, разозлиться на кого-л.’ [СРНГ 22: 183], чит. *обостря́ть* ‘злить, настраивать людей враждебно друг к другу’ [СРГПриб 3: 11], иркут. *обостри́ть* ‘враждебно настроить кого-либо, вызвать ненависть, озлобленность’ [ИОС 2: 79]. Во-первых, возникновение таких лексем связано со сравнением на основании сходства испытываемых чувств между физической болью и негативным отношением к кому-л. Во-вторых,

⁸⁵ Данные лексемы упоминала в своем исследовании Е. Л. Березович и описывала их словообразовательные особенности, в частности в слове *насердим* выделяется суффикс *-им-* (ср. смол., ср.-урал. *насёрдиться* ‘много посердиться, надосадоваться’), который совпадает с показателем страдательных причастий настоящего времени. Отмечается, в истории русского языка суффикс со «страдательным» значением мог приобретать значение «активное», что и наблюдается в данном случае [Березович 2015: 157–158].

значимым, как кажется, является то, что *вражда* связана с комплексом направленных врагами друг против друга действий, физическая агрессия среди которых занимает немаловажное место.

Возникновение враждебных отношений может обозначаться с помощью указания на **чувство холода**, ср. карел. *брóсить остудну* ‘посеять вражду путем наговора’ [СРГК 1: 119]. Изменение отношений в худшую сторону связывается с холодом на основании сходства ощущений (см. подробнее на стр. 125–126).

2. 2. ТМГ «Эмоциональный, психический мир человека; поведение»

2. 2. 1. Эмоциональное состояние

Как уже отмечалось, *вражда* может быть связана с разными эмоциями, в том числе с *ненавистью*, которую враги испытывают друг по отношению к другу [НОСС: 483]. Данное представление отражается и в логике семантических переходов: без указ. места *нёнависть*, арх. *ненáвисть*, влад. *ненависть* [удар.?] ‘вражда’ [СРНГ 21: 91–92], твер. *ненавístный*, *ненавístливый* ‘недоброжелательный, враждебно настроенный’ [Селигер 4: 117]

Враждебные взаимоотношения представляют собой предельно заостренный тип взаимоотношений, пребывание в котором может приносить психологический дискомфорт. Очевидно, этим объясняется появление морд. *на пáтерьбе жить* ‘жить в постоянно вражде, ссорах’ [СРГМ/Д: 192] ← морд. *пáтерьба* ‘мучение, страдание’ [СРГМ II: 786].

Поскольку *вражда* зачастую связана с нанесением вреда врагу, физической агрессией, то источником мотивации может становиться обозначение горячности, запальчивости, которые обыкновенно сопровождают такой тип поведения, ср. арх. *задóриться* ‘вызывать на ссору и драку, затевать вражду’ [Грандилевский: 150].

2. 2. 2. Поведение

Враждебность отношения может проявляться во **взгляде**, **мимике** того человека, который испытывает данное ощущение, ср. костром. *смотреть копрóм* ‘смотреть угрюмо, враждебно, волком’ [СРНГ 14: 297]. Этот фразеологизм, вероятно, следует соотносить с волог. *стоять копрóм* ‘стоять торчком, быть приподнятым (о сене, которое сушат на лугу)’ [Там же], волог. *копёр* ‘стог из недостаточно просохшего сена, сметанный на поставленный шатром суковатые держи’ [СГРС 6: 9–10], перм. *копёр* ‘куча, груда чего-либо, ворох’, костром. *копрóм* в знач. нареч. [СРНГ 14: 289]. Во всех приведенных лексемах содержится указание на кладку чего-л. При способе укладывания сена шатром из общего вороха выступают колья, как бы ошестинившись.

Люди, которые находятся в состоянии вражды, **перестают здороваться** друг с другом, на что указывает кубан., бурят. *рукá рúку минует* ‘о вражде, ссоре между кем-л.’ [СРНГ 35: 244].

Другим проявлением крайне негативных взаимоотношений является то, что люди **не разговаривают**, не общаются: перм. *перемóта (перемóты) класть* ‘ссорить людей, сеять вражду’ [ФСПГ: 166], ср. без указ. места *перемóта положить* ‘заставить замолчать, «перевязать язык»’ [СРНГ 26: 166].

Вражда неразрывно связана с идеей противостояния и с идеей **физической агрессии**. Так, часть лексем с семантикой вражды содержит во внутренней форме указание на борьбу, драку между врагами (вят. *поты́ка* ‘вражда, неприязнь’ [ОСВГ 8: 188], арх. *втычкí* ‘враждебно, неприветливо’ [АОС 6–7: 82], твер. *колоти́ться* ‘ссориться с кем-н., враждовать’ [Селигер 3: 82–83], костром. *только хребёт подставля́й* ‘о ситуации сильной враждебности людей по отношению друг к другу’ [ЛКТЭ]) и даже военный конфликт: онеж. *убо́ин* ‘противник в бою’ [СРНГ 46: 130] ← *убить*; волог. *разра́та* ‘рознь, несогласие, вражда’ [Дилакторский: 430], влад., Киргиз ССР *разра́т* ‘ссора, разлад, вражда’ [СРНГ 34: 61], *разра́тник* ‘человек, вносящий (в коллектив, семью) ссору, вражду’ [Там же] ← печор., онеж., арх., сев.-двин., яросл., се-вер. *ра́титься* ‘бороться, биться, сражаться, драться’ [СРНГ 34: 337]; смол. *навгрудки* ‘враждебно, устремляясь в драку’ [СРНГ 19: 152] ← ‘сойдясь грудью в схватке’ [Там же]; морд. *всполчи́ться* ‘начать действовать враждебно по отношению к кому-л., ополчиться’ [СРГМ/Д: 79], арх. *дото́го довоева́ть* ‘враждуя, ссорясь, долго пробыть в этом состоянии’ [АОС 11: 225]. Косвенно указывает на физическое противостояние кубан. *кат* ‘палач, мучитель, изверг, враг, недоброжелатель, противник’ [КГ: 185].

По данным языка, враги могут строить злые, **коварные умыслы** по отношению друг к другу: волог. *ко́зни* ‘враги’ [СВГ 3: 77]. Для врага характерно отсутствие доброго, миролюбивого отношения к другим, ср. яросл. *неми́лостивый* ‘сердитый, враждебный’ [ЯОС 6: 134].

Вражда может сопровождаться вербальным **выражением недовольствия, руганью, распространением сплетен**, ср. перм. *жить на поно́се (в поноске)* ‘жить в недружелюбном, во враждебном окружении’ [СПГ 2: 167], которое связано с перм. *поно́с* ‘клевета, наговор’ [Там же]. Сплетни, наговоры могут становиться причиной возникновения вражды между людьми, ср. рус. карел. *насыка́ть* ‘наговаривать, злословить, лгать с целью породить вражду и озлобление’ [Дуров 2011: 244] ← ряз., волог. *насыка́ть, насыкну́ть* ‘натравливать одного на другого’, арх. ‘задевать, задирать кого-либо (вызывая на ссору, драку)’ [СРНГ 20: 209]; орл. *смустíть* ‘возбудить вражду, поссорить’ [СРНГ 39: 61] ← пск. *смустíть* ‘распространять сплетни, сплетничать’ [Там же].

На **словесные перебранки** как причину или следствие возникновения *вражды* указывает арх. *ссáривать* ‘вносить вражду, ссорить’ [Грандилевский: 274], которое связано с *ссора*.

Действия человека, который вступает в соперничество в любви, воспринимаются как **грубое, дерзкое поведение**, неприемлемое обращение, ср. заурал., ср.-урал. *грубиян* ‘соперник (в любви)’: *Грубиян, иди, Иди, оглядывайся. Над тобой боля смеется, Ты догадывайся. Болечке не нашивать Поясу бардового* [СРНГ 7: 156], ср.-урал. *грубиянка* ‘соперница’: *Грубиянка моя, стирально корыто, ты моёму болейке навелилась колды-то* [СРГСУ 1: 127].

Соперница в любви не отличается постоянством в поведении, для нее характерно выбирать то одного человека, то другого, **постоянно вступать в новые отношения**: костром. *перебóрица* ‘разлучница, соперница’ [СГКЗ: 273]. Такая девушка может характеризоваться **льстивым, угодливым поведением**, стремлением приблизиться к молодому человеку: волог. *подмазу́ля* ‘соперница’ [КСГРС], ср. сев.-двин., яросл. *подма́зывать* ‘льстить кому-л.; подольщаться, подмазываться’ [СРНГ 28: 74].

Ряд лексем содержит представление о **перехвате**: а) соперники: волог. *перебёйник*, *перебóйник* ‘соперник в любви; молодой человек, который стремится, возбудив симпатию, любовь к себе заставить разлюбить другого’ [СВГ 7: 28]; б) соперницы: волог. *перебёйка*, *перебёечка* ‘соперница в любви; девушка, которая стремится, возбудив симпатию, любовь к себе, заставить разлюбить другую’ [СВГ 7: 28], костром. *перебóечка* ‘то же’ [ЛКТЭ], *перебёйка* твер. ‘соперница’ [СРНГ 26: 24], яросл. ‘то же’ [ЯОС 7: 91], костром. ‘разлучница, соперница’ [СГКЗ: 272], волог. *перебёюшка* ‘девушка, стремящаяся отбить парня у другой девушки’ [СРГК 4: 429], яросл. *перебóйщица* ‘соперница’ [ЯОС 7: 91], новг. *отбива́льша*, *отбива́ха* ‘то же’ [НОС: 748]. По той же модели образуются и обозначения соперничества вообще: смол. *перебóй* ‘соперничество (в любовных отношениях, сватовстве)’ [ССГ 8: 32], яросл. *идти на перебой* ‘соперничать в любовных отношениях’ [ЯОС 4: 133], рус. карел. *на перебóй* ‘о соперничестве’: *Отбивает парней от нас, приехала тут на перебой* [СРГК 4: 430], твер. *один наперебóй* ‘соперничая друг с другом’: *Стали приходить други [женихи], ади́н наприбóй, вот и пассорились* [Селигер 4: 58].

От праслав. *sq-* ‘с’ и **perti* ‘бить, теснить, упираться’ происходит общенар. *сопёрник* [Фасмер 3: 718], а также сиб. *супёрник* ‘соперник в любви’ [СРНГ 42: 249], том. *сопёрка* ‘соперница’ [СРНГ 39: 330], *сопéра* том. ‘то же’ [Там же], новг. ‘то же’ [НОС: 1120], *супéра* иркут., свердл. ‘соперница в любви’ [СРНГ 42: 249], краснаяр. ‘то же’ [СГЦРКК 4: 212], забайкал. *сапéра* ‘соперница’ [Элиасов: 366], *супёрница* дон., свердл., среднеприиртыш., том., алт. ‘соперница в любви’ [СРНГ 42: 249], ср.-урал. ‘соперница’ [СРГСУ 6: 76], алт. *супёрочка* ‘соперница в любви’ [СРНГ 42: 249].

Соперник в любви доставляет хлопоты, ср. твер. *мешальщица* ‘соперница в любви’ [Селигер 3: 279]. Встречаются и лексемы, указывающие на оценку соперника как человека, который **делает зло, причиняет вред** (очевидно, тому, с кем он соперничает): *злодейка* волог. ‘соперница’ [СВГ 2: 172], новг. ‘то же’ [НОС: 335], *лиходейка* яросл. ‘соперница’ [СРНГ 17: 78], новг. ‘соперница в любви’ [НОС: 511], пск. ‘то же’ [ПОС 17: 108], *лиходеечка* яросл. ‘то же’ [СРНГ 17: 78], новг. ласк. ‘то же’ [НОС: 511], костром. ‘то же’ [ЛКТЭ], волог. *лиходейчка* ‘то же’ [СГРС 7: 108]. Внутреннюю форму лексем олон., влад. *злокомáнник* ‘недоброжелатель, враг’ [СРНГ 11: 290], олон. *злокомáнница* ‘женск. к недоброжелатель, враг’ [Там же] реконструируют как ‘замышляющий зло’, от корня **-tap*, который соотносится с глаголом **tǔpěti* ‘думать’ [Меркулова 1985б: 60–62]⁸⁶.

Идею состязания несет новг. *посильщик* ‘соперник, не уступающий в силе’ [СРНГ 30: 162].

Курск., орл. *нищай* [удар.?] ‘враг’ [СРНГ 21: 243] может быть связано с зап., смол. *нищый* ‘подлый, бесчестный, низменный’ [Там же], что указывает на этическую оценку враждебного поведения.

2. 3. ТМГ «Социальная жизнь»

Вражда тесно связана с социальным существованием человека, поскольку она определенным образом расстраивает уже устоявшиеся социальные связи.

В данной группе большее значение имеет категория **семьи / рода**. Центральное место занимают дериваты прасл. **vorgъ* (общенар. *враг*), первоначально имевшего значение ‘изгнанник из рода, отверженный’ [ТСлРЯ 2007: 110]. Это наименования:

1) враждебно настроенных людей: *вóрог* арх. ‘враг, недруг’: *Пригрéли ворога́ на свою́ шю́* [АОС 5: 93], мурман. ‘враг’ [ЖРКП: 29], новг. ‘то же’: *В войну́ церковь ворог разбомбил* [НОС: 126–127], нижегор. ‘то же’ [ДСНО 2: 125], белгор. ‘то же’ [ООСБ: 64], карел. ‘враг, неприятель, зложелатель’ [Дуров 2011: 65], волог. ‘враг, злодей, неприятель’: *Кто своему́ детищу ворог!* [Дилакторский: 65], кубан. ‘недоброжелатель, враг’ [КГ: 104], пск. ‘то же’ [ПОС 4: 154], нижегор. *врог* ‘враг’ [ДСНО 2: 141], волог. *ура́г* ‘враг, неприятель’ [Там же: 527], смол. *авра́г* ‘враг’ [ССГ 1: 62], *вражѣна* перм. ‘тот, кто находится в состоянии вражды с кем-либо’ [СРГ-СПК 1: 286–287], том. ‘враг, недоброжелатель, недруг’, *врагу́н* тамб. ‘враг, недоброжелатель, недруг’ [СРНГ 5: 183], забайкал. ‘враг’ [СРГЗ: 82], твер. *вра́жина* ‘то же’ [Селигер 1: 131], ср.-

⁸⁶ Отметим, однако, что в лексикографической литературе у рассмотренных слов встречается семантика болезней, ср. *злокомáнка* олон. ‘падучая, родимец’ [Куликовский: 29], арх. ‘то же’, олон. ‘болезнь лихорадка, лихоманка’ [СРНГ 11: 290]. В таком случае возможно предположить бранное использование лексем, ср. *зараза*, *паршивец* и т. п.

урал. *вóрог ворогу́щий* ‘злейший враг’ [СРГСУ/Д: 79], пск. *врагу́ша* ‘женск. к враг, недоброжелатель, недруг’ [СРНГ 5: 183], ворон. *врагу́шка* уменьш. ‘то же’ [Там же], новг. *вражѣ́ха* ‘та, которая враждебно относится к кому-л.’ [НОС: 133];

2) признаков, характеризующих субъектов вражды или относящихся к ним: арх. *вра́жеской, вра́женской* ‘враждебный, недоброжелательный’ [АОС 6–7: 14], *вра́жный* татар. ‘злой, недобрый, враждебный’ [СРГВСМ: 21], башк. ‘то же’ [СРГБашк: 63], волог. *воро́жий* ‘враждебный, «противный нашему благосостоянию»’ [СРНГ 5: 110];

3) типа отношений: арх. *вра́жа* ‘вражда’ [Там же: 183], арх. *вражѣ́* ‘вражда, неприязнь’ [Грандилевский: 116], *вражбѣ́* арх. ‘вражда’ [АОС 6–7: 14], ленингр. ‘то же’ [СРГК 1: 240], нижегор. ‘вражда, неприязнь’ [ДСНО 2: 138], твер. *вра́жество* ‘вражда, несогласие’ [Селигер 1: 131], арх. *свóрог* ‘ссора, вражда’ [СРНГ 36: 327], без указ. места *вра́жить, вороговáть* ‘враждовать; вредить, делать зло кому-либо’ [СРНГ 5: 183], смол. *совражáть* ‘поступать враждебно, вредить’ [СРНГ 39: 192], новг. *вра́жить, вра́житься* ‘враждовать, ссориться’ [НОС: 133], курск. *завражда́ть* ‘начать вражду’ [СКГ 4: 64].

Семантику вражды могут мотивировать слова, обозначающие термины **свойства**, ср. сиб., свердл., перм. *сведéники* ‘постоянно ссорящиеся между собой люди; враги’: *Вот сведени-ка два, как сойдутся вместе, так и пойдет у них свара* [СРНГ 36: 224], твер. *свидéнец* ‘враг, соперник’ [Там же: 277], олон. *свидéник* ‘то же’ [Там же], ср.-урал. *сведéнники* ‘враги’ [СРГСУ 5: 116] ← перм., алт. *сведéник*, новг. *сведéник*, том., свердл. *свéденник*, сиб, том., алт., курган., перм. *сведéнник* ‘сводный сын или брат’, беломор. *сведéники*, свердл. *свéденники*, тобол., заурал., том. *сведéнники*, новосиб. *сведéнники, сведё́нники* ‘сводные братья и сестры’ [СРНГ 36: 224]. Такой перенос связан, по-видимому, с тем, что свойство не идентично кровному родству: «кровное родство, которое связывает родственников, имеющих общего предка по мужской линии, считается самым важным видом родства» [СД 4: 442]. Именно поэтому такие отношения могут быть наиболее подвержены конфликтам.

Сводные дети не всегда поддерживают доброжелательные отношения, между ними зачастую вспыхивают ссоры: перм. *сведéник* ‘сводный сын или брат’: *Завсе промежу собой вы ссоритесь, ровно сведеники*, курган, тобол. *сведéнник* ‘то же’: *Че это вы раскричались, как сведенники! Что вы бранитесь, будто сведенники* [СРНГ 36: 224], ср.-урал. *сведéнники* ‘сводные дети’: *Дерутца опеть сведенники; Ненавидят друг дружку, как сведенники* [СРГСУ 5: 116]. Однако жизнь в одном доме вынуждает соблюдать мир, несмотря на взаимное чувство *враждебности*: новг. *сведéник* ‘человек, вынужденный жить или поддерживать хорошие отношения со своим недругом’ [СРНГ 36: 224], *сведéница, свéденница, сведénница* ‘женщина, вынужденная жить или поддерживать хорошие отношения со своим недругом (женщиной)’ [Там же: 224–225].

Зачастую и отношения между соперниками в любви оцениваются как **свойство** или даже **кровное родство**.

В рассматриваемом лексическом множестве широко встречаются обозначения соперников и соперниц в любви с помощью корня -свой-: новг. *своя́к, своячо́к* ‘соперник’: *Он мне свояк, с моей барышней гулял, а потом она не ходила с им, а со мной гуляла, вот и свояк* [НОС: 1067], *своячо́к* ‘то же’ [Там же: 1068], *свойни́н* ‘то же’: *Были они своянами. Ну, с одной гулял, да другой ее перебьёт* [СРГК 6: 20], *своя́ня* новг., волог. ‘соперница в любви’ [СРНГ 36: 329], ленингр. ‘соперница’: *Вот Валя выйдет замуж, а ты отбивать будешь, вот вы своя́ни будете* [СРГК 6: 20], новг. *своя́ночка, своя́нечка* уменьш.-ласк. ‘то же’ [Там же], *свобечка* ‘то же’: *Дорога моя по-друга, мы с тобою своечки, ты сама, наверно, знаешь, по какому дролечки* [НОС: 1067], *своя́* ‘соперница’, *своя́нка* ‘соперница в любви’, *своя́нюшка* ‘соперница в любви’ [Там же], *своя́ха* ‘то же’ [Там же: 1068], *свобечка* ‘соперница’: *Спать хочу, а спать не лягу, пусть пустая коечка, пойду с забавой погуляю, пусть посмотрит свбечка* [СРГК 6: 16], *своя́чка* новг. ‘соперница в любви’ [НОС: 1068], ленингр. ‘соперница; наперсница’ [СРНГ 36: 330], костром. *своя́чина* ‘соперница, девушка, стремящаяся отбить парня у другой’ [ЛКТЭ]. Вероятно, приведенные лексемы имеют смысловую связь с новг. *своя́к* ‘дальний родственник’ [НОС: 1067], *своя́ня* ‘родственник’ [Там же: 1068] и Лит. ССР, Латв. ССР, Эст. ССР, пск. *своя́чка* ‘свояченица’ [СРНГ 36: 330], орл., зап., смол., тул., моск. *своя́киня* ‘свояченица’ [Там же: 329], калуж., вост-казах. *своя́чельница* ‘свояченица’ [Там же], диал. шир. распр. *своя́чина, своя́чина* ‘сестра жены, свояченица’ [Там же: 329–330].

Очевидно, данные мотивационные линии объясняются тем, что в представлении языка соперники и соперницы становятся как бы свойственниками по парню или по девушке. С. М. Толстая, исследуя дериваты прасл. **svojь*, отмечает, что больше всего продолжений корня в славянских языках находим в сфере обозначения брачного родства [Толстая 2008б: 33]. Поскольку же сфера выбора партнера и свадьбы, брака близки и находятся в постоянном пересечении, то возможно предполагать существование подобного перехода.

Возможно, важна и другая причина, а именно следы древнего права мужских родственников жениха на невесту [СД 1: 245]. Широко известен факт возможного сожительства женщины с родственниками мужа, а именно отцом или братьями [СД 4: 614–615]. Такой тип конфликтов являлся одним из самых тяжелых среди семейных.

Другое гнездо образуют следующие слова: смол. *на́сестра* ‘любовница; соперница’ [СРНГ 25: 253], *насе́стра* пск., курск. ‘то же’ [Там же], смол. ‘то же’ [ССГ 8: 180–181]. Они также связаны с обозначением родства, ср. лексемы орл., брян., новосиб. *насе́стра* ‘двоюродная сестра’ [СРНГ 25: 253], смол. *на́сестра* ‘двоюродная сестра’ [ССГ 8: 17]. Однако отметим и то, что вообще префикс *на-* образуют существительные со значениями предметов, явлений, похо-

жих «на то, что названо мотивирующим словом» [РГ-80 I: 229]. Так, во внутренней форме лексем снова может содержаться указание на не кровное родство.

С другой стороны, возможно, здесь включается уже описанный механизм энантиосемии, термины родства в таком случае используются в ироническом смысле, например, новг. *по-сёстра* ‘соперница в любви’ [НОС: 918], ср. новг. *посёстра* ‘сестра’ [НОС: 918], однако также есть значение ‘двоюродная сестра’ [Там же]

Внутренняя форма олонекской лексемы *попáрицик* ‘тот, кто соперничает с кем-л., ухаживая за девушкой, соперник-ровесник’ [СРНГ 29: 298] указывает на особый характер отношений между двумя молодыми людьми, добивающихся расположения одной девушки: они становятся соперниками, врагами *по паре*. Другая лексема, указывающая на особую связь соперничающих молодых людей, – это костром. *сопрядница* ‘соперница в любви’ [ЛКТЭ], которое соотносится с костром. *супрядка* ‘совместное празднование какого-л. события со спиртным вкладчину’ [ЛКТЭ]. Возникновение приведенной лексемы обусловлено тем, что именно на вечерних собраниях молодежи происходила «борьба» за внимание молодых людей, частушечные агоны между соперницами.

Другая важная мотивационная линия связана с категорией **своего / чужого и принадлежности к определенному обществу**.

Так, лексемы р. Урал *чужбóй* ‘враждебный’ [Малеча 4: 463], волог. *чужеобидник* ‘тот, кто чужой и враждебно настроен’ [СРГК 6: 804] напрямую указывают на *чуждость* враждебно настроенного человека.

Врага не желают принимать в собственном обществе, на что указывают слова с внутренней формой, связанной с семантикой негостеприимства. Ср. пск. *незвáный гость* ‘о неприятеле, захватчике’ [ПОС 21: 123], морд. *угостить чем ворóта запира́ют кого* ‘встретить враждебно, недоброжелательно’: *Мы, гъворят, придём к тее в гости, баушкъ, приходити, я вас угошчу, чэм вороты зъпирают, ръзвернётись на сто восимьдисит градусъф* [СРГМ/Д: 229].

Смол. *падру́г* ‘недруг’: *Левыя рука для друга, а правый для падруга* [ССГ 8: 127] содержит приставку *па-*⁸⁷, существительные же с префиксом *па-* «называют предмет, явление, похожее на то, что названо мотивирующим словом» [РГ-80 I: 229]. Так обозначается ненастоящий друг, недруг. Лексема *друг* же происходила от глагола со значением ‘следовать’, отсюда ‘второй, следующий’, далее ‘воевать’ и ‘отряд, свита’ [ТСлРЯ 2007: 217]. По-видимому, внутренняя форма лексемы *друг* раньше указывала на принадлежность к одному военному отряду, т. е. к своему войску, а не чужому.

⁸⁷ В качестве заголовочной единицы авторы словаря выносят вариант с *о*, однако контекст указывает на *а*.

От прасл. **mirъ* с первоначальным значением 'согласие, полюбовный союз, дружба' [ЭССЯ: 56–57] происходят пск. *немі́рие* 'состояние вражды, недоброжелательства, неприязни' [ПОС 21: 163], р. Урал *разміре́ние* 'война, состояние вражды, борьбы с кем-л.' [СРНГ 34: 22], иркут., ср.-урал. *мировáя не берет (не брала), не возьмет (не взяла)* 'о постоянных ссорах, вражде' [СРНГ 18: 171–172], ср.-урал. *мировá не берёт* 'то же' [СРГСУ 2: 132–133], орл. *немиру́щий* 'склонный к вражде, ссорам' [СОГ 7: 105–106].

Мотивирующими по отношению к наименованиям неприятелей вообще могут выступать обозначения конкретных этносов или исторических персоналий, с которыми в истории существовали враждебные взаимоотношения. Подобное расширение значения видится в следующих языковых фактах: пск. *литва́* 'неприятели, враги' [ПОС 17: 93]; забайкал. *барзут* 'враг, противник' [СРГЗ: 60] ← прибайкал. *барзут* 'коренной житель Прибайкалья' [СРГПриб 1: 23]; морд. *пёрвый друг после Гі́тлера* 'недруг, враг' [СРГМ/Д: 125].

С другой стороны, своеобразной «аномалией» является **вражда внутри общества, между его участниками**, о чем свидетельствует закрепление такой ситуации во внутренней форме слов со значением вражды, ср. южносибир., иркут., сиб. *усóбник* 'человек, затевающий ссоры, находящийся в состоянии вражды, враждующий человек' [СРНГ 48: 74], сиб. *усóбница* 'женск. к *усóбник*' [Там же], ворон. *заусóбница* 'вражда, ссора' [СРНГ 11: 135], южносиб., костром., смол., брян., сарат., енис. *усóбница* 'ссора, раздор между кем-л.; вражда' [СРНГ 48: 73], арх. *межусóбница* 'семейный раздор, открытая вражда' [Грандильевский: 195], которые происходят от праслав. *o* (> *y*) и *sobě* (> *себе, особа*) [Фасмер 4: 171].

К ТМГ «Социальная жизнь» принадлежит и лексика, мотивированная словами со значениями **действий, которые регулируют общественную жизнь**. Важнейшим условием социального существования является умение приходить к согласию и находить компромисс. Отсутствие общности мнений может приводить к установлению *вражды*, ср. волог. *согласіе не взяло* 'о ссоре, состоянии вражды' [СВГ 10: 67].

2. 4. ТМГ «Общая оценка»

Представление об общих закономерностях негативного **эмоционального отношения** заложено во внутренней форме пск. *невзгóдник* 'недоброжелатель, неприятель, враг' [СРНГ 20: 339]. Слово происходит, по-видимому, от без указ. места *невзгóда* 'немилость, нерасположение' [Там же] с помощью суффикса *-ник*, который имеет значение «предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» [РГ-80 I: 183]. Последнее же соотносится с общенар. *годі́ться* 'быть годным' [ЭССЯ 6: 188–190], *годный* 'могущий быть полезным, пригодным, подходящий, удобный' [Там

же: 193]. Таким образом, по народным представлениям, неприязнь возникает к тому, что не соответствует предпочтениям человека.

Во внутренней форме рассматриваемых лексем содержится также общая **эмоциональная характеристика** объектов неприятия.

Отрицательную оценку несет собирательная форма арх. *pánowье-улановье* ‘о польских панах как врагах, неприятеле’: *Уж вы ой еси, пановье-улановье, Иише все мои поганые тотаровье* [СРНГ 25: 197]. Негативная окраска создается словообразовательными средствами: как отмечается в [РГ-80], слова с суффиксом -j- со значением ‘группа лиц’ носят уничижительную окраску, ср. *мещаньё, пацаньё* [РГ-80 I: 206]

Вероятно, новг. *любѣмка* ‘соперница в любви’ [НОС: 531] возникает в результате ироничного употребления, соперница – это та девушка, которую вторая девушка не любит, ненавидит, ср. пск. *недолюбіе* ‘недружелюбие, вражда’ [ПОС 21: 94]. Такая модель вообще распространена в фольклорных текстах, особенно в наветках, ср., например, *На Иванов день сошью / Кофточку бордовую, / Чем-нибудь перефоршу / Прияточку⁸⁸ игровую!* [Симаков: 135]; *Ты, товварочка моя, / Какая стала смелая, / Я любила, ты отбила, / Я бы так не сделала* [Астафьева: 334]. Особо можно обратить внимание на параллелизм номинаций: *Супостатку Аннушку / Давай запремте в банюшку, / Замок заложим на пробой, / Чтобы не шла на перебой* [СПЧ: 162] и *Я подружку Манюшку / Запирала в банюшку; / Клала цепку на пробой: / Не ходи на перебой* [Астафьева: 334] (выделение наше. – Я. М.).

2. 5. ТМГ «Физические положения и перемещения»

Центральным пространственным мотивом является **положение «напротив»**. Как уже отмечалось, локус против чего-л. наделяется в традиционной культуре отрицательными оценками, поскольку маркирует «чужое» пространство [СД 4: 304]. Враги как бы отделены друг от друга, ср. прибайкал. *несвязка* ‘вражда’ [СРГПриб 2: 124]. С другой стороны, обозначенное символическое представление влечет за собой ряд идей о несхожести, противоположности объектов, находящихся в «своем» и «чужом» пространстве соответственно. Однако при обозначении *вражды* главным, как кажется, является то, что объект, расположенный напротив, осознается как нечто, что преграждает путь, а значит противодействует, проявляет агрессию. Помимо чисто символического значения, роль играет, по-видимому, и то, что семантика вражды очень часто связана с проявлением физической агрессии и даже военного противостояния. Противники же (будь то отдельные люди или целые армии) всегда находятся напротив друг друга и двигаются по направлению к врагу. К этой группе относятся обозначения:

⁸⁸ Новг. *прияточка* ‘друг, подруга’, пск. *приятка* ‘девушка, вызывающая симпатию, расположение’ [СРНГ 32: 76].

1) враждебно настроенных людей: арх., сев.-двин, волог., новг., зап.-брян., смол., яросл., костром., вят., иркут. *супротивник* ‘противник, враг, неприятель’ [СРНГ 42: 262], нижнепечор. *враг-супротивник* ‘то же’ [СРГНП 2: 330], олон. *супротивничек* ласк. ‘то же’ [СРНГ 42: 263], арх. *сопротивничек* ласк. ‘достойный противник’ [СРНГ 40: 6], новг., твер., пск., смол. *супротивница* ‘женск. к противник враг неприятель’ [СРНГ 42: 262], северокавказ. *противный* ‘враг, недруг’ [СРНГ 32: 269], смол. *упротивник* ‘противник, враг’ [СРНГ 47: 292], а также при знаках, характеризующих их самих и их действия: р. Урал *супротивный* ‘вражеский, неприятельский’ [СРНГ 42: 263–264];

2) соперников в любви: а) мужчин: новг. *супротивник* ‘тот, кто соперничает с кем-л., добываясь любви какой-л. женщины; соперник’ [НОС: 1161], твер. *сопротивник* ‘соперник в любви’ [Селигер 7: 153]; б) женщин: *супротивница* арх., печор., новг., пск., зап.-брян., смол., яросл., перм., среднеприиртыш., иркут. ‘соперница в любви’ [СРНГ 42: 262], твер. ‘то же’ [Селигер 7: 242], костром. ‘соперница’ [ССЯСЗ: 105], *сопротивница* вят., ленингр., арх. ‘недоброжелательница; соперница’ [СРНГ 40: 6], твер. ‘соперница в любви’ [Селигер 7: 153], волог. *супротивица* ‘то же’ [СРНГ 42: 261], волог. *противная* ‘соперница’ [СВГ 8: 97], *противница* новг. ‘соперница в любви’ [НОС: 971], ср.-урал. ‘соперница’ [СРГСУ/Д: 470];

3) враждебных взаимоотношений: олон. *кто-л. сопротив кого-л.* ‘кто-л. враждебен, противодействует кому-л.’ [СРНГ 40: 6], без указ. места. *супротивность* ‘враждебность, неприязнь’ [СРНГ 42: 263].

На пространственное «схождение» врагов указывают лексемы пск. *встречник* ‘противник в споре или враг’ [СРНГ 5: 27], без указ. места *встречница* ‘женск. к противник в споре или враг’ [СРНГ 5: 27]⁸⁹, а также без указ. места *свадиться* ‘ссориться, браниться, враждовать’ ← твер. ‘сойтись’ [СРНГ 36: 201].

Сходная модель являет себя в группе лексем, происходящих от прасл. **sopostatъ* [Фасмер 3: 805]. Присутствуют обозначения:

1) врагов: помор. *супостат* ‘враг, недоброжелатель’ [Дуров 2011: 398], самар. *сопостат* ‘враг, неприятель’ [СРНГ 39: 341], перм., волог. *супостатель* ‘супостат, неприятель, враг’ [СРНГ 42: 256], олон. *супостатовья* ‘супостаты, враги, неприятели’ [Там же], перм. *супостатчик* ‘враг, неприятель’ [Там же], без указ. места *сопостатка* ‘женск. к враг, неприятель’ [СРНГ 39: 341], волог. *супостатка* ‘злодейка, враг, противница, недруг’ [Дилакторский: 490], помор. *супостаточка* ‘женск. к враг, недоброжелатель’ [Дуров 2011: 398];

⁸⁹ Ср. также новг., яросл., моск. лексема *стрешник* ‘нечистый дух, черт, насылающий болезни’ [СРНГ 41: 336], которая подчеркивает осмысление локуса напротив, того, что находится на пути, как враждебного. Существует, однако, и другая этимология: от *стреха* ‘крыша’ – название черта, живущего на крыше [БСРП: 648].

2) соперников в любви: новг., волог. *супостáт* ‘о сопернике в любви’ [СРНГ 42: 255–256], новг., ленингр. волог., яросл., орл., свердл. *супостáтка* ‘соперница в любви’ [Там же: 256], костром. ‘то же’ [ЛКТЭ], *супостáточка* волог., новг. ласк. ‘соперница в любви’ [Там же], костром. ‘то же’ [СГКЗ: 371], перм. ‘то же’ [СПГ 2: 420], новг. *супостáтиха* ‘та, которая соперничает с кем-л., добиваясь любви какого-л. мужчины; соперница’ [НОС: 1161], волог. *ста-теечка* ‘разлучница’ [СВГ 10: 123];

3) признаков субъектов эмоционального отношения: влад. *супостáтный* ‘враждебный’ [СРНГ 42: 256], север. *супостáтый* ‘ненавистный, злой, враждебный’ [Там же: 256–257], яросл. *супостáтский* ‘вражеский’ [Там же: 256], волог., пск. *супостáткин* ‘относящийся к сопернице в любви’ [Там же];

4) образа действия: влад. *супостáтне* ‘во взаимной вражде, ссорах (находиться, быть с кем-л.)’ [Там же].

Устар. и высок. литер. *супостáт* ‘противник, недруг’ происходит от **sq-* и **po-statъ*, которое связано с рус. *стать*, родств. лит. *stótas* ‘поставленный’, авест. *stāta* ‘стоящий’ [ТСЛРЯ 2007: 959]. Вероятно, что сложение корня с префиксом *су-* со значением соединения, связи дает семантику, близкую к пространственной. Враги – это, буквально, те, кто стоит друг рядом с другом, друг напротив друга.

Идею противодействия поддерживает пермский фразеологизм *как косá на кáмень* ‘недружно, враждебно’ [ФСПГ: 176], а также твер. *косá зá косу* ‘вражда, раздор’ [Селигер 3: 112], где, как кажется, предметный образ не столь важен, как идея удара, столкновения.

Примыкает к последнему мотив **приближения**, реализующийся в яросл. *наты́ркать* ‘натравить, враждебно, агрессивно настроить против кого-л.’ [ЯОС 6: 118], которое происходит от карел., свердл. *ты́ркать* ‘толкать кого-, что-л.’ [СРНГ 45: 333] с помощью приставки *на-* со словообразовательным значением «направить на поверхность чего-н. действие, названное мотивирующим глаголом» [РГ-80 I: 361], ср. литер. *подтолкнуть к чему-л.*, *натолкнуть на что-л.* Мотивационным признаком здесь выступает сведение, столкновение субъектов неприязни.

Подобным образом строятся мотивационные отношения у арх. *залéзть к кому* ‘повести себя вызывающе, проявить враждебность’ [АОС 17: 299–303], поскольку внутренняя форма лексемы и особенности управления указывают на приближение к врагу, нарушение его личных границ, что провоцирует конфликт.

С образом положения *напротив* рифмуется образ **положения поперек**, поскольку он также символизирует противодействие и противостояние сторон, ср. *поперéчница* ‘соперница’ [НОС: 905], олон. *претá* ‘раздор, ссора, вражда’ [СРНГ 31: 96].

Отрицательными коннотациями в культуре обладает идея **далекого положения**, поскольку этот пространственный образ соотносится с категорией «чужого». Относящиеся к это-

му мотиву лексемы обозначают соперников (самар. *неприятель* ‘о сопернике (в любовных делах)’ [СРНГ 21: 129], новг. *неприятельница* ‘соперница в любви’ [НОС: 640]), врагов (пск. *неприятный* ‘неприятель, враг’ [ПОС 21: 208], смол. *неприятелька*, *неприятелка* ‘неприятельница, «злодей, враг»’ [СРНГ 21: 129]) и состояние вражды (без указ. места *неприятство* ‘вражда, злонамеренность’ [Там же]). См. об этой модели на стр. 68–69.

Враждебные отношения могут концептуализироваться в языке с помощью мотива *кризисны*. Данная пространственная категория воспринимается в народной культуре как аномальная и потому имеет целый ряд отрицательных коннотаций. Так обозначается *неприязнь* (см. подробнее на стр. 140) и *вражда* тоже, поскольку эти эмоции маркируют крайне негативные, воспринимаемые как отклоняющиеся от нормы отношения между людьми. Встречаются такие лексемы и фразеологизмы, как курск. *косой* ‘враждебный’ [СРНГ 15: 64–65], ленингр. *кось* ‘вражда’ [СРГК 2: 446], мурман. *раскосье* ‘вражда, раздор’ [СРГК 5: 450], перм. *косина* ‘раздор, вражда’ [СПГ 1: 423]. Для части лексем и фразеологизмов, а именно для арх. *на косых* ‘враждебно, неприязненно’ [Грандильевский: 203], карел. *накосых* ‘то же’ [Дуров 2011: 238], арх. *накось* ‘то же’ [СРНГ 19: 344–345], краснояр. *косым дождем смотреть* ‘косо смотреть (коситься) на кого-либо; с неудовольствием, враждебно смотреть на кого-либо’ [СРГСБС 14: 186], можно предложить иную мотивацию. По-видимому, в данном случае имеется в виду не прямой взгляд, взгляд искоса, который указывает на враждебность.

С идеей аномальности враждебных отношений связан мотив **порядка, устроенности / беспорядка**. Дружелюбные (или, во всяком случае, ровные) отношения воспринимаются народным сознанием как гармоничное, правильное положение дел, ассоциирующееся с порядком в широком смысле. Напротив, *вражда* между людьми понимается как отклонение от нормы вещей, как нарушение порядка, ср. тамб. *излад* ‘ссора, несогласие, вражда’ [СРНГ 12: 137], которое, по-видимому, связано с диал. *лад* ‘порядок’ [ЭССЯ 13: 14].

2. 6. ТМГ «Материальная и духовная культура»

В данной тематико-мотивационной группе присутствует всего одна лексема, связанная с **материальной культурой**.

Рассмотрим прибайкал. *подсевуха* ‘человек, любящий сеять раздор, вражду’: *Свекруха им жить не дала, подсевуха подла: сына настропалит, а сама ничо не говорит, все вздыхает тока* [СРНГ 28: 176], ср. также близкое пск., твер., ирк. *подсевать* ‘подстрекать, настраивать против кого-л.’: *Оне уж с месяц не разговаривают, а эта бегаёт к Мавре-то, подсеваёт там – она того тошнее*⁹⁰ *сердится* (ирк.) [Там же: 175].

⁹⁰ Твер. арх. ирк. *тошно* ‘крайне, очень, сильно’ [СРНГ 44: 310].

В лексикографической литературе мы встречаем вологодское слово *подсевать* ‘подбрасывать на чужое поле горсть зерна’ [Там же]. Свидетельство о подобном способе причинения вреда присутствует и в мифологических верованиях. Так, считалось, что ведьма или колдун «на поле <...> высыпает костру, причиняя тем самым вред хозяевам и посевам; высаживают на чужое поле блох и вшей, снятых со своей скотины, чтобы насекомые перешли на скотину соседа» [СД 4: 137]. Влияние также могла оказать библейская притча о добром сеятеле и плевелах, которая повествует о том, как человек посеял на поле пшеницу, а враг подкинул туда плевелы.

Отметим и то, что «производственная» метафора в принципе встречается при обозначении речевых действий (см. об этом: [Березович 2014: 318–319]). В русских говорах обнаруживаются и другие лексемы, имеющие приставку *под-*, корень *-сев-* и называющие при этом вредоносные речевые действия. Например, это такие слова, как *подсевать* амур. ‘лестить’ [СРГ-Приам: 210], прибайкал. ‘лицемерить’ [СРГПриб 3: 76], прикам. ‘поддакивать’ [СРГЮП 2: 371], прибайкал. *сеять-подсевать* ‘сплетничать’ [ФСРГП: 164] и др. Более подробную этимологию см. в [Малькова 2021б: 84–85].

Однако из сферы **духовного мира** в данном фрагменте лексической системы наибольшей активностью обладают номинации, связанные с **религией, религиозным образом жизни и народной демонологией**. Так, недруг может ассоциироваться с различными враждебными персонажами, существующими в представлениях народа, например, *антихрист* арх. ‘враг, недруг’ [АОС 1: 72], брянск. ‘противник, враг’ [СБГ 1: 18]⁹¹.

Данная мотивационная линия поддерживается, как кажется, сразу несколькими причинами. Во-первых, действительно, Антихрист, дьявол представляется в народной культуре как главный враг, богопротивник. В качестве параллели можно привести номинации, указывающие на иноверцев как врагов: яросл. *буюрма́н* ‘неприятель, забияка’ [ЯОС 2: 33], которое сопоставляется с устар. литер. *басурма́н* ‘враждебно-недоброжелательное наименование магометанина, а также вообще иноверца’ [ССРЛЯ 1: 293], ср. также *басурма́н* башк. ‘враг, недоброжелатель’ [СРГБашк: 29], курск. ‘иноверец, враг, противник’ [КГ: 78].

Во-вторых, как уже отмечалось ранее, существует народное представление о том, что бес может вселиться в человека и сделать последнего злым, агрессивным [СД 5: 525], а значит, склонным к вражде. Это представление особенно ярко проявляется в арх. *забесі́ться* ‘начать проявлять враждебность, недоброжелательность’ (с вопросом к значению) [АОС 15: 58]. Кроме того, по данным языка, сам чёрт может сеять вражду: вят. *сатана́* ‘о человеке, поступки и поведение которого становятся причиной вражды между людьми’ [СРНГ 36: 150], смол. *подсатанить* ‘вооружить кого, настроить враждебно’: *Падсатані́ла мужа баба прóти пачирки* [СОС: 631–632].

⁹¹ Ср. также волог. *враг* ‘леший, нечистая сила’ [СРНГ 2: 197].

В-третьих, нельзя не учитывать, что такие лексемы, как *чёрт, бес, антихрист, дьявол* и др., широко используются как брань. Поскольку же понятие врага отличается экспрессивностью (по причине крайне негативного отношения к нему со стороны говорящего), то можно предположить использование этих лексем как собирающих в себе целый комплекс отрицательных характеристик и выражающих негативное отношение говорящего.

Для лексем, образованных от корней *-лих-*, а именно *лихой* ворон. ‘враг, зложелатель’ [СРНГ 17: 78–79], волог. ‘злой, враждебный’ [СГРС 7: 108], р. Урал *лихота* ‘зло, злость, вражда’ [Малеча 2: 366], можно предположить несколько мотивационных линий.

Во-первых, приведенные выше слова могут соотноситься с наименованиями нечистой силы: калуж., ряз., тул., моск., нижегор., самар., орл. *лихой* ‘в суеверных представлениях – нечистая сила, домовый, злой дух’ [СРНГ 17: 78–79]. Во-вторых, во внутреннюю форму лексем со значением ‘враг’ может закладываться указание на злобу, поскольку чувство *враждебности* связано с планированием нанесения вреда объекту этого ощущения. В-третьих, приведенные лексемы полисемичны и обладают значением болезней, различных физических недугов, ср. *лихой* орл., тул. ‘гнойный нарыв, чирей’, костром. ‘кожная болезнь, раны, причиненные домовым, злым духом’, тул. ‘болезнь ногтееда’ [СРНГ 17: 78–79]. Использование названий болезней в бранном контексте широко известно в языке, ср. прост. *паршивец, зараза, чирей* и т. д.

2. 7. ТМГ «Общие свойства тел и веществ»

Мотивационно значимым может оказываться признак **цвета**, как в печор. *чёрный челоуэк, чёрный народ* ‘злые, враждебно настроенные люди’ [ФСРГНП 2: 391]. Черный цвет в народной культуре обладает целым комплексом негативных характеристик. Возможно, что в данном случае актуализируется идея, связанная с тем, что черный цвет «является одной из основных характеристик персонажей, которым в народной культуре присвоен статус «чужих» – инородцев, иноверцев, мифологических персонажей» [СД 5: 515]. Ср. приводимый контекст: *Не ходи в ту деревню, Степан, народ там чёрный* [ФСРГНП 2: 391].

Обобщенно негативную идею **тяжести** несет обл. *тяжка* ‘в народных повериях – злые силы, мифические существа, враждебные человеку’ [СРНГ 46: 82], волог., север., вост., перм. *тяжкая* ‘то же’ [Там же: 82–83]. Данные слова, по-видимому, имеют эвфемистическую природу. Суть подобных слов такова, что точный мотив номинации выявить невозможно, однако, вероятно, имеется в виду идея негативного, разрушающего воздействия на человека со стороны нечистой, враждебной силы.

Мотив **разрушенного, приведенного в негодность** реализуется с помощью корня *-рух-/руш-* (общенар. *рушить*): без указ. места *разрух* ‘разрыв отношений, раздор, вражда, война’

[СРНГ 34: 65–66], *разру́ха* ‘раздор, вражда’ [Там же: 66]. Другой корень, воплощающий идею приведения в негодность, – это *-дир-* (ср. общенар. *драть*): влад. *за́надра* ‘ссора, брань, вражда’ [СРНГ 10: 273]. К этому же корню, по мнению И. П. Петлевой, восходит курская лексема *ко́ндра* ‘ссора, вражда’ [СРНГ 14: 247], которая имеет префикс *ко-* и инфикс *-н-* (что обусловлено экспрессивным характером слова) [Петлева 2001: 49]. Сюда же, по-видимому, свердл. *в ко́ндры постави́ть* ‘вызвать вражду, неприязнь, подвергнуть незаслуженным нападкам’ [СРНГ 14: 247], перм. *раскондру пусти́ть* ‘распространить слухи, посеять вражду’ [СПГ 2: 246].

Несколько отличается, на наш взгляд, несмотря на общность корней, мотивация у арх. *в зади́р* ‘(в роли главного члена) в состоянии спора, ссоры, вражды’: *У нево́ ни с кѣм дру́жбы, фсе́ в зади́р, А я ищѣ́ в зади́р: не́т, говорю́, я пе́рва!* [АОС 16: 246], *зади́ром* ‘нареч. то же’: *Ты пошто́ кричи́и зади́ром?* [Там же: 252], *в зади́ру (в зади́рах)* ‘то же’: *И та́ ишио́ цего́-то в зади́ру ста́ла говори́ть. Он фсе́ в зади́рах, Ко́ля* [Там же: 246–247]. Эти выражения соотносятся в большей степени с арх. *в зади́р лезть (идти́)* ‘ввязываться в спор, в драку, ссориться, скандалить’ [Там же: 246], *в зади́ру лезть (идти́)* ‘то же’ [Там же: 246–247]. Таким образом, внутренняя форма приведенных выражений указывает скорее на тип поведения человека, его стремление разозлить собеседника, ввязаться в драку, нежели на изменение типа отношений.

В лексическом материале обнаруживается указание на **непохожесть** людей, состоящих во враждебных отношениях, их принципиальную чуждость, ср. сарат. *розь* ‘несогласие, вражда, ссора’ [СРНГ 35: 166–167], которое, по-видимому, связано с арх., коми, пск., смол., Лит ССР, калуж., орл., прииртыш., сиб. *ро́зный* ‘несходный, неодинаковый, разный’ [Там же: 164].

2. 8. ТМГ «Животный мир»

Люди, враждующие между собой, могут сравниваться с **животными**, которые обычно вступают в драку, ср. печор. *как соба́ка да росома́ха жи́ть* ‘враждебно относиться друг к другу’ [ФСРГНП 1: 332], арх. *жи́ть как соба́ка с ко́шкой (как ко́шка да соба́ка, как соба́ки)* ‘находиться в плохих отношениях с кем-н., постоянно ссориться, враждовать’ [АОС 14: 210]⁹².

На представление о перебранках между враждующими людьми указывает псковская лексема *ла́йка* ‘состояние взаимной вражды, ссора’ [ПОС 16: 483], ср. общенар. *лая́ть*, а также прост. *лая́ться* ‘ругаться’, семантическое развитие которой связано с идеей вербального выражения агрессии.

⁹² Сюда же можно отнести называющие побуждение к конфликту лексемы, которые уподобляют поведение человека поведению собаки: волог., костром., пск., вят., иркут., сиб. *у́ска́ть* ‘подстрекать кого-л. к враждебным действиям’ [СРНГ 48: 135] связано с разг. *у́ска́ть* ‘натравливать собаку’, сюда же пск. *наву́жива́ть* ‘побуждать к враждебному отношению к людям’ [ПОС 19: 296].

Перм. *в ко́шки-дебóшки* ‘неприятно, враждебно; в штыки’ [ФСПГ: 179–180] имеет редупликативную структуру. Вторая часть выражения (от которой, по-видимому, образуется все сочетание), предположительно, связано с разг. *дебош*. Притяжение же первого компонента, возможно, связано с наблюдением над поведением кошек, которые часто дерутся между собой.

Во внутренней форме арх. *как косы́е коровы́* ‘о людях, которые живут недружно, враждующая’ [СРГС 6: 24], вероятно, лежит образ животных,двигающихся в разные стороны, по направлению друг от друга.

2. 9. ТМГ «Природные явления и объекты»

Вражда сравнивается с такими природными **материями**, как грязь и муть. Вызывание вражды метафорически уподобляется засорению: яросл., костром., пск., твер. *смута́* ‘о человеке, вызывающем беспокойство, волнение, вражду, ссору’ [СРНГ 39: 61], олон., пск. *смутли́вый* ‘вызывающий вражду, ссоры сплетнями’ [Там же: 62].

Вероятно, новг. *задрýжина* груб. ‘соперница в любви’ [НОС: 283] происходит от тул., влад. *задрýзгать* ‘забрызгать грязью, испачкать чем-либо мокрым, жидким’ [СРНГ 10: 69], пестерб., ростов., яросл., влад., тул. *задрýзгаться* ‘забрызгаться грязью; испачкать в чем-либо жидком’ [Там же]. Возможно, что грязь метафорически сравнивается здесь с поступками соперницы, которая пытается заставить полюбить себя парня, встречающегося с другой девушкой.

Поскольку *вражда* является очень интенсивным чувством, сопоставимым по своей силе с гневом, неистовством, то при ее обозначении может использоваться образ **огня**, ср. пск. *как в огне́ жить* ‘в состоянии ссоры, вражды’ [ПОС 22: 525].

2. 10. К вопросу о темной и заимствованной лексике со значением вражды

В данном параграфе рассмотрим лексику, которая не имеет этимологического решения или же мотивационные связи которой остаются неоднозначными на данном этапе работы.

2. 9. 1. Заимствованная лексика

Свердл. *ко́тора*, перм., курган., свердл. *кото́ра́*, заурал., свердл. *кото́ра* ‘вражда, ссора’ [СРНГ 15: 111] соотносится с русск.-цслав. *кото́ра*, ст.-слав. *кото́ра*, др.-русс. *коте́ра*, родственно ср.-в.-н. *hader* ‘ссора, раздор’... ирл. *cath* м. ‘борьба, бой’, греч. *χότος* ‘злоба, гнев’ [Фасмер 2: 353].

2. 9. 2. Темная лексика

1. Неясно происхождение костром. *склёма* ‘ссора, вражда, драка’ [СРНГ 38: 23]. М. Фасмер приводит для олон. *склёмы* ‘сплетни’ следующие параллели: лат. *clamor*, род. п. – *ōris* ‘крик’, *clāmō*, *-āre* ‘кричать’, д.-в.-н. *hlamōn* ‘кричать’ [Фасмер 3: 641].

2. Тамб., ряз., дон. *рénка* ‘вражда, ненависть, злоба’ [СРНГ 35: 64–65], возможно, связано с нижегор. дон. *рёмка* ‘чувство неприязни; злость на кого-л.’ [Там же: 57], *рёмство* курск. ‘ненависть, злоба’, кубан. ‘недовольство’ [Там же: 61]. Последние М. Фасмер со ссылкой на Маценауэра сравнивает с лит. *susireĩti*, *-remiũ*, *susiramstyti* ‘упереться против к.-л.’ [Фасмер 3: 469].

3. Сложным происхождением обладает яросл. *паны́* ‘мифические, враждебно относившиеся к людям великаны, обитавшие на городищах’ [СРНГ 25: 191–192].

Образ *панов*, как предполагают исследователи, содержит в себе целый комплекс идей, возникших в разное время у разных народов. В ходе истории напластовывались представления о *панах* как о хтонических божествах, связанных с земледелием и плодородием, как о первопоселенцах, представителях не русских народностей, как о предках, как о воплощении языческих представлений. С начала XVII в. на мифологические представления наслаиваются культурно-исторические факты: *панами* начинают называть польско-литовских интервентов и врагов вообще [Криничная 1980].

Для интерпретации приведенного выше диалектного факта важно то, что синкретичный образ *панов*, по мнению исследователей, содержит в себе напластования представлений из разных эпох даже в поздние периоды существования [Криничная 1980: 127]. Отмечается, что *враждебность* панов и *враждебное* отношение к ним объясняется комплексом причин. Во-первых, восприятие панов как умерших предков рождает двойственное отношение к ним, а именно почитание и страх. «Аналогичное дуалистическое отношение распространяется и на образ “панов”, воспринимаемых как аборигены», поскольку они представляются как «этнически чужеродный элемент». Этническая же чужеродность усиливается благодаря возникновению мотива нападения врагов [Там же: 126–127].

Не имеют в настоящий момент этимологического решения следующие лексемы: олон. *горогу́шина* ‘враг’ (с вопросом к значению) [СРНГ 7: 55]; курск. *поликла́й* ‘враг, неприятель’ [СРНГ 29: 72], курск. *рындова́ть* ‘враждовать, жить недружно’ [СРНГ 35: 311], пск. *сбры́ситься* ‘проявить враждебность, злобность по отношению к кому-л.’ [СРНГ 36: 190], пенз. *скéс* ‘недоброжелатель, враг’ [СРНГ 37: 409], костром. *шардо́нка* ‘мифическое существо, демон, враждебный человек’ [СГКЗ: 422].

& 3. Выводы

Обратимся к анализу **количественной наполненности разных ТМГ**, что позволит выявить наиболее устойчивые мотивы. Данные представлены в таблице 3.

Таблица 3

ТМГ	Кол-во единиц *	
	%	слова
1 Соматика и перцепция	8	20
1. 1 Соматика	6	15
1. 2 Телесные ощущения	2	5
2 Эмоциональный, психический мир человека; поведение	25	63
2. 1 Эмоциональное состояние	3	7
2. 2 Поведение	23	56
3 Социальная жизнь	28	74
4 Общая оценка	2	6
5 Физические положения и перемещения	22	55
6 Материальный и духовный мир	4	9
6. 1 Материальные объекты	1	1
6. 2 Религия, конфессия, мифология	3	8
7 Общие свойства тел и веществ	7	17
8 Животный мир	4	9
9 Природные явления и объекты	2	4

* Процентное соотношение высчитывается от числа языковых фактов, рассмотренных нами в рамках лексического множества «Вражда».

Самой многочисленной группой (как внутри лексического множества «Вражда», так и при сопоставлении с лексическим множеством «Неприязнь») является ТМГ «Социальная жизнь». Такое распределение кажется естественным, поскольку ситуация вражды предполагает определенный тип взаимоотношений между людьми, который сопровождается эмоциями. Кроме того, вражда представляет собой наиболее конфликтный, «заостренный» тип взаимоотношений между людьми. Ключевым мотивом, подобно тому, как это было в лексическом множестве «Неприязнь», здесь становится мотив чуждости, непринадлежности к своему обществу, ср. р.

Урал *чужо́й* 'враждебный' [Малеча 4: 463], сиб., свердл., перм. *сведё́ники* 'постоянно ссорящиеся между собой люди; враги' [СРНГ 36: 224] (← том., свердл. *све́денник*, сиб, том., алт., курган., перм. *све́денник* 'сводный сын или брат' [Там же]).

Поскольку ситуация вражды обязательно включает эксплицитное выражение негативного отношения, а также ряд действий, которые враждующие стороны предпринимают, значительным наполнением отличается тематико-мотивационная подгруппа «Поведение». Большинство мотивов здесь совпадает с мотивами, реализующимися в рамках лексики неприязни (идея недоброжелательного взгляда, брани, желания нанести вред), однако появляется также мотив физической агрессии (твер. *колоті́ться* 'ссориться с кем-н., враждовать' [Селигер 3: 82–83], костром. *только хребё́т подставля́й* 'о ситуации сильной враждебности людей по отношению друг к другу' [ЛКТЭ]), а также действий, направленных на достижение собственных целей, обход врага, соперника (яросл. *идти на перебой* 'соперничать в любовных отношениях' [ЯОС 4: 133]).

Внутренняя форма большого числа лексем отражает «пространственные» представления носителей языка. Пространственный код вообще обладает значительной продуктивностью в языке, метафорически, в соответствии с ценностным осмыслением пространства в культуре представляя те или иные эмоции, типы взаимоотношений и др., ср., например, лексемы р. Урал *про́тив* 'не нравится, противен' [СРНГ 32: 268]; ряз. *переко́сок* 'неудовольствие, недоброжелательство' [СРНГ 26: 131]. Однако здесь важно отметить то, что, как говорилось ранее, «пространственные» образы в лексическом множестве «Вражда» несут в большинстве своем не только символическое наполнение, но и указание на те или иные типы поведения, противостояние сторон (арх., сев.-двин, волог., новг., зап.-брян., смол., яросл., костром., вят., иркут. *супро́тивник* 'противник, враг, неприятель' [СРНГ 42: 262], т. е. стоящий *напротив*, противодействующий; арх. *залёзть к кому* 'повести себя вызывающе, проявить враждебность' [АОС 17: 299–303]).

Обращает на себя внимание значительно меньшая наполненность ТМГ «Соматика и перцепция» в рамках лексики со значением вражды (8 %), чем в лексических множествах «Отвращение» (21 %) и «Неприязнь» (25 %). Такое положение дел объясняется тем, что лексика вражды в большей степени характеризует тип взаимоотношений между людьми; эмоциональный же компонент, который кодируется с помощью «соматической» лексики, здесь присутствует только в качестве дополнительного, но не ядерного.

Перейдем к характеристике ключевых, **сквозных мотивов**, проходящих через все пространство лексического множества.

Одним из ключевых мотивов является **мотив чуждости** врага, при этом данная идея проявляется в рамках лексического множества вражды гораздо активнее, чем во фрагменте лексической системы, содержащей наименования неприязни, ср. р. Урал *чужо́й* ‘враждебный’ [Малеча 4: 463], сарат. *розь* ‘несогласие, вражда, ссора’ [СРНГ 35: 166–167]. Мотив чуждости также может концептуализироваться через обозначение пространственных образов (арх., сев.-двин, волог., новг., зап.-брян., смол., яросл., костром., вят., иркут. *супроті́вник* ‘противник, враг, неприятель’ [СРНГ 42: 262], самар. *неприя́тель* ‘о сопернике (в любовных делах)’ [СРНГ 21: 129]). Идея чужого, не своего просматривается при указании на другие этносы (пск. *литва́* ‘неприятели, враги’ [ПОС 17: 93], забайкал. *баргу́т* ‘враг, противник’ [СРГЗ: 60] ← прибайкал. *баргу́т* ‘коренной житель Прибайкалья’ [СРГПриб 1: 23]), иноверие (башк. *басурма́н* ‘враг, недоброжелатель’ [СРГБашк: 29]), некровное родство (сиб., свердл., перм. *сведё́ники* ‘постоянно ссорящиеся между собой люди; враги’ [СРНГ 36: 224] ← свердл. *све́денники*, тобол., заурал., том. *сведё́нники*, новосиб. *сведё́нники*, *сведё́нники* ‘сводные братья и сестры’ [СРНГ 36: 224]; смол. *на́сестра* ‘любовница; соперница’ [СРНГ 25: 253], где префикс *на-* несет семантику неполного тождества).

Как мы уже отмечали, лексическое множество вражды принципиально отличается от ранее рассмотренных обязательным присутствием действий, обусловленных враждебностью к кому-л. Если говорить о **проявлении негативного отношения**, то здесь возникает мотив вербального выражения недовольства – наговоров и ссор (орл. *смусті́ть* ‘возбудить вражду, поссорить’ [СРНГ 39: 61] ← пск. *смусті́ть* ‘распространять сплетни, сплетничать’ [Там же]; пск. *ла́йка* ‘состояние взаимной вражды, ссора’ [ПОС 16: 483], ср. простореч. *лая́ться* ‘ругаться’). Совсем редко по сравнению с лексическими множествами отвращения и неприязни появляется мотив выражения недовольства взглядом (костром. *смотре́ть копрóм* ‘смотреть угрюмо, враждебно, волком’ [СРНГ 14: 297]), а также мотив прерывания контакта (перм. *перемо́та* (*перемо́ты*) *класть* ‘ссорить людей, сеять вражду’ [ФСПГ: 166]).

Напротив, поскольку вражда предполагает определенный тип взаимоотношений и связанных с ним действий, здесь возникает мотив регулярного контакта и причинения вреда друг другу участниками конфликта, ср. олон., влад. *злокома́нник* ‘недоброжелатель, враг’ [СРНГ 11: 290], смол. *подсатани́ть* ‘вооружить кого, настроить враждебно’ [СОС: 631–632], яросл. *лиходе́йка* ‘соперница’ [СРНГ 17: 78]. При этом наиболее активно функционирует **идея физического противостояния и проявления физической агрессии**. Она реализуется в различных мотивационных моделях: при указании на конкретные физические действия (твер. *колоти́ться* ‘ссориться с кем-н., враждовать’ [Селигер 3: 82–83]; онеж. *убо́ин* ‘противник в бою’ [СРНГ 46: 130], ср. общерус. *уби́ть*; вят. *поты́ка* ‘вражда, неприязнь’ [ОСВГ 8: 188]), при «пространственной»

концептуализации вражды (нижнепечор. *враг-супротивник* ‘противник, враг, неприятель’ [СРГНП 2: 330], пск. *встрѣчник* ‘противник в споре или враг’ [СРНГ 5: 27], т. е. тот, кто находится на пути, готовится к битве), метафорическом описании поведения сторон (печор. *как собака да росомáха жить* ‘враждебно относиться друг к другу’ [ФСРГНП 1: 332], арх. *жить как собака с кошкой (как кошка да собака, как собаки)* ‘находиться в плохих отношениях с кем-н., постоянно ссориться, враждовать’ [АОС 14: 210], перм. *как косá на кáмень* ‘недружно, враждебно’ [ФСПГ: 176]). Обратим внимание, что для лексического множества «Неприязнь» в большей степени был характерен мотив вербального выражения недовольства, ссор, здесь же наиболее активна идея физического противостояния, что говорит о несопоставимой интенсивности вражды по сравнению с другими типами взаимоотношений.

Неоднократно повторяется указание на *вражду* как определенное **отклонение от нормы, от нормального положения дел в обществе**, что подчеркивается мотивами пространственного беспорядка (тамб. *излáд* ‘ссора, несогласие, вражда’ [СРНГ 12: 137]), отклонения от определенного направления (мурман. *раскóсье* ‘вражда, раздор’ [СРГК 5: 450]), негодности чего-л. (влад. *зáнадра* ‘ссора, брань, вражда’ [СРНГ 10: 273], ср. общерус. *драть*; без указ. места *разрух* ‘разрыв отношений, раздор, вражда, война’ [СРНГ 34: 65–66]).

С точки зрения лингвопрагматики особенностью наименования субъектов ощущения в данном лексическом множестве в отличие от ранее рассмотренных является то, что понятие врага чаще всего обозначает взаимный статус людей. Именно поэтому действия врага всегда оцениваются тем, с кем связывают неприязненные отношения этого человека. Происходит характеристика и оценка поведения врага: заурал., ср.-урал. *грубиян* ‘соперник (в любви)’ [СРНГ 7: 156], волог. *перебóйник* ‘соперник в любви; молодой человек, который стремится, возбуждив симпатию, любовь к себе заставить разлюбить другого’ [СВГ 7: 28].

При описании непосредственных взаимоотношений сложно выявить точку зрения наблюдающего, поскольку лексика, связанная с враждой, зачастую описывает поведение. Можно предполагать, что, вероятно, точку зрения субъекта отражают слова, во внутренней форме которых описываются те или иные ощущения: иркут *обостр́иться* ‘враждебно настроиться, разозлиться на кого-л.’ [СРНГ 22: 183], арх. *в занóзе быть* ‘враждовать с кем-н.’ [АОС 18: 217]). Однако в случаях, когда указывается на поведение сторон (кубан., бурят. *рука́ ру́ку мину-ет* ‘о вражде, ссоре между кем-л.’ [СРНГ 35: 244], арх. *дотогó довоевáть* ‘враждуя, ссорясь, долго пробыть в этом состоянии’ [АОС 11: 225], без указ. места *свáдиться* ‘ссориться, браниться, враждовать’ [СРНГ 36: 201]), типы социальных отношений (сарат. *розь* ‘несогласие, вражда,

ссора' [СРНГ 35: 166–167], р. Урал *размирёние* 'война, состояние вражды, борьба с кем-л.' [СРНГ 34: 22]), точка зрения не выражена эксплицитно.

Заключение

В данной работе была проанализирована русская диалектная лексика и фразеология со значением неприятия, отторжения с точки зрения семантических и мотивационных отношений, при этом одной из задач исследования стала этнолингвистическая интерпретация полученных результатов. Мы исходили из того, что ситуации возникновения отвращения, неприязни и вражды обладают определенной долей социально-культурной детерминированности: специфичны представления об особенностях того или иного типа негативного отношения, о причинах его возникновения, о существовании типичных субъектов, для которых характерны те или иные состояния, а также объектов, которые могут вызывать различные чувства. Все это не может не отразиться в лексической системе (в нашем случае – в лексике русских народных говоров). Изучение языковых фактов, обозначающих неприятие, позволило выйти к его социально-культурной подоплеке.

Всего было собрано более 1500 лексических и фразеологических единиц, воплощающих идею неприятия, отторжения в русских диалектах. Наиболее наполненной оказалась группа лексики отвращения, на нее приходится около 950 языковых фактов, в то время как лексем со значением неприязни и вражды около 300 и около 250 единиц соответственно. Думается, что это объясняется несколькими причинами. Во-первых, для диалектного языкового идиома, а вернее для традиционного общества, в меньшей степени актуален дискурс вражды в отличие от современного городского пространства, где язык вражды во многом функционирует в контексте политической повестки и разного рода идеологического противостояния. Ср., например, выводы О. Д. Суриковой о неразработанности понятия врага для рекрутских причитаний второй половины XIX в. при преимущественной сосредоточенности текстов на образе и судьбе солдата-односельчанина [Сурикова 2022: в печати].

Лексика вражды в целом, как это видится в ходе анализа языковых данных, в меньшей степени характерна для традиционного сообщества, поскольку оно характеризуется определенной степенью социальной однородности и взаимодействия – и существование социальной напряженности большого масштаба было бы разрушительно. Негативные взаимоотношения, связанные с тем, что стороны имеют различные интересы, скорее, проявляются в соперничестве, а точнее в соперничестве в любви, ср. твер. *сопротѣвник* ‘соперник в любви’, новг., волог. *своѣня* ‘соперница в любви’. Такой тип отношений является менее «заостренным», чем собственно вражда, но в то же время он вскрывает существование принципиальных противоречий между людьми.

Вторая причина, по которой, как кажется, лексика со значением отвращения имеет значительную проработку в диалектном языковом материале, заключается в большей привязанности брезгливости к определенным бытовым и поведенческим сценариям. Отвращение обращает на себя пристальное внимание в таких значимых для традиционной культуры ситуациях, как гощение и поведение за столом, а также в быту, о чем свидетельствуют многочисленные контексты: рус. коми *моргутный* 'брезгливый': *Вы не моргутные? Ешьте, у меня руки чистые, хоть и бедно я одета*, тюмен. *моргливой* 'брезгливый': *До чё морглива бабушка, не любит кушать в гостях*, прибайкал. *брезгучий* 'очень брезгливый': *Брезгуча она шибко, таракана увидала – так ее и выполоскало*. Об этом же говорит существование разработанной мотивационной модели, указывающей на определенный тип поведения человека за столом: например, слова пск. *перебо́рливый* 'брезгливый' ← общенар. *перебирать*; смол. *влéзливый* 'брезгливый' ← общенар. *влезать*; костром. *исковы́ркаться* 'побрезговать, выразить недовольство' ← общенар. *ковыряться*, которые указывают на то, как человек «роется» в том, что ему предложили, тщательно обдумывая, что он съест.

Неприязнь и вражда в целом представляются более абстрактными понятиями, в меньшей степени связанными со строго заданными ситуациями. Однако здесь можно вспомнить про привязанность *соперничества* к определенному сценарию, а именно к сценарию борьбы за *милото* или *милую* с кем-л. Если говорить еще более конкретно, то особую роль в лексикализации понятия играет фольклорный жанр наветки, который приурочен к ситуации соперничества в любви: костр. *Перебо́ечка идёт, / Идёт и не поклонится. / Она боится поклониться – / Шея переломится*.

С позиций **мотивационных отношений** лексика неприятия распределяется на 9 тематико-мотивационных групп: «Соматика и перцепция», «Эмоциональный, психический мир человека; поведение», «Социальная жизнь», «Общая оценка», «Физические положения и перемещения», «Материальный и духовный мир», «Общие свойства тел и веществ», «Животный мир», «Природные явления и объекты».

Тематико-мотивационные группы неравномерно заполнены в рамках лексических множеств «Отвращение», «Неприязнь» и «Вражда». Большую роль в концептуализации негативного отношения играют слова с семантикой соматики и перцепции. Представляется, что это неуникально для лексики эмоций вообще, поскольку нечеткий мир эмоций находит выражение в конкретных «телесных» образах, ср. волг. *дёр дерёт* 'о чём-л. грубом, неприятном', р. Урал *нос воротит* 'очень невкусно, вызывает отвращение, очень неприятно', курск. *в остылицу войти кому-либо* 'вызвать чью-либо неприязнь'. Как отмечает М. Якубович, «кажется вполне справедливым мнение, согласно которому физиология человека является основной мотивационной базой эмоциональной лексики. Следует подчеркнуть тот факт, что именно так

образованы названия эмоций, определяемые психологами как начальные, свойственные людям на каждом этапе развития» [Якубович 2003: 193]. В связи с этим положением обращает на себя внимание малая роль ТМГ «Соматика и перцепция» при выражении семантики вражды.

Для вражды, которая наиболее тесно (по сравнению с неприязнью и отвращением) связана с поведением человека, более характерно выражение через другие группы лексики, не «ориентированные» на тело человека. Так, например, идея вражды зачастую воплощается через социальные образы, на них приходится 28 % от общего числа лексем в группе, в то время как в лексическом множестве неприязни социальные смыслы представлены лишь в 13 % фактов, а при языковой концептуализации отвращения данная ТМГ отсутствует вообще. В пример можно привести слова типа р. Урал *чужо́й* 'враждебный', пск. *незва́ный гость* 'о неприятеле, захватчике'.

Другой пример, подчеркивающий значительную «акциональность» вражды, – это активность ТМГ «Физические положение и перемещения». Если при передаче идеи неприязни пространственные образы несли зачастую лишь символическую функцию (ср. арх. *отки́дывать* 'недолюбливать'), то в контексте семантики вражды они обозначают конкретное физическое противостояние: яросл. *наты́ркать* 'натравить, враждебно, агрессивно настроить против кого-л.', ср. карел., свердл. *ты́ркать* 'толкать кого-, что-л.'; арх. *залёзть к кому* 'повести себя вызывающе, проявить враждебность'.

Именно идея физической агрессии как формы выражения негативного отношения отличается лексическое множество «Вражда» на уровне мотивационных отношений; этот мотив здесь наиболее продуктивен среди других, связанных с идеей поведенческих реакций, ср. арх. *втычки́* 'враждебно, неприветливо', костром. *только хребё́т подставля́й* 'о ситуации сильной враждебности людей по отношению друг к другу'.

Для наиболее «физиологического» ощущения – отвращения – заметно важнее с точки зрения мотивации лексика, называющая объекты материального мира: язык фиксирует предметы, возбуждающие неприятие (арх., волог. *о́мег* 'неприятная на вкус или вредная пища' ← 'ядовитое растение'). «Физиологичностью» (и даже «телесностью») брезгливости объясняется и значительная наполненность ТМГ «Природные явления и объекты»: обозначаются объекты отвращения (твер. *сля́коть* 'мерзость') или же через природные образы передается информация о самочувствии человека (вят. *хму́рно* 'неприятно'). Неприязнь менее «телесна», поэтому для лексики этой группы более характерно использование образов из сферы поведения, социальной жизни. Лексика вражды же предполагает определенный тип взаимоотношений, и потому в словах этой группы чаще передается информация о поведении.

Наблюдается весьма значительное разнообразие мотивационных моделей, содержащихся в приведенных тематико-мотивационных группах. Тем не менее можно говорить о некоторых

сквозных моделях, которые свидетельствуют о сходствах в осмыслении отвращения, неприязни и вражды.

Во-первых, для всех лексических множеств характерно представление о **внешнем выражении недовольства**, причем поведение в таком случае может иметь как общие черты, так и приобретать различные формы в рамках разных групп лексики. Так, например, мотив ругани, брани присущ всем рассматриваемым лексическим множествам, ср. волог. *фуньга́стый* ‘недоброжелательный, неприветливый’ ← ‘постоянный недовольный чем-либо; ворчливый’; тамб., олон. *поха́бно* ‘мерзко, гадко, противно’, ср. *похабить* ‘ругать’; пск. *ла́йка* ‘состояние взаимной вражды, ссора’, ср. простореч. *лаяться*.

Языковое закрепление форм выражения неприятия обусловлено несколькими причинами. Во-первых, эмоциональный мир человека, оценка кого-чего-л. являет себя именно в поведении. Во-вторых, поведенческие проявления отношения к кому-чему-л. воздействуют определенным образом на взаимоотношения между людьми. В народной культуре существуют некоторые регламентированные формы и сценарии поведения, отклонение от которых обращает на себя внимание. Так, например, культурно нагружена ситуация угощения. Неприемлемо выражение отвращения и брезгливости по отношению к угощению, что отражается в специфических (по сравнению с лексикой неприязни и вражды) языковых фактах лексического множества «Отвращение». Только в рамках лексики отвращения появляются наименования инстинктивных, физиологических, неосознанных реакций на какой-л. объект: хакас., краснояр. *передёргиваться* ‘проявлять брезгливость’: *Не надо было садиться за стол, чем так передергиваться*; ко-стром. *чувы́рится* ‘брезговать, отказываться от еды’: *Сидит чувы́рится, не ест ничего*, ср. ко-стром. *исчувы́рится* ‘сморщиться, скривить лицо’. Как проявление недоброжелательности расценивается стремление человека к уединению, что нарушает нормы общежития, гостеприимства: волог., арх., перм., сиб. *угла́н* ‘угрюмый, недоброжелательный, злой человек’, перм. *сидеть на заперте́ (на крючке́, под бадого́ми)* ‘жить за постоянно замкнутой дверью, что является символом негостеприимства, недружелюбия’, перм. *ноги не замётывать* ‘не бывать у кого-л. в знак выражения неприязни’.

В рамках лексики со значением выражения неприятия выделяется мотив **причинения вреда** объекту негативного отношения, ср., например, перм. *вредительница* ‘недоброжелательная, неприязненно настроенная женщина’, омск. *(готов) на нож посадить* ‘о чувстве ненависти, крайней неприязни к кому-л.’, яросл. *лиходёйка* ‘соперница’. Наиболее активна здесь лексика со значением вражды. Такое положение дел объясняется тем, что семантика вражды обладает максимальной интенсивностью по сравнению с другими рассматриваемыми значениями. В то же время идея причинения вреда совсем не характерна для лексического множества «Отвращение».

Устойчиво повторяется в группах лексики «Отвращение» и «Неприязнь» **мотив прерывания контакта**, ср. енис. *с души прёт* 'кто-либо испытывает сильную неприязнь, отвращение к кому-, чему-либо', перм. *отворóтный* 'неприятный на вкус, противный'. Взаимодействие с неприятным явлением или объектом действительности заставляет испытывать неприятные ощущения, что побуждает отстраниться от него. При этом такое прерывание контакта может происходить по сугубо физиологическим причинам, когда человек рефлекторно отшатывается от чего-либо, либо же быть более «сознательным», когда субъект ощущения делает выбор. Для лексики вражды этот мотив менее характерен, очевидно, поскольку здесь идет речь о противодействии участников конфликта, прямых столкновениях и борьбе между ними.

Поскольку лексика отвращения и неприязни во многом воплощает представления о чувствах человека, то здесь устойчиво проявляется **мотив ощущения физического дискомфорта**. Негативные эмоции отвращения и неприязни сопоставляются с неприятными телесными ощущениями, как в новосиб. *сердце не переваривает* 'о чувстве отвращения, неприязни', твер. *назóла* 'неприязнь'.

Поскольку неприязнь, с одной стороны, может быть непосредственной, «телесной», а с другой, может быть связана с ментальной оценкой и устойчивым типом отношения, то она «делит» с враждой общий **мотив чуждости**. Участники ситуации неприязни или вражды оцениваются в категориях своего / чужого, ср. арх. *несвóчатый* 'о недружелюбном, замкнутом человеке; о человеке, который не поддерживает семейные отношения' (< не свой); курск. *басурман* 'иноверец, враг, противник' (где иноверие воспринимается как знак чужого мира). При этом стоит отметить, что данная метафора хорошо «работает» на современном этапе существования диалектов, но при этом имеет древние корни, о чем говорит обилие древней лексики, ср. тамб. *вragу́н* 'враг, недоброжелатель, недруг', арх. *недру́жливый* 'недружный'.

Результаты семантико-мотивационного анализа, а именно устойчивость лексического воплощения исследуемых смыслов, разнообразие семантико-мотивационных моделей лексем свидетельствуют о значимости исследуемых фрагментов лексической системы для носителей языка и существовании особых представлений об отвращении, о неприязни и вражде. Анализ строился с опорой на прототипическую ситуацию отвращения, неприязни и вражды, которая служит эффективным инструментом экспликации и представления народных воззрений, стоящих за языковыми фактами. Те или иные мотивационные модели тяготеют к характеристике того или иного компонента прототипической ситуации. Последовательный их анализ позволяет выявить **комплекс признаков, которые присущи образу**, например, субъекта или объекта прототипической ситуации.

Скажем, семантико-мотивационные модели, связывающие безгливость и разнообразные свойства личности, зачастую характеризуют субъекта прототипической ситуации отвраще-

ния, приписывая ему высокомерие (костром. *чуфíня* ‘брезгливый человек’ ← костром. *чуфýниться* ‘чваниться, вести себя заносчиво’), капризность (ряз. *скабѣжник*, *скабѣжница* ‘брезгливый человек’, ср. вят. *быз* ‘капризный ребенок’) или излишнюю чистоплотность (перм. *чистóка* ‘человек, чистоплотный до брезгливости, привередливости’). Когда же речь идет об объекте отвращения, то он в зеркале языка обладает такими качествами, как, например, назойливость (ряз., новг., вят., горьк., сиб. *прítка* ‘неприятный человек, вызывающий досаду, упреки’, ср. *ткнуть*, *тыкать*, модель развития значения: ‘прижиматься, прислоняться к кому-чему-либо’ → ‘неотвязный, надоедливый человек’ → ‘неприятный человек, вызывающий досаду, упреки’), неприветливость (без. указ. места *серьѣзный* ‘угрюмый, мрачный, неприятный’), злость (тул. *лю́торный* ‘противный, гадкий’ ← *лю́тый* ‘злой, свирепый’) и др. Совокупность рассмотренных в работе моделей позволяет увидеть основные черты, присущие языковому образу субъекта негативного отношения, испытываемых им чувств, его поведения, объекта неприятия.

Однако в задачи исследования входила не только реконструкция воплощающего представления о неприятии, отторжении фрагмента языковой картины мира. Важной целью было объяснение **происхождения языковых фактов с семантикой отвращения, неприязни и вражды.**

В рамках лексики, содержащей компоненты «отвращение», «неприязнь», «вражда», присутствует множество «темных» лексем, что объясняется древностью некоторых языковых фактов, их комплексной семантикой, а также экспрессивным характером. В работе приведены реконструкции разной степени глубины. Так, были осуществлены семантико-мотивационные реконструкции, восстанавливающие логику развития значения той или иной лексемы, как, например, для ленингр. *ра́чить* ‘брезговать’, волог. *бóдриться* ‘пренебрегать гостеприимством, брезговать угощением’, морд. *шóбраский* ‘недоброжелательный, вредный’, пск., твер. *побрóдливый* ‘пакостный, мерзкий, отвратительный’, прибайкал. *подсевúха* ‘человек, любящий сеять раздор, вражду’. Для ряда лексем были предложены этимологические интерпретации: арх. *сóгра* ‘недоброжелательный человек’, калуж. *кóбзовать* ‘брезговать’, дон. *скабѣжливый* ‘брезгливый’, пск., твер. *посвúрывать* ‘привередничать, брезговать’, костром. *чувýриться* ‘брезговать, отказываться от еды’, костром. *чупýриться* ‘брезговать едой’, курск., калуж., ворон. *несу́ютный* ‘недружный, несогласный’, волог. *ха́рмовать* ‘брезговать’ и др.

В завершение укажем **перспективы дальнейшего исследования**: ■ прояснение мотивационных связей и этимологии «темных» лексем, не проинтерпретированных пока нами; ■ сопоставление диалектной лексики и лексики литературного языка с целью выявления отличий в осмыслении негативного отношения к кому-чему-л. современным, городским сознанием и тра-

диционным, деревенским; ■ рассмотрение лексики, воплощающей представления носителей языка о положительном полюсе исследуемых ощущений – «приятии».

Список литературы

Словари и источники

1. Акчим – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) : в 6 вып. / гл. ред. Ф. Л. Скитова. – Пермь : [б. и.], 1984–2011.
2. АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова : Наука, 1980–. – Вып. 1–.
3. АС – Активный словарь русской языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2014–. – Т. 1–.
4. Астафьева – Частушки / [сост., подгот. текстов, предисл. и коммент. Л. А. Астафьевой ; худож. А. Максимов]. – М. : Современник, 1987. – 492 с.
5. БСРП – Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
6. БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчив. словосочетаний / [редкол.: В. И. Дегтярев, Р. И. Кудряшова, Б. Н. Проценко, О. К. Сердюкова]. – М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2003. – 608 с.
7. БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко ; [авт.-сост.: Л. Г. Бабенко и др.]. – 2-е изд., стер. – М. : АСТ-Пресс, 2008. – 862 с.
8. БТССРР – Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. 2000 синонимических рядов. 10 500 синонимов / под ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-Пресс, 2008. – 752 с.
9. Ванюшечкин В. Т. Словарь русских народных говоров рязанской Мещеры. Материалы по русской диалектологии : учебное пособие : в 2 ч. / В. Т. Ванюшечкин. – Воронеж : [б. и.] ; Саратов : Научная книга, 1983–2002.
10. ВС – Вершининский словарь : в 7 т. / гл. ред. О. И. Блинова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002.
11. Ганцовская КГ – Костромские говоры : учеб. комплекс : в 2 т. / Н. С. Ганцовская ; сост. Г. И. Маширова ; отв. ред. Г. Д. Неганова. – Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018.
12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Репр. воспроизведение изд. 1880–1882 гг. – М. : Русский язык, 1989–1990.

13. Деулино – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / материал собрали и словарь сост. Г. А. Баринова, Т. С. Коготкова, Е. А. Некрасова [и др.]; под ред. И. А. Оссовецкого. – М. : Наука, 1969. – 612 с.
14. *Дилакторский* – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. – СПб. : Наука, 2006. – 677 с.
15. ДСНО – Диалектный словарь Нижегородской области / [редкол.: Л. А. Климкова, Н. В. Казанцева, Е. А. Колтунова и др.]. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2013–. – Вып. 1–.
16. *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. – 455 с.
17. ЖРКП – *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов / И. С. Меркурьев. – Мурманск : Мурманское книжное издательство, 1979. – 184 с.
18. *Зотов Г. В.* Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / Г. В. Зотов ; под ред. А. А. Соколянского. – Магадан : Изд-во СВГУ, 2010. – 539 с.
19. КГ – *Ткаченко П. И.* Кубанский говор : балакачка : Опыт авторского словаря / П. И. Ткаченко. – 3-е изд., доп. и уточн. – Краснодар : Традиция, 2012. – 400 с.
20. КГМС – *Борисова О. Г.* Кубанские говоры: Материалы к словарю. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2005. – 252 с.
21. КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
22. КСТулГ – *Гришин В. С.* Краткий словарь тульских говоров. Вып. 1 / В. С. Гришин. – Новомосковск : [б. и.], 2008 (Узловск. тип.). – 48 с.
23. *Леонтьева Т. В.* Идеографический словарь русской социальной лексики: общество и человек / Т. В. Леонтьева. — Екатеринбург : Ажур, 2018. — 554 с.
24. ЛКТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
25. *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. / Н. М. Малеча. – Оренбург : Оренбургское книжное издательство, 2002–2003.
26. МАС – Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 1–4.
27. МСПГ – *Дмитровский А. З.* Малый словарь почепского говора / А. З. Дмитриевский. – Калининград : [б. и.], 2010. – 44 с.

28. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003–2022. – URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.05.2022).
29. НОС – Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. – СПб. : Наука, 2010. – 1435 с.
30. НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. руководством Ю. Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры ; Вена : Wiener slavistische almanach, 2004 (ГУП Моск. тип. j 2). – 1417 с.
31. ООСБ – *Кошарная С. А.* Опыт областного словаря Белгородчины. Дифференциально-сопоставительный словарь: 3700 слов / С. А. Кошарная, А. С. Алейник, А. И. Медведева ; под общ. ред. С. А. Кошарной. – Белгород : Эпицентр, 2017. – 336 с.
32. ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / [под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной]. – Киров : Коннетика : Изд-во ВятГГУ : Радуга-ПРЕСС, 2012–. – Вып. 1–.
33. *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. И. Подвысоцкий. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1885. – 198 с.
34. ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными / [редкол.: Б. А. Ларин, А. С. Герд, С. М. Глускина и др.]. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та ; СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–. – Вып. 1–.
35. ПРС – *Ковалёва Г. В.* Польско-русский и русско-польский словарь / Г. В. Ковалёва. – 9-е изд., испр. М. : Рус. яз–Медиа : Дрофа, 2010. – 528 с.
36. ПСДЯЛ – Полный словарь диалектной языковой личности : в 4 т. / авт.-сост. Т. Б. Банкова, Е. В. Бельская, З. М. Богославская [и др.] ; под ред. Е. В. Иванцовой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012.
37. РГ-80 – Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980.
38. РГБ – *Мызников С. А.* Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря / С. А. Мызников. – СПб. : Наука, 2010. – 496 с.
39. РДС – Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. – СПб. : Петербургский писатель, 1995. – 640 с.
40. СБГ – Словарь брянских говоров / [сост.: Е. В. Алексеева, Т. Г. Аркадьева, Т. А. Бабешкина ; под ред. В. А. Козырева, В. И. Чагишевой]. – Ленинград : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976–. – Вып. 1–.
41. СВГ – Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Л. Ю. Зориной, Т. Г. Паникаровской. – Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.
42. СВоронГ – Словарь воронежских говоров / под ред. Г. Ф. Ковалева. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004–. – Вып. 1–.

43. СГД – Маслов В. Г. Словарь говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области / В. Г. Маслов. – Тула : Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2007. – 122 с.
44. СГКЗ – *Ганцовская Н. С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи / Н. С. Ганцовская. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова ; М. : Книжный клуб Книговек, 2015. – 512 с.
45. СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. – Т. 1–.
46. СГРСБС – *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / Г. В. Афанасьева-Медведева. – СПб : Наука ; Иркутск : [б. и.], 2007–. Т.1–.
47. СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995–2012.
48. СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. – Волгоград : Изд-во ВГИПК РО, 2006–. – Вып. 1–.
49. Селигер – Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь / под ред. А. С. Герда. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003–. – Вып. 1–.
50. Симаков – *Симаков В. И.* Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний / В. И. Симаков. – Ярославль : Тип. К. Ф. Некрасова, 1913. – 673 с.
51. СКГ – Словарь курских говоров / [науч. ред. Т. А. Пименова]. – Курск : Изд-во КГУ, 2004–. – Вып. 1–.
52. СМСПГ – Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров. Вып. 1 : А–Б / авт.-сост. В. Б. Сузанович ; [редкол.: Л. И. Шаповалова (отв. ред.), И. Н. Лапицкая, Т. С. Воробьева]. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. – 196 с.
53. СНГЗБ – *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров) / П. А. Расторгуев ; ред. Е. М. Романович. – Минск : Наука и техника, 1973. – 296 с.
54. СОГ – Словарь орловских говоров / науч. ред. Т. В. Бахвалова. – Ярославль : Изд-во ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1989–1991. Вып. 1–4 ; Орел : Изд-во ОГУ им. И. С. Тургенева, 1992–. Вып. 5–.
55. СОЕСГ – Словарь образных единиц сибирского говора / авт.-сост. О. И. Блинова, М. А. Толстова, Е. А. Юрина ; под ред. О. И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. – 220 с.

56. СОС – Смоленский областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. – Смоленск : Типография П. А. Силина, 1914. – 1022 с.
57. СПГ – Словарь пермских говоров : в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. – Пермь : Книжный мир, 1999–2002.
58. СППП – Словарь псковских пословиц и поговорок : 13 000 единиц / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : НОРИНТ, 2001. – 173 с.
59. СПЧ – Сказки, песни, частушки Вологодского края / под ред. В. В. Гура. – Вологда : Северо-Зап. кн. изд-во, 1965. – 331 с.
60. СРГА – Словарь русских говоров Алтая : в 4 т. / под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Ивановой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993–1998.
61. СРГБашк – Словарь русских говоров Башкирии. А–Я / под ред. З. Н. Здобновой. – Уфа : Гилем, 2008. – 406 с.
62. СРГВСМ – *Моисеенко М. Ф.* Словарь русских говоров Волжско-Свияжского междуречья / М. Ф. Моисеенко. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 158 с.
63. СРГЗ – *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья / Л. Е. Элиасов. – М. : Наука, 1980. – 472 с.
64. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
65. СРГКПО – *Копытов Н. Ю.* Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Н. Ю. Копытов, И. А. Подюков, А. В. Черных. – Пермь : Пермский гос. пед. ун-т : ПОНИЦАА, 2006. – 272 с.
66. СРГМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 ч. – СПб. : Наука, 2013. – Ч. I. – С. 1–672. – Ч. II. – С. 673–1560.
67. СРГМ/Д – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Дополнительный выпуск. – СПб. : Наука, 2015. – 243 с.
68. СРГНовосибО – Словарь русских говоров Новосибирской области / [сост.: Н. Т. Бухарева, Л. Г. Панин, Л. В. Петропавловская и др.] ; под ред. д. филол. н. А. И. Федорова. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1979. – 605 с.
69. СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. – СПб. : Филологический ф-т СПбГУ : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003–2005.
70. СРГО – Словарь русских говоров Одесщины : в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Карпенко, С. Уэмура. – Одесса : Астропринт, 2000–2001.
71. СРГПриам – Словарь русских говоров Приамурья / сост. Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин [и др.] ; отв. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1983. – 342 с.

72. СРГПриб – Словарь русских говоров Прибайкалья : в 4 вып. / [редкол.: Ю. И. Кашевская (отв. ред.), М. А. Серышева, П. Г. Соколов, М. Б. Ташлыкова]. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986–1989.
73. СРГС – Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Фёдорова ; сост. Н. Т. Бухарева, Т. А. Голикова, Е. В. Панкратова, А. И. Фёдоров. – Новосибирск: Наука : Сиб. предприятие РАН, 1999–2006.
74. СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края. Вып. 1: А– В / [авт.-сост.: И. И. Бакланова и др.] ; гл. ред. И. И. Русинова. – Пермь : Пермский гос. ун-т, 2011. – 363 с.
75. СРГСРКК – Словарь русских говоров северных районов Красноярского края / отв. ред. Г. Г. Белоусова. – Красноярск : Изд-во КГПИ, 1992. – 348 с.
76. СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. – Свердловск : Среднеуральское книжное изд-во : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
77. СРГСУ/Д – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. – 580 с.
78. СРГЦРКК – Словарь говоров центральных районов Красноярского края : в 5 вып. / под общ. ред. С. П. Васильевой, О. В. Фельде (Борхвальдт). – Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева, 2003–2010.
79. СРГЮП – *Подюков И. А.* Словарь русских говоров Южного Прикамья : в 3 вып. / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова [и др.]. – Пермь : Изд-во ПГГПУ, 2010–2012.
80. СРГЮРКК – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / [редкол.: В. Н. Рогова (отв. ред.), К. П. Римашевская, В. В. Алехина]. – Красноярск : [б. и.], 1968. – 230 с.
81. СРДГ – Словарь русских донских говоров : в 3 т. / [редкол.: В. С. Овчинникова (отв. ред.), З. В. Валюсинская, М. П. Выгонная и др.]. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1975–1976.
82. СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. – М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. – Вып. 1–.
83. СРСГТЯ – *Дружинина М. Ф.* Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии : учебное пособие : в 3 вып. / М. Ф. Дружинина. – Якутск : Изд-во Якутского ун-та, 1997–2007.
84. СРСГЮТО – Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области : в 2 т. / под ред. С. М. Беляковой. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2014.

85. ССГ – Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. – Смоленск : СГПИ/СГПУ, 1974–2005.
86. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. А. А. Шахматова. – М. ; Л. : Наука, 1948–1965.
87. СССГ – Словарь синонимов сибирского говора / авт.-сост. О. И. Блинова, М. Э. Гавар, М. А. Толстова ; под ред. О. И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. – 456 с.
88. ССЯСЗ – Следы : Словарь языка семьи Захаровых (город Макарьев Костромской области) / сост., предисл. и заключ. Л. А. Громовой. – М. : Белый Ветер, 2016. – 176 с.
89. СТГ – Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура) / сост. С. В. Пискунова, Т. В. Махрачева, В. В. Губарева. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. – 278 с.
90. СТУЛГ – Романов Д. А. Словарь тульских говоров. Часть первая: А–Д / Д. А. Романов, Н. А. Красовская. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2015. – 229 с.
91. СФИУСРГС – Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров ; под ред. чл.-кор. АН СССР Ф. П. Филина. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1972. – 207 с.
92. ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области : в 5 вып. / [ред. Т. В. Кириллова, Л. Н. Новикова]. – Тверь : ТвГУ, 2002–2006.
93. ТСЛРЯ 2007 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2007. – 1175 с.
94. УНС – Устьянский народный словарь / ред. А. А. Истомин, В. П. Мамонов, В. П. Силин [и др.]. – 2-е изд., испр. – Октябрьский : [б. и.], 2013. – 496 с.
95. ФСПГ – Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров / К. Н. Прокошева. – Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. – 431 с.
96. ФСРГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. – СПб. : Наука, 2008
97. ФСРГП – Фразеологический словарь русских говоров Прибайкалья : ок. 2000 единиц / [сост.: С. С. Аксенова, Н. Г. Баканова, Н. А. Смолякова] ; науч. ред. Н. Г. Баканова. – Иркутск : ИГУ, 2006. – 295 с.
98. ЯОС – Ярославский областной словарь : в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. – Ярославль : ЯГПИ имени К. Д. Ушинского, 1990.

Исследования

1. Агапкина 1994 – *Агапкина Т. А.* Чужой среди своих / Т. А. Агапкина // Миф и культура: человек-не-человек : Тез. конф., нояб. 1994 г. / [редкол.: Л. А. Софронова, Л. Н. Титова]. – М. : ИСБ, 1994. – С. 15–18.
2. Адоньева 2004 – *Адоньева С. Б.* Прагматика фольклора / С. Б. Адоньева. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та : Амфора, 2004. – 312 с.
3. Аникин РЭС – *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь / А. Е. Аникин. – М. : Рукописные памятники Древней Руси : Знак : Нестор-История, 2007–. – Вып. 1–.
4. Апресян В. Ю. 2010 – *Апресян В. Ю.* Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке / В. Ю. Апресян // Русский язык в научном освещении. – 2010. – № 2 (20). – С. 26–57.
5. Апресян В. Ю. 2011a – *Апресян В. Ю.* Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. – 2011. – № 1. – С. 19–51.
6. Апресян В. Ю. 2011b – *Апресян В. Ю.* Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. – 2011. – № 2. – С. 63–88.
7. Апресян В. Ю. 2015 – *Апресян В. Ю.* Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке спец. 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... д-ра филол. наук / В. Ю. Апресян ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук. – М. : [б. и.], 2015. – 637 с.
8. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. 1993 – *Апресян В. Ю.* Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
9. Бабенко 1989 – *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
10. Баженов 2016 – *Баженов Н. Ю.* Образ физического противостояния как способ метафорической концептуализации словесного выражения эмоций и оценки в русских говорах / Ю. Н. Баженов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2016. – Т. 22, № 3.2. – С. 300–303.
11. Байбурин, Топорков 1990 – *Байбурин А. К.* У истоков этикета: Этнографические очерки / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. – Л. : Наука. Ленинградское отд-ние, 1990. – 165 с.
12. Бакуменко, Филиппова 2016 – *Бакуменко Л. И.* Образ врага в языковом сознании якутов / Л. И. Бакуменко, С. В. Филиппова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12 (66), ч. 4. – С. 188–190.

13. Балакин 2020 – *Балакин С. В.* Моделирование развития концептосферы (на примере концепта ВРАГ / FEIND / С. В. Балакин // Евразийский гуманитарный журнал. – 2020. – № 3. – С. 13–18.
14. Балашова 2004 – *Балашова Е. Ю.* Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях : спец. 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Балашова ; Саратовская государственная академия права. – Саратов : [б. и.], 2004. – 261 с.
15. Белова 2005 – *Белова О. В.* Тело «иногородца» / О. В. Белова // Тело в русской культуре. Сборник статей / сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 147–158.
16. Бенвенист 1995 – *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / Э. Бенвенист ; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс : Универс, 1995. – 456 с.
17. Березович 2007 – *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.
18. Березович 2014 – *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция / Е. Л. Березович. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. – 488 с.
19. Березович 2016 – *Березович Е. Л.* Душа и сердце как органы «шестого чувства» (на материале русского языка / Е. Л. Березович // *Antropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej*. Т. 1: *Dusza w oczach świata* / pod red. E. Masłowskiej, D. Pazio-Włazłowskiej. – Warszawa : IS PAN, 2016. – S. 179–194.
20. Березович 2021 – *Березович Е. Л.* Кулеи 'ряженный' и 'нечистая сила' / Е. Л. Березович // Русский Север: лексика и ономастика / редкол.: Е. Л. Березович, Н. В. Кабинина, В. С. Кучко, К. В. Осипова. – М. : Индрик, 2021. – 840 с. (Серия: «Традиционная духовная культура славян. Современные исследования».)
21. Березович, Кабакова 2017 – *Березович Е. Л.* «Нутро» в зеркале вторичной номинации в русском языке: «человек психический» и «человек социальный» / Е. Л. Березович, Г. И. Кабакова // Антропоцентризм в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2017. – С. 227–263.
22. Березович, Кучко 2017 – *Березович Е. Л.* Еще раз об этимологии рус. *мазурик* 'мошенник' (в свете культурно-языкового образа мазура в славянских традициях) / Е. Л. Березович, В. С. Кучко // *Slověne*. – 2017. – № 1. – С. 413–448.
23. Березович, Леонтьева 2016 – *Березович Е. Л.* Наветка как форма символического осуждения / Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева // *Живая старина*. – 2016. – № 2 (90). – С. 49–52.

24. Березович, Леонтьева 2017 – *Березович Е. Л.* НАМЕК в диалектной лингвокультурной среде: жанровая разновидность и лексические репрезентации понятия / Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 47. – С. 5–27.
25. Березович, Сурикова 2017а – *Березович Е. Л.* К реконструкции лексического состава русских народных проклятий: общая характеристика предиката проклятия / Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова // *Jezikoslovni zapiski. Ob jubileju Ljubov Viktorovne Kurkine.* – 2017. – № 23 (2). – С. 67–81
26. Березович, Сурикова 2017б – *Березович Е. Л.* Пространственные и временные маркеры в текстах русских проклятий (на материале лексики русских народных говоров) / Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. XII: Диалектология / гл. ред. А. М. Молдован. – М., 2017. – С. 137–159.
27. Березович, Сурикова 2017в – *Березович Е. Л.* Злопожелания в диалектных словарях русского языка: проблемы лексикографической интерпретации / Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 19, № 4 (169). – С. 9–21.
28. Березович, Сурикова 2017г – *Березович Е. Л.* К семантической реконструкции лексики проклятий (на материале говоров Волго-Двинского междуречья) / Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – С. 28–33.
29. Березович, Сурикова 2018 – *Березович Е. Л.* К реконструкции лексического состава проклятий: категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) / Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова // Вопросы языкознания. – 2018. – № 3. – С. 89–111.
30. Березович, Толстая 2021 – *Березович Е. Л.* Лексика Русского Севера: состояние и перспективы изучения / Е. Л. Березович, С. М. Толстая // Русский Север: лексика и ономастика / редкол.: Е. Л. Березович, Н. В. Кабинина, В. С. Кучко, К. В. Осипова. – М. : Индрик, 2021. – С. 19–44.
31. Борисова 2016 – *Борисова Е. О.* Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / Е. О. Борисова ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : [б. и.], 2016. – 306 с.
32. Бормотова 2018 – *Бормотова К. А.* Лексика поля «Стыд, позор» в русских народных говорах: семантико-мотивационный аспект : магистер. дис. / К. А. Бормотова ; Уральский

- федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : [б. и.], 2018. – 96 с.
33. Бормотова, Малькова 2016 – *Бормотова К. А.* Образы божественной и нечистой силы во фразеологии вологодско-костромского пограничья / К. А. Бормотова, Я. В. Малькова // Живая старина. – 2016. – № 2 (90). – С. 46–48.
 34. Булыгина, Шмелев 2000 – *Булыгина Т. В.* Перемещение в пространстве как метафора эмоций / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 1993. – С. 22–30.
 35. Буряков 1979 – *Буряков М. А.* К вопросу об эмоциях и средствах их языкового выражения / М. А. Буряков // Вопросы языкознания. – 1979. – № 3. – С. 47–59.
 36. Вакалова, Новицкая 2018 – *Вакалова А. Е.* Ассоциативно-вербальная модель концепта «Враг» в языковом сознании носителя русской лингвокультуры / А. Е. Вакалова, И. В. Новицкая // *Juvenis Scientia*. – 2018. – № 4. – С. 26–29.
 37. Варбот 1968 – *Варбот Ж. Ж.* Заметки по славянской этимологии (укр. *кочубей*, русск. *настырный, измываться*) / Ж. Ж. Варбот // Этимология 1968 / под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова [и др.]. – М. : Наука, 1968. – С. 68–78.
 38. Варбот 1973 – *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. III // Этимология 1973 / под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова [и др.] – М. : Наука, 1973. – С. 23–33.
 39. Варбот 2017 – *Варбот Ж. Ж.* Возможный источник слова *кандибобер* / Ж. Ж. Варбот // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), Т. Н. Дмитриева, Н. В. Кабинина [и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 46–51.
 40. Варбот 2020 – *Варбот Ж. Ж.* Об этимологии праслав. **kastь* / Ж. Ж. Варбот // Русский язык в научном освещении. – 2020. – № 2 (40). – С. 218–221.
 41. Василенко 2019 – *Василенко Е. Н.* «Язык вражды» как предмет научного анализа и как социальный феномен // Филология и человек. – 2019. – № 4. – С. 136–145.
 42. Вежбицкая 1996 – *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание : пер. с англ / А. Вежбицкая ; отв. ред. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
 43. Виноградов 1999 – *Виноградов В. В.* История слов / В. В. Виноградов ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. – 1142 с.
 44. Виноградова 2001 – *Виноградова Л. Н.* Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения : спец. 10.01.99 «Фольклористика» : диссертация в виде науч-

- ного доклада на соискание ученой степени доктор филологических наук / Л. Н. Виноградова ; Институт славяноведения РАН. – М. : [б. и.], 2001. – 93 с.
45. Виноградова 2008 – *Виноградова Л. Н.* К проблеме типологии и функции магических текстов: Формулы проклятий в народной культуре / Л. Н. Виноградова // Письменность, литература и фольклор славянских народов / XIV Международный съезд славистов. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации. – М. : Индрик, 2008. – С. 397–411.
 46. Владимирова, Байдина 2021 – *Владимирова С. В.* Репрезентация отрицательных эмоций в поведении человека и способы ее передачи на русский язык / С. В. Владимирова, А. А. Байдина // Мир науки, культуры и образования. – 2021. – № 4 (89). – С. 329–331.
 47. Волкова 2011 – *Волкова Я. А.* Концептуализация ненависти в русском языковом сознании / Я. А. Волкова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 4 (16). – С. 24–31.
 48. Володина 2009 – *Володина Т. В.* Телесные девиации в этнокультурном тексте / Т. В. Володина // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / [под ред. Е. Л. Березович]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 50–51.
 49. Галинова 2000 – *Галинова Н. В.* Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского Севера : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Галинова ; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2000. – 294 с.
 50. Галинова 2004 – *Галинова Н. В.* О всякой МУСКОРОТИ / Н. В. Галинова // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. Вып. 5. / [под ред. М. Э. Рут, Л. А. Феоктистовой]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 101–106.
 51. Галинова 2020 – *Галинова Н. В.* Семантическое своеобразие гнезда **mork-* в русских говорах / Н. В. Галинова // Научный диалог. – 2020. – № 2. – С. 53–69.
 52. Гарипова 2010 – *Гарипова Г. Р.* Концепт «Гостеприимство» в русском и английском языках (на материале фразеологизмов) : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Р. Гарипова ; Башкирский государственный университет. – Уфа : [б. и.], 2010. – 23 с.
 53. Гатауллина, Чумарова, Ярхамова 2018 – *Гатауллина Р. В.* Фразеологические единицы, характеризующие неприязнь и ненависть на материале немецкого, английского, русского и татарского языков / Р. В. Гатауллина, Л. Г. Чумарова, А. А. Ярхамова // Казанская наука. – 2018. – № 8. – С. 30–33.

54. Горбушина 2016 – *Горбушина И. А.* Словообразовательное и этимологическое гнездо слов от праславянского корня *ter- в русском языке на славянском фоне : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / И. А. Горбушина ; Московский государственный педагогический университет. – М. : [б. и.], 2016. – 323 с.
55. Горбушина 2019 – *Горбушина И. А.* Проблема этимологической интерпретации лексической группы *суторить, сутурма* и *сутырь* // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы IV Междунар. Науч. Конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. / [редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), Е. О. Борисова, Н. В. Кабинина и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 95–96.
56. Горячева 1981 – *Горячева Т. В.* К этимологии рус. диал. *мотрошйт* / Т. В. Горячева // Этимология 1979 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот, О. Н. Трубаев. – М. : Наука, 1981. – С. 92–97.
57. Горячева 1982 – *Горячева Т. В.* Этимологические заметки / Т. В. Горячева // Этимология. 1980 // под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова. М. : Наука, 1982. – С. 103–114.
58. Горячева 2012 – *Горячева Т. В.* Этимологические заметки по русской и славянской лексике / Т. В. Горячева // Этимология, 2009–2011 / под ред. Ж. Ж. Варбот, Д. И. Эдельман, А. Ф. Журавлева, Л. В. Куркиной. – М. : Наука, 2012. – С. 63–77.
59. Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001 – *Григорьева С. А.* Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. – Москва-Вена : Языки русской культуры : Венский славистический альманах, 2001. – 256 с. (Язык. Семиотика. Культура).
60. Гусейн-Заде 2011 – *Гусейн-Заде И. А.* Метафорические образы эмоциональных состояний в русской языковой картине мира: модели движения и воздействия / И. А. Гусейн-Заде // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 347. – С. 11–14.
61. Дронова 2006 – *Дронова Л. П.* Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект / Л. П. Дронова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. – 256 с.
62. Гура 1997 – *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
63. Демешкина 2004 – *Демешкина Т. А.* Концепт в речевой диалектной культуре (Возможные подходы к описанию) / Т. А. Демешкина // Материалы и исследования по русской диалектологии / отв. ред. Л. Л. Касаткин. – М. : Наука, 2004. – С. 25–35.
64. Демичева 2021 – *Демичева Ю. В.* Семантические варианты концепта «Ненависть» в русском и английском языках / Ю. В. Демичева // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2021. – № 3. – С. 63–72.

65. Дронов 2019 – *Дронов П. С.* Метафоры израсходования и избытка ресурса в эмотивной фразеологии / П. С. Дронов // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония – 2019: Материалы международной конференции / отв. ред. Е. Р. Иоанесян. – М. : Канцлер, 2019. – С. 41–47.
66. Дронов 2020 – *Дронов П. С.* Соматические идиомы, обозначающие эмоции: жесты и симптоматические выражения / П. С. Дронов // Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. Коллективная монография / отв. ред. Е. Р. Иоанесян ; редкол.: Н. К. Рябцева, М. Л. Ковшова, П. С. Дронов, О. С. Орлова. – М. : Институт языкознания РАН, 2020. – С. 165–195.
67. Дронова 2006 – *Дронова Л. П.* Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект / Л. П. Дронова. – Томск : Изд-во Том. унта, 2006. – 256 с.
68. Дронова 2007 – *Дронова Л. П.* Образы пространства : далекий и близкий / Л. П. Дронова // Картины русского мира : пространственные модели в языке и тексте / Р. Н. Порядина, Л. Г. Гынгазова, Ю. А. Эмер [и др.] ; отв. ред. проф. З. И. Резанова. – Томск : UFO-Plus, 2007. – С. 226–242.
69. Едалина 2015 – *Едалина А. А.* Семантико-мотивационная организация лексического множества «Качественная характеристика человека по отношению к собственности» (на материале русских народных говоров) : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Едалина ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : [б. и.], 2016. – 256 с.
70. Еремина 2003 – *Еремина М. А.* Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в лексике русских народных говоров: этнолингвистический аспект спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / М. А. Еремина ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2003. – 244 с.
71. Еремина, Леонтьева, Щетинина 2018 – *Еремина М. А.* Галерея лингвистических портретов социальных типов / М. А. Еремина, Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина ; отв. ред. Т. В. Леонтьева. – Екатеринбург : Ажур, 2018. – 332 с.
72. ЕСУМ – Етимологічний словник української мови : в 6 т. / ред. О. С. Мельничук. – Київ : Наукова думка, 1982–2012.
73. Жукова 2013 – *Жукова Е. Ф.* Психоэмоциональное состояние человека в пословицах / Е. Ф. Жукова // Вестник Новгородского государственного университета. – 2013. – № 72. – С. 93–96.
74. Журавлев 1995 – *Журавлев А. Ф.* Скрытые межкультурные конфликты в диалектной лексикографии / А. Ф. Журавлев // Словарь и культура. К столетию с начала публикации

- «Словаря болгарского языка» Н. Герова. Материалы международной научной конференции (Москва, ноябрь 1995 г.). – М., 1995. – С. 69–71.
75. Журавлев 1999 – *Журавлев А. Ф.* Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики / А. Ф. Журавлев // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры / ред. Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1999. – С. 7–32.
76. Застырец 2002 – *Застырец А. А.* Семантические связи перцептивной лексики в русских народных говорах : дипл. раб. / А. А. Застырец ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького ; каф. рус. яз. и общ. языкознания. – Екатеринбург : [б. и.], 2002. – 136 с.
77. Ильина 2020 – *Ильина Ю. Н.* Глаголы со значением ‘изменить выражение лица на обозначающее негативные эмоции’ в словаре диалектоносителя / Ю. Н. Ильина // Научный диалог. – 2020. – № 11. – С. 67–68.
78. Иоанесян 2020 – *Иоанесян Е. Р.* Типы семантических переходов, лежащих в основе номинации эмоций / Е. Р. Иоанесян // Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков / отв. ред. Е. Р. Иоанесян ; ред. колл.: Н. К. Рябцева, М. Л. Ковшова, П. С. Дронов, О. С. Орлова. – М. : Институт языкознания РАН, 2020. – С. 5–69.
79. ИЭСРФ – *Бирих А. К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.
80. Кабакова 2008 – *Кабакова Г. И.* «Сторонись, душа, оболью!» / Г. И. Кабакова // Живая старина. – 2008. – № 4. – С. 48–50.
81. Кабакова 2010а – *Кабакова Г.* Запахи в русской традиционной культуре / Г. Кабакова // Ароматы и запахи в культуре. Книга 2 / сост. О. Б. Вайнштейн. – Изд. 2-е, испр. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 50–61.
82. Кабакова 2010б – *Кабакова Г.* Запах смерти / Г. Кабакова // Ароматы и запахи в культуре. Книга 2 / сост. О. Б. Вайнштейн. – Изд. 2-е, испр. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 40–49.
83. Кабакова 2015 – *Кабакова Г. И.* Русские традиции застолья и гостеприимства / Г. И. Кабакова. – М. : Неолит; Форум, 2015. – 480 с.
84. Козеренко, Крейдлин 1999 – *Козеренко А. Д.* Тело как объекта природы и тело как объекты культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) / А. Д. Козеренко, Г. Е. Крейдлин // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 269–277.

85. Коляда 2021 – *Коляда А. Е.* Экспликация концепта «Враг» в паремическом фонде немецкого и русского языков / А. Е. Коляда // Вестник науки и образования. – 2021. – № 12-1 (115). – С. 89–92.
86. Костылев 2012 – *Костылев Ю. С.* Лексические средства создания образа врага (на примере текстов советской массовой печати 1919–1953 гг., освещающих локальные и региональные конфликты) : спец. 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... канд. филол. наук / Ю. С. Костылев ; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : [б. и.], 2012. – 189 с.
87. Кралик 2021 – *Кралик Л.* Праслав. **brěgovati*? К этимологии русск. диал. *брéгать*, *брéговать*, *брéховать* и словц. *brehovat'*, *brechovat'* / Л. Кралик // Студії ономастики та етимології. 2019–2020 / відп. ред. В. П. Шульгач. – Київ, 2021. – С. 272–279.
88. Красавский 2008 – *Красавский Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – М. : Гнозис, 2008. – 374 с.
89. Красавский 2015 – *Красавский Н. А.* Эмоциональный концепт «Отвращение» в романе Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» / Н. А. Красавский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2 (44), ч. II. – С. 114–118.
90. Красовская 2013 – *Красовская Н. А.* Лексико-семантическая группа глаголов говорения, обозначающих эмоциональное отношение и эмоциональную оценку (на материале тульских говоров) / Н. А. Красовская // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / [отв. ред. А. С. Герд]. – СПб. : Нестор-История, 2013. – С. 319–326.
91. Крейдлин 2002 – *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
92. Крейдлин, Переверзева 2011 – *Крейдлин Г. Е.* Отношения между людьми и их отражение в вербальном и невербальном коммуникативном поведении / Г. Е. Крейдлин, С. И. Переверзева // Конфликт в языке и коммуникации : сб. статей / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. – М. : РГГУ, 2011. – С. 67–82.
93. Кривошапова 2008 – *Кривошапова Ю. А.* Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Кривошапова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2007. – 252 с.
94. Криничная 1980 – *Криничная Н. А.* Историко-этнографическая основа преданий о «панах» / Н. А. Криничная // Советская этнография. – 1980. – № 1. – С. 117–127.

95. Крылова 2003а – *Крылова Т. В.* Немотивированное выражение недовольства: модели поведения, этические и этикетные аспекты оценки / Т. В. Крылова // Московский лингвистический журнал. – 2003. – Т. 7, № 2. – С. 175–188.
96. Крылова 2003б – *Крылова Т. В.* Понятия чистоты и порядка в названиях человеческих свойств: специфика слов с положительным и отрицательным значением / Т. В. Крылова // Логический анализ языка: Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2003. – С. 366–375.
97. Крылова 2006 – *Крылова Т. В.* Наивно-языковые представления о вежливости и обслуживающая их лексика / Т. В. Крылова // Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян [и др.] ; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2006. – Ч. 3. – С. 241–404.
98. Кузнецова 1989 – *Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / Э. В. Кузнецова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – 216 с.
99. Кузнецова 2015а – *Кузнецова О. А.* История и мотивационная структура лексико-семантического поля «Гордость» в русском языке / О. А. Кузнецова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 395. – С. 10–17.
100. Кузнецова 2015б – *Кузнецова О. А.* Лексико-семантическое поле «Гордость»: мотивационно-генетический аспект : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / О. А. Кузнецова ; Национальный исследовательский Томский государственный университет. – Томск : [б. и.], 2015. – 359 с.
101. Куркина 1967 – *Куркина Л. В.* Варакать / Л. В. Куркина // Этимология 1965 / под ред. Л. А. Гиндина, Г. А. Климова, В. А. Меркуловой [и др.]. – М. : Наука, 1967. – С. 184–188.
102. Куркина 1974 – *Куркина Л. В.* Этимологические заметки. Праслав. *mъrdati. Чеш. mrskati. Рус. мырить / Л. В. Куркина // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования : сборник научных трудов / [отв. ред. Р. И. Аванесов]. – М. : Наука, 1974. – С. 215–223.
103. Куркина 1995 – *Куркина Л. В.* Этимология русских диалектных слов (русское диалектное *назóла*) // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения В. В. Виноградова). – М. : Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, 1995. – С. 278–282.
104. Куркина 1996 – *Куркина Л. В.* Диалекты как источник пополнения славянских этимологических гнезд / Л. В. Куркина // Русская диалектная этимология: Тез. докл.

- Второго науч. совещания. 17 – 19 апреля 1996 г. / отв. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1996. – С. 27–29.
105. Куркина 2012 – *Куркина Л. В.* Заметки по этимологии славянских слов / Л. В. Куркина // *Этимология, 2009-2011* / под ред. Ж. Ж. Варбот, Д. И. Эдельман, А. Ф. Журавлева, Л. В. Куркиной. – М. : Наука, 2012. – С. 178–188.
 106. Куркина 2021 – *Куркина Л. В.* Славянское слово во времени и пространстве / Л. В. Куркина. – М. : Индрик, 2021. – 832 с.
 107. Кустова 2004 – *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
 108. Кучко 2017 – *Кучко В. С.* Семантико-мотивационное поле «Ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / В. С. Кучко ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : [б. и.], 2017. – 339 с.
 109. Кушкова 2016 – *Кушкова А. Н.* Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности: по материалам европейской части России второй половины XIX – начала XX века / А. Н. Кушкова. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербур., 2016. – 318 с.
 110. Леонтьева 2003 – *Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в зеркале русского языка : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Леонтьева ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького.. – Екатеринбург : [б. и.], 2003. – 296 с.
 111. Леонтьева 2008 – *Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в русской языковой картине мира / Т. В. Леонтьева ; под ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. – 280 с.
 112. Леонтьева 2011a – *Леонтьева Т. В.* О дефинициях экспрессивной лексики в русских диалектных словарях / Т. В. Леонтьева // *Славянская диалектная лексикография: Материалы конференции* / отв. ред. С. А. Мызников, О. Н. Крылова, И. В. Бакланова. – СПб. : Наука, 2011. – С. 61–62.
 113. Леонтьева 2011б – *Леонтьева Т. В.* Социальные маргиналии в крестьянской общине (на материале русских народных говоров) / Т. В. Леонтьева // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки.* – 2011. – № 4. – С. 133–141.
 114. Леонтьева 2012 – *Леонтьева Т. В.* Семемы лексико-семантического поля «общительность» в русском языке и их номинативное воплощение / Т. В. Леонтьева // *Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология.* – 2012. – № 3. – С. 128–138.
 115. Леонтьева 2013 – *Леонтьева Т. В.* Лексика социальной регуляции в русских народных говорах / Т. В. Леонтьева ; науч. ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. – 219 с.

116. Леонтьева 2014а – *Леонтьева Т. В.* К реконструкции понятия “общительность”: (на основе анализа записей диалектной речи) / Т. В. Леонтьева // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. – 2014. – Вып. 3. – С. 88–93.
117. Леонтьева 2014б – *Леонтьева Т. В.* “Мы, говорит, люди, а вы – безлюдье...”: социальные характеристики человека / Т. В. Леонтьева // Живая старина. – 2014. – № 3 (83). – С. 52–55.
118. Леонтьева 2015 – *Леонтьева Т. В.* Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Леонтьева ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : [б. и.], 2015. – 427 с.
119. Леонтьева 2016а – *Леонтьева Т. В.* Оценка поведения человека в русском диалектном дискурсе (на материале диалектной лексики Костромского Поветлужья) / Т. В. Леонтьева // Динамика традиции в региональном измерении. Трансформационные процессы в культуре и языке Костромского края / отв. ред. и сост. И. А. Морозов, И. С. Слепцова. – М. : ИЭА РАН, 2016. – С. 330–352.
120. Леонтьева 2016б – *Леонтьева Т. В.* Лексика дружбы: перспективы изучения / Т. В. Леонтьева // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. – 2016. – № 5. – С. 71–78.
121. Лукашкова 2002 – *Лукашкова О. Ю.* Концепты друг и враг в русской концептосфере (опыт моделирования) / О. Ю. Лукашкова // Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии / ред.: З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 107–113.
122. Лукьянова 1986 – *Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления: (проблемы семантики) / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, 1986. – 232 с.
123. Лунцова 2008 – *Лунцова О. М.* Градиент-концепт дружба-мир-вражда в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии) : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. М. Лунцова ; Магнитогорский государственный университет. – Волгоград : [б. и.], 2008. – 28 с.
124. Малькова 2018а – *Малькова Я. В.* К семантико-мотивационной интерпретации русских диалектных продолжений праслав. **bъdr-* / Я. В. Малькова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – Т. 10, вып. 4. – С. 43–52.
125. Малькова 2018б – *Малькова Я. В.* Пространственные образы в обозначениях чувства отвращения, неприятия (на материале лексики русских народных говоров) / Я. В. Малькова // Научный диалог. – 2018. – № 12. – С. 119–132.

126. Малькова 2019 – *Малькова Я. В.* Соперничество в любви в зеркале диалектной лексики (на материале говоров Русского Севера) / Я. В. Малькова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2019. – Т. 11, вып. 3. – С. 47–56.
127. Малькова 2021a – *Малькова Я. В.* К семантико-мотивационной интерпретации русской диалектной лексики со значением брезгливости (*посвирывать, кобзовать, скабегливый* и др.) / Я. В. Малькова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 264–275.
128. Малькова 2021б – *Малькова Я. В.* К семантико-мотивационной интерпретации русской диалектной лексики со значением неприязни, вражды (*озорочье, подсевуха, зубгрызть*) / Я. В. Малькова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 9 (455). – Филологические науки. – Вып. 126. – С. 83–88.
129. Малькова 2021в – *Малькова Я. В.* О семантико-мотивационных связях экспрессивной лексики с семантикой брезгливости, капризности (*чувыриться, чупыриться, чуфыриться* и др.) / Я. В. Малькова // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: VIII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-та, 17–20 нояб. 2021 г.): тр и матер. Т. 2 / под общ. ред. Р. Р. Замалетдинова, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2021. – С. 124–130.
130. Малькова 2022 – *Малькова Я. В.* К этимологии рус. диал. *хáрмовать* ‘брезговать’ / Я. В. Малькова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы V Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г. / [редкол.: Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова (отв. ред.) и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. – С. 169–174. – Текст : электронный.
131. Мальцева 1991 – *Мальцева Р. И.* Об архаичном префиксе ко- в диалектном языке / Р. И. Мальцева // Русская диалектная этимология. Тез. докл. межвуз. науч. конф., (10–12 октября 1991 г.). – Свердловск : УрГУ, 1991. – С. 24.
132. Матвеев 1995 – *Матвеев А. К.* Апеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов / А. К. Матвеев // Вопросы языкознания. – 1995. – № 2. – С. 29–42.
133. Матвеева 1986 – *Матвеева Т. В.* Лексическая экспрессивность в языке : учеб. пособие / Т. В. Матвеева. – Свердловск : УрГУ, 1986. – 92 с.
134. Мерзлякова 2003 – *Мерзлякова А. Х.* Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков) / А. Х. Мерзлякова. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 352 с.

135. Меркулова 1985а – *Меркулова В. А.* Восточнославянские этимологии. II (*желунца, хмылить, хаут, шквора, скрень*) // Этимология. 1982 / под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова [и др.]. – М. : Наука, 1985. – С. 39–47.
136. Меркулова 1985б – *Меркулова В. А.* Восточнославянские этимологии. III / В. А. Меркулова // Этимология. 1983 / под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова [и др.]. – М. : Наука, 1985. – С. 58–69.
137. Мечковская 1999 – *Мечковская Н. Б.* На семиотическом перекрестке: мотивы движения тела в невербальной коммуникации, языке и метаязыке / Н. Б. Мечковская // Логический анализ языка: языки динамического мира. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 376–393.
138. Минлос 2004 – *Минлос Ф. Р.* Редупликация и парные слова в восточнославянских языках : спец. 10.02.03 «Славянские языки» : дис. ... канд. филол. наук / Ф. Р. Минлос ; Институт славяноведения РАН. – М. : [б. и.], 2004. – 184 с.
139. Михайлова 2012 – *Михайлова Л. П.* Рефлексы процесса удлинения гласных звуков в лексике русских говоров (о < а) / Л. П. Михайлова // Севернорусские говоры. Вып. 12 : межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. – С. 228–249.
140. Михалищева 2013 – *Михалищева С. С.* Лексика со значением ‘кровь’, ‘пот’ и ‘слезы’ в русском языке (на славянском фоне) : магистер. дис. / С. С. Михалищева ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : [б. и.], 2013. – 123 с.
141. Мищенко 2017 – *Мищенко О. В.* Некоторые наблюдения над семантикой диалектных слов / О. В. Мищенко // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / отв. ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 478–499.
142. Мороз 2000 – *Мороз А.* Представления о грехе в современной традиционной культуре Русского Севера / А. Мороз // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции / [редкол.: О. В. Белова (отв. ред.), В. В. Мочалова, В. Я. Петрухин, Л. А. Чулкова]. – М. : Пробел, 2000. – С. 195–205.
143. Морозова 2005 – *Морозова Е. Б.* О понятии невербального этикета (к постановке проблемы) / Е. Б. Морозова // Московский лингвистический журнал. – 2005. – Т. 8, № 2. – С. 68–88.
144. Мюшембле 2020 – *Мюшембле Р.* Цивилизация запахов. XVI – начало XIX века / Р. Мюшембле ; пер. с франц. О. Панайотти. – М. : Новое литературное обозрение, 2020. – 312 с. (Серия «Культура повседневности»)

145. Мягкова 1990 – *Мягкова Е. Ю.* Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования / Е. Ю. Мягкова. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1990. – 109 с.
146. Овечкина 1988 – *Овечкина М. А.* Семантическое освоение заимствованных телемографических терминов / М. А. Овечкина // *Этимологические исследования : сб. науч. тр.* – Вып. 4. – Свердловск, 1988. – С. 103.
147. Петлева 1978 – *Петлева И. П.* К вопросу о словах с усилительным (-)to- ((-)ta-, (-)tu-) в славянских языках / И. П. Петлева // *Этимология. 1978* / под ред. Ж.Ж. Варбот, Л.А. Гиндина, Г.А. Климова [и др.]. – М.: Наука, 1980. – С. 65–69
148. Петлева 1981 – *Петлева И. П.* *Этимологические заметки по славянской лексике. X (слав. *l'utъ)* // *Этимология. 1979* / под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова [и др.]. – М. : Наука, 1981. – С. 42–50.
149. Петлева 1984 – *Петлева И. П.* О важности учёта в этимологии редких лингвистических явлений формального характера / И. П. Петлева // *Этимология. 1984* / под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова [и др.]. – М. : Наука, 1986. – С. 198–201.
150. Петлева 1985 – *Петлева И. П.* *Этимологические заметки по славянской лексике. XIV* // *Этимология. 1983* / под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова [и др.]. – М. : Наука, 1985. – С. 43–47.
151. Петлева 1996 – *Петлева И. П.* Архаические префиксы в русских говорах / И. П. Петлева // *Этимологические исследования : материалы I–II научных совещаний по русской диалектной этимологии. Екатеринбург, 10–12 октября 1991 г.; 17–19 апреля 1996 г.* Вып. 6 / отв. ред. А. К. Матвеев. – Екатеринбург : [б. и.], 1996. – С. 31–38.
152. Петлева 1998 – *Петлева И. П.* Еще раз к вопросу о не – не ‘не’ / И. П. Петлева // *Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого : в 2 т.* / ред. Т. А. Агапкина, А. Ф. Журавлев, С. М. Толстая. – М. : Индрик, 1998. – Т. 1. – С. 246–251.
153. Петлева 2001 – *Петлева И. П.* К вопросу об инфиксе -н- в русских говорах / И. П. Петлева // *Этимологические исследования: Сб. науч. тр. Вып. 7* / под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 48–51.
154. Плампер 2018 – *Плампер Я.* История эмоций / Я. Плампер ; пер. с англ. К. Левинсона. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 568 с.
155. Плотникова 2008 – *Плотникова А. М.* Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений) спец. 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... д-ра филол. наук / А. М. Плотникова ; Уральский государственный университет. – Екатеринбург : [б. и.], 2008. – 555 с.

156. Подюков, Свалова 2019 – *Подюков И. А.* Паремия в русских народных говорах Прикамья: семантика и прагматика / И. А. Подюков, Е. Н. Свалова. – СПб. : Маматов, 2019. – 224 с.
157. Пьянкова 2008 – *Пьянкова К. В.* Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / К. В. Пьянкова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2008. – 268 с.
158. Пьянкова 2013 – *Пьянкова К. В.* К вопросу о коммуникативных функциях пищи (на материале славянской культурно-языковой традиции) / К. В. Пьянкова // Ритуал в языке и коммуникации : сб. статей / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. – М. : Знак; РГГУ, 2013. – С. 337–348.
159. Рачковская 2015 – *Рачковская А. В.* Языковая картина оскорбительных жестов: от физиологичности формы к символичности значения (на материале русской и белорусской фразеологии) / А. В. Рачковская // Хвала и хула в языке коммуникации / [сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова]. – М. : Российский гос. гуманитарный ун-т, 2015. – С. 379–398.
160. РДЭС – *Мызников С. А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов / С. А. Мызников. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. – 1076 с.
161. Сеница 2018 – *Сеница Н. А.* Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских языках) : спец. 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Сеница ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : [б. и.], 2017. – 311 с.
162. Сурикова 2016 – *Сурикова О. Д.* Лексические единицы с приставкой и предлогом без в русских народных говорах и фольклоре: семантико-мотивационный и этнолингвистический аспекты : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / О. Д. Сурикова ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : [б. и.], 2016. – 604 с.
163. Сурикова 2022 – *Сурикова О. Д.* Мир войны в «Причитаниях Северного края» Е. В. Барсова / О. Д. Сурикова // Антропологический форум. В печати.
164. Суспицына 2000 – *Суспицына И. Н.* Метеорологическая лексика в говорах русского севера : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / И. Н. Суспицына ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2000. – 191 с.
165. СЭЛЕРГ – *Михайлова Л. П.* Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах / Л. П. Михайлова. – Петрозаводск : Изд-во КГПА ; М. : Вариант, 2013. – 352 с.

166. Толстая 2008а – *Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2008. – 528 с.
167. Толстая 2008б – *Толстая С. М.* Слав. **svoj*: семантика и аксиология / С. М. Толстая // *Etnolingwistyka*. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2008. – Т. 20. – S. 29–38.
168. Толстая 2012а – *Толстая С. М.* Желать и жалеть: этимология и семантика / С. М. Толстая // *Славянское и балканское языкознание. Палеославистика. Слово и текст* / отв. ред. В. С. Ефимова. – М. : ИСл РАН, 2012. – С. 269–280.
169. Толстая 2012б – *Толстая С. М.* Лики любви в зеркале славянских языков / С. М. Толстая // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты*. Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука / под ред. Ю. Д. Апресяна [и др.]. – М. : Языки славянской культуры, 2012. – С. 587–597.
170. Толстая 2012в – *Толстая С. М.* Этимология и семантическая типология: еще раз о любви / С. М. Толстая // *Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics*. – Praha : Lidové poviny, 2012. – S. 199–218.
171. Толстая 2019 – *Толстая С. М.* Мир человека в зеркале языка: Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике / С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2019. – 704 с.
172. Толстик 2019 – *Толстик С. А.* Русский национальный образ внешности: к истории и этимологии диалектного прилагательного *брыдкий* // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология* : материалы IV Междунар. Науч. Конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. / [редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 329–331.
173. Толстой 1995 – *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – 2-е изд., испр. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.
174. Толстой 1997 – *Толстой Н. И.* Избранные труды, том 1. Славянская лексикология и семасиология / Н. И. Толстой. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 520 с.
175. Томберг 2018 – *Томберг О. В.* Враг и вражда в ценностном пространстве древнеанглийской литературы / О. В. Томберг // *Филологический класс*. – 2018. – № 4 (54). – С. 41–48.
176. Трубаев 1965 – *Трубаев О. Н.* Этимологические мелочи / О. Н. Трубаев // *Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования* / под ред. Л. А. Гиндина, Г. А. Климова, В. А. Меркуловой [и др.]. – М. : Наука. – С. 131–134.

177. Труба́чев 1972 – *Труба́чев О. Н.* Заметки по этимологии и сравнительной грамматике / О. Н. Труба́чев // Этимология 1970 / [редкол.: О. Н. Труба́чев (отв. ред.), Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндин и др.]. – М. : Наука, 1972. – С. 3–20.
178. Ульманн 1970 – *Ульманн С.* Семантические универсалии / С. Ульманн // Новое в зарубежной лингвистике: Языковые универсалии / пер. с англ., под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. – М. : Прогресс, 1970. – С. 250–299.
179. Ушинскене 2012 – *Ушинскене В.* Народная анатомическая терминология в русском языке. Словообразовательная и семантическая реконструкция наименований брюшных органов / В. Ушинскене. – Вильнюс : Издательство Вильнюсского университета, 2012. – 162 с.
180. Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Труба́чева ; под. ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987.
181. Феоктистова 2017 – *Феоктистова Л. А.* Еще раз о рус. диал. *тюха-матюха (тюха-пантюха)* / Л. А. Феоктистова // Научный диалог. – 2017. – № 10. – С. 98–110.
182. Феоктистова 2018 – *Феоктистова Л. А.* К этимологии рус. диал. *тюха (да) матюха (-пантюха)* да *колу́пай* с братом и под. / Л. А. Феоктистова // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 434. – С. 61–69.
183. Фомина 2006 – *Фомина З. Е.* Немецкая эмоциональная картина мира и лексические средства ее вербализации / З. Е. Фомина. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2006. – 336 с.
184. Формановская 1982 – *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты / Н. И. Формановская. – М. : Русский язык, 1982. – 126 с.
185. Хелемендик 2007 – *Хелемендик А. В.* Генетическая характеристика лексико-семантического поля ‘ругать (-ся)’ в русском языке : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис.... канд. филол. наук / А. В. Хелемендик ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М. : [б. и.], 2007. – 206 с.
186. Хроменков 2014 – *Хроменков П. Н.* «Язык вражды» как направление научного дискурса / П. Н. Хроменков // Иностранные языки в высшей школе. – 2014. – № 2 (29). – С. 60–67.
187. Чумарова, Гатаулина, Исламова 2018 – *Чумарова Л. Г.* Фразеологические единицы, характеризующие концепт «Агрессия» (на примере немецкого, английского, русского и татарского языков / Л. Г. Чумарова, Р. В. Гатаулина, Л. Р. Исламова // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2018. – № 3 (99). – С. 120–126.

188. Шанский 1972 – *Шанский Н. М.* Слова с приставкой ко-и ее алломорфами в русском языке / Н. М. Шанский // *Этимологические исследования по русскому языку*. Вып. 7 / под ред. Н. М. Шанского. – М. : МГУ, 1972. – С. 203–213.
189. Шарифуллин 1988 – *Шарифуллин Б. Я.* Об архаичных элементах словообразовательной системы / Б. Я. Шарифуллин // *Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках* / отв. ред. Г. М. Шатров. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. – С. 90–99.
190. Шаронов 2003 – *Шаронов И. А.* Столкновение этикетных норм: церемонность и простота в общении / И. А. Шаронов // *Московский лингвистический журнал*. – 2003. – Т. 7, № 2. – С. 151–174.
191. Шаховский 1987 – *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1987. – 190 с.
192. Шаховский 2008 – *Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
193. Шмелев 2009 – *Шмелев А. Д.* «Незначашее» и «невыраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) / А. Д. Шмелев // *Логический анализ языка. Ассерция и негация* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 2009. – С. 173–202.
194. ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. – М. : Наука, 1974–. – Вып. 1–.
195. *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография* / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 562 с.
196. Якубович 2003 – *Якубович М.* Физиологические мотивации в названиях эмоций / М. Якубович // *Этимология 2000–2002* / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. – М. : Наука, 2003. – С. 187–193.
197. Якушкина 2003 – *Якушкина Е. И.* Сербохорватская этическая лексика в этнолингвистическом освещении : спец. 10.02.03 «Славянские языки» : дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Якушкина ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М. : [б. и.], 2003. – 175 с.
198. Ясинская 2015а – *Ясинская М. В.* Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян : спец. 10.02.03 «Славянские языки» : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Ясинская ; Институт славяноведения РАН. – М. : [б. и.], 2015. – 278 с.
199. Ясинская 2015б – *Ясинская М. В.* Любовь и ненависть сквозь призму зрительного кода / М. В. Ясинская // *Категория оценки и система ценностей в языке и культуре* / отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2015. – С. 380–386.

200. Boryś 2005 – *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego / W. Boryś. – Kraków : Wydawnictwo Literackie, 2005. – 863 s.
201. Kabakova 2013 – *Kabakova G.* L'anatomie naïve dans les langues slaves. Le système digestif / G. Kabakova // *Revue des études slaves*. – 2013. – T. 84, fasc. 1–2. – P. 137–153.
202. SP – Słownik prasłowiański / pod red. F. Sławskiego. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich. – 1974–. – T. 1–.